

21 $\frac{42}{60-7}$ 6.5

Н. П. Киселёв

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОГО
РОЗЕНКРЕЙЦЕРСТВА

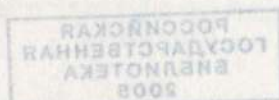

РУССКОЕ МАСОНСТВО
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

5

Составление, подготовка текста
и комментарии
М. В. Рейзина
А. И. Серкова

Н. П. Киселёв

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО РОЗЕНКРЕЙЦЕРСТВА

С. ПЕТЕРБУРГ

2005

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

2005183615

ISBN 5-87991-020-2

© Издательство имени Н. И. Новикова, 2005.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Николая Петровича Киселёва сейчас знакомо, вероятно, лишь специалистам по книговедению и библиографам. Вот почему, извлекая из архива покойного ученого его работу о русском масонстве, датированную началом 1930-х гг., но по сей день не утратившую научной новизны, мы сочли необходимым предварить ее биографическим очерком. Обилие и разнородность материала, стремление привлечь внимание к разным сторонам этой богатой встречами и событиями жизни вынуждает нас лишь бегло затронуть ряд интересных тем. Так, лишь в самой малой степени использованы дневниковые записи и обширная переписка Н. П. Киселёва, материалы по истории книгоиздательства «Музагет», представляющие несомненный интерес для историков отечественной культуры начала XX века. За вступительной статьей о Киселёве следует публикация его переписки с Я. Л. Барсковым, которая тематически ближе всего стоит к его работе по изучению русского масонства. Завершает книгу впервые публикуемая статья Н. П. Киселёва о масонской ложе Трех Знамен, деятельность которой оказала значительное влияние на развитие масонства в России в конце XVIII в.

Сам Киселёв утверждал, что было три вопроса, над исследованием которых он работал всю жизнь: 1) филология, в особенности происхождение поэтических форм у европейских народов (и в этой связи — изучение метрики стиха); 2) начало книгопечатания (с особым интересом к библиографии XVI в.); 3) масонство.

Первая из тем привлекла Н. П. Киселёва еще в период существования Ритмического кружка при «Мусагете», который работал с апреля 1910 г. под руководством Андрея Белого¹. Однако сам Киселёв не очень высоко ценил свои работы по филологии и гораздо больше внимания уделял второму и третьему из перечисленных направлений.

Книговедческие труды Киселёва нашли у специалистов заслуженное признание. Скучная библиография работ, посвященных Н. П. Киселёву, касается именно этой стороны его научной деятельности². В настоящей статье будут вкратце перечислены его достижения в этой области.

¹ См. характеристику деятельности этого кружка и фрагменты из протоколов его заседаний: Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII. Тарту, 1981. С. 101–106.

² См.: Маркушевич А. И. Старейший советский книговед: (К 80-летию Н. П. Киселёва) // Советская библиография. 1964. № 6 (88). С. 64–65; Он же. Николай Петрович Киселёв // Фёдоровские чтения 1974. М., 1976. С. 122; Журавская Л. Б. Библиотечно-библиографическая деятельность Н. П. Киселёва // Библиотека в контексте истории. М., 1997. С. 68–69. К столетию со дня рождения книговеда была опубликована статья Т. Н. Каменевой (в ежегоднике «Памятные книжные даты. 1984». М., 1984. С. 264–266), а также небольшая брошюра: Николай Петрович Киселёв: Библиографический указатель / Сост., автор вступ. ст. О. А. Грачева и К. П. Сокольская. М., 1984. См. также: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Указатель. Т. 1. Вып. 2. М., 1986 (по указателю).

Результаты масоноведческих исследований Н. П. Киселёва по условиям времени остались неопубликованными и научному сообществу неизвестны. Между тем практически полвека, с 1915 г. до конца своей жизни (за исключением периодов вынужденного отказа от научных исследований), Киселёв занимался тщательным собиранием и изучением материалов по истории русского масонства. Мы постараемся показать, что эта тема привлекала его не только как ученого, что формирование интереса к ней было обусловлено всем жизненным путем Н. П. Киселёва.

Основателем древнего рода Киселёвых был выходец из южной России, Свентольдий Кисель, являвшийся полководцем еще во времена Владимира Мономаха. Н. П. Киселёв был прямым потомком Свентольдия (21-е колено). Родоначальником рода также считался Иван Александрович Киселёв, бывший в 1452 г. воеводой в Великом Устюге. Перечислим ближайших предков Н. П. Киселёва по отцовской линии: прапрадед — Иван Алексеевич (1711—1766), товарищ московского губернатора; прадед — Дмитрий Иванович (1761—1820), помощник управляющего Московской оружейной палаты, друг Н. М. Карамзина; дед — Сергей Дмитриевич (1793—12.7.1851), генерал, в 1837—1838 гг. московский вице-губернатор, друг ряда декабристов; бабушка — Елизавета Николаевна Ушакова (9.9.1810—21.9.1872), знакомая А. С. Пушкина, в чьем альбоме поэт, помимо рисунков и записей, оставил и так называемый «Дон-Жуанский список» (1829); отец — Пётр Сергеевич (14.6.1838—26.11.1892), губернский секретарь, служил первоначально в Московской городской думе, затем на Московских скачках. Среди одиннадцати родных братьев и сестер Петра Сергеевича следует упомянуть Николая

Сергеевича (29.7.1832—1873), известного издателя «Русского архива», собирателя и публикатора материалов по русской истории. К числу известных родственников Н. П. Киселёва относится также двоюродный брат его отца, военный министр, генерал-фельдмаршал Дмитрий Алексеевич Милютин (28.6.1816—25.1.1912). Семейство Адели Ивановны Витвер (15/27.7.1852—3/16.1.1922), матери Н. П. Киселёва, было менее родовитым. Швейцарская гражданка, до замужества она была домашней учительницей.

Брак родителей будущего ученого был заключен 25 июля 1876 г., и через восемь лет, 27 августа 1884 г., в Москве на свет появился Николай Киселёв. Крещен он был в православии, хотя мать была лютеранкой (лишь после смерти мужа Адель Ивановна приняла православие). *«Отец скончался, когда К-ву исполнилось 8 лет; тем не менее, он успел сообщить сыну ту склонность к историческим наукам, которую имел сам. (Русская история обязана ему публикацией: А. Т. Болотов, Памятник претекших времян, Издание П. С. Киселёва, Москва, 1875.) От матери К. унаследовал способность к настойчивому труду и выдержке»*¹. Воспитывался Н. П. Киселёв преимущественно матерью, прекрасно знавшей европейские языки и увлекавшейся мистикой. Отметим, что совместно со своей матерью Киселёв осуществил ряд переводов, в том числе одной из наиболее известных алхимических книг — «Амфитеатра премудрости» Генриха Кунрата.

¹ НИОР РГБ. Ф. 128 (машинопись, машинописная копия с авторской правкой). В дальнейшем все цитаты из этой автобиографии даются в статье курсивом; прочие цитаты, за исключением особо оговоренных случаев, приводятся по подлинникам, хранящимся в указанном фонде (находится в обработке).

Несомненно, большую роль в становлении Киселёва сыграла гимназия. «Среднее образование К. получил в 1895—1903 в московской 5 гимназии, которую окончил с золотой медалью, особенно отличаясь в древних языках, истории и русской словесности, и вовсе не успевая в математике. Величайшее влияние в смысле развития гуманистического мирозерцания оказали на К. преподаватели Я. Л. Барсков, М. П. Смирнов, Н. Г. Тарасов и Н. Н. Трескин, а также Директор А. В. Адольф». Гимназия, в которой обучался Н. П. Киселёв, оставалась, по его свидетельству, «единственной, в которой сохранялось преподавание латинского и греческого языков в полном объеме». «Гуманистическая» направленность гимназического преподавания оказала влияние на ее выпускников. За 10 лет до Киселёва эту же гимназию окончил будущий литератор, музыкальный критик и философ Эмилий Карлович Метнер (1872—1936) (в ней он провел три последних года обучения)¹; классом раньше Киселёва в 5-й гимназии учился будущий библиограф и книговед П. Х. Кананов (1883—1966), в одном классе с Киселёвым — известный в последующем художник-анималист В. А. Ватагин (1883/1884—1969), с которым он был дружен, классом младше — будущий библиограф и книговед К. Р. Симон (1887—1966), двумя классами младше — Георгий Владимирович Вернадский (1887—1973).

¹ О Метнере см. переводную монографию: Юнгтрен М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. Биографические данные большинства упоминаемых ниже лиц и их библиографию см.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 1—4. М., 1989—1999; Белый А. [Воспоминания. В 3-х кн.] [Т. 1.] На рубеже двух столетий. [Т. 2.] Начало века. [Т. 3.] Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1989—1990 (далее — Белый. Воспоминания).

Любовь к истории и книге, унаследованная от отца, была во многом закреплена одним из гимназических учителей Киселёва Яковом Лазаревичем Барсковым. По существу, Я. Л. Барсков первым увидел в молодом гимназисте задатки серьезного исследователя и предложил ему подготовить к изданию пушкинские материалы из семейного архива Киселёвых, а затем принять участие в составлении комментариев к книге В. О. Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве».

Важным этапом в развитии Н. П. Киселёва как исследователя стало его обучение на историко-филологическом факультете Московского университета, который в те годы переживал реформирование. После разделения факультета на группы Киселёв остался в группе западноевропейских литератур. *«В гимназии К. интересовался историей искусства, в университет же поступил на словесное отделение историко-филологического факультета и работал по группе западно-европейских литератур под руководством М. Н. Розанова и Е. Г. Брауна; последнему более всего обязан усвоением методов лингвистики и истории литературы».*

На год позже Киселёва на историко-филологический факультет Московского университета поступил Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый) (1880—1934), который в своих воспоминаниях дал его портрет. Примечательно, что в мемуарах А. Белого Н. П. Киселёв неизменно возникает в паре с физиологом М. И. Сизовым¹.

¹ Сизов Михаил Иванович (1884—1956). Окончил 3-ю Московскую гимназию, поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, в сентябре 1904 г. познакомился с Б. Н. Бугаевым. Впоследствии член кружка «Мусагета», антропософ, участвовал в строительстве Гётеанума, в мае 1915 г. вернулся в Россию.

Однако в 1903–1904 гг., вероятно, наибольшее влияние на идейное развитие Киселёва оказали его беседы о каббале с Львом Львовичем Кобылинским (Эллисом)¹.

Обучение Киселёва в университете в 1904–1907 гг. совпало с его участием в кружке «аргонавтов», в ядро которого он входил вместе с А. Белым, А. С. Петровским (1881–1958), С. М. Соловьёвым, Эллисом, М. И. и Н. И. Сизовыми, Н. К. и Э. К. Метнерами и др.² Андрей Белый, бывший главным идеологом кружка, следующим образом определял его главную задачу: «<...> сплотить коллектив, создать ритм, подготовить мистерию человеческих отношений, украсить обрядом мистирию (вскоре я стал заниматься проблемою элевзинских мистерий); я чувствовал: аргонавты, которые о мистерии грезят, подходят абстрактно к мистерии,

Литературный критик, переводчик, писал также под псевдонимом М. Седлов. Брат Магдалины (Марии) Сизовой (1889–1969), писательницы, многолетней возлюбленной Н. П. Киселёва. О ее взаимоотношениях с Н. П. Киселёвым см. публикацию Ренаты фон Майдель: Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 238.

¹ Об эволюции взглядов Л. Л. Кобылинского (1879–1947) см.: Нефедьев Г. В. Русский символизм: от спиритизма к антропософии // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 119–140; Willich H. Lev L. Kobylinskij-Ellis. Vom Symbolismus zur ars sacra. München, 1996; Poljakov F. B. Literarische Profile von Leo Kobylinsky-Ellis im Tessiner Exil. Forschungen, Texte, Kommentare. Köln, 2000. В дневниковых записях Н. П. Киселёва Эллис упоминается с февраля 1905 г., А. Белый — с 1907 г.; начало переписки между упомянутыми лицами относится к 1905 г.

² О кружке «аргонавтов» см.: Лавров А. В. Мифотворчество «аргонавтов» // Миф—Фольклор—Литература. Л., 1978. Примечательно, что Эллис называл кружок «тайным союзом». См.: Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 237. См. также в воспоминаниях А. Белого о кружке П. И. Астрова, существовавшем в 1904–1909 гг.

разламываясь в их связующем центре; и все же в среде аргонавтов серьезно стояла проблема мистерий»¹.

Кружок «аргонавтов» распался, когда А. Белый предпринял попытку (во многом это было подражанием Мережковским) образовать «коммуну», «коллектив» (одно из любимых слов А. Белого), состоящий из А. А. Блока, Л. Д. Блок, С. М. Соловьева и самого А. Белого². Но и этот «коллектив» очень быстро разрушился. Не повторяя достаточно известной истории «любовного треугольника», отметим лишь, что здесь впервые проявилось специфическое отношение А. Белого к духовному единству. Он сам писал: «Свершалась драма души: погибала — огромная „синяя птица“; Прекрасная Дама — перерождалась в Коломбину, а рыцари — в „мистиков“»³. Результатом стало бегство А. Белого за границу (впоследствии это бегство за границу повторялось не раз; подсознательно А. Белый, вероятно, опять подражал Мережковским).

Общение Н. П. Киселёва не ограничивалось кружком «аргонавтов». В его дневнике зафиксировано, что с 1905 г. он посещал спиритические сеансы, которые проводились в журнале «Рейбус», посвященном «вопросам спиритуализма, психизма и медиумизма»⁴. В этом же периодическом издании Киселёв помещал

¹ Белый А. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 72 (далее — Белый. Воспоминания о Блоке).

² См. новое издание переписки Андрея Белого с Блоком, подготовленное А. В. Лавровым и Г. В. Нефедьевым: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919. М., 2001.

³ Белый. Воспоминания о Блоке. С. 183.

⁴ Выходил с 1881 г. До 1904 г. редактором-издателем журнала был В. И. Прибытков; затем (до закрытия журнала в 1917 г.) — П. А. Чистяков.

свои заметки, переводы, редактировал чужие переводы. 31 октября 1905 г. при журнале «Ребус» официально было основано Русское (Российское) спиритуалистическое общество (до этого, с 1897 г., существовал Московский спиритический кружок), в которое вошли такие близкие Киселёву люди, как Викентий Викентьевич Пашуканис (1879—1919), М. И. Сизов (состоял в обществе по 1910 г.), К. Ф. Крахт, К. П. Христофорова. Вместе с Эллисом и М. И. Сизовым в октябре 1906 г. Киселёв принял участие в первом съезде спиритуалистов. Однако вскоре в Русском спиритуалистическом обществе начался серьёзный кризис, вызванный притоком чуждых подлинной мистике людей. К 1909—1910 гг. из Общества вышло большинство видных представителей художественной культуры.

Ещё в 1906 г. Киселёв задумал написать «Историю оккультных наук» и с перерывами собирал для нее материал вплоть до 1919 г., когда были сделаны наброски работы «Lucifer, или Очерк истории мистико-оккультической традиции и литературы до конца XVIII в.» (он возвратился к этой работе в 1947—1951 гг.). Работа не была завершена, сохранились лишь отдельные наброски к ней, позволяющие, однако, говорить об особом «методологическом» понимании Киселёвым оккультизма. В качестве эпиграфа к своему труду он взял строчки М. Ю. Лермонтова: «Моя душа, я помню, с детских лет чудесного искала». Определение оккультизма Киселёв строит, опираясь на формулировки двух видных исследователей мистицизма, ученых конца XIX в. Карла Кизеветтера и Карла дю Прея. По Киселёву, оккультные явления — «это явления сверхчувственного мира, и существуют они как естественное продолжение явлений мира чувственного за пределами восприятия». Следовательно, неверно противопоставлять

окультизм науке: «Теоретически оккультизм есть само знание, наука часть знания; оккультизм — всестороннее знание, наука — одностороннее. Практически же в наше время оккультизм есть совокупность всех знаний, сокровищница всех фактов, априорно отвергнутых наукой». Следует изучать «высшие силы» и доказывать ошибочность материализма. Киселёв подчеркивал, что многие из тех, кто занимается оккультными науками, не называют себя оккультистами, и наоборот — люди, не имеющие отношения к изучению «высших сил», объявляют себя оккультистами. Сам же Киселёв стремился, изучая оккультизм, не только обозначить оккультные явления, но и дать им философское обоснование¹. Остается лишь пожалеть, что он не пошел дальше предварительных набросков.

Яркую характеристику поисков Киселёва, его «отличности» дал Л. Л. Кобылинский в письме к Рудольфу Штайнеру: «Мой хороший друг и так же, как г. Бугаев, духовный брат — г. Киселёв-Винг (не художник Киселёв, который живет в Мюнхене)² вмешивался уже давно в русское художественно-мистическое движение, так называемый „символизм“, который имел главным лидером г. Бориса Бугаева-Белого и был переходом от декадентства, благодаря влиянию Ницше, к бессознательно-атавистическому оккультному стремлению. <...> Г. Киселёв <...> изучал очень серьезно оккультизм очень давно, я не знаю другого человека в России с такой большой эрудицией в оккультизме. У него была большая интуиция, он был поклонником старого розенкрейцерства,

¹ О понимании Н. П. Киселёвым мистики и магии см.: Киселёв Н. П. Эфемериды. I. О мистике и магии // Труды и дни. 1912. № 6. С. 63–68.

² Винг — так именовали Н. П. Киселёва друзья-«аргонавты». Художник Николай Киселёв — муж одной из первых эвритмисток Татьяны Киселёвой.

и при этом большой трагедией для него был переход к теософии как внешнему течению. Индийское влияние (Besant) обидело и его <...>. Г. Киселёв был и есть абсолютно искренний человек, но, как русский, ребенок и внутренне. Теперь я с бесконечной трудностью привел его к теософии, и у него большой интерес и доверие к Вам, но... многие остатки эстетизма, декадентства, старо-оккультизма, русского старчества и его библиофилия (это его болезнь) бесконечно мешают ему. Невозможно тяжело с ним говорить, он абсолютно молчаливый человек и негармоничный»¹.

Неприятие Киселёвым теософии (впоследствии Л. Л. Кобылинский признавал, что Киселёв первым из бывших «аргонавтов» усомнился в подлинности этого пути) нашло отражение и в его дневниковых записях (по различным причинам они, к сожалению, отрывочны); так, 23 марта 1905 г. он писал: «<...> можно сказать, что духовное значение буддийской теософии <...> равно для христианина нулю. Она не лишена значения только для неверующих».

К тому же выводу постепенно приходят и прочие бывшие члены кружка «Арго». С осени 1908 г. они начинают заниматься «проблемами оккультного знания», сближаются с тем же кругом теософов, в который входят К. П. Христофорова, П. Н. Батюшков, Н. В. Пшенецкая, Б. П. Григоров и др.², однако очень скоро испытывают разочарование.

Неудовлетворенность Киселёва развитием мистического движения в России позволила ему сосредоточиться на научной работе. Прежде всего, московского студента ожидала длительная заграничная поездка. Для поездки за рубеж у него были совершенно

¹ Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 237–238.

² См.: Белый. Воспоминания о Блоке. С. 348–349.

иные причины, чем у А. Белого: это было не бегство, а поиск новых знаний, поездка-узнавание. Эта поездка, однако, сыграла значительную роль в его жизни. Во время нее, 14 (27) июня 1907 г., он снял комнату у Китти (Кристины) Кристенсен, которая была старше Киселёва на 12 лет (она родилась 1.2.1872 по новому стилю). Менее чем через полгода, уже в Москве, свершилось их церковное бракосочетание. Для Христины Лаврентьевны, как ее называли в России, это был уже второй брак, с 1903 г. она была в разводе и имела сына от первого брака. Х. Л. Киселёва была последовательницей Р. Штайнера, впоследствии входила в антропософские организации.

«22/9 января 1908 г. женился на норвежской подданной *Kitty Christensen*, рожд. *Westrem*, а в августе имматрикулировался в Гейдельбергском университете, где в течение года слушал лекции Неймана, Фосслера и Шнеганса по романской филологии и Генри Тоде по истории искусства. В 1909 возвратился в Москву и получил дополнительно зачет девятого и десятого семестров в Московском университете. Государственного экзамена не держал».

Ко времени обучения в Гейдельберге относятся и первые издательские планы Киселёва. Он готовит к публикации книгу «Провансальские лирики XII—XIII вв.», собираясь перевести прозой поэзию трубадуров. Наиболее увлеченно в 1908—1911 гг. он занимается подготовкой к публикации сборника средневековой итальянской поэзии «Лауды», но дальше серьезной библиографической проработки дело снова не пошло, хотя позднее и планировалось издать эту книгу в издательстве «Мусагет».

Из-за пребывания за границей Н. П. Киселёв оказался оторванным от непосредственного участия в событиях, происходивших

в России, но судьба лишь берегла его. Речь идет о провокации некоего Хаима Исака (Джемса) Завеловича (Савельевича), он же Иван Фёдорович, Персица (род. 15.10.1877), о которой впоследствии Киселёв написал отдельную статью. Х. Персиц, выходец из еврейской купеческой семьи, с 13 лет жил за границей, где получил среднее образование и окончил курс философского факультета в Женеве. Персиц называл себя профессором Иоди, Пешичем, заявлял, что занимается журналистикой, общался с революционными эмигрантскими кружками. В 1902 г. он обратился в немецкое посольство в Брюсселе с предложением стать агентом политической полиции, затем неоднократно обращался с подобным же предложением в полицию в Берне, Брюсселе, Лондоне. В ноябре 1902 г. Персиц всё-таки стал платным агентом немецкой полиции, но этого ему было явно недостаточно. В 1907 г. он вступает в масонскую ложу в Лондоне, а в мае 1908 г. приезжает в Москву. Затеяв переписку с «материнской» ложей в Англии, он получает разрешение на открытие масонской мастерской в Москве, но не начинает «посвятительскую» работу, а продолжает раскрывать свои способности провокатора. Используя связи П. А. Чистякова и давая объявления в периодических изданиях, Персиц создает масонскую ложу, но сам же на ее первое предварительное заседание в декабре 1908 г. приглашает полицию. От ареста и разочарования в «масонах» Киселёва спасло лишь его нахождение за границей: несомненно, Чистяков вовлек бы его в авантюру Персица, поскольку информировал его обо всех важнейших событиях, в том числе и о результатах провокации. Справедливость восторжествовала, арестован был Персиц, которого приговорили к ссылке в Архангельскую губернию сроком на три года; впрочем, ему разрешено было на это время выехать за

границу, с запретом возвращаться в Россию ранее 30 января 1912 г., чем он и воспользовался. Уже в феврале 1912 г. этот «масон» возвратился в Москву, где продолжал развивать свои «таланты», оставаясь платным агентом полиции, занимаясь шантажом и ложными доносами.

В 1910 г., завершив образование, Киселёв вступает в самостоятельную жизнь. По возвращении в Россию он некоторое время преподавал французский язык в частной московской гимназии А. В. Адольфа, но вскоре решил отказаться от педагогической деятельности, почувствовав свою к ней непригодность, и сделал выбор в пользу науки.

Возвращение Киселёва в Россию пришлось на тот решающий период, когда определялось дальнейшее направление духовных поисков бывших «аргонавтов». Об этом времени А. Белый, замышляя 3-й том своих воспоминаний, писал: «Третий том обнимал бы перенесение арены деятельности из „Весов“ в книгоиздательство „Мусагет“; в этот период я пытаюсь обосновывать символизм как философию культуры, отхожу от Брюсова, отдаляюсь от Мережковских, мирюсь с Блоком, В. Ивановым; конец периода этого — мой уход из „Мусагета“ и отъезд за границу»¹.

Отношения А. Белого с Брюсовым, возможно, строились не только на литературно-эстетических основаниях. В так называемой

¹ Белый. Воспоминания. Кн. 1. С. 519. — Вопрос о путях развития русского символизма и об эволюции отдельных писателей начала XX века не является темой настоящей работы. Мы стремились лишь объяснить интерес Н. П. Киселёва к розенкрейцерству, в частности к розенкрейцерству масонскому, что было бы невозможно сделать, не затрагивая отмеченную тему. Лишь в качестве «фона» в этой статье обозначены, например, важные события внутреннего развития Б. Н. Бугаева, повлиявшие на позицию Н. П. Киселёва.

«Записке Кандаурова»¹ утверждается участие А. Белого в масонской ложе Люцифер, лидером которой якобы был Брюсов. Сам А. Белый в своих поздних воспоминаниях писал, что «ненавидел» масонство, видел в нем «темную силу», «незримую гадину». При этом перечислял в числе масонов лиц, вряд ли связанных с этой организацией². Казалось бы, подобная характеристика однозначно свидетельствует о его непричастности к масонскому движению. Однако если проанализировать воспоминания А. Белого, то можно заметить, что масонство упоминается сразу же после «Щ.» (Л. Д. Блок), т. е. инстинктивно он соотносит движение вольных каменщиков со своим увлечением-ненавистью. Конечно же, источник сведений о масонстве А. Белого и о ложе Люцифер мало достоверен, но безоговорочно отвергать участие Б. Н. Бугаева в Ордене вольных каменщиков не следует. Он мог вступить в масонство, но, разочаровавшись в нем, сделаться его врагом, «будучи в целом не прав»³. В пользу масонства Бугаева говорит и характеристика, данная им Н. Н. Баженову как «гроссмейстеру московских масонов»⁴, которая, безусловно, свидетельствует о реальном его знакомстве с Орденом вольных каменщиков. Неискренность, проявленную А. Белым при характеристике масонства в своих мемуарах, уловил и Н. Валентинов (Н. В. Вольский)⁵.

Вероятно, испытав разочарование в масонстве с «политическим» уклоном, А. Белый вскоре попытался противопоставить ему

¹ См. ее опубликованный текст: Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы. Т. II. М., 2000.

² См.: Белый. Воспоминания. Кн. 3. С. 283.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 215–216.

⁵ См., например: Валентинов Н. Два года с символистами. Stanford, 1969.

масонство «оккультное», розенкрейцерство, но это могло произойти не ранее 1908—1909 гг., когда «линия деловых отношений с Вальерием Брюсовым» (лидером предполагаемой ложи Люцифер) «уже идет на убыль»¹.

Возможен и другой вариант: А. Белый мог быть привлечен в масонство Вяч. И. Ивановым. Иначе говоря, он мог войти в масонство как «политическое», так и с «оккультным» оттенком. Несомненно лишь одно: и Н. П. Киселёв, и Б. Н. Бугаев до 1910 г. знали о существовании в России масонства, однако оно не могло привлекать их по ряду причин, главной из которых был отход масонских организаций от первоначальных идей Ордена вольных каменщиков (привнесение в масонство политики, провокаторская роль «руководителей» и т. д.). Отметим, что в переписке бывших членов кружка «Арго» одним из главных пунктов взаимных обвинений становится «люциферизм» (случайно ли совпадение с названием ложи?) — путь «познания», недостойный «рыцарей».

Молодым литераторам и ученым, как представляется, было необходимо не только определение своего пути, но и наставничество. Никто из старшего окружения «аргонавтов» в России (по разным причинам) не мог стать для них «учителем». Начался период поиска наставника, и первым таким наставником для бывших «аргонавтов» стала Анна Рудольфовна Минцлова.

О влиянии Минцловой на русских писателей начала XX века уже неоднократно писалось². Вкратце напомним, как стремительно развивалось ее влияние на духовный поиск русского

¹ Белый. Воспоминания. Кн. 3. С. 290.

² См., например: У истоков русского штейнерианства / Публ. и примеч. К. Азадовского и В. Купченко // Звезда. 1998. № 6 (см. здесь заграничную

литературного движения последнего десятилетия перед Первой мировой войной.

Прежде всего, следует упомянуть о знакомстве Минцловой с М. А. Волошиным (прошедшим к этому времени обряд посвящения в масонство в Париже) и М. В. Сабашниковой¹. Через Волошина 12 ноября 1906 г. с Минцловой знакомится Вяч. И. Иванов. Примечательно, что, когда Вяч. Иванов сообщил Минцловой о поступившем ему предложении вступить в масонство, та обоснованно предположила, что это предложение последовало от М. М. Ковалевского, представлявшего Шотландский Устав, но при этом запретила Вяч. Иванову рассказывать «братьям» об «оккультном» масонстве, членами которого считала себя и Р. Штайнера².

переписку 1905 г. М. А. Волошина, М. В. Сабашниковой, А. Р. Минцловой); Обатнин Г. Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)). М., 2000; Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. С. 23–110 (далее — Богомолов); библиографию вопроса см.: Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 127; 2001. № 51. С. 168–169.

¹ О беседах М. А. Волошина и М. В. Сабашниковой с Минцловой касательно оккультных течений времен французской революции см. в дневнике первого: Волошин М. А. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. См. также: Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002.

² См.: Богомолов. С. 62–63. Вопрос об отношении Р. Штайнера к масонству не может быть здесь рассмотрен подробно. Скажем лишь, что в рамках руководимой им Эзотерической школы, независимой от Эзотерической школы теософии, возглавляемой Анни Безант, Рудольф Штайнер наряду с первым отделением основал также второе, символически-культовое. Ради продолжения исторической традиции символизма он получил от Теодора Ройса, главы немецкого отделения Ордена Древних Франкмасонов обряда Мемфис-Мисраим, диплом высших градусов. Однако в деятельности самого

Сближение Минцловой с А. Белым произошло позднее, в декабре 1908 г. Ключевым событием при встрече Минцловой с бывшими «аргонавтами» стал ее пересказ своим новым соратникам учения Рудольфа Штайнера о трех путях ученичества (восточном, христианско-мистическом и розенкрейцеровском). (Примечательно, что Минцлова перевела на русский язык лекцию Штайнера «Тайна Розы и Креста», которая не была издана.) Именно «розенкрейцеровский» путь оказывается откровением для русских литераторов и надолго становится целью искания некоторых из них.

Б. Н. Бугаев трепетно относился к предзнаменованиям, «хорошим и плохим знакам», поэтому чрезвычайное значение для него приобрело видение двух старцев перед праздником Рождества. Его мистическая настроенность привела к тому, что «сердце его» передало ему «внятно» следующее послание: «Мы стоим у преддверия огромного духовного переворота; уже образуется фаланга людей, работающая над нравственным возрождением человечества; она образует как бы новое рыцарство в движении, долженствующем захватить всю Европу; движение — новый отпрыск старинного рыцарства <...>»¹. А уже в январе 1909 г. в предисловии к своему поэтическому сборнику «Урна» А. Белый выражает убежденность, что ответы на важнейшие вопросы можно найти у розенкрейцеров.

Ордена Штайнер не участвовал, построив свою работу совершенно независимо. Позднее у него встречаются резкие характеристики масонства, прежде всего англосаксонского. Минцлова была одной из эзотерических учениц Рудольфа Штайнера. Четыре письма Р. Штайнера к А. Р. Минцловой см.: *Zur Geschichte und aus den Inhalten der ersten Abteilung der Esoterischen Schule 1904–1914*. Dornach, 1984.

¹ Белый. Воспоминания о Блоке. С. 349.

Результатом деятельности Минцловой в Петербурге и Москве стало образование в 1909 г. «верхнего» мистического треугольника: Минцлова—Иванов—Белый. Обоим литераторам Минцлова обещает устроить встречу с розенкрейцеровскими «учителями» в Ассизи. Наиболее активное общение «треугольника» происходило с конца января до конца первой декады марта 1910 г., когда А. Белый жил в петербургской квартире Вяч. Иванова¹. Сам А. Белый неоднократно отмечал как характерную черту своего очередного переходного периода смену ближайшего сподвижника по Петербургу: Вяч. Иванов вместо Мережковских.

А. Белый пишет, что после одной из встреч с Минцловой он сознательно начал инспирировать в молодежных кружках «братство, ячейку людей, распространяющих моральные импульсы». Это «братство рыцарски вооруженных людей» должно было заняться распространением идеи «моральной переработки сознания»².

Одновременно с предрозенкрейцеровским «молодым» кружком формируется издательство «Мусагет». Здесь решающую роль играют культуртрегерские идеи и деловые способности Эмилия Метнера. Первое обсуждение совместных издательских проектов относится к маю 1909 г.; постепенно проясняются основные черты проекта, принимается решение вместо первоначально задуманного журнала основать книгоиздательство. В августе 1909 г. в Москве уже начат подготовительный этап всей организации дела, и к ноябрю принято окончательное решение об открытии издательства. Деньги на основание «Мусагета»

¹ Об этом см. комментарии А. В. Лаврова: Белый. Воспоминания. Кн. 3. С. 533—534, 541. Впоследствии (с 21 января до конца февраля 1912 г.) А. Белый вновь жил на квартире Вяч. Иванова

² Белый. Воспоминания о Блоке. С. 354.

Метнер получил из Германии, от Ядвиги Фридрих. Официальное открытие состоялось в марте 1910 г.¹

Формирующийся розенкрейцерский круг, в который вошли все «аргонавты», кроме Н. И. Сизова и С. М. Соловьева, отнюдь не совпадал с редакцией «Мусгета». Первоначальный «братский» союз был шире, в числе «откликнувшихся» А. Белый называет Элиса, скульптора К. Ф. Крахта, предполагалось участие и некоторых «студентов и курсисток»². Как видно из сохранившейся переписки, широкий круг потенциальных сторонников был осведомлен о

¹ Хронология деятельности «Мусгета» отражена в дневнике Н. П. Киселёва. Несменяемым редактором «Мусгета» являлся Э. К. Метнер, членами редакции — В. Ф. Ахрамович, А. А. Блок, Б. Н. Бугаев, Вяч. И. Иванов, Н. П. Киселёв, Л. Л. Кобылинский, А. М. Кожебаткин, В. О. Нилендер, А. С. Петровский, Г. А. Рачинский, Б. А. Садовской, М. И. Сизов, С. М. Соловьев, Г. Г. Шпет и три редактора журнала «Логос»: С. И. Гессен, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко. См. также письма Киселёва к Метнеру за 1910–1914 гг. (18 писем, 51 л.): НИОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 16. Письма Блока к Киселёву опубликованы: Записки Отдела рукописей. Вып. 46. М., 1987. С. 220–230. См. также: Фрумкина Н. А., Флейшман Л. С. А. А. Блок между «Мусгетом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру) // Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. С. 387–388; В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Вступительная статья и публикация В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. № 2; Письма Андрея Белого к А. С. Петровскому и Е. Н. Кезельман / Публикация Роджера Кийза // Новый журнал. 1976. Кн. 122. С. 151–166.

² Белый. Воспоминания о Блоке. С. 354. Первоначально, еще в 1909 г., А. Белый «навязывал» свое братство многим своим знакомым, даже лицам, по своему внутреннему складу далеким мистике, например М. С. Шагинян. См. ее воспоминания, в которых помещено одно из писем А. Белого, подписанное розенкрейцерским знаком (Шагинян восприняла его как масонский): Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 155–156.

розенкрейцерстве. Однако, в отличие от А. Белого, сама наставница, А. Р. Минцлова, была противницей чрезмерного расширения круга возможных «адептов» и настояла на его сужении¹.

Из-за разногласий Минцловой с Вяч. Ивановым был разрушен мистический «треугольник», и Минцлова приняла решение направить «все свои силы на Москву». Однако к маю 1910 г. у значительной части сотрудников издательства «Мусагет» возникли сомнения не столько в верности избранного пути, сколько в искренности Минцловой².

¹ Например, Эллис после знакомства с идеей розенкрейцерского пути стал одним из его главных приверженцев, в том числе и в «Молодом Мусагете», но после вычеркивания его Минцловой из списка розенкрейцеров (см.: Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 129) сделался идеологом перехода к штейнерианству. Отметим, что уже в конце 1900-х гг. Эллис был одержим манией преследования, «кошмарами, стуками» и т. п. Ему, как и Минцловой, являлись «видения врагов».

² Частично связи «московского круга» с А. Р. Минцловой восстанавливаются благодаря письмам М. В. Сабашниковой к Э. К. Метнеру за 1910–1911 гг.: НИОР РГБ. Ф. 167. Пост. 39–1977. До декабря 2000 г. эти письма, раскрывающие преимущественно интимные взаимоотношения корреспондентов, были «закрыты» для исследователей по воле бывших владельцев. О связях М. В. Сабашниковой с Минцловой см. особенно вторую «книгу» ее воспоминаний: Волошина (Сабашникова) М. В. Зеленая Змея. История одной жизни. М., 1993 (далее — Волошина). Возможной причиной охлаждения Минцловой к Вяч. Иванову было его сближение (после смерти его жены Л. Д. Зиновьевой-Аннибал) со своей падчерицей В. К. Шварсалон. Минцлова внушала Иванову, что ему «суждено сыграть благотворную роль в судьбе его страны, но что для этого он должен в миру жить как монах, давший тайный обет, и оставаться безбрачным», на что Вяч. Иванов ответил «решительным отказом». См.: Дешарт (Шор) О. А. Введение // Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. I. Брюссель, 1971. С. 140.

После длительных размышлений и следуя совету с Э. Метнера, А. Белый решает, что он еще не готов к встрече с розенкрейцерами в Ассизи, о чем просит А. С. Петровского сообщить Минцловой. Сам А. С. Петровский тем же летом 1910 г. впервые слушает лекции Р. Штайнера в Берне, и у него возникает проблема выбора между Штайнером и Минцловой. Позднее подобный выбор встанет почти перед всеми участниками «Мусагета», но летом 1910 г. у молодых ученых и литераторов всё еще ощущается устойчивый интерес именно к обещанному Минцловой розенкрейцерству. В августе 1910 г. М. И. Сизов и А. Белый, по словам Белого, неделю «возятся» с А. Р. Минцловой. Она передает Белому «кольцо» розенкрейцеров и «лозунг» и обещает, что в сентябре 1911 г. к нему кто-то явится¹.

Однако чем далее, тем более бывшие «аргонавты» высказывают недовольство Минцловой и увлекаются учением Штайнера, в котором надеются найти подлинного «наставника». Сама А. Р. Минцлова, много поспособствовавшая распространению идей Штайнера в России, переведшая на русский язык его «Теософию» (СПб., 1910), в это время решительно выступает против штайнеровской христологии. А. Белый вспоминает, что Минцлова говорила ему, «будто путь теософии Штейнера есть путь падения Штейнера <...> и она заклинала: не верить штейнеризации христианства»². Таким образом, сотрудники издательства «Мусагет» вскоре неизбежно должны были решить для себя вопрос: примкнуть ли к антропософскому движению Рудольфа

¹ Белый А. Материал к биографии // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 58об. См. также комментарии А. В. Лаврова: Белый. Воспоминания. Кн. 3. С. 534; Богомолов. С. 91 и сл.

² Белый. Воспоминания о Блоке. С. 368.

Штайнера или же надеяться на установление контактов с розенкрейцерами через Анну Минцлову.

Этот внутренний конфликт нашел отражение и в издательской политике «Мусагета». А. Белый в своих воспоминаниях обозначает распадение «Мусагета» на «три линии»: собственно «Мусагета», имевшего литературные цели, «Логоса», философски обосновывавшего философию культуры, и «Орфея», «где строилась линия <...> мистического и морального устремления»¹. Сходным образом в своей работе 1928 г. «Почему я стал символистом...» А. Белый подчеркивает, что именно «Орфей» был для него «центром»: «Знак „Орфея“ мне важен; измученный фельетонной жизнью трех предшествующих лет, <...> я вместо „Мусагета“ произвольно ставлю знак: „культура“. И всецело отдаюсь своим интимнейшим переживаниям, чтению эзотерической литературы, мечтам об „ордене“, встречаю с Минцловой, приходящей к нам со словами о братстве Розы и Креста и с обещанием быть посредницей между тесным кружком друзей и „учителями“»². При этом А. Белый подчеркивал, что главным для него было не издательство, а «пути братства, Символа»³. Таким образом, говоря о периоде существования книгоиздательства «Мусагет», следует особое внимание уделить именно серии «Орфей» как имеющей прямое отношение к «ожиданию розенкрейцерского посвящения». Сам А. Белый — сознательно или нет, не столь важно — в своих разновременных воспоминаниях всегда несколько противопоставляет «Орфея» всему остальному в «Мусагете».

¹ Там же. С. 356.

² Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 450 (далее — Белый. Символизм как миропонимание).

³ Там же. С. 451.

Далее, А. Белый указывает, что Киселёв был близок ему именно в данный период, являясь едва ли не посредником в его общении с Минцловой¹. Иными словами, можно утверждать, что Киселёв к 1910 г. проявлял несомненный интерес к розенкрейцтерству.

Примечательно, что этот интерес восходит еще к 1906 году, когда П. А. Чистяков на первом съезде спиритуалистов 22 октября прочел доклад об «Азиатских Розенкрейцерах». Из записей самого Киселёва явствует, что Чистяков сообщил будущему историку масонства о посвящении в Орден азиатских розенкрейцеров философа Павла Александровича Бакунина (1820–1900), брата известного анархиста². Кончина П. А. Бакунина приостановила в России посвячительную традицию розенкрейцеров. Киселёв однако не знал, что в Москве живут прямые наследники братства Злато-Розового Креста, действовавшего в России с 1780-х годов (В. С. Арсеньев, принятый во «внутренний» Орден). Невозможность получить розенкрейцтерское посвящение заставляла обратиться к изучению розенкрейцтерского наследия.

Конфликт между сторонниками Штайнера и Минцловой приобрел бы, возможно, еще более острые формы, если бы не таинственное исчезновение Минцловой³. Этот вопрос уже неоднократно

¹ Белый. Воспоминания о Блоке. С. 367.

² Примечательно, что и А. Белый в своих воспоминаниях неоднократно называет П. А. Бакунина розенкрейцтером, хотя об этом факте ранее не сообщалось в литературе.

³ Варианты «легенды» об исчезновении Минцловой см.: Волошина. С. 366 (приведены отрывки из мемуаров Н. А. Бердяева и А. А. Тургеневой). См. также версию о самоубийстве Минцловой, якобы бросившейся в водопад Иматра в Финляндии: Кузмин М. А. Дневник 1934 года. СПб., 1998. С. 111, 315; здесь же см. о взаимоотношениях Минцловой с Вяч. Ивановым (по указателю).

рассматривался в мемуарах ее современников и исследовательской литературе; благодаря письмам Минцловой, сохранившимся в архиве Киселёва, он несколько проясняется. Приведем отрывок одного из ее последних писем:

16.VIII.1910

Обращаюсь к Вам, всем, кто пришел ко мне через Андрея Белаго, и кого я полюбила и люблю навеки. Когда эти слова дойдут до Вас, меня уже не будет на Земле. Я пришла к Вам, потому что должна была **прийти**. А теперь, ухожу снова, потому что **должна** уйти. Душу свою, все, что я могла передать, сейчас — я передала Андрею Белому. И свершилось чудо. Уходя, я вижу, как родилось уже что-то великое, живое и священное. В мгновение, когда я передала Белому все, что было у меня в руках, в то мгновение (это было 15/28 Августа, день Успения Богородицы) зажглось что-то великое... С Вами Бог! Люблю Вас, каждого из Вас **особенно**, иначе, несказанно. И люблю Вас как одно целое. Уже мистическая община. Благодарю Вас за каждый миг, который я провела с каждым из Вас.

Обнимаю Вас, Эмилий Карлович и Николай Карлович.

Обнимаю Вас, Николай Петрович и Алексей Сергеевич.

Обнимаю Вас, Михаил Иванович.

Благословляю все начинания Андрея Белаго, о тех собраниях, мысль о которых явилась к нему **свыше**, не от меня, а от Тех, кто за мной —

Я приветствую это, как нежданную радость, как чудо рождения. Приветствую всеми силами души своей... Мне трудно говорить, т. к. руки мои немеют. Я не могу, не умею сказать, как горит сердце мое о Вас. Все, что надо, скажет Вам Андрей

Белый. Сейчас, это **камень**, на котором строится все... И врата адавы не одолеют. Ухожу, и целую Вас последним взглядом, последней улыбкой своей, улыбкой **счастья**, оттого, что Вы существуете. Уже как **последние** слова, оставляю Вам слова Того, Кто грядет, Кто Единственный, перед Кем должно преклониться —

«Заповедь **новую** даю Вам».

Любите друг друга.

Анна Рудольфовна Минцлова.

Христос с Вами¹.

К письму приложен листок с черновыми набросками-наставлениями Минцловой лицам, которые не упомянуты в письме: Эллису, М. В. Сабашниковой, В. О. Нилендеру и др. Примечательно, что она включила в число «мистической общины» (читай — «розенкрейцерского кружка») лишь шестерых «мусажетцев», остальных же удостоила советов. Например, Эллису она советовала молчать — ввиду его склонности к истерии и чрезмерности увлечений.

При прочтении писем А. Р. Минцловой создается впечатление, что либо тяжело больной человек, осознающий, что дни его сочтены, прощается с близкими, либо человек, готовящийся к самоубийству, пытается найти хоть какой-то жизненный стимул. Отрицать это значило бы следовать бездушности Н. А. Бердяева или карикатурности позднейших воспоминаний А. Белого. При написании процитированного письма Минцлова, несомненно, не могла даже предположить, что А. Белый поместит свои впечатления о бывшей «наставнице» в «Музей паноптикум» своих мемуаров. Но тот же

¹ На конверте надпись: «от А. Р. Минцловой Андрею Белому. 17 Августа 1910 Москва». Штемпели на конверте отсутствуют.

А. Белый прекрасно понимал состояние А. Р. Минцловой, сознавая, что имеет «дело с больной, очень нервной, замученной женщиной»¹.

Также в архиве Н. П. Киселёва сохранилось последнее из дошедших до нас писем А. Р. Минцловой², из которого видно, что она всё-таки не собиралась ни исчезнуть, ни покончить жизнь самоубийством, а лишь прощалась со всеми перед неизбежной близкой смертью. Письмо адресовано М. И. Сизову:

Петербург

18.VIII.1910

Милый, дорогой мой

Михаил Иванович.

Пишу Вам по адресу «Мусагета», т. к. совершенно забыла Ваш адрес, и не могу найти записки, которую Вы мне дали в день моего приезда. Доехала очень хорошо, завтра вечером (19ое) думаю выехать за границу, прежде всего в **Дрезден**, т. е. в Пильниц, где пробуду два дня с Эм. Карл., затем в Берн, где застану Алекс. Серг. Из Пильница я ему телеграфирую. Милые, дорогие, близкие мои, я не могу больше говорить, только еще раз обнять Вас, глубоко и горячо поцеловать Вас обоих, кто были со мной эти дни, всю эту неделю. — Чувствую себя очень плохо. Сердце, опять, невыносимой болью горит. Я думаю, что Вы с А. Белым отдавали мне силу свою, оттого я все время последнее в Москве так странно хорошо себя чувствовала, хоть и уставала сильно, конечно. — Михаил Иванович, дорогой мой, напишите **сейчас** Алекс. Серг., что бы он немедленно известил Вас, когда я приеду в Берн. Я там буду **не позднее** 25 Авг. (русск. стиля).

¹ Белый. Воспоминания о Блоке. С. 368.

² Оно написано позднее письма Вяч. Иванову, приведенного Н. А. Богомоловым: Богомолов. С. 105.

Я боюсь, что мне не удастся доехать до него... Думаю, что эту неделю всю, **Вы оба**, держали меня, и, кажется, **только** это и удержало меня еще, на земле —

— Если я перееду границу, тогда, значит, я еще успею доехать. —

— Буду писать Вам все время, пока буду в силах, а Вы, дорогой мой, известите Белаго, перешлите ему мое письмо, и все, что я напишу Вам. Если же я **не** доеду — если, как думаю сейчас, сердце не выдержит, по дороге. — Тогда, еще и еще раз повторяю благословение мое, всем Вам, дорогие мои, любимые —

— Тогда, скажите Алекс. Серг. и Эм. Карл., что вся душа моя и любовь моя — остается с Вами, с каждым из Вас. Сегодня напишу еще Эм. Карл. и Ал. Серг. — Люблю Вас. Люблю бесконечно. Как трудно говорить. Как светло кругом, как прекрасна земля. Христос с Вами.

А. Р.

<...> Милый, дорогой мой. — До свидания. — Целую горячо Вас и Андрея Белаго. Спасибо Вам. Люблю навеки, несказанной радостной любовью. <...>

18.VIII.1910

вечером.

Уезжаю завтра. Люблю Вас, бесконечно люблю. Всё сделали, всё устроено уже здесь. Андрей Белый, всё что я сделала, в Москве, встречает **полное** одобрение, **всё — так**.

Сердце болит сильно, но это, теперь, ничего — я написала Вячеславу, Эм. Карл. и Ал. Серг. Сейчас — иду спать, устала сильно.

Милые, любимые, с Вами Бог.

Благословляет Вас.

Не могу оторваться от Вас, вся душа моя, сердце мое, все время обращается к Вам, назад. Помните этот дивный образ в «Сакунтале»,

когда хоругвь, несомая против ветра, все время рвется и бьется назад, как сердце. — Ну, а теперь, уже напишу из заграницы, — несколько слов Вам, когда увижу Эм. Карл. Люблю Вас, обнимаю Вас, радуюсь и счастлива и благодарю Вас за то, что Вы — существуете на земле.

А. Р.¹

Таким образом, можно предположить, что никакого таинственного исчезновения Минцловой не было, просто она не была уверена, что доедет до пункта назначения из-за своего болезненного состояния.

С другой стороны, анализ писем Минцловой позволяет говорить о том, что она, безусловно, занималась мистификацией. «Наставница» символистов знала о существовании в России масонства, но противопоставляла ему масонство «окультурное», розенкрейцеровство, при этом сама слабо представляла, какой должна быть подобная организация. В случае с Минцловой мы сталкиваемся с одной из многочисленных в то время попыток создания нового мистического Ордена, претендующего на преемственную связь с прежними влиятельными тайными обществами. В большинстве случаев самозванным «наставникам» в конце XIX — начале XX столетий удавалось создать замкнутый круг последователей, но Минцлова явно не справилась с подобной задачей. Пойдя на мистификацию, она сама не могла разобраться, чем руководствоваться в своих дальнейших действиях; не знала, куда, например, направлять будущих «розенкрейцеров» для посвящения: то ли в Италию, то ли в северный монастырь. Всё это, казалось бы, дает основания предполагать, что ее «исчезновение» было разыграно

¹ Штемпели на конверте: 18.8.1910 (С.-Петербург) и 19.8.1910 (Москва).

ею, поскольку своим последователям она ничего больше дать не могла. По существу же, вопрос о том, было ли спланировано исчезновение Минцловой, не столь важен; несомненно лишь то, что за нею не стояло никакой реальной розенкрейцеровской организации.

Прекращение контактов с А. Р. Минцловой не остановило, тем не менее, стремления сотрудников «Мусагета» приобщиться к мистической традиции. В октябре 1910 г. в Москве начинает заседать эзотерическая «пятерка»: Б. Н. Бугаев, Э. К. Метнер, А. С. Петровский, М. И. Сизов, Н. П. Киселёв¹. Кроме московского круга Минцлова, как уже упоминалось, первоначально планировала создать петербургское отделение розенкрейцеровской организации, которое должен был возглавить Вяч. Иванов, но последний по своему внутреннему строю был чужд новой сложившейся группе. А. Белый дал Вяч. Иванову довольно точную характеристику: «<...> фигура Иванова — фатум в истории русского символизма, вписующий в эту историю светлые строки и темные строки; сыграл этот крупный ученый поэт не последнюю роль в распылении наших тенденций; под влиянием плохо понятых, недостаточно оговоренных взглядов Иванова ставился как бы знак равенства между театром и храмом, мистерией и драматической формой, Христом и Дионисом, Богородицею и просто женщиной, символом и сакраментальной эмблемой, между любовью и эротизмом <...>»²

¹ А. Белый в своих мемуарах называет розенкрейцером лишь Петровского. См.: Белый. Воспоминания о Блоке. С. 73.

² Там же. С. 77. О чуждости Вяч. Иванова «московскому» кружку, о протаскивании Минцловой Вяч. Иванова в качестве «со-брата», о сомнениях Э. Метнера и А. Белого в «подлинности того „братства“, которого представительницей была она», см.: Белый. Символизм как миропонимание. С. 453.

После потери связи с Минцловой последовали, по выражению А. Белого, восемнадцать месяцев «хронического состояния ожидания» розенкрейцеровского посвящения¹. В частности, с безуспешными поисками новых контактов с розенкрейцерами была связана и поездка Андрея Белого в Италию в конце 1910 г., когда он посещал собор св. Франциска Ассизского в Палермо. Бесплодность этого поиска привела А. Белого к полному разочарованию в выбранном пути; отразилось это и на позднейших его воспоминаниях, где «розенкрейцеровство» и А. Р. Минцлова представлены как карикатура.

Одной из причин конфликта А. Белого с другими сотрудниками «Мусажета», в частности, с членами «эзотерической пятерки», было то, что он, по их мнению, не предпринимал достаточных усилий ни для развития «розенкрейцеровских» связей (при этом не отдавая и лидерского «розенкрейцеровского» кольца), ни для развития книгоиздательства. Также и Киселёв стал видеть в А. Белом чуть ли не изменника возникающему братству. Не раскрывая всех сложных личных взаимоотношений между членами «Мусажета», отметим лишь, что соприкосновение с розенкрейцеровством через Минцлову произвело на Киселёва сильное впечатление и послужило одним из стимулов для углубленного изучения истории розенкрейцеровства и масонства, а исследование старинных материалов лишь усилило его веру в то, что он был близок подлинным розенкрейцерам (в пользу этого говорило даже совпадение знака на кольце, которое передала Минцлова А. Белому, со знаком тайных членов теоретического градуса второй половины XIX в.: крест, вписанный в круг). Недовольство было взаимным, и если в период становления предрозенкрейцеровского

¹ Там же.

кружка А. Белый характеризовал Киселёва как очень близкого человека, то после 1910 г. он позволяет себе по отношению к нему пренебрежительные отзывы: «музеевед», человек, который «не может до конца довести ни одной из работ», и т. д.¹

Отчасти А. Белый был прав: очень многое из задуманного и начатого Н. П. Киселёвым не было доведено до конца. Однако нельзя не принять во внимание, что, в отличие от Б. Н. Бугаева, Киселёв не мог посвятить всё свое время свободному творчеству; он был вынужден не только искать истину в поездках, но и трудиться. «Уже с первых классов гимназии К. состоял библиотекарем ученических библиотек, и именно в области изучения печатной книги он полагал найти наиболее подходящее применение своим способностям. В конце октября 1910 К. начал службу в Румянцовском Музее, сперва в отделе рукописей: в октябре—декабре стажировал (произвел проверку библиотеки Н. С. Тихонравова); в январе—мае 1911 работал по вольному найму (подготавливал вчерне каталог рукописей Тихонравова); 21 мая 1911 зачислен сверхштатным чиновником; 1 июня 1912, по проведении новых штатов, назначен младшим помощником библиотекаря. Обладая еще раньше общим знакомством с иностранной литературой по библиографии и библиотековедению, К. в летний отпуск 1911 приступил к специальному изучению инкунабуловедения; летом 1912 с той же целью, а также для ознакомления с постановкою библиотечного дела, получил командировку в Берлин и в Мюнхен».

Первые же дни работы Н. П. Киселёва в Румянцовском музее продемонстрировали молодому сотруднику несовершенство работы

¹ Белый. Символизм как миропонимание. С. 462—463.

музея-библиотеки. Книги кирилловской печати до 1742 г. издания хранились в Отделе рукописей, редчайшие же западноевропейские издания не были выделены из основного фонда и оставались неописанными. Заслуга Киселёва состояла в том, что он, по существу, первым занялся выделением инкунабул из основного фонда библиотеки. В первые три года работы ему удалось выделить около 250 редчайших изданий. В 1911—1912 гг. он подготовил два выпуска каталога инкунабул Румянцовского музея. Эта работа получила высокую оценку; позднее, уже в 1939 г., Киселёв выпустил «Инвентарь инкунабулов Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина».

В 1912 г., одновременно с Киселёвым, младшим помощником библиотекаря в Румянцовский музей были зачислены Анатолий Корнелиевич Виноградов (1888—1946) и А. С. Петровский. С Петровским, соратником и по «Мусагету», Киселёв задумал еще одно дело, крайне необходимое для нормальной работы библиотеки: создание системы каталогов. В Румянцовском музее отсутствовало единообразие в описании книг, процветали кустарные методы каталогизации. Весь 1913-й и часть 1914 года Киселёв также продолжал заниматься описанием библиотеки академика Н. С. Тихонравова, в которой, в частности, были широко представлены издания московских масонов XVIII в.; тогда же у него возникла идея создания отдельного Музея книги. Реализации планов Киселёва первоначально помешала война, и лишь после революционных событий он смог к ним вернуться.

В Румянцовском музее оценили успешную работу молодого сотрудника. Вначале он занимался лишь проверкой и редактированием карточек в отделе каталогизации, в 1915 г. стал заведующим алфавитным каталогом библиотеки, а с 1916 г. параллельно

стал заведовать дублетным фондом. Переход на руководящие должности в Румянцовском музее несколько освободил Н. П. Киселёва от рутинной работы и позволил ему больше времени уделять работе научной. Помимо целенаправленного изучения инкунабул в собраниях Румянцовской библиотеки, в 1914–1920 гг. Киселёв готовит каталог палеотипов, который частично публикует в 1927 и 1929 гг. (из запланированных пяти выпусков были изданы два). Книговедческая тема станет для Киселёва основной уже в 1930-е гг.

Работая в Румянцовском музее, Киселёв вынужден всё больше времени уделять и «Мусагету». Это связано с дальнейшим развитием идейных разногласий в кругу бывших единомышленников.

Один из лидеров издательства, А. Белый постепенно отходит не только от «братского» круга, но и от «Мусагета», выходит, как он сам определял, из «коллектива». 14 июня 1911 г. он пишет М. К. Морозовой: «Я даже подумываю о том, что, пожалуй, придется выйти из Мусагета. Желание работать есть, а Мусагет превратился в какое-то бездействие <...> Мне нечего делать в Мусагете. Всякое мое живое предложение не то что отвергается, но молчаливо откладывается в неопределенность <...> Если в Мусагете не удастся мне провести „coup d'etat“ в направлении деятельности, так или иначе связанной с русским (а не каким-либо иным) символизмом или с русской (черпающей у Запада) культурой, а будет безразличное благополучие переводов и только, мне как бойцу, как русскому литератору делать нечего»¹.

В том же 1911 г. «обиженный» Минцловой Эллис вместе с Б. П. Григоровым образуют при издательстве «Мусагет» первый

¹ Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи, воспоминания, публикации. М., 1988. С. 538.

московский кружок по изучению работ Штайнера. В этот кружок также входят Д. В. Алексеев, Н. А. Григорова, С. П. Григоров, В. Ф. Ахрамович, М. И. Сизов, О. П. Сизова, М. И. Сизова, А. С. Петровский, Р. М. и М. Р. Глиэры, В. М. Викентьев, М. В. Сабашникова, Т. Г. Трапезников, А. А. Тургенева, Б. Н. Бугаев, В. О. Нилендер¹. В сентябре 1911 г. Эллис берет инициативу в свои руки и уезжает за границу в поисках «Учителя», видя такого теперь лишь в лице Р. Штайнера.

Временное страстное увлечение Л. Л. Кобылинского Штайнером было отчасти связано с тем, что Штайнер поддержал Эллиса (как тому показалось) в его сугубо личных переживаниях. Дело в том, что Эллис, боготворивший М. И. Сизову, считал, что между нею, Киселёвым и им самим существует «магическая» связь. И вот в апреле 1912 г. М. И. Сизова приехала в Гельсингфорс на цикл лекций Штайнера со своим «непосвященным» женихом В. М. Викентьевым. Эллис, зная об отношениях Сизовой и Киселёва, попытался объяснить ситуацию Штайнеру. Глубоко возмущенный поведением Викентьева и Сизовой, он стал требовать от всех немедленно прекратить общение с ними². Забегая несколько вперед, отметим, что Киселёв, вопреки увещеваниям Эллиса, не только не отказался от общения Сизовой, но еще более развил отношения с ней, что послужило лишним поводом

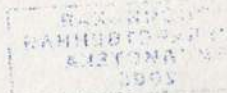
¹ См.: Fedjuschin V. B. *Rußlands Sehnsucht nach Spiritualität*. Schaffhausen, 1988. S. 99–100.

² Сложившаяся ситуация неполно представлена в воспоминаниях М. В. Сабашниковой. См.: Волошина. С. 204. Подробное описание реально сложившейся ситуации см. в письмах Л. Л. Кобылинского к Н. П. Киселёву (НИОР РГБ. Ф. 128), а также в публикации Р. фон Майдель: *Новое литературное обозрение*. 2001. № 51. С. 236–239.

для разочарования Эллиса в «розенкрейцерах». Результатом сложных переживаний Эллиса стало то, что весной—летом 1912 г. он начинает активно «подталкивать» А. Белого и других сотрудников «Мусагета» к антропософии. Лишь позднее, когда в русском антропософском движении к руководству пришли чуждые Эллису люди, например, тот же Викентьев, из страстного пропагандиста учения Штайнера он превратился в убежденного борца с антропософией, строя свои обвинения теперь уже антропософского движения на якобы сексуальных отклонениях его приверженцев¹.

Андрей Белый уже весной 1912 г. фактически отказывается от поиска возможных розенкрейцеровских контактов. 7 мая 1912 г., после личной встречи с Рудольфом Штайнером, он и Ася Тургенева решают стать «учениками Доктора». Он по-прежнему видит себя на розенкрейцеровском пути, но его единственным учителем

¹ Для духовных поисков начала XX в. характерно, что их идеологи, на словах выстраивая «магические», «мистические» треугольники, на практике занимались построением треугольников любовных. А. Р. Минцлова пыталась выстроить треугольник Зиновьева-Аннибал—Сабашникова—Иванов (до Сабашниковой на это место примеривался поэт С. М. Городецкий); Эллис связывал себя в «магический» треугольник с Сизовой и Киселёвым. Подобные примеры можно приводить и дальше: Белый—Блок—Менделеева, Н. К. Метнер—Э. К. Метнер—А. М. Братенши, Мережковский—Гиппиус—Философов (последние вообще пытались создать «многоугольник») и т. п. Даже настоящая духовная связь при соприкосновении с личным была обречена на разрыв; достаточно вспомнить руководителей «Мусагета» Э. К. Метнера и А. Белого, связь которых фактически прервалась, как только вмешалось постороннее лицо (Ася Тургенева). Сам Э. К. Метнер видел источник разрыва с А. Белым в личности Аси Тургеневой, это же признавал и А. Белый. См.: Белый. Воспоминания. Кн. 3. С. 306.

становится теперь Штайнер. Уже в 1913 г. А. Белый пишет М. К. Морозовой: «Штейнер, единственный в мире, кому я могу сказать: „Учитель“, в нем „мой путь“. Я не могу отречься от Христа. Христос. Он для меня „Путь и утверждение Истины“. Розенкрейцерский путь, проповедуемый Штейнером, есть воистину путь чистого христианства. Мы всё ищем, всё ещё ищем реального хлеба Жизни. Дело Доктора, строительство новой религиозной культуры <...>

Розенкрейцерство — это тайное братство, в котором культивировались знания, недоступные иным; знание подлинного строения человека, его связи с космосом, не только моральной, но анатомически-физиологической. Оккультизм, как наука будущего, превосходит для меня все смелые сны, какими явились бы для человека XV столетия достижения естествознания XIX столетия»¹.

Большинство членов «Мусгета» пытались идти навстречу А. Белому, учесть его точку зрения, но категорически отказывались признавать Штайнера в качестве «учителя», носителя розенкрейцерских знаний. Например, Э. Метнер, подчеркивая свою верность прежнему «пути», посылает Киселёву открытку с масонской символикой из Веймара, священного города Гёте. Метнер, будучи знатоком гётевского наследия, не принимал штайнеровского гётеизма, легшего в основу антропософии. В 1914 г. в «Мусгете» вышла направленная против Штайнера книга Метнера «Размышления о Гёте».

Сомнения в антропософии были и у Киселёва. В августе 1912 г., будучи командирован от Румянцовского музея в Мюнхен для изучения постановки библиотечного дела, он как «эксперт»

¹ Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 541–542.

от Москвы знакомится с Рудольфом Штайнером, слушает его лекции. Личное знакомство Киселёва со Штайнером, произведшим на него впечатление, всё же не сделало его приверженцем антропософии. По-видимому, Киселёв не находил в антропософии «посвятительного пути», полноценной инициации. Эрудиция Киселёва в области истории мистики заставляла его искать посвятительное начало не в следовании доктринам современных ему учений, а в обращении к документам эзотерической традиции.

В отличие от Э. Метнера и Киселёва, А. С. Петровский поворачивается в сторону антропософии: в 1912 г. он становится одним из основателей и редактором первого антропософского издательства в России — «Духовное знание», а в 1913 г. — одним из учредителей Антропософского общества в Москве. Ближе к антропософам, чем к Э. К. Метнеру, оказывается и М. И. Сизов. Таким образом, из «эзотерической пятерки» активно сотрудничать с книгоиздательством «Мусагет» продолжают лишь Метнер и Киселёв.

Впрочем, Метнер сделал ряд шагов навстречу антропософам, в первую очередь — А. Белому: в 1911 г. во многом из-за конфликтов с А. Белым был сменен секретарь «Мусагета» А. М. Кожебаткин, такая же участь была уготована и следующему секретарю издательства В. Ф. Ахрамовичу (его халатностью был недоволен и сам Метнер). В результате 24 ноября 1914 г. Метнер нотариально доверяет Н. П. Киселёву управление и заведование всеми делами принадлежащего ему издательства «Мусагет».

Вступив в должность секретаря, Н. П. Киселёв в качестве «девиза» своей деятельности взял фразу из письма П. В. Киреевского к Н. А. Елагину от 13 декабря 1854 г.: «Я все-таки не унываю и буду продолжать барахтаться всеми силами, как бы ни было коротко мое поприще. Потребность в обдуманном издании

книг до такой степени вопиющая, что я непременно пускаюсь на эту дорогу, во что бы то ни стало».

Киселёв отдавал себе отчет в том, что вряд ли сможет сделать что-то значительное в условиях начавшейся войны. Война повлекла за собой прекращение финансирования издательства из Германии. Э. К. Метнер в 1914 г. покинул Россию и фактически отошел от прямого участия в подготовке изданий. Тем не менее, не теряя надежды, Киселёв развивает активную издательскую деятельность. Из 59 изданных «Мусагетом» книг и рекламных буклетов 19 были полностью подготовлены к печати и изданы Киселёвым.

Как свидетельствуют письма Метнера к Киселёву, владелец издательства хотел, вопреки всем разрывам, продолжать издание произведений А. Белого. Не прекращалось сотрудничество А. Белого и в журнале «Мусагета» «Труды и дни»¹. Но прежнего единства, конечно же, не было, разногласия были очевидны всем, в том числе и Киселёву. Новый секретарь «Мусагета» разделял сотрудников издательства на 5 групп: символическую, богословствующую, эстетическую, философскую и оккультическую, к первой из них относя всех «идеологов» (Э. Метнера, А. Белого, Вяч. Иванова), а самого себя — к третьей, «эстетической» группе.

Уже упоминалось, что среди книг «Мусагета» серия «Орфей» во многом стояла особняком. Именно она должна была, по мнению Киселёва, стать основой для восстановления полновесной деятельности. К концу 1914 г. в этой серии вышло шесть книг:

¹ См.: Лавров А. В. «Труды и дни» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 202–203.

1. Рэйсбрук Удивительный. Одевание духовного брака. (Книга вышла 19 июня 1910 г.) Перевод Михаила Сизова, осуществленный со 2-го издания, которому была предпослана вступительная статья Мориса Метерлинка. 1000 экз.

2. Гераклит Эфесский. Фрагменты. (23 сентября 1910 г.) Перевод Владимира Нилендера. 1000 экз.

3. Мейстер Экхарт. Проповеди и рассуждения. (22 марта 1912 г.) Перевод Маргариты Сабашниковой. 850 экз.

4. Цветочки Святого Франциска Ассизского. (Апрель 1913 г.) Перевод А. П. Печковского. Вступительная статья С. Н. Дурылина. 2200 экз.

5. Сведенборг Э. Увеселения премудрости о любви супружеской. (Вышла в 1914 г.) Издание подготовил В. В. Пашуканис. 196 экз.

6. Бёме Я. Аугога, или Утренняя заря в восхождении. (6 марта (?) 1914 г.) Перевод Алексея Петровского, с посвящением Рудольфу Штайнеру. 2000 экз.

Определяя состав серии «Орфей», Вяч. Иванов писал: «...предпочтение отдается творениям, входящим в историческую связь развития мистики европейской, корни которой лежат с одной стороны в христианстве, с другой — в эллинстве»¹.

Н. П. Киселёв называл эту серию *Collectio nostra* и активно разрабатывал планы ее продолжения, не ограничиваясь кругом авторов, связанных с «эллинством». Перечислим книги, которые, по мнению Киселёва, должны были непременно выйти в серии «Орфей»²:

¹ Иванов В. И. Собрание сочинений. Т. III. Брюссель, 1979. С. 704.

² Краткий список, без полной расшифровки см.: НИОР РГБ. Ф. 128.

7. Гимны Орфея. Перевод Вл. Нилендера; 8. Парацельс; 9. Кунрат; 10. Плутарх. Перевод К. Г. Локса; 11. Агриппа. Оккультная философия; 12. ван Гельмонт; 13. Пордедж Д. Три трактатца; 14. Флудд Р. Перевод Б. Лемана; 15. Плотин; 16. Филострат; 17. Каллист Катафигиот; 18. Николай Кавасила; 19. Иоганн Триттейм. De VII sec.; 20. Фауст 1540; 21. Кеплер; 22. Бурийон; 23. Гюйон; 24. Лиде; 25. Уильям Лоу; 26. Сен-Мартен Л.-К. Старый перевод; 27. Таулер. Старый перевод; 28. Эккартсгаузен К. Рассуждение о ислении и сожжении всех вещей; 29. Анналы Платона; 30. Иоахим аббат Фиоре; 31. Книга Эноха.

Этим первоначальным «нумерованным» списком планы Н. П. Киселёва не исчерпывались. Например, в качестве авторов, которых следует издать в серии «Орфей», он также рассматривал Гихтеля, Василия Валентина, Пико дела Мирандолу, Юнга-Штилинга и многих других. За новый перевод Сен-Мартена брался Д. С. Недович, за Я. Бёме — Ю. П. Анисимов. Для некоторых книг Киселёв даже сделал наброски титульного листа. Например, 6 марта 1914 г. он планировал в качестве седьмой книги серии «Орфей» издать 42 таблицы к творениям Я. Бёме, а 14 апреля 1915 г. сделал набросок титульного листа книги Герарда Цервальда «О преобразовании сил душевных» в переводе с латинского Владимира Нилендера (впоследствии Нилендер стал известным переводчиком, но вынужден был переводить не произведения мистиков, а сочинения Эсхила и Софокла). Все эти замыслы первоначально казались Киселёву реально осуществимыми, поскольку имелся круг лиц, интересовавшихся изданиями серии «Орфей». 7 апреля 1914 г. Киселёв завершил вступительную статью к изданию «Херувимского странника» Ангела

Силезского (Иоганна Шеффлера); 8 мая 1914 г. были отпечатаны первые две тетради пробного оттиска.

Замыслы Киселёва не ограничивались однако одной лишь серией «Орфей»; в его архиве сохранился также (вероятно, относящийся к 1914—1915 гг.) план издания мистической литературы, составленный с ориентацией на книгоиздательское и рукописное наследие русских масонов. Он выглядит так:

I серия «новиковская»:

1. Парацельс; 2. Агриппа; 3. Франкенберг; 4. Сендивогий; 5. Кирхвегер; 6. Л.-К. Сен-Мартен; 7. Г. Палама и, возможно, 8. Порредж.

II серия «лабзинская»:

1. Я. Бёме; 2. Дузетан; 3. Таулер; 4. И. А. Поздеев; 5. Ретцель.

III серия «масонская»:

1. Седдаг; 2. Штарк; 3. Хётчинсон; 4. Хризомандер; 5. Должности братьев злато-розового креста; 6. Плуменек; 7. Компас мудрых; 8. Псевдо-Парацельс. Химическая Псалтырь.

IV серия «пиетическая»:

1. А. С. Шишков; 2. Гюйон; 3. Юнг-Штиллинг.

V серия «Полное собрание сочинений» К. Эккартсгаузена.

Для «новиковской» серии Киселёв составил даже «обоснование» и рекламу для будущих подписчиков и начал практическую работу по подготовке ее к изданию.

Однако издательским надеждам Киселёва не суждено было сбыться из-за фактического прекращения деятельности «Мусасгета». Финансовые проблемы усугубил серьезный конфликт, вызванный публикацией Эллисом памфлета «Vigilemus!», в котором содержалась острая критика идей Р. Штайнера. В этих условиях приверженцы антропософии сплотились вокруг А. Белого,

Э. Метнер же занял сторону Эллиса. К началу 1915 г. Эллис фактически прекращает творческое сотрудничество с Россией. Как свидетельствуют его письма к Киселёву, он делает выбор в пользу католичества, обосновывая его, в частности, тем, что в западной церкви невозможны такие личности, как Илиодор и Распутин. При этом Эллис предостерегал бывших своих единомышленников — сотрудников «Мусагета» от возможного увлечения софиологией П. А. Флоренского, по его мнению, еще более опасного, чем увлечение антропософией.

В марте 1915 г. в Дорнахе происходит и личный разрыв между Э. Метнером и А. Белым¹. В конце сентября 1916 г. А. Белый заключает договор на издание собрания сочинений с В. В. Пашуканисом, но какие-то отношения еще оставались между членами бывшего «коллектива» вплоть до 1917 г. Окончательный разрыв произошел после уже очередного инцидента в феврале 1917 г., когда в связи с выходом книги Андрея Белого «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», написанной как ответ Эмилию Метнеру на его «Размышления о Гёте», появился пасквиль философа И. А. Ильина, внесший в идейный конфликт А. Белого и Э. Метнера оттенок личной склоки².

Большинство бывших друзей Э. Метнера и А. Белого, в том числе и Киселёв, осудили поступок Ильина, тон его работы, а также «вдохновлявшего» его Метнера. Но были и исключения.

¹ Подробнее об этом конфликте см.: Белый. Воспоминания. Кн. 2 (здесь же см. комментарии А. В. Лаврова).

² Об истории этого пасквиля в своих воспоминаниях рассказал сам А. Белый: Белый. Воспоминания. Кн. 3. С. 279—280. См. также переписку И. А. Ильина и Э. К. Метнера: НИОР РГБ. Ф. 167. К. 13. Ед. хр. 9; К. 16. Ед. хр. 14.

Например, М. С. Шагинян 19 февраля 1917 г. писала из Нахичевани Метнеру в Цюрих: «Сейчас работаю над двумя статьями по адресу этого бредового полудиота г. Бугаева: одна специально-научная, другая обще-философская. Уж я его разнесу, не беспокойтесь, а если встречу, то „оскорблю действием“. Он поган и завирается. Книга его производит душное, миазматическое впечатление; чем больше читаю ее, тем больше зверею. Ильин, и за это я ему все личные обиды простила, написал Белому резкое письмо. Чем кончится это дело, не знаю. Все друзья Б<елого> (и твоя „Марго“) переполошились»¹. В числе сторонников Метнера оказался и Эллис, в июле 1917 г. написавший в связи с конфликтом резкое письмо Киселёву. В октябре 1917 г. в результате конфликта с А. Белым Метнер пошел на разрыв и с Киселёвым.

Иными словами, через семь лет после возникновения эзотерической «пятерки» произошел ее полный распад и фактическая смерть «Мусагета». Не осталось никаких надежд на возрождение прежнего розенкрейцеровского круга, а «завет» Минцловой «любите друг друга» после пятилетних перебранок выглядел, по крайней мере, странным. Пути бывших сотрудников «Мусагета» разошлись: А. Белый и Петровский обратились к антропософии, Э. Метнер — к «глубинной психологии» Юнга, Эллис — к иезуитизму. Киселёв, единственный из мусаметцев, не примкнул ни к каким новым учениям, а продолжил изучение розенкрейцеровства по историческим источникам. Пожалуй, причину распада розенкрейцеровского круга наиболее емко выразил А. Белый, заявивший, что «новая культура несовместима с традицией „орденства“»².

¹ НИОР РГБ. Ф. 167. Пост. 39—1977. «Марго» — Сабашникова.

² Белый. Символизм как миропонимание. С. 470.

Как уже было сказано, ряд проектов «Мусажета» (например, собрание сочинений А. Белого) перешел к В. В. Пашуканису, создавшему свое собственное издательство. Надеясь на возрождение книгоиздательской деятельности, Н. П. Киселёв разрабатывает очередные планы по выпуску книг, ориентируясь на новые обстоятельства.

После кончины академика А. Н. Пыпина, долгое время занимавшегося изучением российского масонства, разбором его бумаг занялся учитель Киселёва Я. Л. Барсков. Другой ученик Барскова, Г. В. Вернадский, в это же время готовил диссертацию, посвященную Ордену вольных каменщиков в царствование Екатерины II, что привело его и Киселёва к идее совместных проектов, которые постоянно корректировались¹. Общие интересы у Киселёва были и с издателем Пашуканисом, который серьезно интересовался творческим наследием Сведенборга и занимался

¹ В архиве Киселёва сохранился ряд писем Вернадского к нему за 1915–1916 гг. Из писем явствует, что при издании сборника статей А. Н. Пыпина и при подготовке собственной диссертации Вернадский активно консультировался с Киселёвым по вопросам поиска архивных документов и атрибуции переводных текстов русских масонов. В 1915 г. Г. В. Вернадский договорился с академиком А. С. Лаппо-Данилевским о том, что Академия наук берет под свое покровительство проект описания масонских рукописей (при участии Барскова, Киселёва, Вернадского). Во второй половине 1916 г. в письмах постоянно заходит речь о возможной публикации масонских архивных материалов. Г. В. Вернадский брался подготовить «Масонские речи XVIII века» (С. И. Гамалея, И. И. Панаев и др.), «Речи, произнесенные на Орловских теоретических собраниях 1789–1791 гг.», лекции И. Е. Шварца, сочинения Н. А. Краевича и Н. В. Репнина, «Магазин Свободно-Каменьщицеской», «Устав или правило В. К.», Устав организации Елагинских лож 1770-х гг.

собираанием масонских и мистических рукописей. Киселёв как специалист был привлечен Пашуканисом к составлению каталога его собрания. Особый интерес Пашуканис проявлял к редким изданиям Н. И. Новикова, которые планировал переиздать (своеобразным «соединяющим» изданием серии «Орфей» и издательства В. В. Пашуканиса могла стать не вышедшая в «Мусагете» книга Ангела Силезского)¹.

События Первой мировой войны, 1917 года, Гражданской войны серьезно откорректировали планы исследователей российского масонства. Киселёв все свои силы сосредоточил на спасении наследия русских вольных каменщиков; он способствовал поступлению архива Д. И. Попова в Румянцовский музей и сам составил его описание: «Инвентарь масонских рукописей Дмитрия Ивановича Попова». На основе тщательного изучения указанного архива Киселёвым уже в 1916 г. были подготовлены к изданию первые три выпуска предполагаемой «масонской» серии.

Архивом Д. И. Попова не ограничилось поступление собраний видных вольных каменщиков в Румянцовский музей. Вскоре сюда стали поступать семейные архивы Арсеньевых и Казначеевых. Изучение этих собраний оказало существенное влияние на Киселёва, который впервые столкнулся с фактом реального существования прямых наследников русских масонов «новиковского периода». Н. П. Киселёва заинтересовало не только идейное наследие лиц, в той или иной степени связанных с масон-

¹ Интерес к редким масонским изданиям в круте «Мусагета» был не только у Киселёва и Пашуканиса. Например, прежний секретарь «Мусагета» А. М. Кожебаткин также собирал масонские издания, причем некоторые из них ранее принадлежали Владимиру Соловьёву. См. статью Г. Дрюбина о А. М. Кожебаткине и его библиотеке: Памятные книжные даты. 1984. М., 1984. С. 268.

ством, но и их личности; не случайно он называл В. С. Арсеньева и П. М. Казначеева (наряду с П. А. Чистяковым и А. А. Карелиным) гениальными людьми, которые не смогли раскрыться¹.

Румянцовский музей не полностью приобрел материалы архива и библиотеки Арсеньевых, хотя Киселёв и добивался их сохранения в музее как единого собрания, поэтому в начале 1920-х гг. Киселёв был вынужден на собственные средства купить значительную часть библиотеки и рукописей у наследников Арсеньевых, а также у книгоиздательства «Задруга» (материалы были приобретены этим издательством для подготовки сборников «Масонство в его прошлом и настоящем»).

Обнаружение новых ценных источников по истории русско-го масонства и изучение их привело Киселёва к тому, что он решает временно отказаться от первоначальной идеи переиздания новиновских книг и подготовки новых переводов мистической литературы, стремясь как можно скорее ввести в научный оборот новые документы. Он разрабатывает план издания новой серии книг под названием «Материалы и исследования по истории мистики и масонства» (МИИММ). Уже к 1917 г. Киселёв останавливает свой выбор на подготовке шести выпусков серии:

Вып. 1. Масон Дмитрий Иванович Попов. Тексты и биографические документы (31 №№).

Вып. 2. Творения Петра Дмитриевича Маркелова (25 №№).

Вып. 3. Статьи, речи и письма из архива Д. И. Попова.

Вып. 4. К позднейшей истории теоретического градуса в Москве в 1828–1829 гг.

¹ Список этих людей сохранился в дневнике Н. П. Киселёва, характеристику «гениальности» см. ниже в письме Н. П. Киселёва к Я. Л. Барскову.

Вып. 5. Беседы и письма Руфа Семёновича Степанова.

Вып. 6. Сочинения и письма Василия Васильевича Артемьева.

По мере подготовки этих книг первоначальный план претерпевает изменения. Поскольку возникли сложности при составлении вып. 6, Киселёв решает заменить его изданием своего (начатого еще в 1911 г.) перевода главы о розенкрейцерах из книги Г. Арнольда «Беспристрастная история церкви и еретиков». (В архиве Арсеньевых хранился перевод этой работы, выполненный масоном В. А. Лёвшиным, их прямым предком по материнской линии.) Серия получает новое название: «Материалы по истории масонства».

К подготовке серии Киселёв стремился привлечь разных ученых. Предполагалось, что вступительную статью к «Творениям» П. Д. Маркелова напишет П. А. Флоренский. Введение к «Беседам и письмам» Р. С. Степанова собирался написать С. П. Бартенев, биографический очерк — М. П. Степанов (наследник и владелец части архива). Из-за того, что они не представили тексты вовремя, пятый выпуск серии также оказался под угрозой срыва. Киселёв начинает серьезно продумывать вопрос об издании вместо этого писем С. И. Гамалеи. Он делает первые наброски вступительной статьи, текстологически сравнивает два уже существующих издания писем. Чтобы издать Гамалею более представительно, Я. Л. Барсков и Г. В. Вернадский занялись подготовкой к публикации также его «Сочинений». Однако и их работа не была завершена.

Помимо этих шести выпусков, которые представлялись Киселёву осуществимыми в короткий срок, им выстраивались и более общие планы.

Первая серия: *Русские розенкрейцеры*.

1. Исследование. История.
2. Исследование. Биографические материалы.
3. Розенкрейцерские ритуалы.
4. Протоколы собраний и речи.
5. Письма русских розенкрейцеров.
6. Шварц И. Е. Лекции, документы.
7. Новиков Н. И. Биографические документы и сочинения.
8. Новиков Н. И. Письма.
9. Барсков Я. Л. Переписка московских масонов, 2-е издание.
10. Лопухин И. В. Записки и письма.
11. Гамалея С. И. Письма. 3-е издание. Речи.
12. Беседы И. А. Поздеева и всё о нем.
13. Поздеев И. А. Письма.
14. Чеботарев Х. А.
15. Баженов В. И. Исследование, тексты, воспроизведение творений.
16. Невзоров М. И. Послания и роспись содержания «Друга юношества».
17. Лунин А. М. Воспоминания.
18. Ржевский В. М. Дневник и речь.
19. Титов П. Я. Исповедь и письма.
20. Степанов Р. С.
21. Лабзины. Сочинения (кроме переписки с Д. П. Руничем).
22. Левицкий Д. Г. Исследование, тексты, воспроизведение творений.
23. Витберг А. Л. Исследование, тексты, воспроизведение творений.
24. Рунич Д. П. Переписка с А. Ф. Лабзиным.
25. Маркелов П. Д. Сочинения.
26. Голенищев-Кутузов П. И.
27. Мудров М. Я.

28. Артемьев В. В.
29. Римский-Корсаков А. П.
30. Курбатов П. А.
31. Попов Д. И.
32. Арсеньев В. С. Воспоминания и дневники.
33. Арсеньев В. С. Переписка.
34. Арсеньев В. С. Сочинения.
35. Оригинальные писания русских розенкрейцеров (Лопухин И. В., Краевич Н. А. и др.).
36. Дополнения и поправки к выпускам 1—35.
37. Указатели.

Вторая серия. *Архив русского масонства:*

1. Сводный каталог масонских рукописей.
- 2—3. Алфавит русских масонов.
4. Дополнения к «Алфавиту русских масонов», списки лож, списки воспитанников Московского университета, Попечительного общества о тюрьмах, подписчиков на мистические издания («Сионский вестник», Штилинг).
5. Масонские статьи и речи.
6. Масонские письма.
7. Масонские мемуары (Ф. П. Лубяновский, Ильин, Симанский, Е. Рогожин, В. А. Бибиков).
8. Художники-масоны.
9. Декабристы в масонских ложах.
10. Типография Московского университета, 1801—1850 гг.
11. Уставы и обрядники различных систем.
12. Матерь-ложа Трех знамен.
13. Ложы Умирающий сфинкс и Вифлеем.

14. Ложь Нептун и Феникс.
15. Ложь Елизавета к добродетели и Александра златого льва.
16. Ложь Ищущие Манны и шотландская ложь Гермес.
17. Капитул Феникса.
18. Елагин И. П. Сочинения и письма.
19. Ковалинский Михаил Ив. Сочинения.
20. Писания Александра Ивановича Ковалькова.
21. Сочинения и дневник П. Л. Сафонова.
22. Переписка П. Л. Сафонова и его родных.
23. П. А. и А. П. Болотовы.
24. С. А. Маслов.
25. Архив Карнеевых.
26. Письма Юнг-Штиллинга.
27. Архив баронессы Крюденер.
28. Журнал магнетических призывов А. Н. Голицына.
29. Собрание писем А. Н. Голицына и дневник Ю. Н. Бартечева.
30. Сочинения Александры Петровны Хвостовой.
31. А. П. Дубовицкий.
32. Г. С. Батеньков.
33. К. А. Лохвицкий.
34. Вл. Гр. Тепляков.
35. Яков Золотарев.
36. Цензурные отзывы Ф. А. Голубинского.
37. В. Ф. Одоевский.
38. Алексей Владимирович Долгоруков.
39. Воспоминания М. В. Толстого.
40. В. С. Печерин.
41. Переписка Павла Александровича Бакунина.

Следует отметить, что Киселёв, конечно же, прекрасно понимал несовершенство разработанных серий: предполагаемые публикации были весьма разнородны, неравноценны по объёму и по содержанию, некоторые имели лишь отдаленное отношение к масонству. Особенно ощущается негармоничность второй серии. Вообще, 78 запланированных книг — это выглядит беспочвенным прожектерством; но если учесть, что тот же «Мусагет» в короткие сроки опубликовал 59 печатных изданий, планы Киселёва (в других социально-политических условиях) могли бы оказаться не столь утопичными. Мы видели, что Киселёв рассчитывал на участие в своих проектах Г. В. Вернадского, Я. Л. Барскова, М. П. Степанова, П. А. Флоренского и др. Переписку Д. П. Рунича с А. Ф. Лабзиным брался подготовить Б. Л. Модзалевский. В научной среде существовал интерес к подобной тематике, поэтому можно было ожидать, что в работу будут вовлекаться новые сотрудники: так, в 1916 г. Н. К. Пиксанов подготовил к изданию, снабдив предисловием и комментариями, сборник работ А. Н. Пыпина «Религиозные движения при Александре I», тематически перекликавшийся с планами Н. П. Киселёва. Имея в виду подготовку публикаций, Киселёв принялся копировать архивные документы и составлять комментарии к ним.

Существовали и конкретные издательства, которые могли воплотить разработанные Киселёвым планы. Например, издательское товарищество «Задруга», с которым Н. П. Киселёв сотрудничал в 1917–1918 гг., не было разочаровано выпуском двухтомной книги «Масонство в его прошлом и настоящем»; оно приобрело часть архива Арсеньевых и было готово издавать новые книги по масонству (был даже напечатан рекламный проспект третьего тома упомянутого сборника статей о масонстве). Определенные

издательские возможности оставались у В. В. Пашуканиса; какую-то помощь можно было ожидать и от толстовцев, с многими из которых (В. Ф. Булгаков, Н. Н. Гусев, В. Г. Чертков) Киселёв сблизился в это время (в частности, в 1918 г. он даже входил в «Совет общества истинной свободы в память Л. Н. Толстого»).

Воплощению этих планов мешал целый ряд обстоятельств. Во-первых, сам Киселёв не был сотрудником Отдела рукописей Румянцовского музея, а потому не мог заниматься исключительно подготовкой предполагаемых изданий; работе с архивными документами он мог посвящать лишь свободное время. Во-вторых, с весны 1918 г. по 1919 г. Киселёв руководил работами по вывозу в Москву художественных предметов и книг из бывших дворянских имений и не мог сосредоточить свои усилия на одной лишь научной работе. *«С весны 1918 К. принял деятельное участие в собирании в Румянцовский Музей книжных богатств, оставшихся от дореволюционного времени; количество перевезенных им библиотек весьма значительно».*

Этой стороне деятельности Н. П. Киселёва следует посвятить несколько слов. После революции Киселёв (как и его друг А. С. Петровский) стал эмиссаром Наркомпроса в Комиссии по охране памятников при Московском Совете рабочих и красноармейских депутатов и, находясь на этом посту, постоянно командировался в различные места для фактического спасения собраний и коллекций. Так, в 1919 г. он вместе с А. В. Грищенко и В. И. Раевским был командирован в усадьбу князей Барятинских Марьино, находившуюся в с. Ивановском Льговского уезда (в настоящее время посёлок Марьино Рыльского района). Во время Гражданской войны и разрухи они

сумели первоначально описать ценнейшую коллекцию Барятинских, а затем доставить ее в Москву, где она поступила в Музейный фонд. При этом отметим, что значительная часть коллекции была направлена в Румянцовский музей и библиотеку¹. В том же году Киселёв ездил в Дмитров для просмотра старых рукописей. В ноябре 1919 г. Киселёв командирован в Оптину пустынь для осмотра библиотеки и решения вопроса о вывозе рукописей, книг и портретов; тогда они были оставлены в Оптиной пустыне, так как Киселёв стремился сохранить собрание в цельном виде². Киселёву приходилось разбирать библиотеки также в брошенных пустующих поместьях в непосредственной близости линии фронта. После революции Киселёв привез в библиотеку Румянцовского музея свыше 70 тысяч книг, он занимался также приёмкой и обработкой ряда поступивших в музей рукописных фондов (при национализации в Отдел рукописей поступило не менее 10 архивных фондов). Основная работа по вывозу коллекций из имений была завершена еще в 1924 г., но Киселёв периодически привлекался к такой форме работы (в основном, к оценке и вывозу библиотек) вплоть до 1926 г. Им было вывезено в Москву имущество имений Воронцова-Дашкова, Корсаковых, Чичериных,

¹ См.: Лотарева Д. Д. Марьино: усадьба русского аристократа // Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995. С. 159; Федоров С. И. Марьино. М., 1989; Федоров С. И. Марьино князей Барятинских. Курск, 1994; Холодова Е. В. Усадьбы Курской губернии. Историко-архитектурные очерки. Курск, 1997. С. 7–12.

² За подобное же решение вопроса выступал и П. А. Флоренский. См. его письмо, направленное Н. П. Киселёву: Советская культура. 1988. 3 ноября. С. 6. Неопубликованное письмо Флоренского к Киселёву по этому поводу и ответное письмо хранятся также в фонде Киселёва в НИОР РГБ.

Шереметевых (с. Михайловское), он осматривал на предмет передачи в Румянцовский музей библиотеки Английского клуба, П. П. Шибанова, Ю. В. Арсеньева и др. С отголосками «национализации» сталкивался Н. П. Киселёв и позже, например, в 1933 г. он являлся «бригадиром ударного отряда», который перевозил книги и рукописи из «Загорского» филиала библиотеки в ее московские помещения. Иными словами, богатейшее собрание Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии было перевезено в Москву также Н. П. Киселёвым.

Подчас подобный вывоз обрел трагические черты. Так, в числе арестованных «контрреволюционеров» оказался В. В. Пашуканис, занимавший после 1917 г. пост ученого секретаря Румянцовского музея. В 1919 г. В. В. Пашуканис был расстрелян, а в январе 1920 г. на его квартиру (Большая Никитская, 17) для «осмотра, отбора и вывоза» имущества был «командирован» Киселёв, его бывший близкий соратник по «Мусагету», изучению масонства и Румянцовскому музею.

В 1919—1926 гг. Киселёв, явно задумываясь о будущей судьбе собрания своих предков и помня о судьбе В. В. Пашуканиса, передает в Румянцовский музей рукописное собрание Киселёвых, а около 1927 г. направляет в Пушкинский Дом семейное собрание портретов (Киселёвых и Ушаковых).

В 1919 г. Киселёв возглавил в библиотеке общий библиографический отдел, ведавший справочными изданиями различного характера (впоследствии из него вырос справочно-библиографический отдел). Через два года, в 1921 г., Н. П. Киселёв по собственной инициативе, единолично принимает решение о реорганизации в библиотеке справочного аппарата, тем самым воплощая в жизнь свои прежние идеи, которые он активно разрабатывал с А. С. Петровским

еще до 1917 г. В связи с реорганизацией они совместно составляют «Инструкцию каталогографическую. Составление карточного каталога»¹.

Тогда же, в 1921 г., Киселёв стал инициатором создания при главной библиотеке страны Музея книги — Отдела редких книг. С 1926 г. он возглавлял этот отдел, формально выделенный из Отдела рукописей, организовав при нем отдельный читальный зал, свою справочную библиотеку. Киселёв привлек к работе в новом отделе ряд специалистов: М. И. Щелкунова, А. С. Зернову, Е. И. Кацпржак, получивших впоследствии известность благодаря своим научным трудам.

Таким образом, Киселёв, по существу, создал в бывшем Румянцовском музее три новых отдела: каталогизации, научный и редких книг.

В этот же период он продолжает работу и над запланированной серией публикаций о масонстве. 29 декабря 1919 г. он завершает составление тома «Из архива Арсеньевых. Новые документы к истории русского масонства в царствование Екатерины II», куда вошли списки членов московских лож Озириса, Трех Знамен, Сфинкса, Элевзины, дерптской ложи Утренней Звезды; протоколы заседаний лож Орфея (при Рязанском полку), Трех Знамен (Москва), теоретического градуса в Вологде; переписка, связанная с ложей Северной Звезды (Вологда), и ряд других материалов.

¹ См.: Виноградов А. К. Организация Центральной библиотеки СССР как культурный памятник Ленину. М., 1924. С. 393—473. 24 января 1924 г. публичная библиотека Румянцовского музея была преобразована в Центральную библиотеку СССР имени В. И. Ленина, а 6 февраля 1925 г. — в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина.

В феврале 1920 г. Киселёв подал в дирекцию Румянцовского музея докладную записку о включении в издательский план «Писем С. И. Гамалеи» (третье, расширенное и дополненное издание) и «Писем И. А. Поздеева», но решение дирекции оказалось отрицательным. Это не заставило Киселёва отказаться от своих замыслов, и в 1922—1923 гг. ему удается опубликовать в журналах две свои работы о масонстве¹. Первые, пусть и небольшие, успехи побудили автора возродить свои издательские планы. 11 мая 1923 г. он направляет в Государственное издательство заявку на издание книги «Русское масонство в его представителях». При этом в заявке жестко не оговорены ни состав, ни объем книги (10—20 печатных листов), ни сроки ее издания (6—12 месяцев). Предложенный состав сборника таков: 1) Якоб Ленц и масонство (на основе бумаг ложи Трех Знамен); 2) Дневник В. Л. Боровиковского (полная публикация); 3) А. Ф. Лабзин в ссылке (публикация 38 неизданных писем А. Ф. Лабзина и 6 писем его жены с обширной вводной статьей), 4) Экскурс о попытках масонов круга А. Ф. Лабзина упростить орфографию русского языка (идейная подготовка новейшего советского правописания); 5) Масон-атеист (статья о М. А. Дмитриеве-Мамонове, основанная на его неизданном дневнике); 6) Д. И. Попов и его значение для историографии русского масонства (как сочинения Д. И. Попова были использованы М. Н. Лонгиновым в книге «Новиков и московские мартинисты»); 7) Исправления и дополнения к списку

¹ Письма русских масонов // Голос минувшего. 1922. № 2. С. 182—187; Д. Г. Левицкий и масонство. (К столетию со дня смерти художника) // Среди коллекционеров. 1923. № 5. С. 26—28.

лож, составленному А. Н. Пыпиным; 8) Масоны-духовные, 9) Дубовицкий. Очевидно рассчитывая, что это поможет утверждению заявки, Н. П. Киселёв умышленно акцентировал внимание на некоторых побочных сторонах истории русского масонства (конфликты некоторых вольных каменщиков с официальной Церковью, попытки реформы правописания), хотя оно интересовало его само по себе — как феномен духовной и культурной жизни общества. Однако это не помогло: Киселёв вновь получил отказ.

После кончины П. А. Чистякова, в 1924 г., Киселёв начинает работу над его биографией. Он наследует и архив журнала «Ребус»¹. В том же году у него производится обыск, его архив опечатывают, но до ареста дело не доходит. После обыска Киселёв становится очень осторожен в контактах, практически прекращает вести дневниковые записи. Своеобразным ответом на обыск стало написание в 1925 г. статьи о провокации Х. Персица, о которой упоминалось выше.

Киселёв продолжает работу по ранее намеченным темам. Например, в 1925 г. он посылает Б. И. Зданевичу в Киев запрос о записках масона К. А. Лохвицкого, а в связи с работой Киселёва над сочинениями П. Д. Маркелова Б. Л. Модзалевский дарит ему портрет этого мистика начала XIX в.

Много времени отнимает у Киселёва организаторская деятельность. В 1924 г. он представил развернутый план будущего устройства Центральной библиотеки имени Ленина. Особое место в плане реорганизации занимал грандиозный Литературный

¹ В 1949 г. этот архив был передан в Отдел рукописей Ленинской библиотеки вместе с архивом Н. П. Киселёва, а затем выделен в отдельный фонд (№ 368).

музей, причем наряду с «кабинетами» Л. Н. Толстого и А. П. Чехова Киселёв планировал создание «масонской комнаты», где были бы сосредоточены все масонские рукописи Румянцовского музея. Если бы план Киселёва был претворен в жизнь, коллекция «масонской комнаты» превзошла бы по своему богатству все другие собрания вместе взятые.

С 1924 г., после произведенного у него обыска и отклонения многочисленных планов по изучению истории Ордена вольных каменщиков в России, Киселёв понимает, что ему придется отложить исследования собственно масонских тем, затрагивая интересующую его тему лишь косвенно. Поэтому ученый начинает уделять преимущественное внимание истории русского книгопечатания XVIII в., составляя реестр типографий, печатавших книги на русском языке, систематизируя их по городам и странам. Наибольший интерес Киселёв проявляет к деятельности тайной масонской типографии.

В 1920–30-е годы, судя даже по сохранившимся отрывочным дневниковым записям, Киселёв тесно связан с анархо-мистиками, например, с А. А. Карелиным, Л. А. Никитиным и др., создавшими ряд парамасонских обществ в советской России. В 1920 г. он вступил в тайную организацию, созданную Карелиным, но, судя по всему, вышел из нее уже в следующем году¹. Также обращает на себя внимание тот факт, что среди материалов к биографическому «Словарю масонов» у Киселёва встречаются некрологи его современников, хотя никаких иных сведений об их

¹ См. извлеченные А. Л. Никитиным из архивов ФСБ материалы допросов сотрудницы библиографического отдела Румянцовского музея В. В. Гурберт-Поспеловой и М. И. Сизова: Орден российских тамплиеров. Т. 1. М., 2003. С. 35–36; Розенкрейцеры в советской России. М., 2004. С. 233.

масонстве нет. Такие вкрапления вряд ли объяснимы небрежным отношением Киселёва к материалам собственного архива, поскольку трудно предположить подобную «чуждость» систематизации у профессионала-архивиста такого уровня.

Ближайшим сподвижником Киселёва по изучению масонства в 1920-е годы становится Сергей Петрович Щуров (1866—1930), о котором известно из оставшейся в рукописи развернутой биографической статьи Н. П. Киселёва. С. П. Щуров был сыном управляющего домами и магазинами П. М. Третьякова и крестником последнего. Получив образование в Московском коммерческом училище на Остоженке, Щуров работал бухгалтером в Московской конторе Государственного банка. В 1889—1914 гг. он неоднократно совершал поездки за границу, посетил большинство европейских стран. С 1896 г. Щуров служил в канцелярии Румянцовского музея, а в 1899 г. по рекомендации И. В. Цветаева был переведен на научную работу. 1 апреля 1900 г. Щуров стал помощником хранителя отделения изящных искусств (и классической древности) Московского Публичного и Румянцовского музеев, практически возглавив работу отделения, так как официальный руководитель (И. В. Цветаев) являлся директором Румянцовского музея и не мог уделять достаточно времени работе отделения. За время работы в отделении изящных искусств С. П. Щуров принимал новые собрания, составлял многочисленные каталоги-описания, особое внимание уделял гравюрам, организовал выставки работ К. П. Брюллова и А. А. Иванова. В 1907 г. Щурову была официально передана должность хранителя указанного отделения. В 1909 г. он обнаружил кражу гравюр, которую совершил посетитель отделения, потомственный почетный гражданин М. П. Кознов (он похитил в Румянцовском музее

310 гравюр, из которых была найдена лишь 221). В связи с расследованием и судебным рассмотрением дела Щуров, некоторое время подозревавшийся в хищении, не считал возможным оставаться на посту хранителя и, будучи в 1911 г. восстановлен в должности с выплатой содержания за время расследования, решил более не возвращаться на службу в Румянцовский музей.

Во время одной из заграничных поездок, вероятно, летом 1908 г. в Париже, Щуров был посвящен в масонство. По крайней мере, к 1910 г., времени знакомства с Еленой Львовной Киреевой, будущей второй женой, сотрудницей Румянцовского музея, он был уже масоном высших степеней. После ухода из Румянцовского музея он жил на доходы с собственного дома на Кузнецкой улице в Москве и по 1920 г. занимался исключительно изучением печатной литературы о масонстве. В России Щуров был, вероятно, тесно связан с масонами Казначеевыми — продолжателями дела В. С. Арсеньева; по крайней мере, среди бумаг С. П. Щурова находились печать ложи Коловион к сокровенной мудрости¹, основанной в Москве 24 июня 1919 г., и роскошно оформленные обрядники первых трех степеней, а также печать и обрядники в тетрадах 1885 г. В 1919–1920 гг. Щуров и Киселёв тесно общаются (примечательно, что именно в это время появляется новая московская ложа, в которую предположительно входит Щуров), и Киселёв находится под большим впечатлением от личности Щурова. Он называет его в числе людей, которые могли бы оказать большое влияние на русскую культуру. Киселёв убеждает Щурова в необходимости изучения не только опубликованного,

¹ Коловион — орденское имя Николая Новикова. Ложа Казначеевых носила название Семён Гамалея к кубическому камню. См. подробнее: Серков А. И. История русского масонства. 1845–1945. СПб., 1996. С. 72–84.

но и рукописного наследия русских вольных каменщиков XVIII—XIX столетий. Он пытается восстановить на работе бывшего сотрудника Румянцовского музея, но, вероятно, Щуров не мог забыть незаслуженного обвинения. Как бы там ни было, ряд писем розенкрейцеров, готовившихся к изданию Н. П. Киселёвым, были скопированы в фондах Румянцовского музея Щуровым. У Щурова, несомненно, были и собственные научные интересы при изучении масонства, о чем свидетельствуют его многочисленные выписки о декабристах-масонах.

28 марта 1930 г. С. П. Щуров умирает, и Киселёв лишается одного из своих ближайших товарищей-наставников; а вскоре последовал еще один удар. Уже в октябре 1929 г. в стране начались аресты среди историков, продолжавшиеся до середины 1931 г. Всего было арестовано более 120 сотрудников академических и учебных заведений, среди которых был и близкий знакомый Киселёва Ю. В. Готье, заместитель директора Библиотеки имени Ленина.

14 июля 1930 г. партийная комиссия по чистке аппарата Государственной Центральной Книжной Палаты обвинила Н. П. Киселёва как заведующего Библиографической библиотекой в недостаточном внимании к работе и постановила снять его с этой должности из-за «слабо развернутой работы <...> по обслуживанию контингентов». Через 5 дней, 19 июля 1930 г., партийная комиссия по чистке аппарата уже самой Государственной библиотеки имени Ленина постановила: «гр. Киселёв, стоя во главе учреждения, не принимал должных мер к привлечению внимания общественности к практической деятельности музея, к обслуживанию более широких масс. Не проявил инициативу в деле постановки более актуальных тем по научной работе музея

книги, ограничиваясь исключительным изучением внешности книги, ее производств<енной> стороны вне ее значения, как фактора культурного. <...> По собственному признанию имеет больше склонности к чисто научной работе. По своему мирозерцанию, относясь лояльно к современному политическ<ому> строю, активно проводить политику партии в научной работе не может. П<артийная> комиссия постановила освободить гр. Киселёва от обязанности Зав. музеем книги, оставить его на научной работе. Считать необход<имым> поставить во главе Музея рабочего-полиграфиста».

Снятие с руководящей должности первоначально не помешало Киселёву заниматься научной работой, теперь уже в качестве ученого консультанта Отдела редкой книги (Музея книги), но политическая ситуация в стране заставляла всё более отдаляться от изучения масонства. В 1930-е годы на сдельных началах Киселёв описывает книги XV—XVI вв. в библиотеках МГУ и в Исторической библиотеке (вместе с предыдущими работами книговеда это составило, по существу, сводный каталог палеотипов библиотек Москвы), но основное внимание уделяет изучению истории книги XV—XVII вв. В 1929—1939 гг. Киселёв работает также над циклом лекций и монографией по истории иллюстрированной книги, составляет список книжных иллюстраторов XVII—XX вв. Много времени отнимают редактирование «Словаря псевдонимов» И. Ф. Масанова и переезд фондов библиотеки в новые помещения (в частности, в 1935 г. в новое здание был полностью перемещен Отдел редких книг, где работал Киселёв).

В апреле 1932 г. Киселёв переходит на должность главного библиотекаря Музея книги библиотеки, неоднократно премируется за ударный труд, 5 июня 1938 г. Высшей аттестационной

комиссией утверждается (одним из первых) в ученном звании профессора по специальности книговедение, входит в ученые советы Московского полиграфического института и Всесоюзной книжной палаты.

В середине 1930-х гг. произошли перемены и в личной жизни Н. П. Киселёва. Христина Лаврентьевна с 1918 г. неоднократно выезжала на родину; их брак прервался, а в 1938 или 1939 г. она окончательно уехала в Норвегию, где и умерла 17 сентября 1942 г. Н. П. Киселёв женился на Евгении Ивановне Кацпржак (урожденной Гребенщицкой) (1893—1972), которая с 1930 г. непрерывно работала в Ленинской библиотеке.

При всех переменах в личных и служебных обстоятельствах изучение мистических течений и масонства не отходит на второй план. В 1930 г. Киселёв начинает писать работу о происхождении и первых годах жизни Е. П. Блаватской, в 1934 г. в основных чертах составляет уже упоминавшийся очерк о С. П. Щурове. В это же время Киселёв занимается сбором материалов о П. А. Чистякове и А. И. Бобровой. Все эти материалы могли бы в будущем составить цикл очерков о мистиках рубежа XIX и XX веков, но надежд на издание подобного цикла практически не было.

В 1920—30-е годы Киселёв продолжает кропотливую работу и над «масонской серией». Помимо шести названных выше выпусков, подготовленных в основном еще в 1910-е гг., им были в разной степени завершены еще шесть издательских проектов:

1. Воспоминания, дневники и переписка В. С. Арсеньева.
2. Полное собрание писем Н. И. Новикова.
3. Матерь-ложка Трех знамен в Москве и зависевшие от нее ложки (1779—1786). По неизданным материалам.

4. Описание масонских рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

5. Словарь русских масонов.

6. Письма И. А. Поздеева.

О каждом из этих выпусков следует сказать несколько слов.

1) Личные документы В. С. Арсеньева Киселёв готовил к печати еще вместе со Щуровым, который скопировал воспоминания и частично дневник масона, а также написал вступительную статью «Данные для биографии В. С. Арсеньева».

2) История подготовки к изданию писем Н. И. Новикова отражена в переписке Киселёва с Я. Л. Барсковым, которая публикуется ниже. Еще в 1922 г. книга была подготовлена ими совместно с Б. Л. Модзалевским для издательства «Наука и школа», но выход ее тогда не состоялся. В 1931 г. Киселёву удалось вновь договориться об ее издании с издательством «Academia». Партийное покровительство этому проекту взял на себя директор Библиотеки имени В. И. Ленина В. И. Невский. В 1935 г. В. И. Невский был освобожден от занимаемой должности и репрессирован, а вслед за этим была приостановлена и подготовка книги в издательстве «Academia». Киселёв пытался выпустить письма Н. И. Новикова в издательстве библиотеки, но вновь безрезультатно. Лишь в 1970 г. Е. И. Кацпржак смогла опубликовать (с цензурными изъятиями) несколько писем Н. И. Новикова, подготовленных к печати ее покойным мужем¹.

3) Статья о ложе Трех Знамен составила основу настоящей книги, и о ней будет особо сказано ниже.

¹ Книга. Исследования и материалы. Сб. 21. М., 1970. С. 163–192.

4) В 1936 г. Киселёв заключил с дирекцией Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина договор, в соответствии с которым он за полгода должен был описать приблизительно 600 масонских рукописей, поступивших в библиотеку после 1900 г. (времени составления предыдущего краткого описания). Киселёв с энтузиазмом приступил к работе, при этом он мог надеяться опубликовать результаты своих исследований, поскольку по договору описание должно было быть представлено в «готовом для печати виде». Договор несколько раз продлевался в 1937 г., а затем работа была приостановлена, поскольку Н. П. Киселёв предоставил меньше описаний, чем было оговорено в договоре. Очевидно, Н. П. Киселёв недооценил объем работы; при составлении каталога он столкнулся с рядом сложностей, в частности с тем, что материалы масонских собраний не были систематизированы, рукописям не были присвоены архивные шифры.

5) После увольнения В. И. Невского с поста директора Всесоюзной библиотеки Киселёв попытался найти поддержку своим начинаниям у директора Литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича. Летом 1935 г. Киселёв ведет переговоры с Литературным музеем, а к январю 1936 г. составляет проект договора с музеем о подготовке «Алфавита русских масонов 1750—1850 гг.»¹. Еще в 1934 г. он занялся планомерной разработкой издания и к 1936 г. завершил написание первых биографий (буквы А—В). Н. П. Киселёв предполагал включить в свой алфавит около 5000

¹ Почти одновременно (около 1933 г.) составлением аналогичного словаря масонов, но уже в Париже, занялась Т. А. Бакунина (в замужестве Осоргина), что вызвало определенное недовольство Г. В. Вернадского, заявившего, что черновой список русских масонов ранее был составлен им и Н. П. Киселёвым.

биографий, по 1500 персоналиям хотел сделать более полные статьи с биобиблиографическими отсылками. Особое внимание предполагалось уделить биографиям розенкрейцеров (приблизительно 150 имен). Одновременно Киселёв взялся копировать все известные документы, связанные с русскими розенкрейцерами.

6) При подготовке писем И. А. Поздеева Киселёв скопировал значительный комплекс материалов (всего сохранилось более тысячи писем Поздеева) и начал сравнение различных списков. И в статье о ложе Трех Знамен, и в комментариях к письмам Новикова он подчеркивал выдающееся значение этого эпистолярного корпуса и необходимость его полного издания.

Несомненно, Н. П. Киселёв был наиболее тонким и знающим специалистом по истории масонства и мистицизма в России; следует признать, что для своих публикаций он выбирал действительно наиболее значимые документы. Однако нельзя не отметить и ряд недостатков, присущих его работам об Ордене вольных каменщиков. Он брался одновременно разрабатывать слишком многие темы и потому не мог довести до конца начатое, так что большая часть книг «масонской серии» осталась на стадии отрывочных первоначальных заметок; занимался копированием документов, но при этом не отделял главного от второстепенного, делал списки масонских материалов лишь по мере возможности, а не планомерно; практически не выезжал из Москвы, не работал в архивах Петербурга—Ленинграда, а потому не мог завершить текстологическую подготовку своих публикаций.

Впрочем, завершению работ Киселёва по истории масонства вновь помешали внешние обстоятельства. 24 июня 1941 г., на третий день войны с Германией, он был арестован, а через несколько дней

эвакуирован в Саратовскую тюрьму¹. Причиной ареста послужили постоянные сношения с иностранцами (научные, родственные, дружественные). 5 августа 1941 г. его увольняют из библиотеки. Первоначально Киселёву было предъявлено обвинение по статье 58, затем по статье 58в. В ходе следствия эти обвинения были сняты. 24 января 1942 г. по делу № 2820 2-го Управления НКВД как социально опасный элемент Н. П. Киселёв был приговорен к лишению свободы на восемь лет. В 1942 г. его переводят из Саратова в Канск, а еще через полгода в лагпункт близ станции Решеты Красноярского края. В лагере Киселёв последовательно работал секретарем амбулатории, библиотекарем, лекпомом. 30 июня 1947 г. он был освобожден (по указу от 7 июля 1945 г. о сокращении сроков) и направлен на поселение в город Александров Владимирской области, куда прибыл 14 июля 1947 г. На поселении Н. П. Киселёв, которому уже было за шестьдесят, не мог найти работу; он нигде не служил и жил благодаря помощи жены и на случайные научно-литературные заработки, получаемые из Москвы. В 1948 г. он направляет письмо В. Д. Бонч-Бруевичу, предлагая ему свою библиотеку (около тысячи томов), составленную из редких мистических и масонских изданий. Вопрос о приобретении библиотеки решен не был. Чтобы сохранить творческое наследие Киселёва, Е. И. Кацпржак в 1949 г. начинает передачу архива мужа в Отдел рукописей бывшего Румянцовского музея.

Оторванность от архивов и библиотек заставила Киселёва обратиться к давно оставленной работе: в 1950—1953 гг. он активно

¹ См. мемуарное свидетельство С. Ермолинского, оказавшегося в одной камере с Киселёвым: Ермолинский С. Из записок ранних лет. Михаил Булгаков, Николай Заболоцкий. М., 1990.

трудится над изучением стихотворных размеров русских поэтов. В мае 1952 г. он пишет заявление: «Чувствуя себя в полном обладании умственными способностями и значительным запасом знаний, полагая, что могу еще приносить пользу обществу, прошу дать мне возможность возобновить научную работу в Москве». Однако лишь 10 января 1955 г. (уже после кончины Сталина) по постановлению Президиума Верховного Совета СССР с Н. П. Киселёва была снята судимость вместе со всеми ограничениями. Таким образом, лишь через восемь лет после освобождения из лагеря у него появилась возможность вернуться к серьезной научной работе.

С 1955 г. и вплоть до кончины Н. П. Киселёв составляет указатели к книгам представителей академической элиты: к многотомной «Истории русского искусства», к «Всеобщей истории искусства», книгам В. Н. Лазарева «Происхождение итальянского возрождения», И. Н. Голенищева-Кутузова (бывшего вольного каменщика) «Итальянское возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.». В связи с работой над указателями многотомных изданий по истории искусства Н. П. Киселёв получает возможность частично возвратиться к изучению масонства: он активно собирает данные о художниках-масонах, отдельно выделяет их биографии из своего «Алфавита русских масонов». 2 июля 1956 г. Киселёва восстанавливают на работе, но в тот же день он увольняется из Ленинской библиотеки и переходит на должность заведующего научно-книговедческой библиотекой Всесоюзной книжной палаты. 22 апреля 1957 г. дело по обвинению Н. П. Киселёва было пересмотрено военным трибуналом Ленинградского военного округа, постановление Особого Совецания НКВД СССР от 21 января 1942 г. в его отношении отменено и делопроизводство прекращено за отсутствием состава преступления.

20 июля 1958 г. Н. П. Киселёв выходит на пенсию (общий стаж его работы в библиотеках составил свыше 46 лет), но до конца жизни продолжает оставаться научным консультантом Отдела редких книг. Он начинает работу над воспоминаниями (была написана глава «Румянцевский музей в 1910–1917 годах»¹), выступает на книговедческие темы в Доме ученых, а с конца 1950-х гг. вместе со своей женой, Е. И. Кацпржак, автором обобщающего труда «История книги» (1964), рецензирует и редактирует сборники «Книга». Условиями советской действительности со второй половины 1930-х гг. Н. П. Киселёв был фактически лишен возможности работать над изучением масонства, завершить свои двадцатилетние исследования, поэтому книговедческая тематика становится ведущей в научных интересах ученого. В 1961 г. он публикует сведения о редчайших отрывках печати гутенберговского времени; вместе с А. С. Зерновой создает методику описания кириллических книг; занимается описанием греческих книг, изданных в России (работа не была завершена).

Последние годы жизни Н. П. Киселёв тяжело болел, ему было трудно посещать библиотеки. 11 апреля 1965 г. у него случился инсульт, а в ночь на 17 апреля того же года он умер. Некролог его был помещен не в изданиях библиотеки, в которой он проработал более 30 лет, а в английской «The Times». Позднее от имени редакции сборников «Книга» некролог Н. П. Киселёва был написан М. М. Клевенским². Имя Н. П. Киселёва вспоминается редко: в связи с его ранними работами об инкунабулах в

¹ См. публикацию И. Т. Пяттоевой: Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 51. М., 2000. С. 301–308.

² Его сокращенный вариант был опубликован: Книга. Исследования и материалы. XII. М., 1966. С. 277–280.

московских собраниях либо в связи с трудами о метрике стиха у А. А. Дельвига и М. Ю. Лермонтова, на основе которых в 1920-е гг. велись семинары в ГАХН; иногда Киселёва вспоминают как редактора «Словаря псевдонимов русских писателей и ученых» И. Ф. Масанова.

В этом очерке мы могли лишь очень кратко рассказать о жизни и духовных поисках Николая Петровича Киселёва. В дополнение к сказанному приведем еще один документ. Свои интересные, но отрывочные (из-за самоцензуры 1930—50-х гг.) дневниковые записи Киселёв предварил несколькими списками, например, ближайших родственников, лиц, с которыми ему было приятно общаться, и т. д. Часть этих списков дублируется. Среди списков есть и нижеследующий:

Люди, имевшие для меня величайшее значение.

А. Старшие.

Н. А. Трескин; А. В. Адольф; Я. Л. Барсков; П. А. Чистяков;
Е. Г. Браун; Г. А. Рачинский; А. Р. Минцлова; С. П. Щуров;
В. Г. Чертков; А. А. Карелин; В. Я. Брюсов; В. И. Иванов;
М. О. Гершензон.

Б. Ровесники:

Б. Н. Бутаев; Л. Л. Кобылинский; А. С. Петровский; М. И. Сизов;
Н. И. Сизов; Э. К. Метнер; Н. К. Метнер; М. А. Петровский;
В. Ф. Булгаков; С. М. Соловьев; В. Ф. Ахрамович;
В. В. Пашуканис.

Интерес представляет и другой список, названный «Initiatores». Приведем и его:

М. В. Киселёва¹ паки; П. А. Чистяков и А. И. Боброва; В. И. Прибытков; Б. Н. Бугаев; Н. В. Пшенецкая; П. Н. Батюшков; П. И. Астров; Г. А., А. К., Т. А., П. А. Рачинские; Э. К., К. П. Метнер и сродники; В. И. Иванов; о. В. А. Богданов; о. И. В. Арсеньев; R. Steiner; L. Keller; С. П. Щуров; П. М. Казначеев; В. Г. и А. К. Чертковы²; А. А. и Е. Ф. Карелины; Л. А. Никитин.

Даже приведенные списки дают основу для изучения духовных поисков Н. П. Киселёва. Отметим, что в числе людей, о которых Н. П. Киселёв хранил «дружеское и благодарное воспоминание», он назвал также Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, В. О. Нилендера.

Статья Н. П. Киселёва о ложе Трех Знамен, впервые публикуемая в настоящей книге по авторской машинописи, была, как свидетельствуют его собственноручные пометы, написана в период с 6 мая 1929 г. по 12 августа 1931 г. Автор надеялся опубликовать свою работу в «Трудах» Ленинской библиотеки. Попытки выпустить в свет отдельным изданием («Из архива Арсеньевых») уникальные масонские материалы окончились в свое время неудачей, поэтому при написании статьи Киселёв решил поместить некоторые из подготовленных им документов в качестве приложений к ней, а другие активно использовал в

¹ Мария Владимировна Киселёва, урожд. Бегичева (1847–1921) — жена Алексея Сергеевича, дяди Н. П. Киселёва. Детская писательница; сотрудничала в журнале «Ребус». См.: Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. М., 1992. С. 542.

² Анна Константиновна Черткова, урожд. Дитерихс (1859–1927) — троюродная племянница В. С. Арсеньева.

тексте самой работы. При этом часть документов он оставил для включения в последующие запланированные публикации: о масонстве XIX в., о теоретическом градусе, в издание «Писем И. А. Поздеева». Киселёв предполагал после опубликования статьи продолжить работу над историей российского масонства XVIII в. и даже сделал наброски аналогичных статей о двух других «материнских» ложах: Латоны (Н. И. Новикова) и Озириса (кн. Н. Н. Трубецкого).

Полувековое изучение истории русского масонства XVIII века, начало которому было задано основополагающим сочинением М. Н. Лонгинова «Новиков и русские мартинисты» (1867), символически завершилось несколькими значительными книгами, изданными в последние предреволюционные годы. В 1915 г. Я. Л. Барсковым был опубликован обширный корпус переписки московских масонов. В 1916 г. Г. В. Вернадским были собраны в единый том статьи о масонстве академика А. Н. Пыпина. Наконец, в 1917 г. вышла в свет диссертация самого Г. В. Вернадского «Русское масонство в царствование Екатерины II». Защита диссертации состоялась 22 октября, за три дня до большевицкого переворота. Сам Вернадский на этом основании шутливо называл себя последним русским ученым. Книга Вернадского все последующие годы и в самом деле оставалась «последним словом» в историографии русского масонства. Несмотря на достижения в исследовании отдельных частных тем, ничего принципиально нового в этой «неудобной» области в советские годы сделано не было.

Так вышло, что небольшая статья Н. П. Киселёва через три четверти века после ее написания открывает новые перспективы в исследовании русского масонства. Она не только вводит в научный оборот множество прежде неизвестных фактов, но и,

обнаруживая в русском розенкрейцёрстве вторую, отличную от новиковской, линию, заставляет пересмотреть многие устоявшиеся точки зрения. Роль И. Е. Шварца, Г. Я. Шрёдера, И. А. Поздеева, обстоятельства следствия 1792 года, сложная структура взаимоотношений внутри Ордена в царствование Александра I — всё это подлежит тщательной проверке и переосмыслению. Можно не сомневаться, что, если бы Н. П. Киселёву удалось хотя бы отчасти довести до конца и обнародовать свои изыскания, не только история русского масонства, но и многие стороны прошлого отечественной культуры предстали бы в новом свете.

При исследовании русского масонства Н. П. Киселёвым были выбраны ключевые темы. Вот почему, занимаясь той же темой, мы в своих работах фактически реализуем его планы. К настоящему времени нами совместно с М. В. Рейзиным опубликованы письма Н. И. Новикова, подготовлены к публикации воспоминания и дневники В. С. Арсеньева, выпущен биографический словарь российских масонов, проведена большая работа по составлению описания масонских рукописей (преимущественно хранящихся в Российской государственной библиотеке), скопирован практически весь корпус писем С. И. Гамалеи, И. А. Поздеева, других руководителей русского масонства начала XIX в. (А. П. Римского-Корсакова, М. Ю. Виельгорского, С. С. Ланского). Однако доведение до конца начатых работ и публикация их результатов вновь оказываются затруднительны: так же, как и во многих других областях духовной жизни, свободное историческое исследование сдерживается теперь уже не политическими и идеологическими препятствиями, а экономическими факторами.

А. И. Серков

27 августа 2004 г.

«ВАМ, МОЙ ДРУГ, ВСЁ ЭТО
ПОНЯТНО С ПОЛУСЛОВА...»

Из переписки Н. П. Киселёва с Я. Л. Барсковым
(1913–1937)

Из обширного эпистолярного наследия Н. П. Киселёва, отложившегося в архиве ученого (НИОР РГБ. Ф. 128), нами отобрана для публикации его переписка с Яковом Лазаревичем Барсковым — его гимназическим учителем, старшим товарищем по научной работе, близким и доверительным другом. Эта переписка по содержанию своему отчасти примыкает к теме настоящего издания: история русского масонства, личность Н. И. Новикова составляли общий интерес научных изысканий обоих историков. Кроме того, в публикуемых письмах, охватывающих четверть века: от неясных ожиданий предреволюционных лет и полных творческих устремлений первых послереволюционных до сгущающегося мрака середины тридцатых, — нашла отражение эпоха, столь богатая незаурядными личностями и столь мало давшая им возможностей для воплощения их талантов.

Я. Л. Барсков родился 19 марта (ст. ст.) 1863 г. в с. Полищи Касимовского уезда Рязанской губ., образование получил на историко-филологическом факультете Московского университета, где в числе его учителей был В. О. Ключевский. В 1886 г. он окончил курс с серебряной медалью и был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности, но, будучи поглощен педагогической практикой, не представил магистерской диссертации. Он начал преподавать

в ряде московских учебных заведений, в частности, исполнял обязанности инспектора классов в Павловском институте, преподавал в 5-й Московской гимназии; затем, уже в Петербурге, в 1908 г. — в Ксенинском институте, в 1909-м — на Педагогических курсах военно-ученого ведомства, в 1909—1914 гг. — в Женском педагогическом институте, в 1908—1916 гг. — на Высших женских курсах, где читал курс «теории истории». Помимо этого, Барсков служил в собственной е. и. в. канцелярии по учреждениям императрицы Марии, был председателем правления Общества вспомоществования бывшим воспитанникам Павловского института, членом императорского Женского патриотического общества (института) и за свою деятельность был пожалован чином статского советника.

В 1890—1900-е гг. Я. Л. Барсков сотрудничал с московским журналом «Детский отдых» (здесь печатались также Вас. И. Немирович-Данченко, Д. Н. Мамин-Сибиряк и другие известные литераторы). Вначале он писал под псевдонимами «Р» и «Я. Болотин», а затем стал выступать и под настоящим именем и даже недолго временно редактировал это периодическое издание. В 1896 г. он предпринял попытку издавать при той же редакции свой собственный журнал «Искусство и наука», к работе в котором привлек историка А. А. Кизеветтера, Д. Н. Мамина-Сибиряка и других видных сотрудников, однако из-за финансовых затруднений выпустил лишь один номер журнала.

В начале 1900-х гг. Я. Л. Барсков переезжает в Петербург и устраивается делопроизводителем в Санкт-Петербургском главном архиве Министерства иностранных дел, где активно собирает материалы для своих будущих работ. В это время он подготовил к изданию «Памятники первых лет русского старообрядчества» (1912), в которые включил новые материалы, внес текстологические исправления в ранее опубликованные и составил примечания к ряду произведений, в том числе к «Житию протопопа Аввакума». Кроме того, Барсков активно работал над документами

Екатерины II, сделал доклад о ее сочинениях в Русском историческом обществе, после чего был привлечен академиком А. Н. Пыпиным к изданию 12-томного собрания сочинений императрицы. В этом академическом издании Барсковым полностью или частично подготовлены 5-й, 6-й, 7-й, 11-й и 12-й том. После смерти Пыпина собранные им материалы о масонстве перешли к Я. Л. Барскову, их он впоследствии передал своему ученику Г. В. Вернадскому. Не без влияния Пыпина с середины 1910-х гг. Барсков сам занялся изучением истории русского масонства, результатом чего стало издание «Переписки московских масонов XVIII века» (1915). Изучение русского масонства предопределило долговременный интерес ученого к таким личностям, как И. В. Лопухин (о нем Барсков написал большую статью для «Русского биографического словаря»), А. Ф. Лабзин (статья о «Сионском вестнике», оставшаяся неопубликованной) и Н. И. Новиков.

Вскоре после октябрьского переворота в числе прочих сотрудников Министерства иностранных дел Я. Л. Барсков «за отказ от подчинения Совету Народных Комиссаров» был приказом наркома по иностранным делам Л. Д. Троцкого уволен от должности «без права на пенсию». Он сосредотачивается главным образом на литературной работе. Сын В. О. Ключевского передал Барскову архив своего отца; на основе этих материалов, своих конспектов, а также конспектов других учеников покойного историка Барсков подготовил к изданию 5-й том «Курса русской истории»; весь архив Ключевского он скопировал на пишущей машинке. О попытке более активно включиться в общественную жизнь свидетельствует создание Барсковым кружка имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, проспект учреждения которого вместе с ним подписали Н. А. Котляревский, А. Ф. Кони, М. К. Лемке, Б. А. Модзалевский.

В 1920-е годы Барсков затевает ряд издательских проектов, многие из которых ему не удается довести до конца. Так, безрезультатным

оказалось его сотрудничество в 1922 г. с издательствами «Наука и школа» и «Колос», для которых он замышлял написать целый ряд работ. По договору с издательством «Прибой» он напряжённо трудится над политико-экономическимopusом «Раздел мира», однако издателей не удовлетворяет уровень марксистской теоретической подготовки Барскова, и он вынужден оставить работу над задуманной книгой. В это же время он пишет популярные брошюры о Первой мировой войне, убийстве Павла I. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. он возобновляет педагогическую деятельность в Техникуме кустарной промышленности. Известно, что в 1928 г. Барсков являлся членом Научного общества марксистов, в котором неоднократно читал доклады; также был заведующим историческим кабинетом Центрального педагогического музея.

С начала 1930-х гг. Барсков начинает активно сотрудничать с издательством «Academia», для которого готовит сочинения А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина, М. М. Щербатова, работу о русском утопическом романе. Для «Литературного наследства» он готовит публикацию архива Паниных, переписки Екатерины II с Г. А. Потёмкиным, издает в этой серии ряд статей. Кроме того, в последние годы своей жизни он собирал документы о жизни и творчестве А. П. Чехова и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В разные периоды своей жизни Я. Л. Барсков сотрудничал с такими историками, как А. А. Кизеветтер, Н. А. Котляревский, С. Ф. Платонов, В. П. Преображенский, А. Е. Пресняков, А. Н. Пыпин, с некоторыми из них был связан личной дружбой. У него учились такие видные ученые, как М. П. Алексеев, П. Н. Берков, Г. В. Вернадский, В. А. Десницкий, Б. С. Мейлах, Н. Л. Степанов. Лишь немного из начатого им было доведено до конца и напечатано. 17 августа 1938 г. Я. Л. Барсков скончался в Ленинграде.

Переписка Н. П. Киселёва с Я. Л. Барсковым началась, вероятно, вскоре после переезда последнего в Петербург (ср. комм. к письму 2). Первое из известных писем Барскова к Киселёву относится к 21 мая

1902 г. (он помогал своему ученику в определении темы дальнейших исследований), Киселёва к Барскову — к 7 декабря 1902 г. В НИОР РГБ сохранились письма за 1902—1904, 1913—1915, 1922, 1924, 1931—1937 гг. Всего в архиве Н. П. Киселёва сохранилось 110 писем и телеграмм от Я. Л. Барскова и 82 письма и 1 телеграмма Киселёва к нему. После кончины Я. Л. Барскова Н. П. Киселёв перевёз архив своего учителя в Ленинскую библиотеку и, вероятно, тогда же «изъял» из фонда адресованные ему письма, что объясняет нахождение их в личном архивном фонде Н. П. Киселёва, а не Я. Л. Барскова.

Письма печатаются по автографам. Публикуются лишь письма, имеющие отношение к изучению масонства и принципиально важные для характеристики личных взаимоотношений между корреспондентами; некоторые письма печатаются в отрывках, при этом пропущены в основном мелкие бытовые детали. Конъектуры, купюры, пояснения публикаторов обозначены угловыми и фигурными скобками, квадратные скобки всюду авторские. В комментариях к письмам не повторяются сведения, нашедшие место во вступительной статье.

1. Барсков — Киселёву

Любезный Николай Петрович! Нет ли у Вас в Рум<янцовской> б<иблиоте>ке книги Polick A. F., Beiträge zur Geschichte d<er> Freimaurerei in Mecklenburg, I, 1854? В ней излагается история ложи «Трёх звезд» в Ростове. Она же освещается в другой книге Polick «Rede bei d<er> Secularfeier d<er> Loge zu d<en> 3 Sternen in Rostock am 10. Juni...» Отсюда можно выяснить, **кто** был принят в ложу Трёх звезд 17 февраля 1776 года и получил патент на мастера стула 8 апреля 1778 года. Сей NN

родился 8 июля 1757 года. Если этих книг нет в Рум<янцевской> б<иблите>ке, то не можете ли Вы написать кому-нибудь из добрых знакомых в Берлин? Если Вы ничего не можете узнать, то напишите мне: я попробую сам обратиться за границу.

Имеется ли в Рум<янцевской> б<иблите>ке Wolfstieg, Bibliographie der freimaurer<ischen> Literatur? Вышло 2 тома; указатель появится в 1913 году. Труд капитальнейший.

В феврале надеюсь побывать в М<оск>ве.

Ваш

Я. Б.

Поклонитесь от меня Юрию Владимировичу и поблагодарите за письмо о Чулкове.

1913. 10/I.

На конверте письма надпись: «Москва Румянцевский Музей Библиотека. Его высокоблагородию Николаю Петровичу Киселеву». Штемпели: 12.1.1913 (Петроград) и 13.1.1913 (Москва).

Polick — книга Августа Фридриха Полика «Beiträge zur Geschichte der Freimaurerei in den beiden Großherzogthümern Mecklenburg» (Hefte 1—3. Rostock, 1854—1855) была использована Я. Л. Барсковым для установления личности барона Шрёдера, сыгравшего значительную роль в истории русского розенкрейцства. Сличив биографические данные, приводимые Поликом о мекленбургских Шрёдерах, со сведениями из дневника «русского» Шрёдера, он установил, что это — барон Генрих Якоб Шрёдер. См.: Барсков. С. 286—289.

Сей NN — бар. Г. Я. Шрёдер. Я. Л. Барсков использует сведения из дневника Шрёдера, однако допускает неточность: 8 апреля 1778 г. Шрёдер получил не патент мастера стула, а мастерскую (третью) степень масонского посвящения.

Юрию Владимировичу — Готье (1873—1943). Историк, археолог, с 1898 г. сотрудник Румянцевского музея, с 1909 г. библиотекарь, впоследствии заместитель директора Музея, с 1939 г. академик Академии наук

СССР. Ю. В. Готье был автором работ по истории «экономического быта» XVII в., местного управления при Екатерине II; его труды по археологии посвящены материальной культуре Восточной Европы. Ю. В. Готье также издал важные источники по истории Смуты и написал первый учебник по истории СССР для вузов. См. о нем подробнее: Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997.

о Чулкове — Василий Васильевич Чулков (1743(1744)—1792), ма-
сон, розенкрейцер, член Дружеского ученого общества и один из учреди-
телей Типографической компании.

2. Киселёв — Барскову

Москва, 16.I.1913.

Глубокоуважаемый Яков Лазаревич!

О книге Polick'a мне уже приходилось слышать и случалось встречать ее в антикварных каталогах — помнится, недорого. В Рум<янцовском> Муз<ее> нет ни его книг, ни Wolfstieg'a, но последний, несомненно, будет. Если Вы имеете возможность выписать книгу для чтения из Королевской Библиотеки в Берли-
не (через Архив или Публичную Библиотеку), то, думается, Вам будет лучше, не теряя времени, обратиться туда. У двух моих знакомых, имеющих библиотеки по масонству, этой книги тоже нет. Постараюсь еще справиться в Университете и в Ист<ори-
ческом> Музее и в ближайшем будущем сообщу о результате.

Я совершенно забыл спросить Вас, к какому сроку надо про-
извести сверку выписок А. Н. Пыпина? Сейчас, ввиду окончания
отчетного года, в Музее куча спешной и обязательной работы, от
которой я едва ли успею отделаться раньше дней 7—10. Если
Вы приедете в конце или после середины февраля, я, вероятно,

буду готов; но не знаю, терпит ли дело до того времени? Впрочем, я, конечно, сделаю все, чтобы поскорее сделать хоть часть работы и известить Вас о результатах сличения.

Шлю Вам искренний привет.

Ваш Н. Киселёв.

Пыпина — Александр Николаевич Пыпин (1833—1904), журналист, историк, литературовед, этнограф, академик, автор многочисленных трудов и публикаций, в том числе и по истории масонства (последние были в 1916 г. собраны Г. В. Вернадским в отдельный том: *Пыпин*). В архиве Пыпина сохранились письма к нему Я. Л. Барскова, в основном связанные с текстологической подготовкой к изданию сочинений Екатерины II (РО РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 56: 1899—1904, 47 писем). Дважды в этих письмах упоминается Н. П. Киселёв. 1 августа 1902: «Получил я письмо от своего ученика (Киселёва) с подробным перечнем находящихся у него рукописей. По-видимому, многое годится для печати, особенно для Русской старины» (Л. 10); 2 января 1904: «Н. П. Киселёв — приезжий студент из Москвы — помогает мне делать выписки <из материалов Екатерины в Государственном Архиве>» (Л. 40—40об.). Барсков был автором работы «Список трудов академика А. Н. Пыпина. 1853—1903» (СПб., 1903), а также некролога, посвященного этому ученому: Русская школа. 1904. Декабрь. С. 1—10 (есть также отдельный оттиск). Его просьба к Киселёву состояла в сличении с оригиналами выписок Пыпина из масонских документов, хранящихся в Румянцовском Музее.

3. Барсков — Киселёву

Дорогой Николай Петрович!

Что же нет вестей о рукописях, точнее — о копиях А. Н. Пыпина?

Не можете ли Вы купить для меня, если не у букинистов, то у издателя т. 30, 34, 35, 39 и 40 Архива Воронцова, хотя бы по

номинальной цене? Деньги вышло немедленно. Книги эти весьма нужны.

Я уже писал Вам, что нужна справка (в книге Polick «Beiträge zu der Geschichte der Freimaurerei in Mecklenbourg 1854» или в «Rede bei der Secularfeier der St. Johannisloge „Zu den drei Sternen in Rostock“», а также в «Kalender für die Provinzialloge von Meklenbourg und die zu ihren Sprengel gehöriger Logen») о каком-то господине, принятом в Росток в ложу Трех звезд 17 февр<аля> 1776, а 8 апр<еля> 1778 г. получил патент мастера. Родился этот господин 8 июля 1757 года — нужно знать, кто это.

Названных выше книг в Публич<ке> нет. Они выписаны, но не получены, а время уйдет.

Нет ли у Вас приятеля в Берлине, который бы нашел эту справку? Скажу большое спасибо.

Ваш Я. Б.

1913. 13 марта.

К письму приложен конверт с надписью: «Москва Румянцевский Музей (Библиотекарю) Его Высокоблагородию Николаю Петровичу Киселеву». Штемпели: 13.3.1913 (С.-Петербург) и 14.3.1913 (Москва).

Архива Воронцова — 40-томное издание «Архив князя Воронцова» выходило под редакцией Петра Ивановича Бартенева в Москве с 1870 по 1897 г.

Kalender für die Provinzialloge von Mecklenbourg — периодическое издание, издававшееся Мекленбургской провинциальной ложей в Росток в 1820—40-е годы (19 номеров); в выходных данных у Барскова не хватает года издания.

4. Киселёв — Барскову

Москва, 15.V. 1913.

Глубокоуважаемый

Яков Лазаревич!

Бесконечно виноват я перед Вами, но всё-таки, слава Богу, меньше, чем это может Вам казаться. Дело в том, что на первое из двух полученных мною от Вас (кроме сегодняшнего) писем я ответил — тотчас по собрании нужных справок, т. е. дней через 4—5—6 после его получения, и ни в коем случае не позднее 20 января письмо должно было быть в Ваших руках. Адрес был надписан Мойка 26, 8. Ответ о Polick'e был отрицательный — в отношении Рум<янцовского> Муз<ея> и Ист<орического> Муз<ея>; думаю, что его легко достать у немецких антиквариев — и недорого. Из Königl. Bibliothek Berlin его, вероятно, охотно выслали бы в Публичную Библиотеку для Ваших занятий, если Д. Ф. Кобеко пообещает дирекции КВ высылать в Берлин книги Публ<ичной> Б<иблиотеки>. Этот упрощенный обмен книгами, минуя обычный дипломатический путь, КВ изъявляла готовность применить к Рум<янцовскому> Музею.

Из второго Вашего письма (13 марта) я увидел, что ответ мой до Вас не дошел, но к этому времени я был уже в таком состоянии переутомления и растерянности, что, ежедневно себя за то браня, не мог принудить себя написать Вам вторично. Тут же (3 апреля) был юбилей Музея, который всем служащим задал лишней работы, потом Пасха. Конечно, всё это не оправдание, но ради Бога простите меня. Во всяком случае, я написал бы Вам на будущей неделе, отправляя II выпуск каталога инкунабулов (весь мною составленный) и описание рукописей Н. С. Тихонравова, в

котором я принимал значительное участие работой **внешнею**, но на который очень прошу Вас смотреть как на произведение Г. П. Георгиевского, ибо в описании рукописей я ничего не смыслю, а в старой русской литературе мало, и его дело было основательно редактировать мои черновики. Он это делал, но вряд ли достаточно — тоже был завален работою; ещё больше моего. Подробности эти оставьте, пожалуйста, между нами; каталога рукописей Тихонравова я никому посылать и раздавать не буду, Вам же не могу не послать, зная, что Вам они представляют особый интерес. А, посылая, приходится снять с себя ответственность за содержание.

В общей сложности я проработал за это время для музейского отчета 12 $\frac{1}{2}$ печатных листов; от этого и от многого другого так устал телесно и духовно, что физически не мог приходить в Музей раньше, чтобы заниматься сверкою копий А. Н. Пыпина. Начало делу всё-таки положил (еще в январе): взял пачку Ин. 36 (438), надеясь найти в ней оригинал исторической записки о русском масонстве (на немецком языке) и письмо неизвестного к Новикову (тоже по-немецки). К удивлению, вместо **двух** записок (см. печатный каталог) в пачке оказалась **одна** (не то); письма к Новикову в ней не нашел, хотя, кажется, искал аккуратно. Вскоре пришлось убедиться, что моста между пыпинскими выписками и коллекциями Музея нет, и что придется пересматривать очень значительное число папок, чтобы подобрать к копиям оригиналы. Г. П. Георгиевский, к которому я обращался за более детальными указаниями, чем те, которые даны в печатном каталоге, не мог мне помочь ничем. —

Не подумайте, Яков Лазаревич, что я от затруднений охладел к работе: это во-1 не в моем характере, а во-2 как раз идентификация

вещей трудно определимых всегда доставляла мне особенное удовольствие. Но, увидав, что нельзя произвести этой работы скоро и представить Вам ее результаты к предполагавшемуся приезду Вашему в феврале, решил сесть за нее основательно, — а для этого позднее не оказалось ни времени, ни сил. Что теперь делать? Покончив с печатанием каталогов, я рассчитывал на будущей неделе опять приняться за дело — но захотите ли Вы терпеть столь ненадежного сотрудника? Еще раз прошу у Вас извинения, и, повторяю, мне очень хотелось бы сделать эту работу — вопрос только в сроке, а не в моей охоте. Не соберетесь ли Вы в Москву в мае или июне (уеду я не ранее 10—15 июля); если бы Вы взглянули сами на оригиналы, я думаю, работа значительно сократилась бы.

Диспут Юрия Владимировича назначен на 19 мая (воскресенье), в 1 час дня, в большой богословской аудитории. Вот если бы Вы приехали! Г. П. Георгиевского до 24 мая не будет в Москве, но это не помешает получить в Отд<еле> р<у>к<о>п<исей> нужные папки. Юрию В<ладимирович>у я передал всё, что Вы писали.

Желаю всего лучшего и остаюсь искренно Вам преданный
Н. Киселёв.

Кобеко — Дмитрий Фомич (1837—1918), историк, действительный тайный советник, в 1902—1918 гг. директор Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Юбилей Музея — «Положение о Московском Публичном Музее и Румянцовском Музее» было высочайше утверждено 19 июня 1862 г. Музей был создан на основе перевезенной из Петербурга коллекции канцлера гр. Николая Петровича Румянцева (1754—1826) и включал в себя библиотеку, отделения рукописей и старопечатных книг, изобразительных искусств и древностей, христианских древностей, минералогический и зоологический кабинет, этнографическое отделение. В 1912 г. отмечалось

50-летие Румянцовского музея. См.: Пятидесятилетие Румянцовского музея в Москве. 1862—1912. Исторический очерк. М., 1913.

II выпуск каталога инкунабулов — Киселёв Н. П. Каталог инкунабулов Московского Публичного и Румянцовского музеев. Вып. 2. М., 1913. Первый выпуск, вышедший в 1912 г., содержал описание инкунабул из собрания Румянцова, второй — из собрания Авраама Сергеевича Норова (1795—1869). Еще два запланированных выпуска (инкунабулы из прочих собраний и славянские инкунабулы кирилловского шрифта) не состоялись.

Тихонравова — Николай Саввич Тихонравов (1832—1893), педагог, историк литературы, ректор Московского университета, с 1889 г. действительный член Академии наук. В 1912 г. Отделение рукописей Румянцовского музея приобрело у опекунов над имуществом покойного академика его собрание, включавшее 10 224 томов печатных книг, 703 рукописи, а также ученые бумаги и переписку. К 50-летию юбилею Музея был издан каталог рукописной части собрания: Собрание Н. С. Тихонравова. Ч. 1. Рукописи / Сост. Г. Георгиевский. (Московский Публичный и Румянцовский музей. Отделение рукописей и славянских старопечатных книг). М., 1913.

Георгиевского — Григорий Петрович Георгиевский (1866—1948), кандидат богословия, археограф, статский советник, с 1890 г. сотрудник Румянцовского музея, в 1903—1937 гг. хранитель Отдела рукописей, профессор книговедения. Письма Н. П. Киселёва к Г. П. Георгиевскому за 1918—1919 гг. см. в архиве последнего: НИОР РГБ. Ф. 217. К. 11. Ед. хр. 62.

Оригинал исторической записки о русском масонстве (на немецком языке) и письмо неизвестного к Новикову (тоже по-немецки) — оба документа: письмо И. Ф. Вегелина (см. наст. изд., Приложение I) и письмо И. А. Розенштрауха к Н. И. Новикову — хранятся: НИОР РГБ. Ин. 443.

печатный каталог — Каталог масонских рукописей Московского Публичного и Румянцовского музеев. М., 1900.

Диспут Юрия Владимировича — защита докторской диссертации Ю. В. Готье «История областного управления в России от Петра до Екатерины II».

5. Барсков — Киселёву

Дорогой

Николай Петрович!

Сейчас посылаю письмо Г. П. Георгиевскому с просьбой выслать в Госуд<арственный> Архив несколько масонских рукописей, перечисленных в бумаге Госуд<арственного> Архива. Окажите Ваше содействие; попросите от моего имени Георгиевского устроить это дело. Вы знаете, что я печатаю переписку А. М. Кутузова с его друзьями (Лопухиным, Трубецким и др.). Я имею сведения из Публ<ичной> Б<ibliote>ки, из Берлина; обойти Р<умянцовский> Музей нельзя, а приехать не могу; да и здоровье не важно, побаливают ноги, ехать в такое время рискованно. Если кто-нибудь из москвичей занимается рукописями, то пусть не пугается — я не задержу рукописей и не напечатаю; они нужны для справок.

Не подумайте, что я, как говорится, «рассердился» и попросил Вас выслать копии А. Н. Пыпина; от меня их потребовали, и я должен был поспешить. Следует оплатить Ваши расходы на пересылку. Мне не хочется причинять Вам убыток. Напишите, пожалуйста, сколько я должен уплатить Вам.

Спасибо за «инкунабулы» и за «Тихонравова». Следовало бы непременно побывать у Вас; меня только тревожит здоровье матери; да вот подите, не могу отсюда вырваться и — конец!

Как Вы поживаете? Какие у Вас работы на очереди?

Ваш Я. Б.

1913. 5 октября.

Передайте, пожалуйста, мою благодарность Юрию Владимировичу за его ответ на мое письмо о некоторых книгах и полковнике

Еренаццусе. Относительно последнего я буду просить Лефортовский архив официально, где же находится книга G. Neminis von Langenheim, то я буду очень благодарен, если Рум<янцовская> Библиотека даст мне точную справку, то есть вышлет **полный** титул оной с указанием года и места издания, числа страниц, формата и проч. В словаре Kayser'a она называется: «V. Langenheim, G. N., Naturgemässige Untersuchung d. sonderbar. physischen Nichts. 8°. Riga. 1790. Harknoch in Leipzig». Что касается других книг («О силе веры» (перевод) и «Von der Magia des Glaubens»), то других указаний не имеется и ни откуда не видать, кто их написал, где они напечатаны и проч. Ясно только, что изданы они не позже 1790 года и едва ли раньше 1789-го. Интересует меня именно 2-я «Von der Magia des Glaubens», а 1-я, надо полагать, и является переводом 2-й.

К письму приложен конверт с надписью: «Москва Императорский Публ. румянцевский Музей (Библиотека). Его Высокоблагородию Николаю Петровичу Киселеву». Штемпели: 6.10.1913 (С.-Петербург) и 7.10.1913 (Москва).

письмо Г. П. Георгиевскому — данное письмо (от 5.10.1913) хранится в настоящее время: НИОР РГБ. Ф. 217. К. 9. Ед. хр. 34.

Еренаццусе — имя его встретилось Я. Л. Барскову при подготовке к печати масонской переписки, хранившейся в Государственном архиве. Баварский дворянин, подполковник, в 1791 г. принят в свиту генерал-фельдмаршала кн. Потёмкина, состоял на русской службе до 1797 г. В России его звали Карл Фёдорович. Через него А. М. Кутузов и бар. Г. Я. Шрёдер переправили кн. Н. Н. Трубецкому письма в обход почтового ведомства, осуществлявшего перлюстрацию переписки московских розенкрейцеров с Берлином. В своем издании Я. Л. Барсков поместил выписку из формулярного списка К. Ф. Еренаццуса, взятого в Лефортовском архиве (Барсков. С. 302–303).

Лефортовский архив — Московское отделение Общего архива Главного штаба, в настоящее время в составе Российского государственного военно-исторического архива в Москве.

книга *G. Neminis von Langenheim* — Langenheim, Georg Neminis von. *Naturgesetzmäßige Untersuchung des sonderbaren physischen Nichts: als woraus, nach Mosaischen Urkunden, das Universum soll geschaffen und gebildet worden seyn. Zur Steuer der Hermetischen Philosophie.* S. I., 1790. [10]+268 S. «Имеется в Р. М., I. 3/61, в собрании гр. М. Ю. Вьельгорского, которому была подарена А. С. Норовым» (Барсков. С. 293). Упоминается в переписке А. М. Кутузова с И. В. Лопухиным (Там же. С. 18, 32).

В словаре *Kayser'a* — имеется в виду немецкий библиографический справочник: Kayser, Christian Gottlob. *Index locupletissimus librorum qui inde ab anno MDCCCL usque ad annum... in Germania et in terris confinibus prodierunt.* Leipzig, 1834—1877.

«О силе веры» — «Эта статья высоко ценилась московскими розенкрейцерами; сохранились копии в Л. Б. № 2701 и П. Б. О. III. 178. Лл. 33—47. На первой из них значится: „Переведено с немецкого оригинала, присланного от Вел[окса, т. е. от А. М. Кутузова]. Апреля дня 1788 года“. Через 2½ года И. В. Лопухин вспомнил о ней и просил Кутузова, находившегося в Берлине, прислать „еще сочинений того ж автора, которого ты прислал пьесу О силе веры“, но Кутузов успел уже забыть о ней (Барсков. С. 18, 19, 32, 67, 293)» (Переписка Н. И. Новикова. С. 478). Статья, судя по всему, была прислана в Москву в рукописи; позднее ее перевод был опубликован А. Ф. Лабзиным в приложении (С. 199—217) к изданной им книге Иоганна Августа Штарка «Письма к другу и завещание сыну об ордене Св. К.» (СПб., 1816) (см.: Письма Новикова. № 155).

6. Киселёв — Барскову

Москва, 8.X.1913.

Остоженка, д. 40 кв. 9.

Глубокоуважаемый
Яков Лазаревич!

Сегодня получил Ваше письмо — в первый день, когда имею свободный час написать письмо и когда с утра имел твердое

намерение написать Вам. Я собирался это сделать с августа месяца, чтобы оправдаться перед Вами за невысылку пыпинских копий в июле, как Вы хотели. Дело в том, что письмо Ваше, отправленное из Петербурга, помнится, 11 июля (сейчас не могу его найти), было доставлено с почты 15 или 16 июля, т. е. когда я уже уехал к Г. А. Рачинскому: **честное слово**, хотя действительно этому трудно поверить. Рукописи всё время лежали в доступном месте, на случай, чтобы, если меня не будет, их мог взять Иван Лазаревич. Я, конечно, не могу быть на Вас в претензии по поводу их возвращения; вся вина, которую я вполне сознаю, лежит на мне. Кроме того, дальнейшей отсрочки я и не мог бы у Вас просить, ибо окончательно выяснилось, что никакой возможности выполнить эту работу у меня не было бы в течение ближайших 4—5 месяцев.

Мое время в Музее всецело поглощено разбором и описанием библиотеки Н. С. Тихонравова, которые приходится вести спешно, после того, как она простояла в Музее без пользы 20 лет. По условиям помещения эта работа оказывается физически очень тяжелой, время же мое занято настолько, что даже вып. III инкунабулов я не смогу приготовить к печати для следующего отчета. Всё мое прочее время занято к<нигоиздательст>вом «Мусагет», где мне теперь приходится исполнять функции редактора, секретаря и корректора одновременно и вести в печати сразу 8 книг. Часто даже приходится **до** Музея ехать в типографию. У меня не остается времени не только для научной работы, но просто для прочтения или просмотра новой интересной книги. Самое же большое счастье мое, когда (как сегодня) я могу лечь спать в 12 часов, а не в 2—3—4: так устаю. Впрочем, простите, что пишу всё это.

Из письма Вашего к Юрию Владимировичу я записал себе номера трех рукописей, но **не обещаю** даже этой малости, хотя

думаю, что смогу это сделать. О высылке рукописей в СПб завтра же поговорю с Г. П. Георгиевским, и вполне уверен, что Вы будете удовлетворены: по учреждениям он рассылает рукописи с величайшею либеральностью. Печатать можно всё, если нет оговорки жертвователей, но такие р<у>к<о>п<иси>, кажется, и не высылаются. Работающих над масонством в Москве, кажется, нет.

По делам «Мусажета» мне **может быть** придется быть в СПб. недели через 2 или 3; **всякое Ваше поручение исполню с удовольствием.** «Архив Воронцова» я **очень тщательно** искал, но безрезультатно. Что касается расходов по пересылке Вам копий А. Н. Пыпина, то они так незначительны, что об этом и говорить не стоит. Точно описать Langenheim'a для меня составит удовольствие, если он есть в Музее: завтра справлюсь и вероятно завтра же вышлю Вам описание. {<Более поздняя приписка:> Описание вложено здесь же.}

Стыдно обращаться к Вам с литературной просьбой, после того как сам ничего для Вас не сделал, но всё-таки сообщу Вам ее содержание, прося сообщить мне, если уже что-нибудь знаете, но не беспокоить себя специальными исследованиями.

По некоторым данным есть основание полагать, что учения розенкрейцеров начала XVII века находились под сильным влиянием книги Генриха Кунрата (K[h]unrath обычно с h) *Amphitheatrum Sapientiae Aeternae, solius verae, christiano-cabalisticum, divino-chymicum* и т. д., написанной между 1598 и 1605 гг. и напечатанной впервые Hanoviae 1609 [хотя указывается ряд других изданий, но, по-видимому, они не существовали, кроме одного позднейшего]. О нем весьма вкратце сказано мною на стр. 62 книги моего друга Седлова, которую Вам высылаю. Иностранная литература о Khunrath'e мне известна. Интересно, что Я. А. Коменский,

высмеивая р<озенкрейце>ров в «Лабиринте мира и рае сердца» (глава 13), имеет в виду именно Kh<unrat'a>, что ясно из намеков.

Интересуют меня рукописи русских переводов «Амфитеатра». Пока мне известны две, из сличения которых я склонен думать, что обе восходят к некоторому древнейшему archetypus, представляя две различные его переработки [но все это, особенно нижеследующее, прошу Вас очень сохранить в тайне, а то мне будут одни неприятности]:

1. Сол. = принадлежавшая Владимиру Соловьеву, проданная его племянником и ныне находящаяся у меня. Происходит от М. И. Ковале(и)нского [NB].

2. Арс. = принадлежащая поч<етному> опекуну, т<айному> с<оветнику> Василию Сергеевичу Арсеньеву, доступная мне каждый раз с большим трудом. Датирована 1838; имеет свою интереснейшую историю.

В Рум<янцовском> Муз<ее> и в Ист<орическом> Муз<ее> ни одного списка нет. Не приходилось ли Вам встречать в СПб-ских библиотеках списков этого перевода? За ответ буду Вам очень благодарен, но не беспокойте себя этим, ибо сейчас вся моя работа над Кунратом [в 1906 году начатая] совсем стала. Летом немного подвинул ее. Спешу прибавить, что Отчетов ИПБ я не успел еще пересмотреть.

До свидания, дорогой Яков Лазаревич; надеюсь, что и личное будет не в долгом времени.

Искренне Ваш Н. Киселёв.

Рачинскому — Григорий Алексеевич Рачинский (1859—1939), литератор, переводчик, философ, редактор трех последних томов собрания сочинений Вл. Соловьева, полного собрания сочинений Ф. Ницше. См. о нем также в письме 28.

Иван Лазаревич — брат Я. Л. Барскова.

Книга Кунрата — полное название: Amphitheatrum Sapientiae Aeternae, Solius Verae, Christiano-Kabalisticum, Divino-Magicum, nec non Physico-Chymicum, Tertium, Catholicon. Первое издание «Амфитеатра» Генриха Кунрата (1560–1605), под несколько иным заглавием и отличное по составу, вышло в 1595 г. в Гамбурге. «Вряд ли какая иная книга может похвастаться таким количеством псевдо-изданий <...> Второе и последнее издание вышло в свет в 1609 г., однако указываются еще три следующих издания: „Anno M.D.C.II“, „Magdeburgi <...> Anno M.D.C.VIII“ и „Francofurti <...> anno 1653“. И всё же речь идет об одном и том же издании, которое преждевременно было заявлено как уже выпущенное в каталоге Франкфуртской книжной ярмарки 1602 г., затем включалось различными книготорговцами в ряд обновлявшихся каталогов и даже в 1710 г. было указано как только что отпечатанное» (Gilly C. The Amphitheatrum Sapientiae Aeternae of Heinrich Khunrath // *Magia, alchimia, scienza dal '400 al '700. L'influsso di Ermete Trismegisto. Vol. 1. Venezia; Amsterdam, 2002. P. 341).*

книги моего друга Седлова — Седлов М. [Сизов М. И.] Цезарь Ломброзо и спиритизм. М.: Мусарет, 1913. К книге приложена таблица «Oratorium et laboratorium» из Кунрата (ср. с. 190 наст. изд.), на с. 62 — краткое пояснение к ней, без подписи Киселёва.

Рукописи русских переводов «Амфитеатра» — в фонде Киселёва хранится перевод «Амфитеатра» из его собрания, написанный однако на бумаге с водяным знаком 1829 г. Второй указанный им список, из собрания Арсеньева, в 1919 г. был привезен в Румянцовский музей и частично описан, но затем утерян; из помет С. И. Соколова на этом экземпляре явствовало, что список был исправлен и переписан в 1838 г. — Русский перевод «Амфитеатра» возник в 1830-е гг., в кругу друзей и учеников С. И. Соколова, который, может быть, и был главным переводчиком. 4 списка перевода сохранились в архиве Д. И. Попова: НИОР РГБ. Ф. 237: Ед. хр. 6 (М. 4350); Ед. хр. 12 (М. 4364) (с правкой редакторов перевода, в том числе А. И. Маслова); Ед. хр. 13 (М. 4365/1) (неполный, с новыми исправлениями); Ед. хр. 14 (М. 4365/2) (также неполный).

его племянником — С. М. Соловьевым, который по материнской линии был прямым потомком (праправнуком) М. И. Коваленского.

7. Барсков — Киселёву

Дорогой
Николай Петрович!

Нет ли у Вас доброго знакомого из военных, который мог бы навести мне несколько справок в Лефортовском архиве?

Очень важно иметь сведения о следующих лицах:

1) Генералис-адъютант кн. Потёмкина, приехавший из Берлина в 1791 году.

2) Премиер-майор Алексей Михайлович Кутузов, служивший, по-видимому, в Луганском полку, принимавший участие в действиях против крымских татар в 1782—3 гг., близкий человек в семье М. И. Голенищева-Кутузова (Смоленского).

3) Приятель А. М. Кутузова, приехавший к нему в полк около этого времени и несколько позже Карл Христофорович Недергоф.

4) Бар. Шрёдер, драгунский капитан прусской службы, мекленбургский помещик, появившийся в России в 1782 году, служил в лейб-гренадерском полку поручиком.

Очень желательно иметь точные сведения об этих лицах, например, копии с их формуляров, даты их рождения, производства в чины и т. п.

Если для получения этих сведений требуются какие-нибудь формальности, если нужно заплатить за переписку и т. д., все это, разумеется, будет исполнено.

Дело в том, что здесь именно, в точных сведениях военного архива, — ключ к страшной путанице в истории новиковского кружка.

Похлопочите, пожалуйста!

Я обращался уже к некоторым знакомым, но пока ответом одно молчание!

Ваш Я. Барсков.

1913. 20/IX.

Внизу письма помета карандашом Киселёва: «второе». На конверте надпись: «Москва Остоженка. д. 40, кв. 9 Его Высокоблагородию Николаю Петровичу Киселеву». Штемпели: 21.10.1913 (С.-Петербург) и 22.10.1913 (Москва).

8. Киселёв — Барскову

Москва, 6.III.1915.

Глубокоуважаемый и дорогой

Яков Лазаревич!

Сегодня утром получил Ваше письмо, и, с разрешения Ю. В. Готье, посвятил свой музейский день собиранию материала для ответа. Пришлось даже отправиться в библиотечку Университета, ибо одной книги у нас не оказалось. Все основное мне было, впрочем, и ранее известно, и ужасно жаль, что Вы не были у меня в Москве: материал о Франкенберге столь велик, что я не успею сегодня всего переписать, чтобы завтра отправить письмо.

Каталога М. Д. Остафьева я отыскать не мог и никто в Музее ничего о нем не знает, хотя библиография подбирается у нас отдельно. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сообщили точное заглавие, или распорядились бы в магазине о высылке мне этой книги наложенным платежом. Многого от этой книги, впрочем, не ожидаю, ибо то, что Вы из нее цитируете, чудовищная путаница, равную которой мне случилось встретить только в каталоге Бурцева. Мне кажется, что цитировать из него

стоит только № его рукописи «Annulus», все остальное несостоятельно. Обращаюсь к разбору.

Смр. 217:33. Annulus Platonis.

Об этой книге есть два специальные очень солидные исследования: **Hermann Kopp**, Aurea catena Homeri (Braunschweig 1880) и **Ferdinand Maack**, Die goldene Kette Homers (Lorch 1905), в которых неопровержимо (документами) доказано, что автором был Anton Joseph Kirchweyer из Форхенбро(у)нна († 8 февраля 1746 в Gmunden), автор книги «Microscopium Basilii Valentini» (Berlin 1790), в которой он много раз ссылается на «свою» Aurea catena. Слова Остафьева о моравском метафизике Герварде имеют источником предисловие к берлино-лейпцигскому изданию 1781 года, так же как и сообщение о розенкрейцере «Гомере»; но и Гервард, и Гомер — вымышлены. Неверно также, будто переводчиком был Флебохрон, ибо Phlebochroon подписал немецкое предисловие 1781 года*). Издания 1784 года не было. Символический образ золотой цепи, связующей все части природы, заимствован из Илиады (VIII 18—27); потому «Золотая цепь Гомера». На одной издательской марке XVIII века была изображена эта цепь, спускающаяся с неба и обвивающая стоящий на земле кубический камень. Издания: ¹Фр<анкфурт-на-Майне> и Л<ейпциг> 1723. ²там же 1728. ³Л<ейпциг> 1738. ⁴Иена 1754. ⁵Иена 1757. ⁶Вена 1759 [Все под заглавием «Aurea Catena»; существование ⁴ и ⁶ подвергается сомнению]. ⁷1781 «Annulus Platonis» (в Музее пять экз.). Латинский перевод, который сделал Dr. med. Ludovicus Favrat, вышел во Франкфурте и Лейпциге в 1762 году (а не в 1782).

*) По Ferguson'у (Bibliotheca chemica, Glasgow 1906) над изданием 1781 года трудились Вёльнер и Югель; м<ожет> б<ыть> Флебохрон = Югель?

К рукописям русского перевода можно добавить Тихонравова № 686 [в печатном каталоге 1913 года издатель поставил и верное имя автора: Антон Иосиф Кирхвегер]. Есть и печатное русское издание (у Новикова): Сопиков—Рогожин 9772; Бурцев, Библиографическое обозрение древне-славянской и русской письменности (СПб. 1904), вып. IV № 1382; Лонгинов р. 063. Издание осталось недопечатанным и обрывается на $16 \times 9 = 144$ страницы, но экземпляры **существуют**, я сам сличал. Со временем надеюсь переиздать его в «Мусажете»: книга гениальнейшая.

8.III.1915. Стр. 222:24. Франкенберг.

Abraham von Franckenberg * 24.VI.1593 в Ludwigsdorf <f> близ Oels'a в Силезии, † там же 25.VI.1652. Богатый помещик. Хорошее образование. Отклонил службу при дворе и жил в своем имении (а 1645—1650 вследствие преследований со стороны богословов — в Данциге). С 1617 года [через три года после первого публичного выступления розенкрейцеров] погрузился в изучение мистики, особенно Якова Бёме; к нему обращено 41-ое «Теософическое послание» Бёме от 20.II.1623 (по изд. 1682 pp. 165—170).

Литература о нем не мала, но крайне трудно доступна; главное: **G. Koffmane**, Die religiösen Bewegungen in der evangelischen Kirche Schlesiens während des 17. Jahrh. (Breslau 1880); **Hoffmann von Fallersleben** (в Weimarisches Jahrbuch I 270 sgg; IV 157) и многочисленные заметки в историях немецкой литературы (Goedeke² III 197), церкви (Arnold II по изд. 1715), алхимии (Fictuld р. 76) и в словарях (Allgemeine Deutsche Biographie VII 243 sgg). — Подробной монографии о нем, к сожалению, нет.

<...>

Д. М. Остафьев весьма заблуждается, приписывая ему «Гармонию мира», автором которой был Франсуа Видаль Комнен; я

сам **сличал** русское издание 1818 года с французским оригиналом. Последний (*L'harmonie du monde*) был издан трижды:

¹ Paris, veuve Claude Thiboust et Pierre Esclassan, 1671. На титуле: par m-r F. V. C.

² — " —, 1671. На титуле и в аппробации: par François Vidal Comnene.

³ s. l. [Moscou] 1786. На титуле: par Mr. F. V. C. Docteur en la sacrée Faculté, & Advocat en Parlement. — Имеется в Моск<овском> Унив<ерситете> 2.D.o.11.

Все три издания имеются в библиотеке гр. Уварова в Поречьи (*Ladrague* №№ 72—74); см. о них еще Barbier—Quérard V 606 и Brunet⁵ III 47.

К рукописям русского перевода можно добавить Рум<янцовский> Муз<ей> №№ 254, 374 и 396 (по печ. кат.).

Когда и кем приписывался Франкенбергу *Annulus Platonis*? Ведь сами розенкрейцеры XVIII века хорошо знали автора (*Maack* p. 5).

Nat einen Frankenberg dazu recipirt.] Мне кажется, что Frankenberg дневника = Franckenberg'у XVII века; затруднение же устранимо филологическим разбором. Чисто грамматически место допускает три понимания:

1) «принял (в ложу) некоего [**не** «какого-то», ибо автору дневника он был известен] Ф<ранкенберг>а» — тогда приходится допустить существование какого-то абсолютно неизвестного Ф<ранкенберг>а в XVIII веке, ибо принятие в ложу «духа» является вопиющим противоречием основным учениям ордена: как «принимать» [т. е. посвящать] своего посвятителя и руководителя? Да еще Франкенберга, который при жизни **наверно** был розенкрейцер.

2) «в этих целях (dazu) [т. е. для какоматических операций] он (вос)принял (учение) [усвоил мнения, одобрил, изучил, руководствовался] такого человека, как (einen) Франкенберг».

3) «Сам он был сильный какомат, кроме того (dazu) [к тому же] последователь такого человека, как Франкенберг».

NB: после смерти Ф<ранкенберг>а ближайший его ученик — великий мистик и поэт Ангел Силезский — сжег часть его рукописей, убоявшись «какоматии».

Простите, дорогой Яков Лазаревич, что письмо все-таки опаздывает: меня все время отрывали, да и справок приходилось делать много. Если вышеприведенного недостаточно, я буду всегда рад ответить на дальнейшие вопросы.

Не можете ли Вы узнать, нет ли в И<мператорской> П<убличной> Б<иблитеке> или в Академии двух до зарезу мне нужных книг:

1. Colberg[ius] (Ehregott Daniel). Das platonisch-hermetische Christenthum. Francfurt und Leipzig 1690<—1691>. Два тома (Ladrague № 1).

2. Arnold (Gottfried). Das Geheimniss der göttlichen Sophia. Leipzig 1700. (Ladrague № 98). {Рукой Я. Л. Барскова карандашом рядом приписаны шифры этих книг.}

Если найдутся, я бы их выписал для прочтения.

Всего лучшего!

Искренне Ваш Н. Киселёв.

P. S. Помнится, Вы оставались должны «Мусагету» 3 руб. за «Аврору» Бёме; но я не уверен, ибо деньги могли прийти и в мое отсутствие.

Печатается в сокращении: опущен подробный список сочинений Готфрида Арнольда, который Н. П. Киселёв впоследствии значительно доработал при описании масонских рукописей. Н. П. Киселёв высказывает замечания после прочтения отдельных страниц гранок книги Я. Л. Барскова «Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792 гг.». Замечания Н. П. Киселёва были учтены Я. Л. Барсковым, как явствует из примечаний к книге. Ср. следующее письмо. Сокращенно упомянуты следующие справочные издания: Остафьев Д. М. [М. Д. — очевидная описка] Библиографическое описание книг библиотеки Д. М. Остафьева // Русский библиофил. 1911. № 3, 4; Бурцев А. Е. Библиографическое обозрение древнеславянской и русской письменности от XIV до начала XX века. Т. 4. СПб., 1904; Ferguson, John. Bibliotheca Chemica: Catalogue of the alchemical, chemical and pharmaceutical books in the collection of the late James Young of Kelly and Durris. Glasgow, 1906, Собрание Н. С. Тихонравова. Ч. 1. Рукописи. / Сост. Г. Георгиевский. М., 1913; Сопиков; Лонгинов; Goedeke, Karl. Grundriß zur Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. 2., ganz neu bearb. Aufl. Bd. 3. Dresden, 1887; Arnold, Gottfried. Unpartheyische Kirchen- und Ketzer-Historie. Franckfurt a. M., 1715; Fictuld, Hermann. Der längstgewünschte und versprochene Chymisch-Philosophische Probier-Stein. Franckfort; Leipzig, 1753; Allgemeine Deutsche Biographie. Bde I—LVI. Leipzig, 1875—1912; Ladraque; Brunet, Jacques-Charles. Manuel du libraire et de l'amateur de livres. T. 3. 5. éd. Paris, 1862; Каталог масонских рукописей Московского Публичного и Румянцовского музеев. М., 1900.

Annulus Platonis — Издания Иена 1754 и Вена 1759 действительно не зафиксированы; последовательность немецких изданий начиная со 2-го такого: ² Франкфурт-на-Майне и Лейпциг 1727. ³ Лейпциг 1728. ⁴ Лейпциг 1738. ⁵ Иена 1757. ⁶ Берлин и Лейпциг 1781. ⁷ Берлин 1921. ⁸ Стокгольм 1983. О русских переводах см.: Вернадский³. С. 458—459. У Д. М. Остафьева № 61 описан русский рукописный перевод 1784 года (небрежность допущена не им, а Я. Л. Барсковым).

Франкенберг — см.: Там же. С. 473.

Франсуа Видаль Комнен — см.: Там же. С. 450—451.

русское издание 1818 года — СПб.: В типографии Иос. Иоаннесова; без указания автора и переводчика. Именно это издание описано у Д. М. Остафьева № 23 (ср. письмо 9, п. 2).

Hat einen Frankenberg dazu recipirt — фраза из дневника Шрёдера.
Colberg — Colberg, Ehregott Daniel. Das Platonisch-Hermetisches Christenthum, begreifend die Historische Erzählung vom Ursprung und vielerley Secten der heutigen fanatischen Theologie, unterm Namen der Paracelsisten, Weigelianer, Rosencreutzer, Quäcker, Böhmisten, Wiedertäufer, Bourignisten, Labadisten, und Quietisten. Franckfurt und Leipzig, 1690—1691.

9. Киселёв — Барскову

Москва, 30.IV.1915.

Глубокоуважаемый и дорогой

Яков Лазаревич!

Спасибо, спасибо за присылку Вашей книги; я не мог вдоволь нарадоваться, видя ее перед собою. Поздравляю Вас с окончанием этого большого и сложного труда и желаю Вам охоты и сил приняться за следующий и так же успешно довести его до конца.

Я, конечно, не успел еще прочесть всего, но ознакомился с некоторыми частями, представлявшими для меня наибольший интерес. Книга основоположительная и драгоценная для историка масонства; предисловие Ваше изобилует новыми и плодотворными точками зрения, и в той окончательной формулировке, какую получили Ваши мысли, мне кажется, трудно что-нибудь возразить против объективной исторической правильности Вашего понимания русского масонского движения. Некоторые специальные разыскания (напр<имер>, установление личности бар. Шрёдера на стр. 286—289) представляют целое откровение.

Заметил я несколько неточностей — главным образом в той части примечаний, которые касаются западной мистической литературы, но, как Вы сами говорили в Москве, она менее всего

вызывала Ваш интерес. Ниже сообщаю несколько **важнейших** недосмотров, полагая, что Вам будет интересно знать их, и отнюдь не в осуждение всего труда.

1) На стр. 314, 4 и 330, а, 3 мифический алхимик-бенедиктинец XV века Василий Валентин [истинным автором приписанных ему сочинений был Иоганн Тёльде XVII века] идентифицирован со вполне историческим мистиком-энтузиастом Валентином Вейгелем XVI века.

2) **313, 6.** «Гармония мира» не масонское, а просто мистическое сочинение, и в каталоге Остафьева [Р<усский> Б<иблио-фил> 1911 № 3 стр. 21] **не** приписано Франкенбергу.

3) **313, 19–20.** Надо читать: «*Бишофсвердер* хотел, по-видимому, отметить, что „великий какому“ XVIII века *Шрепфер*»..... В тексте дневника (222:23) *Er selbst war ein.....* совершенно несомненно *Er = Schrepffer*.

4) **XXIX, 25** (ср. текст на стр. 227 внизу). Следует читать: «да, совсем и вовсе не доверяет; он считает их всегда вероломными и опасается, что вы».....

5) **215, 3 снизу.** Надо: **sich** [а не *sie*] aber selbst nicht kennt.

6) **216, 12.** Надо: davon schreiben, [keine] ächte Maurer seyn.

7) **308, 7.** Век Кебета возбуждает сомнение; проверить сейчас не могу.

Но это все мелочи, о которых, в сущности, и помянуть не стоит.

О Иоанне Падуанском (216, 30) мне теперь удалось найти, что надо, но отсутствие примечания о нем совсем не важно; гораздо более жаль, что осталась без комментария фраза (218, 9): «*Ely ist der Verfasser des Zadeyk*», и что примечание о Флуде на стр. 309 ограничивается четырьмя заглавиями из Вольфштага; не указаны, в противность Вашему обыкновению, даже годы рождения и смерти.

Не собираетесь ли в Москву? Так хотелось бы поговорить с Вами о некоторых интересующих вопросах, а я в Петроград не попаду раньше будущего года. Отпуск из Музея буду иметь 18—23 мая и 4 июля — 31 августа.

Не узнаете ли мне о Colberg'e и Arnold'e?

Желаю Вам всего лучшего и еще раз благодарю за книгу.

Ваш Н. П. Киселёв.

Письмо является откликом на вышедшую книгу Я. Л. Барскова «Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792 гг.» (Пг., 1915). Филологические замечания Н. П. Киселёва бесспорны, за исключением одного места (5), допускающего также и стоящий в публикации Я. Л. Барскова вариант: «Россия — верблюд, нагруженный драгоценностями, но она не знает их» (в варианте Н. П. Киселёва — «...но не знающий самого себя»).

Ely ist der Verfasser des Zadeyk — приведенные в дневнике бар. Г. Я. Шрёдера (Барсков. С. 218) слова бар. И. К. Рейхеля, подтверждающие, что псевдоним Седдаг, под которым в типографии Лопухина были изданы «Братские увещания» (1784), принадлежит Станиславу Эли. Если имя Zadeyk и не вполне совпадает с Seddag, то надо принять во внимание: что запись сделана ночью, после четырехчасовой беседы, касавшейся весьма многих предметов; что Zadeyk упомянут в разговоре о масонском издательстве в Москве; что в дневнике Шрёдера вообще многие имена сильно искажены.

10. Барсков — Киселёву

Дорогой мой Николай Петрович! С большим интересом прочел Ваше письмо и прямо скажу: вы глубоко трогаете меня не столько сочувствием, в котором я никогда не сомневался, сколько своим знанием предмета. Этому я серьезно радуюсь. Не успели Вы пробежать книгу, как сейчас же изловили меня в досадных,

хоть и мелких, недосмотрах. Откровенно говоря, устал я в этом году и решил выпустить книгу, не затягивая корректур, вы хорошо знаете дело и понимаете, сколько времени отняли у меня все эти бесчисленные справки. Вот Вы указываете недосмотры мистиков. Генеалоги укажут, вероятно, промахи в датах рождения и смерти разных персон, замешанных в масонстве. Некоторые специалисты упрекают меня за суровое отношение к розенкрейцерам, другие — за то, что я игнорировал антимасонскую литературу. Конечно, я тотчас взял в руки книгу и внес Ваши поправки, но не все оставил без вопросительного знака. Немецкий текст проверял акад. Залеман. Ваши поправки мне нравятся, но я полагался на авторитет Залемана. Точно так же и с переводом слов Велльнера (на XXIX стр.). Я взял этот перевод у Пекарского (стр. 87). Мне что-то тут не нравилось; но «знатоки» сказали, что Пекарский перевел правильно, и я их послушался. Ваш перевод я считаю лучшим (по смыслу), но я вообще не силен в иностр^{анных} языках и своему мнению не придаю большого веса. По совести сказать, книга мне нравилась, пока я над ней работал. А теперь не лежит к ней сердце. Я больше люблю своих старообрядцев. Они мне ближе по крови. Вы заметили, вероятно, что один только розенкрейцер пришелся мне по душе — А. М. Кутузов. Как жаль его! Таких чистых, добрых и умных людей всегда жаль, если они попадают в трясины; а немецкое и отчасти русское розенкрейцеровство XVIII века было, действительно, смрадным болотом.

Я надеялся повидаться с Вами в ближайшие дни. Приходит-ся, однако, сидеть пока в Петрограде. Меня привлекли к совещаниям о реформе средней школы. Все мои лучшие годы ушли на преподавание, и я, конечно, принял приглашение с радостью. Министр произвел на меня (и на других близких мне людей) самое

отрадное впечатление. Совещания происходили при живом участии членов Г<осударственной> думы и Г<осударственного> Совета. Вы, м<ожет> б<ыть>, знаете об этом из газет. 5-го и 6-го мая будут в М<оск>ве мои дети. Буду очень рад, если Вы заглянете на М. Ордынку в это время (сговорившись по телефону). Я посылаю с ними книги для Готье и Георгиевского, было бы очень приятно «преподнести» их при Вашем посредстве. Будут книги и для других москвичей: тут Вы могли бы дать моим домашним свой добрый совет. Во всяком случае, я посылаю с детьми свой сердечный привет и Вам, и Вернадскому. Буду очень рад, если Вы с ним подружитесь. Нужно заплатить и за Бёме — посылаю деньги с детьми.

Чрезвычайно досадно, что я переврал ссылку на Остафьева. У меня нет под руками «Библиофила», а рыться в черновиках лень. Помню, что позорно что-то относительно «Гармонии» напутал (вместе с Ешевским). Теперь не поправишь. Впрочем, беда, м<ожет> б<ыть>, и не так уж велика. Согласен с Вами, что лучше считать «великим какому-то» Шрепфера. Но силен был в какому-то и Бишофсвердер: два сапога — пара.

Справки для Вас в Публичной Б<иблите>ке я навел точные:

Colbergius имеется в отделе «Богословие» — 15.47.3.134, Arnold в «философском отделе» — 20.4.25. Те именно сочинения, которые Вас интересуют: Das platon. herm. Christenthum и Das Geheimniss der göttl. Sophia.

Будьте здоровы. Не теряю надежды повидаться с Вами летом. Сроки Вашего отпуска (18—23 мая и 4 июля — 31 авг.) понимаю так, что вы уедете на эти дни из М<оск>вы, а прочие дни проведете в первопрестольной. Тут-то я Вас и обниму.

Вы указали «важнейшие» недосмотры. Захватчу с собой книгу и отмечу «второстепенные».

В одном, кажется, я не погрешил: старался дать **исправленный** текст таких памятников, на которых держится история нашего масонства XVIII в. И здесь находят, что предисловие не страдает крупными промахами. Весьма сочувственное письмо прислал, м<ежду> пр<очим>, С. П. Мельгунов, прибавив, что против **одного** только он будет возражать, а против чего, не сказал. Досадно будет, если он «усмотрел» в книге попытку «очернить» Шварца. Я старался быть к нему беспристрастным. А образ «дикого гения» с громадной ему одному известной «иде-ей» мне в самом деле больше нравится, чем традиционная характеристика «благодушного немчика». Любопытно, что Шварца сменил Шрёдер: бывают же такие курьезы! А как хитро подпустили (из Берлина) бар. Эренадиуса к Потемкину. Уж не содействовал ли он, чего доброго, кончине князя? Как Вы думаете? Шпионил он наверно, хоть и нет документов в доказательство сей «гипотезы».

Ваш Я. Б.

1915

2/V.

На конверте адрес: «Москва Остоженка д. 40. кв. 9 Его высокоблагородию Николаю Петровичу Киселеву». Штемпели: 3 и 4.5.1915 (оба — Москва).

Залеман — Карл Германович (1849—1916), прусский филолог, с 1897 г. академик Академии наук, автор работ по персидской филологии, языкам Памира, осетинскому и иранскому языкам.

у Пекарского — в книге академика П. П. Пекарского «Дополнения к истории масонства XVIII столетия» (1869) были впервые опубликованы в русском переводе отрывки из дневника Шрёдера.

вместе с Ешевским — в статьях С. В. Ешевского по истории масонства книга «Гармония мира» не упоминается. Возможной «путаницей» при обращении к Ешевскому угрожал комментарий к «Annulus Platonis», но она была предотвращена пояснениями Н. П. Киселёва (см. письмо 8).

Министр — Павел Николаевич Игнатьев (1870—1945), министр народного просвещения, впоследствии эмигрант.

Захвачу с собой книгу — Я. Л. Барсков учел большинство замечаний Н. П. Киселёва и внес исправления во вступительную статью и примечания, а также осуществил новую датировку ряда писем. См. экземпляр с авторской правкой в подсобной библиотеке НИОР РГБ.

Мельгунов — Сергей Петрович (1879—1956), историк, публицист, политический деятель, издатель, один из редакторов сборников «Масонство в его прошлом и настоящем» (1914—1915), с 1920 г. в эмиграции.

кончине князя — существовала точка зрения, что Г. А. Потёмкин был отравлен и что к этому был причастен (среди прочих) масон Тиман.

11. Барсков — Киселёву

Дорогой Николай Петрович!

<...> А я нашел еще несколько писем А. М. Кутузова. Ничего особенного, а есть ценные штрихи, дополняющие его образ.

Преданный Вам

Я. Барсков.

1915. 18/XI.

Мойка 26, кв. 8.

еще несколько писем А. М. Кутузова — Я. Л. Барсков подготовил публикацию: Письма А. М. Кутузова // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1—2.

12. Киселёв — Барскову

Москва, 24.XI.1915

<...> Надеюсь (и прошу Вас), что по отпечатании новых писем Кутузова Вы мне пришлете оттиск: это страшно интересно. Когда же напечатает Тарасов архив Вегетуса?

А я получил в распоряжение целую коллекцию рукописей, на основании которой работаю сразу над двумя книжками: «Масоны Д. И. Попов и П. Д. Маркелов» и «К позднейшей истории Теоретических Братьев». К сожалению, о Попове и Маркелове очень немного сведений в литературе. Запрашивал я Вернадского, но ничего неизвестного мне от него не узнал.

Спасибо за участливое отношение ко мне: живу понемножку, но Вам ото всей души желаю жить лучше. Ожидаю мобилизации.

Всего хорошего; шлю Вам искренний привет.

Ваш Н. Киселёв.

Р. S. Написал статью о метрике Лермонтова, уничтожающую издание Абрамовича; по отпечатании пришлю.

Тарасов — Ефим Иванович (1866–1928), с 1909 приват-доцент Санкт-Петербургского университета. С этого же года по предложению 2-го отделения Академии наук работал над изданием «Архива братьев Тургеневых», выпустил в свет два тома «Дневников и писем» Н. И. Тургенева, участвовал в редактировании 5 томов этого «Архива». Предполагал в рамках этого же издания выпустить том, посвященный И. П. Тургеневу (орденское розенкрейцеровское имя Вегетус) и русскому розенкрейцеровству XVIII в., однако успел опубликовать лишь несколько статей на эту тему.

Запрашивал я Вернадского — Г. В. Вернадский отвечал на запрос Н. П. Киселёва письмом от 29 октября 1915 г., повторив сведения о Маркелове из примечаний Б. Л. Модзалевского к изданию «Воспоминания [и дневник] Анны Евдокимовны Лабзиной» (СПб., 1914).

статью о метрике Лермонтова — Киселёв Н. П. Эфемериды. II. (Метрические заметки к Лермонтову) // Труды и дни издательства «Мусагет». 1916. Тетр. 8. С. 135—137; была опубликована как дополнение к пространной негативной рецензии С. Н. Дурылина (Там же. С. 96—134) на издание: Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова / Под ред. и с примеч. проф. Д. И. Абрамовича. Т. 1—5. Изд. 2-е. СПб.; Пг., 1913—1916.

13. Киселёв — Барскову

Москва, 26.V.1916.

Дорогой Яков Лазаревич!

Пишу сейчас только для того, чтобы извиниться, что не могу написать того, что Вам обещал. Писать пришлось бы целый доклад, или лучше сказать, два доклада: один — план издания «Материалов по истории масонства», другой — содержание трех выпусков обработанного мною архива. Я сейчас в отпуску (с 20 до 31 мая), но занят более, чем когда-либо, потому что к архиву нашлись новые материалы в другом месте, которые приходится спешно копировать. Весь июнь я на службе, но в начале июля сделаю возможное и невозможное, чтобы попасть в Петроград. Если же в это время Вас не будет там, то мою поездку можно и передвинуть, ибо отпуск будет с 4 июля по 25 августа; может быть, даже лучше начинать разговор с издателями в августе? Впрочем, независимо от личного свидания, я Вам постараюсь написать в середине или во второй половине июля, чтобы Вы имели весь материал для суждения в руках заблаговременно.

Теперь о двух моих просьбах к Вам. Письмо Невзорова я таки нашел, даже в двух списках, в Историческом Музее; один из них — тот самый, которым пользовался Афанасьев при печатании

текста, т. е. список Касаткина; другой — список Черткова. В виду этого прошу Вас не трудиться восполнять пропуски по тому экземпляру, который я Вам дал, и если этот номер Вам лично не нужен, то пришлите его, пожалуйста, мне. Я решил включить это письмо в книгу целиком и мне этот № очень нужен теперь. Но если Вам известны еще списки (или даже оригинал) в Петрограде, то сообщите, пожалуйста, №№ рукописей, и я выпишу их в Музей для колляции. Оба московские списка довольно неисправны.

Другая просьба моя о книгах:

Пыпин , Религ. движения	4.-
— " — , Русское масонство, 2 экз.	9.
Тира Соколовская , Капитул Феникса	4.-
	17 руб.

Если Вы можете достать первые две книги со скидкой, и последнюю вообще достать, и если это Вас не очень затруднит, я просил бы выслать их мне — лучше всего наложенным платежом, но если это неудобно, то я вышлю деньги заранее переводом, только скажите сколько. Тогда и «Библиогр<афические> Записки» вложите в тот же пакет.

Кстати: я теперь довольно близко знаком с Сергеем Петровичем Бартеневым (автором «Кремля», 2-й том которого должен выйти немедленно после поднесения Государю, а печатанием уже закончен), и он говорил мне, что у него, кроме одного полного экземпляра «Воронцовского Архива», имеются некоторые томы отдельно. Я постараюсь выяснить, какие именно, но нужны ли они Вам еще?

Искренно благодарю Вас за теплое участие, которое Вы приняли в моей работе, и постараюсь написать поскорее. Пока же кончаю. Желаю Вам всего лучшего и остаюсь сердечно Вас любящий и преданный Н. Киселёв.

Письмо Невзорова — имеется в виду важное для истории масонства письмо издателя «Друга юношества» Максима Ивановича Невзорова к И. А. Поздееву от 23 июня 1817 г., частично опубликованное А. Н. Афанасьевым: БЗ. 1858. Кн. 1. № 21, 24.

просьба моя о книгах — названы следующие издания: Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I / Предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. Пг., 1916; *Пыпин*; Соколовская Т. О. «Капитул Феникса»: Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916.

Сергеем Петровичем Бартеневым (1863—1930). Пианист, профессор музыки в Николаевском сиротском женском институте ведомства учреждений императрицы Марии в Москве. Автор описания Кремля: Московский кремль в старину и теперь. Ч. 1—2. М., 1912—1916. Продолжение этого описания см.: НИОР РГБ. Ф. 743. Издатель «Архива кн. Воронцова» П. И. Бартенева, к тому времени уже покойный, приходился родным отцом С. П. Бартенева.

14. Барсков — Киселёву

Дорогой мой Николай Петрович!

Не сердитесь на меня, друг мой, за упорнейшее молчание. Было так тяжело, что и не выразить: писать правду сил не хватало, а лгать не хотелось. Не легко и теперь, но я вот уже месяца два три снова работаю.

1) Сданы в печать все письма Н. И. Новикова и опубликованные, и доставленные Вами. Издает их «Наука и школа» с соблюдением орфографии подлинников; я сам получил на это разрешение И. И. Ионова (в Госуд<арственном> Издательстве). Перед текстом будет помещено мое предисловие в 26 страниц. Его наберут позже всего, и я вам пришлю его на просмотр. Текст печатается без примечаний под страницей — они будут сосредоточены в конце книги (как в переписке масонов). По этому поводу

придется обязательно снестись с вами. Внезапный отъезд В. Т-ча лишает меня возможности тут же в этом письме предложить несколько вопросов. Кое-что все-таки вы найдете в «приложении» к этому письму, но далеко не всё. Я привлек к делу Б. Л. Модзалевского, который дал мне не только опубликованные им письма к Лабзину, но кое-что и новенькое еще не напечатанное. Значит, книга будет принадлежать нам троим. Не знаю, как (в конце концов) мы составим обложку. Написать ли — 1) **Я. Л. Барсков, Н. П. Киселёв и Б. Л. Модзалевский. Письма Н. И. Новикова** или 2) Я. Л. Барсков. Письма Н. И. Новикова или 3) Письма Н. И. Новикова, под редакцией нас троих, или 4) Письма Н. И. Новикова под ред. Я. Л. Барскова. Решите сами и придумайте обложку. Времени на это хватит. Материал **основной** сдан в типографию. Примечания будут набираться **после** текста, а после них — предисловие. За письмами пойдут некоторые бумаги (по масонским делам), в числе их и доставленные вами.

II) Пишу небольшую (листа в 2) книжку о Н. И. Новикове (для «Колоса»).

III) Пишу большую (?) книгу о Радищеве (для Науки и школы) и маленькую (листа в $2/3$ для «Колоса»), о нем же В. П. Семенников (который, кстати сказать, шлет Вам глубокий поклон) дал мне прекрасный материал. Жаль, что мы оба не знаем хорошенько, где теперь Архивная рукопись Путешествия, опубликованная П<авловым> Сильванским и Щеголевым. По словам Н. В. Белицына она была отправлена в Кириллов, а оттуда перевезена в Москву (на Воздвиженку). Если бы Вы поосторожнее об этом справились, то мы были бы Вам очень благодарны. Здесь (на Миллионной) поиски для меня невозможны. Конечно, рукопись цела, но где именно она теперь — в Москве, или здесь, вот что хотелось бы знать.

IV) Пишу статью о П. Л. Лаврове (Методология истории) для сборника, в котором, по предложению Витязева, участвует много москвичей (в числе их Шпет).

V). Остатки «досуга» уходят на лекции и разные «текущие дела» вплоть до участия в «жилищном товариществе» по дому, в котором Вы у меня были.

Боже, как бы хорошо было, если бы собрались Вы к нам!

Не пришлете ли с В. Т. каких-нибудь московских изданий? Здесь их нельзя достать. Меня **чрезвычайно** интересует сборник статей о книге Шпенглера. Говорят, у Вас (в Москве) изданы мемуары Витте. Я не могу достать здесь №№ жур<нала> «Печать и революция» и т. д. и т. д. Не напечатал ли М. Н. Покровский 2-ю часть Русской истории в сжатом изложении (учебник)? У меня только 1-я. Нет ли новых книг Вишнера? Нет ли чего-нибудь по методологии и методике истории? Ставлю так много вопросов, п<отому> ч<то> хочется получить хоть что-нибудь.

Жаль, что должен отчаянно спешить.

Поклонитесь от меня Готье и поцелуйте брата Петю. Не черкнете ли о нем что-нибудь? Жив ли, здоров ли он? В каком положении другой брат Иван? Живы ли, здоровы ли сестры? Никто ничего не пишет, да я и сам виноват — молчу как рыба.

Еще раз — хочется повидать Вас. Не соберетесь ли?

Душевно ваш Я. Б. 18/I 1922.

Приложение!

1. На каких листах копия трех писем Коловиона, сделанная Ланским? **Р. М. № 1954, лл.**

2. Где теперь бумаги из архива Арсеньевых?

3. Где каталог рукописей Д. И. Попова? Печатный или рукописный?

4. Что за франц<узская> книга **О свете, яко источнике огня?**

5. Что за прославленная книга в письме к Н. Л. Сафонову 22/V 1805?

6. Что за лица в письме Козицкому 26 марта 1775 Тихонр. IV, — III, 45—47.

7. Биндгейм в п<исьме> Плещеевым 13/V.1801.

8. «Должности», Нач<ало,> сущн<ость> и пер<еход> свящ<енной> науки, Паст<ырское> посл<ание> 22/IX 1802 Ф. П. Ключареву.

9. Английск<ий> философ в п<исьме> Карамзину 30/IV.1816.

10. Замеч<ания> Ланского к письму А. Ф. Лабзину 1816 (Попов № 8, с. 672—676).

11. Что значит: «да Б. и. е. с. б. с. н.» (в форме розенкр<ейцерской> переписки).

«Приложение» написано на отдельном листе. Вопросы в «Приложении» касаются разъяснения отдельных мест в письмах Н. И. Новикова; далее они комментируются лишь постольку, поскольку это может служить дополнением к комментарию в книге «Письма Новикова» (СПб., 1994). По этому изданию, вопросы касаются писем: 1) 30—32; 4) 156; 5) 64; 6) 12; 7) 43 (письмо С. И. Плещееву); 8) 46; 9) 147; 10) 155.

Ионова — Илья Ионович Ионов (наст. фамилия Бернштейн) (1887—1942), поэт, партийный деятель. С 1918 г. первый председатель правления издательства Петросовета (позднее — Петроградского отделения Госиздата), затем заведующий Госиздатом РСФСР, работал в ряде других издательств. В 1937 г. арестован. Умер в Севлаге.

Модзалевский — Борис Львович (1874—1928). Литературовед, пушкинист, вместе с Н. А. Котляревским был вдохновителем и организатором

Пушкинского Дома, затем его директор, с 1918 г. член-корреспондент Академии наук; ввел в научный оборот документы из архива А. Ф. Лабзина и его наследников.

книжку о Н. И. Новикове — не вышла в свет.

книгу о Радищеве — в издательстве «Колос» книга не вышла. Я. Л. Барсков опубликовал о Радищеве ряд статей: Книги из собрания А. Н. Радищева // Дела и дни. Кн. 1. Пг., 1920. С. 397–402; Новое о Радищеве // Книга и революция. 1920. № 3–4. С. 29–33; Литературное наследство А. Н. Радищева и Н. И. Новикова // ЛН. Т. 9–10. М., 1933. С. 340–358; «Торжок» // XVIII век. Сб. Вып. 2. М.; Л., 1940. Главным результатом его радищевоведческих исследований стало комментированное, снабженное большой сопроводительной статьей издание «Путешествия из Петербурга в Москву» в издательстве «Academia» (см. письмо 17) и первого тома Полного собрания сочинений Радищева (М.; Л., 1938).

Семенников — Владимир Петрович (1885–1936), архивист, историк, публикатор, автор исследований о петербургском периоде издательской деятельности Н. И. Новикова (Раннее издательское общество Н. И. Новикова. СПб., 1912; Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913) и каталога «Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании» (Пб., 1921). Его письма к Я. Л. Барскову см.: НИОР РГБ. Ф. 16. К. 4. Ед. хр. 20. В 1912–1913 гг., В. П. Семенников послал Я. Л. Барскову свою рукописную статью «Радищев в ссылке». О его работах, посвященных Радищеву, см. комментарий к письму 15.

Архивная рукопись Путешествия, опубликованная Павловым-Сильванским и Щеголевым — Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869–1908) — историк, архивист, общественный деятель; Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931) — историк, литературовед. Имеется в виду осуществленное ими издание: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1905. В приложении к этому первому научному изданию «Путешествия» были даны варианты текста по цензурной рукописи книги, сохранившейся в следственном деле Радищева в Государственном архиве. В 1918 г. Государственный архив был расформирован, его фонды вошли в состав Единого государственного архивного фонда, на основе которого в 1925 г. был создан ряд новых архивохранилищ.

Цензурная рукопись «Путешествия» ныне хранится: РГАДА. Госархив. Разр. VII. Оп. 4. Ед. хр. 2760. Ч. II.

статью о П. Л. Лаврове (*Методология истории*) для сборника — сборник «П. Л. Лавров: Статьи, воспоминания, материалы» был выпущен петроградским кооперативным издательством «Колос» в 1922 г. В книгу вошли статьи 16 авторов (в том числе Г. Г. Шпета). Первоначально издание планировалось в 1920 г., к 20-летию со дня смерти Лаврова, однако редакции «приходилось несколько раз менять и перерабатывать весь план сборника, считаясь не только с тем, что ей было бы желательно, а и с тем, что было возможно сделать в данный момент. <...> 12 авторов, с которыми редакция вела переговоры, не смогли выполнить своих обещаний и принуждены были отказаться от участия в сборнике» (П. Л. Лавров. Пб., 1922. С. I—II). Одним из них оказался и Я. Л. Барсков. Историческим взглядам Лаврова в сборнике посвящены две статьи: А. А. Гизетти «П. Л. Лавров как „историк мысли“» (С. 292—354) и А. З. Штейнберга «Начало и конец истории в учении П. Л. Лаврова» (С. 355—372).

Витязева — собственно Ферапонт Иванович Седенко (1886—1938). Историк, библиограф, публицист. Член боевой организации эсеров. Издатель сочинений П. Л. Лаврова, собиратель материалов о его жизни и творчестве. В 1918—1926 гг. возглавлял издательство «Колос». В 1930 г. был арестован и сослан, по возвращении из ссылки жил в Москве. Вновь арестован 2 апреля 1938 г., 10 июня 1938 г. его имя встречается в «сталинском расстрельном списке» — одном из (обнародованных НИЦ «Мемориал») многочисленных списков, направлявшихся, согласно установленной процедуре, из НКВД на утверждение в Политбюро ЦК ВКП(б). 14 июня 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу за участие в «антисоветской террористической организации», расстрелян в тот же день.

Шнем — Густав Густавович (1879—1937). Ученый энциклопедического склада, философ, с 1918 г. профессор Московского университета, с 1923 г. вице-президент Российской академии художественных наук. Ряд его работ 1920-х гг. посвящен истории русской философии. С 1929 г. фактически отстранен от научной работы, занимался переводами. В 1935 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности сослан в Енисейск, затем в Томск. 27 октября 1937 г. вновь арестован, решением областной

тройки НКВД приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 16 ноября.

сборник статей о книге Шпенглера — «Освальд Шпенглер и закат Европы», вышел в московском издательстве «Берег» в 1922 г. В статьях Н. А. Бердяева, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка и Я. М. Букшпана, в продолжение традиции сборников «Вехи» и «Из глубины», был представлен коллективный опыт историософского осмысления современных событий. Ленин расценил эту книгу как «литературное прикрытие белогвардейской организации» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 54. С. 198); ее издание послужило одним из толчков к принятию решения о высылке осенью того же года ряда крупнейших русских философов и ученых за пределы России (т. н. «философский пароход»).

мемуары Витте — «Воспоминания» Сергея Юльевича Витте (1849–1915), бывшего министра финансов и председателя Совета министров, были впервые изданы по его рукописям И. В. Гессеном в Берлине в 3 тт. в 1922–1923 гг. и сразу же переизданы в России (М.; Пг., 1923–1924).

Покровский — Михаил Николаевич (1868–1932), историк, общественно-политический деятель, с 1905 г. большевик, в 1917–1918 гг. член Московского совета рабочих депутатов. Затем заместитель наркома просвещения, руководитель Коммунистической академии, Института истории, Центрархива, Института красной профессуры. Осуществил фактическую ликвидацию преподавания истории в высшей школе. С 1929 академик АН СССР. «Русская история в самом сжатом очерке» вышла в 3 частях (2 книгах): Ч. 1 и 2 «От древнейших времен до второй половины XIX столетия» (М., 1920); Ч. 3 «XX век» (М., 1923) — и была многократно переиздана массовыми тиражами как официальный учебник для средней школы. Посмертно М. Н. Покровский был обвинен в вульгарном социологизме, а его труды изъяты из пользования.

Виппер — Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954), историк с широчайшим кругом интересов, профессор Московского университета, научные взгляды которого воспринимались как близкие марксистским. В 1922 г. вышла его книга «Иван Грозный», представившая в противовес традициям либеральной историографии апологию Ивана IV с точки зрения государственности. С 1924 г. в эмиграции, преподавал в Рижском университете.

После аннексии Латвии был вызван в Москву, получил профессию в МИФЛИ и МГУ, в 1943 г. был избран академиком Академии наук СССР.

брата Петю — Пётр Лазаревич Барсков, в 1917 г. инспектор Среднеазиатского отделения Московского учетного банка, член правления Московского общества грамотности. В Москве также жили сестры Я. Л. Барскова Анна и Мария, обе учительницы, и брат Иван.

О свете, яко источнике огня — «Очевидно, перевод книги „Traité physique sur la lumière, source du feu philosophique principe de toutes choses. A la Haye 1790“. Позднее (в 1820-х годах) этот трактат был переведен на русский язык Надеждою Васильевной Камыниной по желанию ее отца, розенкрейцера В. Д. Камынина, но списки ее перевода нам неизвестны» (Переписка Н. И. Новикова. С. 539).

прославленная книга — правильно: Прославленная любовь (так и в письме Н. И. Новикова). «„Прославленная любовь“ — перевод книги неизвестного автора „L'amour glorifié, ou Traité de la vraie sagesse et du vrai bonheur, selon la triple lumière divine; de la Grace, de l'Ecriture et du Bon Sens. Ouvrage d'un goût nouveau, très curieux, très instructif et très important pour un chacun. Altona 1768“. (Ladrage 133). — Сочинение вышло несомненно из среды ордена Э. Р. К., хотя у Вольфштига не упомянуто, как и многие чисто мистические трактаты розенкрейцеров. По-русски было издано дважды: 1) Прославленная Божия любовь, или рассуждение о истинной премудрости и истинном благе, взятое из тройственного света Божияго благодати, писания и здравого рассудка. Перевод с французского. Москва, тип. Пономарева, 1786 (Сопиков 6101). — Л. Б. D 15:149 (экз. гр. М. Ю. Виельгорского). 2) Прославленная любовь, или рассуждение о истинной премудрости и истинном щастии, по тройственному свету Божественному: Благодати, Святаго Писания и здравого смысла. Перевод с французского [Якова Иевлевича Бардовского]. Москва, Унив. Тип., 1818. (Смирдин 718). — Л. Б. L 9:10» (Переписка Н. И. Новикова. С. 544–545).

Начало, сущность и переход священной науки — «В рукописи Л. Б. № 2683 сохранился трактат: Начало, сущность и переход священной науки писания и языка у бывших праотцев человеческого рода; или изъяснение темных басен и преданий (Traditio) об Адаме, Сифе, Енохе, Ное, Аврааме, Иосифе и Моисее. Для объяснения некоторых важных

символов и сокровенных учений ранних и поздних времен. Non omnis fabula spernenda est. [Marcellus] Paling[enius]. Невсякую басню презирать должно. — 2°; 96 стр. В конце: „Списал сию книгу в 1812 году. Николай Сафонов“. — По-видимому, перевод с немецкого. По цитатам видно, что составлено не ранее половины XVIII века. То же сочинение имеется в П. Б., О. III. 88 (Отчет П. Б. 1874. С. 22–23)» (*Переписка Н. И. Новикова*. С. 461–462).

Английский философ — Томас Воган. Н. И. Новиков цитирует его, не называя по имени, в письме к Н. М. Карамзину (*Письма Новикова*. № 147). «Воган, Томас — Thomas Vaughan (род. 17.IV.1622 в Newton, Brecknockshire, ум. 27.II.1665/66 в Albury, Oxfordshire); философ-герметист, последователь Агриппы Неттесгеймского. <См.:> Dictionary of National Biography. 1899. Vol. LVIII. P. 181–182; Ferguson. Vol. II. P. 503, 194–197. Между 1650 и 1657 годами издал под псевдонимом Eugenius Philalethes несколько трактатов магического и алхимического содержания. Приводимая Новиковым <...> цитата заимствована из сочинения *Magia Adamica; or the antiquities of magic, and the descent thereof from Adam downwards proved* (London 1650). Английский оригинал весьма редок и трудно доступен, в изданиях же немецкого перевода (Leipzig und Hof, J. G. Vierling, 1735 и 1749) это место находится на стр. 43; перевод в письме Новикова точно соответствует немецкому» (*Переписка Н. И. Новикова*. С. 431). Эта же цитата взята эпиграфом к рукописной многотомной «Герметической Библиотеке» (в которую вошел и перевод названного сочинения), на что указывал и сам Я. Л. Барсков в 1933 г. (ЛН. Т. 9–10. С. 358).

да Б. и. е. с. б. с. н. — да Бог и его сила будут с нами.

15. Барсков — Киселёву

Христос Воскресе!

Давно мы не видали друг друга, дорогой Николай Петрович, и едва ли скоро увидимся. Мне тронуться никуда нельзя, а Вы также едва ли соберетесь.

Только из Вашего письма узнал о кончине А<дели> И<ванов>ны и сердечно Вам сочувствую. Утешением может служить, конечно, мысль, что ей было тяжело переносить новый уклад жизни; по-моему, давно уже людям нашего с ней возраста надо быть готовыми к смерти и не цепляться за жизнь, если нет прямой необходимости жить исключительно для других. Такова, например, теперь моя жизнь; себе или для себя я решительно ничего не желаю; весь смысл моего существования — поддержка семьи. Рассказывать, как мы боремся с нуждой, было бы долго, да и напрасно: у Вас, я думаю, много примеров перед глазами; да и самим-то, по всей вероятности, приходится очень круто.

Судя по Вашему письму и по словам В. Т-ча, Вами еще <не> овладело уныние. Не поддаюсь ему и я. Нет физических сил; утомляют и холод, и голод, и крайнее утомление от ходьбы и текущей работы; но я не чувствую себя разбитым душевно и не ругаюсь, не кляню народ или власть, вообще не опускаю беспомощно руки в ожидании переворота, интервенции или помощи от заморских благодетелей. Работал я прежде, работаю и теперь; только сил стало меньше или уходят оне зря.

Как видите, не отстал и от «книги».

Посылаю Вам в собственность V-ю часть «Курса» В. О. К<лючевско>го. У меня много знакомых в М<оск>ве, которые вправе ожидать такой же посылки, но я не могу удовлетворить их и пока не решаюсь даже послать книгу брату (Пете). Поэтому Вы лучше не рассказывайте никому, что имеете книгу от меня. Совершенно необходимо передать (другой) экземпляр Б. В. Ключевскому, и я усердно прошу Вас помочь мне в этом. Я давно уже не имею никаких известий о Б<орисе> В<асильеви>че и не знаю даже, где он живет теперь. Пожалуйста, дорогой друг, наведите нужные

справки и вручите ему книгу с глубоким от меня поклоном. Усерднейше Вас прошу исполнить эту просьбу.

Высылаю Вам большую часть тех материалов, которые необходимы были, чтобы могло, наконец, осуществиться наше с Вами желание — издание писем Н. И. Н<овико>ва.

Я и сам думал издать именно «Переписку» Н<овико>ва, а не одни **его** письма. Но после долгих переговоров и колебаний согласился печатать исключительно письма Н<иколая> И<ванови>-ча. Да ответных писем так мало и они так бледны, что можно будет использовать их в примечаниях без ущерба для книги. Я рад и тому, что состоится издание всех известных писем самого Н<овико>ва. Не удалось только добыть оригиналы, находившиеся в Акад<е-мии> Наук. Где они теперь, трудно сказать. Их брал Фомин, да так, по-видимому, и не вернул. В. И. Срезневский пытался вместе со мной найти их, да поиски наши кончились неудачей.

Письма набраны не до конца, и я удерживаю временно ничтожную часть доставленного Вами материала. Вы можете легко увидеть, что именно пока осталось у меня, из составленного Вами списка: синими приписками в нем обозначено то, что возвращается, красными — то, что остается еще не надолго.

Предисловие будет Вам доставлено до сдачи его в набор. Сейчас я занят примечаниями, которые пойдут вслед за приложениями. План таков: 1) Предисловие; 2) Письма; 3) некоторые бумаги — в числе их досланные Вами под № I, 2, 3, 4, 5 и III, 1; 4) примечания.

Вы, конечно, можете возразить, что лучше было бы и I, 1 (три письма к Нач<альни>ку) отнести в приложения. Об этом можно спорить, а перестановка обойдется слишком дорого. Делу этот распорядок не повредит, и книга не будет испорчена.

Орфография, разумеется, удержана старая и даже до мелочей. Жаль, что кое-где наборщики вместо курсива пользовались разрядкой; но и на этот грешок я смотрю снисходительно. Лишь глаз такого знатока, как Вы, рассмотрит эту прореху; а заменять ее теперь очень дорого.

Меня смутила Ваша помета на II^й обложке о письмах Ф. П. Ключареву, что они списаны рукой А. О. Поздеева. Так ли это? М<ожет> б<ыть>, О. А. Поздеева?

Не объясните ли пропуск в письме кн. Н. Н. Тр<убецко>му 30/III 1816. Конечно, я взял его в Р<усской> Старине, а Тихонравов — в Рум<янцовском> Музее.

Вы собирались напечатать целиком заметки С. С. Ланского на экземпляре «Писем». Стоит ли? По моему, да. Но у меня нет копии. Ждать ли ее? Много ли она займет места? Одним из главных препятствий к изданию книги служил ее предполагаемый объем.

Что значат выражения:

да Б. и с. п. б. с. н.

да Б. и е. п. с. н. б.

да Б. и е. с. б. с. н.

Вы, вероятно, знаете эти формулы, а я боюсь ошибиться. Не читается ли последняя так? Да будет и его святая благодать (святое благословение) с нами. А м<ожет> б<ыть>, да будет имя его святое благословенно с нами.

Все эти попытки мне не нравятся, а как именно следует читать эти формулы, не знаю.

Вполне согласен с Вами, что доставленные Вами письма в связи с книгой Модзалевского освещают тот период в жизни Н<овико>ва, которым до сих пор пренебрегали. Скажу больше:

эти письма **после** заключения дают возможность лучше понять деятельность Н<овико>ва и **до** заключения.

В предисловии я **попытаюсь** кратко характеризовать Н<овико>ва и решительно отступить от шаблона. Большое значение я придаю Вашему мнению и прошу его высказать с полной откровенностью, хотя бы оно и было отрицательным. Но, я думаю, этого не будет. Помните, и раньше я намекал Вам, что Н<овико>в вовсе не либеральная икона, и Вы как будто согласились с этим. Конечно, это был честный, добрый, гуманный человек, но ни в каком случае не предтеча, «не основоположник революционный», а совсем напротив, благонамеренный гражданин и помещик до мозга костей.

Впрочем, так писать нельзя, и я жалею, что сорвались эти строки. Оне могут сбить Вас с толку, и дать повод думать, что я собираюсь изобразить Н<овико>ва каким-то крепостником-насилъником. Это — человек не от мира сего, запутавшийся в мирских делах.

Я предполагаю дать небольшую книжку о Новикове для изд<ательст>ва «Колос». Но хватит ли времени и сил?

У меня на шее еще работа: книга о Радищеве. И тут хотелось бы, наконец, дать не шаблон, а настоящую биографию, без всяких выкрутас. Ну, об этом в другой раз, а пока — не сердитесь на меня, хороший мой Николай Петрович, за то, что так долго пролежали у меня Ваши материалы. Я все ждал и надеялся, что удасться-таки их пристроить.

Конечно, на книге будут стоять все три фамилии.

Что же касается гонорара, то, мне думается, доставленные Вами материалы должны быть оплачены дороже остальных. Впрочем, этот расчет я сделаю, когда выясню вполне условия издания. Уверен, что «Наука и Школа» не поставит нас в неловкое

положение, а мы с Вами не поссоримся. Все это уладится само собой, лишь бы появилась книга.

Вы, конечно, знаете книгу Семенникова «Книгоиздат<ельская> деятельность Н. И. Н<овико>ва». Довольны ли вы ею?

Сейчас Семенников занят Радищевым, и я с нетерпением жду, когда появится его издание «Путешествия» и других рукописей, им открытых.

Крепко-крепко вас обнимаю.

Где Пиксанов? В Москве или в Саратове? Не знаете ли?

Душевно ваш Я. Барсков.

1922

20/IV.

К письму приложен конверт с надписью: «Николаю Петровичу Киселеву от Я. Л. Б. С приложением папки „Новиков“».

о кончине *Адели Ивановны* — мать Киселёва *Адель Ивановна*, урожд. Витвер скончалась 16.1.1922.

V-ю часть «Курса» В. О. Ключевского — Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V. Пг., 1921. Публикация была подготовлена Я. Л. Барсковым, учеником В. О. Ключевского по Московскому университету, на основе литографированного издания «Курса» 1883–1884 г. (было в свое время осуществлено по записи Барскова, исправленной лектором), с рядом уточнений по позднейшим литографиям. Это издание завершало публикацию курса, начатую еще при жизни ученого при содействии Барскова. Я. Л. Барсковым была составлена также библиография трудов своего учителя: Список трудов В. О. Ключевского // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. Ч. 1. С. V–X.

Ключевскому — Борис Васильевич Ключевский (1869–1944), сын историка, помощник и секретарь отца, после его кончины хранил его бумаги, присяжный поверенный в Москве.

Фомин — речь, вероятно, идет об историке литературы Александре Александровиче Фомине (1868–1929).

В. И. Срезневский — речь идет об историке литературы Всеволоде Измайловиче Срезневском (1867—1934) или о его брате Вячеславе Измайловиче (1849—1937).

они списаны рукой А. О. Поздеева. Так ли это? — Так.

в письме кн. Н. Н. Трубецкому — переписку Н. И. Новикова с Трубецким за 1816 г. (3 письма) Н. С. Тихонравов опубликовал в РС. 1890. № 9. С. 457—467 по принадлежавшему ему списку, затем поступившему в составе его собрания в Румянцовский музей.

с книгой Модзалевского — Модзалевский Б. Л. К биографии Новикова. Письма его к Лабзину, Чеботареву и др. СПб., 1913.

книгу Семенникова — Семенников В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании. Пб., 1921. По позднейшей оценке Я. Л. Барскова, «превосходная» книга (ЛН. Т. 9—10. С. 344).

заянт Радищевым — в 1922—1923 гг. В. П. Семенников опубликовал две книги: Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. М., 1922; Радищев. Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. Позднее была издана его же статья: «Литературно-общественный круг Радищева» (А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.; Л., 1936).

Пиксанов — Николай Кирьякович (1878—1969), литературовед. Среди его работ — статья о Лопухине в I томе сборника «Масонство в его прошлом и настоящем» (1914. С. 227—255) и глава «Масонская литература» в IV томе коллективной «Истории русской литературы», изданной Пушкинским Домом (М.; Л., 1947. С. 51—84).

16. Барсков — Киселёву

Трижды-дорогой Николай Петрович!

А. передаст Вам письмо и 3750 р. (в д<енежных> з<наках> 1922) за доставленный Вами текст писем Н. И. Н<овикова>, составляющий по предварительному подсчету $2\frac{1}{2}$ листа по 1500 р. за каждый. Примечания будут оценены выше, не менее 5000 за лист, и гонорар за них еще не выдан. По той же расценке получаем мы с Б. Л. М<одзалевским> свой гонорар.

Было бы долго, да и бесполезно рассказывать, отчего затянулся вопрос о верстке и печатании текста, который был уже набран сполна весной, как увидите из прилагаемых гранок. Я рад и тому, что книга сдвинулась, наконец, с мертвой точки и теперь дело пойдет своим нормальным ходом.

План издания Вам известен:

1. Предисловие.

2. Письма Н. И. Н. — без приписок посторонних лиц.

3. Приложение — некоторые бумаги Н. И. Н. (по масонству), дополненные именно Вами. Тут же Родословная Н. И. Н. (Сиверс), иконография (Адарюков), Канва (Сиверс и Модзалевский). — М<ожет> б<ыть>, порядок этих статей будет несколько иной. —

4. Примечания. В них введены и письма к Н. И. Н. (все, включая доставленные Вами), и приписки к его письмам В. Н. Н<овиковой>, С. И. Г<амалеи> и других лиц.

5. Указатель.

На обложке будут 3 имени: мое, Ваше и Б. Л. М<одзалевского>.

О корректуре, конечно, мы с Б. Л. позаботимся. Жаль, что не могу послать Вам верстку и волей-неволей ограничиваюсь гранками. Однако, я посылаю Вам и сверстанные листы, как только получу.

Буду рад, если Вы доставите какие-нибудь новые материалы, справки, поправки и т. п.

Примечания будут приблизительно такие же, как в изданной мною переписке масонов, но в них не будут повторяться снова и снова полмения собственных имен (инициалов С. И., Д. П., Г. М. и т. п.). Как уже раньше мы списались с Вами, решено все эти полмения внести в указатель, в котором будут и Гамалея Семен Иванович и Семен Иванович — Гамалея, и С. И. — Гамалея

С. И. или Рунич Дмитрий Павлович, Дмитрий Павлович — Рунич, Д. П. — Рунич Д. П.

В примечаниях поминаются лишь названия книг, да указывается, где подлинник, где и когда письмо напечатано.

Я знаю в общих чертах, где находятся доставленные Вами материалы; теперь желательно иметь точные справки по каждому документу, в отдельности, скажем, по такой форме: Р. М., № 0000, л. 00—00, или Р. М., № 0000, сборник Попова, л. 00—00 и т. п.

Вы прекрасно знаете много печатных изданий и рукописей по масонству, и у Вас, д<олжно> б<ыть>, есть под руками Wolfstieg, смот<реть> как<ового> мне приходится бегать в П<убличную> Б<ibliote>ку. Не сделаете ли Вы несколько справок?

Кто написал Простосердечное наставление о Молитве?

Что такое Начало, сущность и переход свящ<енной> науки? (Ключарева 22/IX 1802).

Кто мог быть Р. Г. в письме Лабзину 7/X <1803> и 1/I <1804>.

«Неозор» наших стран в письме Сафонову 19/V 1804.

«Прославленная любовь» Сафонову 22/V 1805.

Плуменек — Руничу 4/XII 1806.

Найдутся и еще разные мелочи — о них после.

Если А. увидит Вас, а это должно бы случиться, п<отому> ч<то> я с ним посылаю и письмо, и гранки, и деньги, то он Вам расскажет о нашем житье-бытье.

Он не может только рассказать о моих «переживаниях», Вам известных и понятных из прошлых моих писем и, м<ожет> б<ыть>, из рассказов В. Т-ча.

Трудно, дорогой мой, тянуть на плечах бремя жизни в полном одиночестве. Вчера уехал за границу старый неизменный и дорогой

друг Н. А. К., и я теперь осиротел начисто. Он обещал вернуться через 5—6 месяцев. Легко сказать!

По привычке я завален работой и в ней, как пьяница в вине, топлю всю тоску жизни.

Судя по словам В. Т., Вы еще не потеряли бодрости и крепко держитесь на ногах, но я не знаю, каковы теперь Ваши литературно-научные планы и работы.

Когда мы увидимся? Попадете ли Вы в Птб., и попаду ли я в Москву до выхода нашей книги?

Крепко-крепко Вас обнимаю. Побывайте у Пети и черкните, все ли они целы и здоровы.

Сердечно Ваш

Я. Барсков.

1922. 16/XI.

На конверте надпись: «Николаю Петровичу Киселеву Румянцевский Музей от Я. А. Б.» и помета карандашом Киселёва: «получ. 20(7).XII.1922».

Сиверс — Александр Александрович (1866—1954), генеалог, собиратель документов, сотрудник Исторического музея в Москве.

Адарюков — Владимир Яковлевич (1863—1932), искусствовед, книговед, библиофил, один из учредителей и руководителей Русского общества друзей книги (Москва, 1920—1930), зав. отделом русской гравюры ГМИИ (1924—1932), составитель капитальных трудов в области иконографии.

Не сделаете ли Вы несколько справок? — см.: *Письма Новикова*. № 31, 46, 52, 54, 60, 64, 72.

Простосердечное наставление о молитве — книга, отпечатанная в тайной масонской типографии в 1784, перевод сочинения Валентина Вейгеля, что было установлено позднее, поэтому в комментариях к «Переписке Н. И. Новикова» авторство этой книги не указано.

«Неозор» — правильно: «Нестор», см.: *Письма Новикова*. № 72.

Плуменек — псевдоним автора книги «Влияние истинного свободного каменщичества во всеобщее благо государства» (М., 1816). См.: Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 140.

Н. А. К. — Нестор Александрович Котляревский (1863—1925), литературовед, академик; вернулся в Россию лишь в 1924 г.

17. Киселёв — Барскову

Москва 10.II.1931.

Дорогой друг

Яков Лазаревич!

Мне очень стыдно, что я до сих пор не написал Вам и не поблагодарил Вас и Ольгу Яковлевну за радушное гостеприимство, которым так долго пользовался и, если Вы не будете иметь возражений, рассчитываю еще воспользоваться весною. По возвращении в Москву я долго хворал, а потом масса дел — а больше неприятностей — заставила меня откладывать письмо к Вам со дня на день. Однако, как видите, я не дремал, и, учуяв историко-социально-культурное направление Academia, предложил им Переписку Новикова, которая принципиально принята. Они же предложили мне редактировать перепечатку Радищева. Как Вы знаете, я никогда Радищевым не занимался, да и двух работ сразу не мог бы вести; но тут-то мне и вспомнился мой добрый учитель и друг, являющийся первейшим знатоком Радищева. А так как Ежов собирался в Ленинград, то я и посоветовал обратиться к Вам лично, дав ему характеристику Ваших работ и Ваших симпатий к марксистскому методу. Academia замышляла перепечатку текста, я же посоветовал сделать факсимиле, ибо перепечаток было несколько, а факсимиле ни разу, и оно со всех точек зрения будет иметь особый интерес. Вы, конечно, помните

факсимиле Слова о Полку Игоре, изданное Сабашниковым под редакцией М. Н. Сперанского; как его приятно читать.

Спешу успокоить Вас о дельной стороне: договор не выслан Вам только потому, что И. С. Ежов уже третий раз откладывает срок своего посещения ко мне в Музей Книги, дабы посмотреть оригинальное издание и сделать калькуляцию. Теперь он должен прийти ко мне завтра, 11 февраля; если не обманет, я скажу ему о том, что надо поторопиться. Договор на Новикова также еще не заключен, но я уверен, что оба дела на днях придут к благополучному завершению.

Думаю, что Вам известна книжка Д. Н. Анучина, Судьба первого издания «Путешествия» Радищева (Москва 1918); в Музее Книги находится тот — чрезвычайно великолепный — экземпляр, который принадлежал его брату Михаилу Николаевичу и который в этой книге описан.

Если Ежов завтра придет, я сделаю приписку к этому письму; если не придет, напишу Вам тогда, когда придет.

В секции декабристов О<бществ>а политкаторжан (где секретарем Б. Е. Сыроечковский) встретил я недавно Николая Владимировича, и он очень тепло о Вас говорил и просил Вам кланяться.

Петр Лазаревич на меня сердит, ибо бываю у него редко — много реже, чем хотелось бы и ему, и мне.

Жена моя еще в Осло; в начале января ей сделали операцию. Вероятно она проедет через Ленинград в марте, я же поеду — если поеду — в конце апреля или в мае.

11.II.1931.

Ежов был сегодня в Музее Книги и заверил меня, что оба дела совершенно твердые; заключение договоров задерживает 1) необходимость тщательно скалькулировать издание, 2) временная заминка с денежными средствами, ибо при подписании

договора полагается аванс 25 % общей суммы. Но он очень просит и Вас по Радищеву и меня по Новикову незамедлительно приступить к работе. Относительно Радищева не вполне решено, будет ли перепечатка набором или цинкографическое факсимиле; они склоняются к последнему, оно гораздо «интереснее», но и дороже. Возможно, что съёмка будет идти не по нашему экземпляру, и в Ленинграде, и тогда под Вашим непосредственным присмотром.

Собираюсь сегодня навестить Петра Лазаревича, но уже не хочу задерживать письма для приписки о его житье-бытье, которое всегда одинаково. Впрочем, он ушел из Горбанка и служит теперь главным бухгалтером какой-то большой строительной конторы или треста.

До свидания, дорогой Яков Лазаревич; крепко Вас обнимаю и прошу передать искренний привет Ольге Яковлевне и Танечке.

Весь Ваш Н. Киселёв.

Ольгу Яковлевну — жену Я. Л. Барскова.

перепечатку Радищева — двухтомник «Путешествия из Петербурга в Москву» — первое полное издание главного произведения Радищева после 1907 г. — был выпущен под общей редакцией В. И. Невского в 1935 г. (М.; Л.: Academia); первый том содержал фотолитографическое воспроизведение первого издания книги, во втором томе («Материалы к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева») были опубликованы обстоятельные примечания, варианты, статьи Я. Л. Барскова «А. Н. Радищев. Жизнь и творчество» (С. 17–170) и М. В. Жижки.

Ежов — Иван Степанович, редактор издательства «Academia», к 1936 г. заведующий отделом внешних работ и издательским отделом Библиотеки имени В. И. Ленина.

факсимиле Слова о Полку Игоре — речь идет об издании: Слово о полку Игоре / Снимок с первого издания 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина под ред. А. Ф. Малиновского. С приложением статьи

проф. М. Н. Сперанского и факсимиле рукописи А. Ф. Малиновского. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1920. Михаил Несторович Сперанский (1863—1938) — филолог, историк древнерусской литературы, в 1907—1923 гг. профессор Московского университета, с 1921 г. действительный член Академии наук, в 1921—1929 гг. зав. Отделом рукописей Исторического музея.

Анучина — Дмитрий Николаевич Анучин (1843—1923), географ, антрополог, этнограф, археолог, профессор Московского университета, академик. Его книга «Судьба первого издания „Путешествия“ Радищева» включала список всех известных в то время экземпляров «Путешествия из Петербурга в Москву» 1790 г.

Общества политкаторжан — Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев было создано в Москве в 1921 г. для изучения революционного движения в России. В журнале Общества «Каторга и ссылка» и в ряде книжных изданий публиковались воспоминания, архивные материалы, научные статьи. В 1935 г. Общество было ликвидировано, большинство его членов в ближайшие годы репрессированы.

Сыроечковский — Борис Евгеньевич (1881—1961), историк и архивист.

18. Киселёв — Барскову

Москва 25.X.1931.

Дорогой друг Яков Лазаревич!

Приезд жены и связанные с ним хлопоты помешали мне своевременно ответить на Ваши письма, на что прошу Вашего снисхождения. Судя по содержанию письма от 17.X., одно из Ваших писем до меня не дошло, именно с запросом о праве завещать книги. Имею письма от 8, 17 и 21 октября и сейчас постараюсь ответить на них по порядку материй.

Очень благодарю Вас за встречу и помощь жене, но с глубокой горестью узнал от нее, что Вы опять курите папиросы; это весьма меня опечалило. Радует же меня то, что работа над Радищевым

подвигается успешно и что Ваше здоровье, по-видимому, улучшается, а не ухудшается. Не думаю, чтобы стоило испрашивать дальнейшую отсрочку в официальном порядке; пожалуй, лучше просто написать В. И. Впрочем, я тоже не успею к 1 ноября, и если придется идти к Ежову, то я скажу и о Вас. Очень здорово, что нашелся источник статьи о цензуре, но Вы не упомянули — кто же это? Слышав от Вас столько об этой проблеме, интересуюсь и ее разгадкой.

Вопрос относительно напечатания Радищева и Новикова не в том, **будут** ли напечатаны, а в том, **когда** будут. Из газет Вы знаете, какой сейчас бумажный голод и перегрузка полиграфической базы; во всех издательствах лежат рукописи без движения в ожидании очереди. Так что **уверенности** быть никакой не может; да и договор предусматривает право издательства выпустить книгу в **двухлетний** срок. Значит, если затруднения с бумагой продолжатся, и <здательст>во вполне имеет право **начать** печать через 1—1¹/₂ года, ибо 6 месяцев достаточно. Но конечно, когда рукописи будут готовы, я все силы употреблю на проталкивание их немедленно в типографию, ибо очень мне хочется видеть то и другое издание осуществленным. Думаю, что и В. И. не откажет в своей веской поддержке. Итак, надежда все-таки останется, да и переработка планов сама по себе не есть нечто роковое.

Книгу Незеленова постараюсь на днях прочесть, а когда попаду в Ленинград, сказать не могу, ибо сейчас здешние дела еще не пускают. Примечания мои выходят очень сжатыми, но приносят массу нового материала; кроме того, будет много оригинального в отношении эдиционной техники, что, я надеюсь, Вы одобрите. Очень затрудняет меня неизданность (и потому недоступность) переписки Лабзина и Рунича и невозможность заглядывать в подлинники писем Новикова к Руничу.

Что касается переезда в Москву, то он не представляется мне очень сложным. Часть имущества придется продать, а остальную отправить через транспортную контору малой скоростью, что вполне в компетенции Пети. Конечно, это надо делать не ранее марта, и тогда я, во всяком случае, приехал бы помогать Вам. Если же Вы хотите быть здесь раньше, то надо ехать налегке, привезти сюда готовую рукопись и жить на гонорар, который за нее получится независимо от напечатания. Устроить Вам работу, наверное, удастся, в Б<иблите>ке или в другом месте. Что касается «черновика» заявления, который Вы от меня хотите, то я решительно отказываюсь: во-1, Вы напишете гораздо лучше меня, а во-2, и расписывать-то нечего, ибо договориться с В. И. надо в личной переписке или разговоре, а в заявлении писать только: «прошу принять меня на службу». Что касается отдела XVIII в., т. е. Музея Книги, то вряд ли можно будет устроиться там, ибо ведь работа, о которой говорил Волгин, — чисто-научного, историко-литературного характера, и Б<иблите>ка не сможет представить на нее штатную единицу, но пожелает иметь от Вас работу библиотечного характера. Я мыслил себе, напр<имер>, составление систематического каталога по русской или всеобщей истории, или комплектование этих отделов, или консультации в Справочном Бюро, которые Вы можете давать по самым разнообразным вопросам.

Насколько мне известно, книгами Вы можете распоряжаться наравне со всяким движимым имуществом, и были случаи, что после смерти ученых (в Москве) они автоматически переходили к их наследникам. Но не разумею, зачем их завещать, когда Вы сами пишете, что часть надо продать, а часть перевезти в Москву? Кстати, некоторые я охотно у Вас купил бы по цене, какую

назначите. Во всяком случае, национализация книг после смерти в настоящее время не производится.

Еще раз советую не стесняться сроком подачи рукописи, и лишь уведомить В. И. Надо, чтобы комментарии были новы и исчерпывающи по возможности. Вообще, признавая свою вину, что долго не отвечал, не могу уловить, из-за чего Вы волнуетесь, — а волнение ясно видно в Вашем последнем письме. С моей точки зрения, все эти мелкие вопросы ничего не стоят: напишите Вл<адиамиру> Ив<анович>у, и успокойтесь. (Явно, на Вас отражаются беспокойства из домашней сферы, в которых глубоко Вам сочувствую, ибо и сам иногда переживаю таковые). Письмо Пиксанову передано, но думаю, что ответ не может получиться так скоро, ибо требует заседания правления в О<бщест>-ве Политкаторжан. Остафьевский Архив поступил не в Б<иб-лиоте>ку, а в Ц<ентр>архив (в 1921 году).

А Вы-то купили Лонгинова, чтобы не чувствовать бессилие гапсине против Семенникова! Что он наделал!

Крепко Вас обнимаю и мыслью лечу к Вам. Китти очень Вам кланяется и шлет лучшие приветствия.

Ваш Н. Киселёв.

о праве завещать книги — у Я. Л. Барскова было богатейшее собрание книг по русской истории, уже в начале XX века насчитывавшее 4000 томов. См.: Параделов М. Я. Адресная книга русских библиофилов. М., 1904. С. 9.

В. И. — речь идет о Владимире Ивановиче Невском (настоящие имя и фамилия — Кривобоков Феодосий Иванович) (1876–1937). Делегатор Коммунистической партии, историк, публицист, с 1924 г. директор Библиотеки имени В. И. Ленина. 19 февраля 1935 г. В. И. Невский был арестован по обвинению в активном участии в «контрреволюционной группе» и постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 5 мая

1935 г. был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет. Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 мая 1937 г. за участие в «террористической организации правых» он был приговорен к расстрелу, на следующий день приговор был приведен в исполнение.

источник статьи о цензуре — имеется в виду «Краткое повествование о происхождении цензуры», которое А. Н. Радищев вставил в главу «Торжок» своего «Путешествия». Я. Л. Барсков установил, что при написании статьи Радищев воспользовался книгой: Beckmann, Johann. Beiträge zur Geschichte der Erfindungen. Bd. 1 u. 2. Lpz., 1780, 1781.

книгу Незеленова — Незеленов А. И. Н. И. Новиков, издатель журналов 1769–1785 годов. СПб., 1875.

Волгин — Вячеслав Петрович (1879–1962), профессиональный революционер, журналист, с 1919 г. профессор Московского университета, с 1920 г. большевик.

Остафьевский Архив — богатейший архив кн. Вяземских, хранившийся в их усадьбе Остафьево; перешел по наследству к кн. Шереметевым, из их имения Михайловского был конфискован в Центрархив (ср. наст. изд., с. 59), ныне в РГАЛИ.

гапсиге — злобы (фр.).

19. Киселёв — Барскову

Москва, 19.XII.1931

Глубокоуважаемый и дорогой друг

Яков Лазаревич!

Не думайте, что мне надоела переписка с Вами или, что я за что-нибудь в обиде на Вас. Ничего подобного нет. Причины моего молчания гораздо проще. Первая, общая: люблю получать письма, но не люблю сам писать. Однако, как человек корректный, заставил бы себя, конечно, ответить, но тут вмешались три причины специальные: первая — приезд жены, который надолго

нарушил обычное течение моей жизни и распределение времени; вторая — само это распределение таково, что из него очень трудно выкроить свободный часок для письменной беседы с Вами; третья — последнее время и мне пришлось иметь дело с массою тех неприятных житейских мелочей, которыми столь обильно, к сожалению, богата и Ваша жизнь. Итак, могу только просить Вашего снисхождения по пункту моего молчания и еще раз уверить, что кроме вышеперечисленных других причин его не имеется.

На письмо от 1.XI. Письмо В. И. Невскому было мною передано на другой день и, кажется, он Вам ответил. Конечно, меня ни в малейшей степени не затрудняет быть Вашим посредником в сношениях с ним и с издательством. Письмо И. С. Ежову осталось у меня, ибо Вы сами предоставили мне право передать его или не передавать; а с ним я переговорил устно.

Поездка моя в Питер переносится в смету 1932 и, значит, состоится не ранее весны. А. С. Орлов хотел было выписать меня в Ленинград, но потом у них обстоятельства переменялись, музей книги при Академии открыли, и по этому делу ехать не придется. Но все-таки надеюсь, что отсрочка не очень надолго; по сути же дела, нам с Вами всего полезнее соединиться тогда, когда и Ваша и моя рукопись будут вполне и окончательно готовы; а этого еще нет.

Курить все-таки никогда и ни при каких обстоятельствах не следует, и я сильно ругал жену, за то, что она Вас сбила с пути истинного. Но сознаюсь, что и мне было трудно устоять, увидавши ее папиросы.

Углублять вопросы о Репнине и о Сперанском я сейчас как-то не чувствую потребности; гораздо ближе и прямее относится к нашей работе та рукопись, о которой Вы рассказывали, что видели

ее у кого-то (не у Десницкого ли?). Она касается Латоны. Нельзя ли получить от него точные сведения о ее характере: протоколы ли это, или списки или что? Если бы можно было получить краткий список членов Латоны, извлеченный из протоколов, с датами их принятий и указаниями на их общественное положение, то это могло бы явиться ключом ко многим отношениям Новикова, до сих пор остающимся неизвестными. Если можно, постарайтесь повидать владельца и получить от него точные сведения, в целях успеха нашего общего дела.

О рижских ложах могу сказать не больше того, что имеется у Пыпина и в Handbuch.

Отсрочки наши фатальны в том отношении, что с юридической точки зрения представляют нарушение договора и дают и <з-дательст>ву право также нарушить его, т. е., во-первых, задержать выплату гонорара, во-вторых, оттянуть печатание. И то и другое возможно, ибо положение как с денежными бумажками, так и с печатной бумагой все время обостряется. Но пока наши рукописи не готовы окончательно, ни думать, ни волноваться об этом не стоит. Будем надеяться на благоприятный исход дел.

Над Новиковым я работаю непрерывно и только над ним; подвигается быстро, но, как у Вас, все время выплывают новые и интересные данные. Девиз моих примечаний — Non multa, sed multum; они до крайности сжаты, но стоили огромного труда, ибо в них использованы данные рукописные и затерянные в редчайших печатных изданиях. А то вдруг окажется «Карл Лаврентьевич» художником Витбергом, придется писать о нем; возьмешь его записки (РС 1872) — а в них подробно описан тот самый визит в Тихвинское, о котором говорит Николай Иванович в своем письме. Такого рода увлекательных вещей много было. Во всяком

случае, я намереваюсь исчерпать все, прямо относящееся к делу, — и Вам советую поступить так же и не комкать работу.

На письмо от 15.XII. Посылать в редакцию **часть** рукописи, мне кажется, не следовало. По крайней мере, мне И. С. Ежов на аналогичный вопрос весьма определенно ответил — нет уж, лучше давайте всё сразу. Да и какой смысл? Над частью рукописи все равно нельзя производить никакой работы издательской или редакционной; Вам же она может понадобиться для новых поправок. Впрочем, Вы, вероятно, согласовали этот вопрос, прежде чем отсылать.

Анучина я знал при его жизни, а теперь спросить о его списке некого.

Я не думаю, чтобы Ваша рукопись могла сделаться мне известной ранее ее напечатания, если Вы сами не приедете в Москву или не пришлете мне гранок. Таковые я, конечно, охотно прочту, но вряд ли смогу сказать Вам что-нибудь полезное — кроме опечаток, на которые у меня весьма острый взгляд.

Если издание будет факсимильное, то естественно обе поэмы надо поместить в **Вашей** книге. Когда-то я защищал факсимильность, но сейчас, после всей огромной проделанной Вами работы, начинают возникать сомнения: не лучше ли было дать критически восстановленный и эмендированный текст, с аппаратом вариантов под строкой, среди коих печатное издание было бы лишь одним из свидетелей. Кажется, сейчас об этом говорить уже не стоит; полезность факсимильного издания несомненна, а точно выправленный текст еще будет случай напечатать впоследствии.

Превышение объема на несколько листов, по-видимому, никого не испугает; лишь бы не вздумали выбрасывать материал по каким-либо иным соображениям. Прекрасна Ваша фраза:

«Я обязан дать то, что имею». В этих словах, которые запомню в сердце своем, узнаю своего старого учителя.

Будем надеяться, что зима с ее холодами пройдет, а к началу тепла, м<ожет> б<ыть>, и удастся нам свидеться. И нужно это, и хочется очень. Был я недавно у Пети, вспоминали Вас. Работает он на разных службах и в общественном порядке по 12 часов в сутки. Впрочем, жизнь их течет без пертурбаций.

Жена просит передать Вам искренний привет, я же крепко Вас обнимаю и остаюсь всегда любящий и преданный Вам

Н. Киселёв.

Р. S. Пиксанов занят какой-то экстраординарной работой и в Л. Б. не появляется, но Ваше письмо было мною аккуратно доставлено. Не знаю — а интересуюсь знать — ответили ли Политкаторжане на Ваше предложение, и в каком смысле.

Р. Р. S. Поскольку Ваш переезд в Москву отлагается, не было ли бы целесообразно взять какую-нибудь **легкую** и приятную работу — напр<имер>, в одном из многочисленных архивов или в библиотеке Академии Наук? Я на Вашем месте поступил бы в архив б<ывшего> Министерства Нар<одного> Просвещения. Там, несомненно, имеются интереснейшие материалы. А Вас всюду возьмут и не будут очень загружать. Только преподавания не берите ни в каком случае.

Орлов — Александр Сергеевич Орлов (1871–1947), литературовед, с 1931 г. академик Академии наук СССР, основные его труды были посвящены древнерусской литературе.

Десницкого — Василий Алексеевич Десницкий (1878–1958), революционный деятель, большевик с 1903 г., активно печатался в партийной прессе, после 1919 г. сосредоточился на научной работе. Литературовед, профессор Ленинградского педагогического института, коллекционер.

Handbuch — см. АНФ в Списке сокращений.

говорит Николай Иванович в своем письме — см.: Письма Новикова. № 129.

о его списке — в своей книге «Судьба первого издания „Путешествия“ Радищева» (М., 1918) Д. Н. Анучин привел ряд фрагментов из принадлежавшего его брату М. Н. Анучину списка «Путешествия», своей близостью к «цензурной рукописи» и отличиями от печатного издания доказывающих наличие сложной текстологической проблемы. Список Анучина остался Барскову недоступен, и в своде вариантов и разночтений, включенном им во 2-й том издания 1935 г. (издательство «Academia»), он мог лишь воспроизвести данные из указанной книги. Этот список был заново обнаружен в 1968 г. в Государственном музее Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде.

в Вашей книге — имеется в виду приложение к факсимильному изданию — «Материалы к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“».

Ответили ли Политкаторжане на Ваше предложение — вероятно, предложение об издании Полного собрания сочинений А. Н. Радищева в 3-х тт. В 1933 г. это издание анонсировалось в «Литературном наследстве», первый том был обещан к выпуску в конце года в Издательстве Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев (ЛН. Т. 9—10. С. 354). После разгона Общества политкаторжан подготовка издания осуществлялась под эгидой Академии наук. Первый том, в подготовке которого принимал участие Я. Л. Барсков, был выпущен только в 1938 г.

20. Киселёв — Барскову

Москва 22.V.1932.

Глубокоуважаемый Яков Лазаревич!

Дорогой друг!

Во-первых, прошу прощения, что не отвечал на письмо Ваше от 22.I.: в то время работа у меня кипела, я никуда не ходил,

ничего не читал и не мог решиться оторвать вечер на письмо. Сообщил я тогда и Петру Лазаревичу о Вашей болезни и тяжёлом положении, но помочь в то время ни он, ни я ничем бы не могли. А теперь есть надежда на улучшение, ибо Academia, как я слышал, платит и за Радищева и частью за Новикова. Намерение Ваше приехать сюда очень, очень и очень хорошо и многое устроит и разрешит. Вл. Ив. будет здесь весь июнь и будет занят статьями к Радищеву и Новикову; сговориться лично было бы весьма нужно. 29 февраля (хороша дата!) в Музей Книги поступил второй экземпляр «Путешествия», существование которого я утверждал еще два года назад на основании печатных данных и который, наконец, отыскался в наших складах. Думаю, что у Петра Лазаревича остановиться можно, а у меня, к сожалению, физически негде, и при наличности больной жены было бы неудобно.

Работа над Перепиской Новикова закончена вполне еще в середине марта; неожиданно долго оказалось размножение всего на машинке и потом проверка ремингтонограммы. Теперь все окончательно готово и дня через 3—4 рассчитываю сдать абсолютно полную рукопись в издательство. Конечно, Вам необходимо будет просмотреть и всю работу в целом, и есть ряд отдельных вопросов, о которых необходимо переговорить. Важнейший из них: письма к Руничу в П. Б. и письма к Лабзину в П. Д. необходимо требуют сличения по подлинникам. Надеюсь, что это Вы возьмете на себя.

Что касается моей статьи, то она все еще лежит в редакции Сборника Л. Б., но есть некоторая надежда, что будет напечатана. А сам я буду сидеть все лето в Москве и поджидать Вас; если уеду, то не ранее конца июля и не на долго, как в прошлом году. Последние дни появился здесь В. П. Семенников — в ужасном

состоянии. Мы купили у него статью о авторах и книгах елизаветинской эпохи, после чего это состояние стало еще ужаснее, надеюсь, что теперь он эвакуировался в Ленинград. Его надо бы было лечить гипнотизмом. Оказывается, у него есть дочь (знаете ли вы ее?); я же думал, что он вполне одинок.

Обращаюсь к Вам с просьбой, которую прошу исполнить только в том случае, если она Вас не затруднит. Мне очень желательно приобрести [А. Ф. Бычков], Автографы Публичной Библиотеки, Выпуск I (Москва 1872). Нет ли ее на складе П. Б.? Если есть, будьте добры ее купить, а я при свидании возмещу стоимость.

Поклон Ваш Христине Лаврентьевне передал, и она шлет Вам свои лучшие приветствия и будет рада видеть Вас у нас. Петю же я еще некоторое время не увижу — до Вашего приезда. Увидеться нам с Вами совершенно необходимо, и я все время ломал голову, как это устроить, ибо для меня выбраться в Ленинград было бы очень затруднительно. Ваше письмо от 14.V. внесло ясность в этот вопрос, и мы все будем ждать Вас с большим нетерпением. Крепко Вас обнимаю и жду этого времени.

Ваш Н. Киселёв.

к Радищеву — уже напечатанное предисловие В. И. Невского ко 2-му тому «Путешествия из Петербурга в Москву» (М.; Л.: Academia, 1935) «Мученик идеи» было исключено из издания. В подсобной библиотеке НИОР РГБ сохранился экземпляр книги со статьей В. И. Невского и авторской правкой Я. Л. Барскова.

моей статьи — «Матерь-ложь Трех Знамен в Москве и зависевшие от нее ложи (1779—1786)». Очередной (третий) выпуск Сборника Ленинской библиотеки (Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина) вышел в свет только в 1934 г. Статьи Н. П. Киселёва и В. П. Семенникова в него не вошли.

21. Барсков — Киселёву

Дорогой друг Николай Петрович!

Сегодня послал $2/3$ Введения и Переписки В<ладимиру> Ив<анови>чу. Отчаянно спешу с окончанием. Нужно, чтобы Вы добыли рукопись у В<ладимира> И<ванови>ча и прочли. Нет ничего похожего на общепринятую характеристику Н<иколая> И<ванови>ча. Долго я возился с планом и с изложением. Ни за что не хотелось идти избитой дорогой. Да Вы знаете, что и по существу я представляю себе Н<овико>ва иначе, чем его изображают. Для меня всего важнейшее его напряженная, неустанная работа по изданию и продаже книг. Это — глава первой крупной книгоиздательской и книгопродавческой фирмы, достигшей почти монопольного положения. Это — хозяин, предприниматель с широким размахом, с исключительным чутьем рынка. Ничего дурного или предосудительного в такой любви к делу, конечно, не было. Н<овико>в руководился не столько мечтой о прибыли, сколько желанием принести пользу стране и народу. В этом и была одна из главных причин его краха. Зомбарт обнажил душу капиталиста-буржуа. Ратенау, Рокфеллер, Морган, Карнеджи, Стиннес, все основатели огромных предприятий прямо заявляют, что **дело** для них прежде всего, и решительно отвергают **мораль**. У Н<овико>ва переплетались, пересекая друг друга, деловые приемы и нравственные побуждения. Грубо говоря, он хотел капитал приобрести и невинность соблюсти. Так не поступают Разуваевы, Колупаевы, Морозовы, Рябушинские. Дети, внуки и правнуки их, получая высшее образование, часто выбирают новые пути, отрекаются от приемов, какими орудовали их предки, и разоряются, как разорился Походяшин по той же самой причине. Капитализм

беспощаден. Если для успеха предприятия нужно оставить город без хлеба и топлива, капиталист не задумывается над вопросом, нравственно это или нет, если нужно организовать бойню вроде войны 1914 г. или опоить водкой и сгноить сифилисом туземцев в колонии для успеха предприятия, он пойдет на все. Н<овико>в не мог этого сделать. Это был 1) родовитый дворянин, 2) искренний христианин, перед которым благоговел сам митрополит Платон. Служить одновременно делу наживы и делу благотворения, как это последнее понимал Н<овико>в, без вреда для фирмы нельзя. Он и погубил коммерческое дело. К этому присоединились побочные обстоятельства — масонские связи с Вельнером и К^а, впутавшие Н<овико>ва в полит<ическую> интригу. Подоспела фр<анцузская> революция, а с ней русская реакция.

Вот как построено Введение и на чем оно держится. Всего меньше места отведено мартинизму, всего больше — хозяйству. Н<овико>в помещик, книгоиздатель, книгопродавец на первом плане; Н<овико>в масон на последнем. Да и масонство его было не выдержано: Платон был прав, находя безупречным его отношение к церкви.

Вы увидите, что в изложении я пользуюсь преимущественно перепиской, т<а>к к<а>к она нуждается в объяснении. Именно к ней главным образом я подгонял свой текст, сокращая параграфы, не имеющие с ней близкой связи.

Очень хотел знать Ваше дружеское мнение на чистоту: удовлетворяет ли Вас Введение?

Объем! Что делать с объемом? Как я ни сжимал свои черновики, а уложиться в 1¹/₂ листа не мог. Не такова переписка по существу, чтобы можно было вкратце ткнуть туда-сюда несколько фраз. Без обстоятельной статьи переписка рисует Н<овико>ва,

как завязтого обскуранта в роде его корреспондентов, а этого-то и не было.

Н<овико>в, конечно, постарел с годами и кое в чем «сдал», но я постараюсь показать, что большой перемены в нем по возвращении из тюрьмы не было. Это очень цельный характер: каким был Н<овико>в при Е<катери>не, таким остался при А<лександр>е.

Было бы очень хорошо, если бы достали какие-нибудь сведения об Авдотьиной в наши дни. Что там такое? Целы ли крестьянские избы, построенные Н<овико>в<ым>? Есть ли церковь, или в ней клуб? Во что превратилась богадельня? (Непременно прочтите № Русск<их> Вед<омостей> 1916 10 VIII и статью Ярцева в Ист<орическом> Вестнике 1882, XI, 459—490). Цел ли каменный флигель, где жил управляющий Авдотьиным, когда имение перешло в ведение М<осковской> Гор<одской> Управы. Нет ли в Авдотьиной колхоза, совхоза? Можно легко получить эти сведения чрез московских краеведов. Я упустил это из виду, когда был в М<оск>ве, п<отому> ч<то> иначе представлял себе план Введения.

Искал я здесь в архиве Тургеневых **занесенные в опись** материалы, в том числе 8 писем Н. И. Н<овико>ва, воспоминания И. П. Т<ургене>ва, его переписку и мн. др. Документов нет на месте. По-видимому, их взял А. А. Фомин, и куда они делись после его смерти, не известно. Не попали ли они к Георгиевскому? Н. К. Пиксанов собирается в М<оск>ву и постарается это выяснить. Кое-что я все-таки получил, но печатать этого не придется. Я использовал найденное для Введения. Досадно будет, если остальное найдется, когда выйдет наша книга.

Сбивает меня с толку конец Ревизской сказки. В перечне крестьян под № 25 значится Алексея Спиридонова сын Антон 3 лет, а в соседней графе (1819 году отд. в рекруты) стоит лета 7. Сказка относится к 1816 году, а последняя ревизия была за 4 г. перед тем. Цифры 3 и 7 не внушают сомнения. Но что значит 1819 в сказке 1816 года? И каким образом мальчика от 3 до 7 лет отдали в рекруты? Пожалуйста, справьтесь в подлиннике! В статье Ярцева встречаются те же имена, как и в Сказке. Я это отметил во Введении.

Милый друг! Нельзя ли взять для меня в П<убличную> Б<иблите>ку или в Б<иблите>ку Ак<адемии> Наук Le Forestier — иллюминаты? Здесь этой книги нет, а она мне снова нужна. Академич<еская> Б<иблите>ка (да и Публичная) согласны обратиться к Вам с запросом в Лен<инскую> Б<иблите>ку. Но **свободна** ли книга? Я ее не задержу.

Рукопись всю я послал через здешнее отд<еление издательства> Academia на М. Дмитровку в конверте на имя В. И. Н<евско>го.

Пожалуйста, напишите мне, какая страница **последняя**? Помнится 74-я. Так ли? Я очень торопился и не отметил себе для памяти, сколько страниц в отосланной уже рукописи. Можно, я думаю, будет справиться или у В<ладимира> И<ванови>ча, или у Над. Григ. Антокольской (по телефону на М. Дмитровке). Дружески Вас обнимаю и шлю свой привет Христине Лаврентьевне.

Где Вы живете? Не пришлось ли Вам перебраться на новую квартиру? Молчание Ваше беспримерно! А я часто Вас вспоминаю. Сердечно Ваш Я. Барсков.

1932 14/X.

На конверте помета: «Спешное», наклейка: «Нарочным». Адрес: «Москва Моховая, 6, кв. 2 или Библиотека имени Ленина быв. Музей книги Николаю Петровичу Киселеву От Я. Л. Барскова Ул. Рылеева, д. 6 кв. 12».

Зомбарт обнажил душу капиталиста-буржуа — из работ немецкого экономиста и историка Вернера Зомбарта (1863–1941) генезису капитализма и анализу мировоззрения буржуазии посвящены книги: «Современный капитализм» (т. 1–2. М., 1903–1905; т. 3. М.; Л., 1930) и «Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека» (М., 1924).

Карнеджи — так в русском переводе Зомбарта; правильно: Карнеги (Carnegie).

№ Русских Ведомостей 1916 10 VIII — в нем помещена статья А. А. Кизеветтера о поездке в Авдотьино.

статью Ярцева — Ярцев А. А. Поездка в родовую вотчину Н. И. Новикова. (Отсылка неверна, правильно — 1894.)

конец Ревизской сказки — при подготовке к печати был оставлен Киселёвым без изменений и комментариев.

Le Forestier — Le Forestier, René. Les illuminés de Bavière et la franc-maçonnerie allemande. Paris, 1914.

Антокольской — Надежда Григорьевна Антокольская (1900–1985), сестра поэта Павла Антокольского. С начала 1930-х гг. была секретарем в издательстве «Academia», затем — литературным секретарем у пушкиниста М. А. Цявловского и его жены Т. Г. Цявловской. Во время войны работала в журналах «Красноармеец» и «Краснофлотец», позднее в издательстве «Искусство».

22. Барсков — Киселёву

Милый друг Николай Петрович!

Не прогневал ли я Вас чем-нибудь в своем письме? Когда спешишь, то нечаянно можешь так обмолвиться, что после будешь каяться. Меня смущает Ваше молчание. По всей вероятности, Вы

еще не получили от В<ладимира> И<ванови>ча моего введения ($2/3$). Это не велика беда. А вот если оно не по вкусу ни ему, ни Вам, то я буду чрезвычайно огорчен. Когда я переписывал рукопись, мне она казалась живой, интересной и далекой от трафарета, по которому изображали «иже во святых отца нашего, Николая». Понимаете ли вы меня? Мне хочется дать живого человека, автора публикуемых нами писем. Ведь в них столько поводов к зачислению Н<овико>ва в разряд отъявленных обскурантов! А я хочу предупредить эту ошибку. Вместе с тем я отмечаю и тот либерализм, который Н<овико>ву обычно навязывали. Это и затрудняет меня всего более. Скоро Вы получите конец^{*)}. Я отметил на полях синим карандашом (точками) ссылки на стр. Вашей рукописи, а вопрос<ительными> знаками места, которые (в слабой, впрочем, степени) **повторяют** Ваш комментарий. М<ожет> б<ыть>, Вы просто зачеркнете у себя несколько строк; а м<ожет> б<ыть>, найдете эту операцию излишней, п<отому> ч<то> речь идет именно о двух-трех фразах, например, о стариках у Витберга и т. п. В. А. Десницкий дал мне возможность прочесть находящиеся у него подлинные протоколы логи Лабзина («Умир<ающий> Сфинкс») с ее возникновения до 6 апр<еля> 1815 г. Кое-что можно будет внести в нашу книгу (страничку, не более). Я еще не закончил проверку Вашего комментария по этим протоколам. Но пока все сходится. Встретил нынче внука А. П. Римского-Корсакова. Я придаю письму А<ндрея> П<етрови>ча (вместе с Вами) большое значение. Но что Вы называете Моск<овской> Обл<астной> Б<ibliote>кой? В списке сокращений ее, понятно, нет, а где же

*) Остается одна маленькая глава — в два-три дня она будет закончена.

она находится и чем она была прежде? Так как внук готовит книгу об отце и деде, то он обещался передать мне все, что у него есть о последнем.

Что-то Вы поручали мне поискать в Архиве Тург<еневых>. Я там бываю, но пока ничего ценного для нас не нашел. Опять-таки некоторые мелочи.

Простите за почерк. Перо ни к черту не годится, а другого нет — завтра куплю, если найду.

Дружески Вас обнимаю и прошу передать мой привет Христине Лаврентьевне.

Я. Барсков.

1932

26/Х.

внука А. П. Римского-Корсакова — имеется в виду музыковед Андрей Николаевич Римский-Корсаков (1878–1940), в 1920–1940 гг. — сотрудник Публичной библиотеки. Его исследование об отце, композиторе Николае Андреевиче Римском-Корсакове («Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество») выходило отдельными выпусками начиная с 1933 г. Всего вышло пять выпусков, последний — посмертно, в 1946 г.

письму Андрея Петровича — имеется в виду письмо одного из руководителей русского масонства А. П. Римского-Корсакова к Н. С. Протопопову от 11.I.1818, которое Н. С. Киселёв предполагал полностью поместить в комментарий к «Переписке Н. И. Новикова» как важный документ, проливающий свет на содержание письма Н. И. Новикова к А. А. Николеву от 3.XII.1917 (см.: *Письма Новикова*. № 162). Переписка Н. С. Протопопова хранилась в Московской областной библиотеке и была скопирована Н. П. Киселёвым.

23. Киселёв — Барскову

Москва 11.XI.1932.

Дорогой друг

Яков Лазаревич!

Получил я оба письма Ваши от 14.X. и от 31.X. Напрасно Вы предполагаете, что я мог на Вас обидеться и т. п.; грешен я, как Вы знаете, по части писания писем, а сейчас в октябре и ноябре было особенно много дела и мало времени. Кроме того, не хотелось писать, не прочитав Вашего введения: начало прочел, конца еще не видал. Наконец, не писал потому, что ведь и Вы после своего отъезда из Москвы не писали, у меня же материи для письма не было: я уже заключил новые договора и сижу над другими работами.

С великим прискорбием придется мне огорчить Вас относительно Введения, но утешаю себя тем, что это в первый раз и что Вы никак не можете заподозрить меня в литературном недоброжелательстве. Чтение его было для меня глубоким разочарованием и полной неожиданностью. Не то, чтобы мне в нем что-нибудь не нравилось, а оно мне не нравится вообще (т. е. $\frac{2}{3}$ прочтенные). Прочтя последнюю треть, еще раз напишу. Оставляю мелочи, о которых спишусь впоследствии, но в основном:

1) скучно, ибо целыми страницами идет пересказ или цитирование общеизвестных и второстепенных мелочей, в отношении которых достаточно было ограничиться ссылками на страницы, особенно когда выписки из текстов, нами же издаваемых.

2) Нецелесообразно построено, ибо дает а) историю Тихвинского [факты этой истории после 1818, т. е. после смерти Новикова, вообще излишни]; б) анализ его религиозности, сделанный с большою полнотой, — слишком большою, ибо это значит

ломиться в открытые двери. Мне понравилось сопоставление с Аввакумом на стр. 25, огромные же нагромождения цитат в доказательство фактов, в которых никто из исследователей никогда не сомневался, кажутся решительно излишними; в) характеристика Новикова как предпринимателя и хозяина — опять-таки растянутая и не рельефная, не дающая сравнения с другими конкретными личностями его времени и потому лишаящая характеристику индивидуального оттенка: мало ли было в прошлом религиозных верующих людей, мало ли плодилось помещиков — добрых или жестоких, плохо или хорошо хозяйничавших? Новиков чем отличен от них — не видно, или плохо видно. Плохо потому именно, что **Ваших** слов слишком мало, а **его** слов слишком много. Его слова надо было оставить в тексте, со ссылками лишь на страницы, а Вам следовало сказать о нем свое продуманное и веское слово, ибо

3) Читатель ведь будет ожидать от Введения **либо** полного фактического очерка (чего мы давать не собирались), **либо** выявления и освещения культурно-исторического значения Новикова. Чтение пунктов а—б—в вашего Введения (см. выше) для этой цели почти ни к чему не служит; вся эта груда осколков была бы уместна лишь в биографии, рассчитанной на 600 страниц. Кстати, при этой мелочности, полнота собрания все же не достигнута, притом — односторонне не достигнута. Напр<имер>, несомненна простецкая ортодоксальность Новикова, но, с другой стороны, есть факты, в самих наших текстах, свидетельствующие о **свободе** и оригинальности его мышления в религиозных вопросах (конечно, не в смысле свободомыслия).

4) В письме от 14.X. Вы пишете: «Нет ничего похожего на общепринятую характеристику Н. И-ча». На это возражаю:

а) никакой характеристики нет, а описаны несколько граней его личности — как не было бы описанием физического человека описание левой руки, правой ноги и цвета волос;

б) новизна точки зрения сама по себе не является плюсом, если не оправдывается действительно неизвестными или неверно ранее истолковывавшимися фактами;

γ) ничего нового в Ваших заключениях я не усмотрел. Я **знаю**, что Вы «представляете себе Н-ва иначе, чем его изображают»; в наших беседах с Вами это сказывалось, но в изложении не чувствуется.

5) Вы пишете, что статья выходит из намеченного объема, а мое впечатление, что она выиграла бы, если ее сократить вдвое, 1) выбросив некоторые цитаты, а другие заменив указанием на страницы [], 2) выбросив все излишнее о Тихвинском, 3) добавив недостающее о культурной деятельности, [напр<имер>, Ваши стр. 17—25 можно было бы гораздо сильнее заменить одной страницей собственного изложения], 4) показав личность в окружении ее современников. Выражаясь по-марксистски {зачеркнуто: «по-современному»}, Ваша трактовка — механистическая, а не диалектическая; выражаясь литературно, она неживая, ибо не достает изобразительности {зачеркнуто: «мастерства»}. В этом отношении Ваш Радищев сделан совсем иначе и гораздо лучше.

Еще раз прошу на меня не сердиться и перехожу к другими вопросам, ибо чувствую, что начинаю сам растекаться. Но я никак не мог бы не высказать Вам искренно своего впечатления. Впрочем, против напечатания Введения я возражать не буду, но лишь постольку, поскольку мне безразлично, какие статьи будут перед текстом. Я ведь смотрю на большинство предисловий лишь как на

неизбежную издательскую форму, в редких случаях оправдываемую сутью дела.

Le Forestier выписать очень просто; для этого нужно только, чтобы одна из ленинградских б<иблите>к обратилась к Л<енинской> Б<иблитеке> с запросом обычного типа (они знают, как).

Очень хорошо, что Вы использовали протоколы Умирающего Сфинкса, находящиеся у Десницкого, и, конечно, надо, что можно, ввести в текст; но вопрос: в каком отношении находится эта рукопись к протоколам того же Сфинкса, хранящимся в П. Б.? М<ожет> б<ыть>, это лишь копия с них?

Моск<овская> Областная Б<иблите>ка именно так и называется и занимает часть бывшего ресторана «Прага».

Ужасно досадно, что мелочи домашней жизни мешают Вам работать, но от этого лучше средство — приехать в Москву, где все будут Вам рады и примут Вас с распростертыми объятиями. И здесь мы гораздо легче договорились бы о Введении, чем путем переписки.

Проверили ли Вы тексты писем к Руничу и Лабзину? То и другое необходимо.

Вл. Ив. очень ждет от Вас конца Радищева, ибо без него не может писать, а давно пора сдавать обе книги в набор.

Крепко Вас обнимаю и очень прошу не сердиться на меня. Я никак не хотел бы Вас огорчить. Жена и Дуня посылают лучшие приветствия. Ваш Н. П. Киселёв.

сопоставление с Аввакумом — дано на с. 24–25 (дополнительных) вступительной статьи Барскова: «Письма Новикова — не все, конечно, — напоминают произведения протопопа Аввакума — его „Послания верным“, „Беседы о ветхом и новом завете“, „Письма братии“, а местами уводят еще в более далекое прошлое, когда русский писатель

XVI века, современник Ефрема Семеновича Новикова, старец Филофей, заявлял: „Я человек сельский и невежа в премудрости, не в Афинах родился, ни у мудрых философ учился, ни с мудрыми философы в беседе не бывал: учился есмь книгам благодатного закона, чем бы моя грешная душа спасти...“ (Аввакум, книга первая — Малинин, стр. 44, Шпет, ч. 1, стр. 60—61). Новиков не предлагал вернуться к тем временам, когда мудрость почерпалась из таких кладезей, как „Маргарит“, „Златый бисер“, „Палея“ и т. п. Он не подражал ни Филофею, ни Аввакуму, да и не знал их, вероятно; сходство обусловлено тем, что он стал на один с ними путь борьбы за „правую веру“; подобно этим наставникам и знатокам „писания“, он проповедует взгляды, вполне согласованные с церковным учением: бог посылает людям кресты или искушения, во всем надобно полагаться на волю Божию, а своей не иметь; земная жизнь только путь к загробной; существуют духи, добрые или злые, ангелы и демоны; вся природа исполнена чудес и совершаются они постоянно». (Прописные и строчные буквы — в соответствии с оригиналом, подчинявшимся требованиям тогдашней цензуры; ссылка на издания: Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. К., 1901; Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. Ч. 1. Пг.: Колос, 1922.)

протоколы Умирающего Сфинкса — в 1869 г. были переданы в Публичную библиотеку (см.: Отчет П. Б. за 1869 год), в настоящее время хранятся: РО РНБ. Ф. III. 64—69. Другой, не совпадающий с первым, журнал заседаний ложи за 1800—1815 гг., находившийся у В. А. Десницкого, в настоящее время хранится: НИОР РГБ. Ф. 439. К. 24. Ед. хр. 5. Помимо этого, сохранился дневник заседаний ложи за весну—осень 1812 г.: ОПИ ГИМ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 19. Л. 19—27.

проверили ли Вы тексты писем к Руничу и Лабзину? — несмотря на неоднократные просьбы Н. П. Киселёва (см. письмо 20), письма Н. И. Новикова к Д. П. Руничу (РО РНБ) и А. Ф. Лабзину (П. Д.) не были сличены с рукописями; ранее осуществленные А. Ф. Бычковым и Б. Л. Модзалевским публикации действительно содержали ряд неточностей, в чем мы смогли убедиться при подготовке этих писем к печати в 1994 г.

24. Киселёв — Барскову

Москва 19.XI.1932.

Дорогой друг Яков Лазаревич!

Сейчас кончил читать вторую часть Вашего Введения, полученную мною от Вл. И. Начинал ее читать с трепетом надежды, что мое впечатление от первой было ошибочно и поспешно, или же, что вторая часть даст то, чего первая не дает. К сожалению, мое впечатление лишь усилилось; мне продолжает казаться:

- 1) что стержня и хорошего плана во Введении нет;
- 2) что оно представляет собрание случайных и плохо систематизированных выписок о XVIII веке;
- 3) что личность Новикова стоит **не** на фоне этих выписок, а на заднем плане, в тени;
- 4) что не получилось ни цельного портрета его, как моральной и литературной личности, ни цельной характеристики его культурно-исторического значения;
- 5) что кроме слишком обширных цитат Введение перегружено массой никак не относящихся к делу фактов; напр<имер>, подробный рассказ о чуме, о любовниках Екатерины, о Потёмкине (причем главное о нем и не сказано), о галломании большая часть.

Самое поразительное, что никаких собственно Вам принадлежащих мыслей о Новикове не высказано, а мне лучше чем кому-нибудь известно, что они у Вас есть. Вся статья производит на меня впечатление какого-то недоразумения. Для меня ясно, что Вы переутомились от напряженной работы последнего года, и что домашние дразги, о которых Вы упоминаете вскользь, отравили-

таки источник Вашего творчества. Наконец, и спешность работы дала себя знать. Отсюда выводы:

- 1) Не надо падать духом, и главное, не надо на меня сердиться или подозревать в предвзятости.
- 2) Надо, необходимо отдохнуть.
- 3) Ликвидировать мои возражения (если Вы сочтете это нужным) можно только при личном свидании.
- 4) Пункты 2 и 3 достижимы лучше всего в Москве.

По счастью, Academia пока не торопит, и Вл. Ив. своей статьи еще не кончил. Если Вы не согласитесь со мной в основном, то все-таки одно необходимо: внимательно перечитать все Введение и спрессовать его, ужать, заменив выписки ссылками и устранив повторения.

Недавно получил я и третье Ваше письмо, от 11.XI. Из начальных строк вижу, что и Вас Введение «не удовлетворяет». «Многое хочется исправить, опустить, внести вновь». Все, что я пространно расписывал в двух письмах, выражено этою, Вашею собственною, формулой; в ней надо только сделать ударение на слове «многое». Я крепко надеюсь, что издательство даст Вам время на переделку, а только время (и спокойствие) Вам и нужны. Вся беда в том, что Вы написали **не то**, что говорили о Новикове; но все это легко исправимо.

В Москве ни со мной, ни с Вашими родными ничего дурного не случилось, и напрасно Вы предполагаете что-либо подобное на том лишь основании, что неаккуратные и перегруженные делами москвичи замедлили Вам ответить на письма. Я очень извиняюсь за молчание, но ничего сделать не мог.

Имени Поповой я потому не написал, что у нас ее не знают, а позвониться в Исторический Музей невозможно. Зовут ее Ольга

Ивановна, и, как мне сообщили, она довольно часто переходит из одного отдела в другой.

Еще раз очень прошу извинить меня за прямолинейность, с которой я высказал мое мнение. Я бы не решился на это, если бы имел дело с кем-нибудь другим. Но я почитаю Вас в знании XVIII века настолько выше себя, что мои сомнения, надеюсь, не смогут Вас смутить или обидеть. А если Вы в них найдете что-либо достойное внимания и осуществления, то, значит, надо было их высказать.

Крепко обнимаю Вас и сейчас больше, горячее, чем когда-либо, желаю Вам душевной бодрости в борьбе с житейскими тревоблениями. Христина Лаврентьевна шлет Вам сердечный привет, а сама она довольно больна.

Ваш Н. Киселёв.

Потёмкине — то, что Я. Л. Барсков привел в своей статье обширные отрывки о Г. А. Потёмкине, вполне объяснимо. Дело в том, что по договору с «Литературным наследством» он подготовил публикацию любовных писем Екатерины II к Г. А. Потёмкину, однако редакция отказалась издавать данные материалы; подготовленная публикация была продана издателями «Литературного наследства» М. Е. Кольцовым, И. С. Зильберштейном и К. А. Уманским французскому журналисту Ж. Удару, который не преминул опубликовать письма в переводе на французский язык (см. статьи Н. Я. Эйдельмана: Вопросы истории. 1989. № 7. С. 111–118; В. С. Лопатина: Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М., 1997. С. 486–488). Затем Барсков пытался опубликовать эту переписку в изданиях В. Д. Бонч-Бруевича «Летописи» Гослитмузея и «Звенья», но столь же безуспешно. Очевидно, вставляя в предисловие к «Переписке Н. И. Новикова» рассказ о Потёмкине, Барсков хотел найти применение своим наработкам.

Поповой — Ольга Ивановна Попова (1888–1973), литературовед, сотрудница Исторического музея, специалист по зарубежным рукописям и автографам.

25. Барсков — Киселёву

Дорогой мой друг Николай Петрович!

Целую Вас крепко, дружески обнимаю и всеми способами, какие только можете вообразить, благодарю за Ваш искренний отзыв о моей работе. Я ждал его с нетерпением, потому, что заранее был в нем уверен. Мы сошлись с Вами в оценке этой злосчастной рукописи. Затем я и отослал ее, чтобы Вы могли ознакомиться с ней, пока я не передал ее изд<ательст>ву до конца. Подробно объяснять, почему я запутался, не стоит. Укажу лишь главное. Во-первых, я решил, что **выводы** из моей работы сделает В. И. в своем марксистском предисловии, а я ограничусь лишь фактами, подобранными, однако, так, что из них сами собой вытекали бы предполагаемые мною выводы редактора. Вот почему не оказалось **моих** слов. Эта глупая затея меня и сгубила. Всю нелепость такого замысла я понял в процессе работы или, точнее говоря, в конце ее. Как только выяснилась ошибка, я ускорил переписку и отослал Вам те $\frac{2}{3}$, которые Вы прочитали. Во-вторых, я совершенно исключил всякую полемику с Лонгиновым, Боголюбовым, Пыпиным, Тукалевским, Милюковым, вообще со всеми, кто писал о Новикове. Ведь на нее пришлось бы затратить не только время, но и бумагу. А писал я статью, имея в виду ту старую концепцию, которую считаю ложной, особенно у Тукалевского, Милюкова, Иванова-Разумника и Боголюбова. Что же получилось? Возражения мои понятны только мне, да и те не высказаны **моими** словами, а спрятаны в подборе материала. В-третьих, я предполагал обойтись без масонства и понял, конечно, очень скоро, что сделать этого нельзя, если хочешь дать характеристику Новикова. Мучил меня и объем. Ведь то, что Вы получили,

результат самого настойчивого сокращения первоначального текста! И все-таки я расплылся благодаря цитатам и отступлениям (например, о «чуме»). Кстати сказать: откуда взялась «чума»*)? Надобно было хоть на каком-нибудь конкретном примере показать, что за время переживал Новиков. Ведь обычно читатель представляет себе две крайности: пышный двор северной Семирамиды и — усадьбу крепостника, изнуряющего крестьян барщиной или оброком, например усадьбу Простаковой. Все это Н. видел и обличал. Но что его потрясало, поднимало на дыбы? Конечно, не эти злоупотребления креп<остным> правом отдельных лиц и не развратная жизнь императрицы, а такие восстания, как бунт 1771 г. или пугачевщина. У меня в дальнейшей части отведено и «пугачевщине» столько же места, сколько «чуме». Я не излагаю, конечно, всей истории пугачевщины, но даю, приблизительно, такую же «картинку», какую Вы уже прочли... И этого не нужно было делать в данной статье. Давши «чуму» и «пугачевщину», я должен был дать и «голод» 1786—7 г. также в виде «картинки». Так я и путался, выбрасывая все **свои** слова и нагромождая цитаты. Когда все это выяснилось, я схватился за голову и пришел в отчаяние: ведь время-то ушло! все сроки и отсрочки уже пропущены! Многое и другое я мог бы сообщить в этом роде. Но и того, что сказано, для Вас вполне достаточно, чтобы понять мое настроение. Чрезвычайно смущает меня мысль об изд<ательст>ве, о В<ладимире> И<ванови>че: что они обо мне думают!? Ведь я загубил свою репутацию этой **злосчастной**, скажу еще раз, попыткой осветить «Переписку Н. И. Н.». Для меня все это было полезно и интересно, и труда, мной затраченного,

*) Не сама чума, конечно, а то, что я о ней пишу.

мне не жаль: я читал, писал, думал, работал — что же больше желать? А книга-то из-за меня стоит без движения! Вот что скверно! И я не знаю, как поправить мне свои ошибки. Ясно, что печатать «Введения» в данном виде нельзя. Я не прочь пере-кроить все снова, но на это уйдет недели две! Да нужно еще переписать. Ведь обратно рукопись, наход<ящуюся> у Вас, я получить не могу. Посоветуйте, дорогой мой, какой-нибудь вы-ход. К чему клонятся мои не высказанные в статье мысли о Н<овико>ве? Вот они: Это 1) человек глубоко религиозный и простецки набожный, но не простец; 2) это лучший или, по крайней мере, один из лучших масонов-розенкрейцеров; 3) это христианин, масон и учитель, апостол, как Аввакум. В его вере, масонстве и проповеди нет ничего надуманного, это не Л. Толстой (как полагают Милюков и Тукалевский), а Я. Бёме, са-пожник, а не профессор. Вы понимаете, что я хочу этим сказать; *comparaison n'est pas raison...* Далее — это 4) гуманный и просвещенный помещик, возмущенный крепостническими зло-деяниями, но не помышляющий об отмене крепостного права (в отличие от Радищева); это землевладелец, собственник, охранитель вверенных ему крестьян от бюрократии, скажем, от введенных Ек<атерино>й губернских учреждений в год казни Пугачева (1775). 5) Это дворянин, предки которого служили в XVI в., а не выскочка, не разночинец, каковы были многие из его современни-ков, настоящий «барин», «стародум», вообще **положительный** тип пьес Фонвизина*). 6) Это патриот и монархист, как Болтин, Щербатов, Сумароков, Державин, как мн<огие> др<угие>, кото-рых он уважал и которые его уважали. 7) Это просветитель-

*) С Фонвизиним он сходилась во многом.

консерватор, враг вольнодумства и безбожия, но не гасильник вроде Вельнера или Магницкого. 8) Это книгоиздатель и книгопродавец, глава крупного и смелого предприятия, делец, создатель и хозяин первоклассной фирмы, не мечтатель-идеалист и тем более не плут-приобретатель, каким его считали враги и клеветники. 9) Это писатель-сатирик, публицист, библиограф. 10) Это жертва борьбы за власть «вокруг трона» между матерью и сыном, между дворянством «случая» (Потемкин и К^о) и «чести» (Панины, Трубецкие, Щербатов и т. п.). **Вам**, мой друг, все это понятно с полуслова... Я живо себе представляю Н. и в Авдотьино, и в Москве, и в столице. Никакого **перелома** не было ни в 1775, ни в 1796 г. Это на редкость цельный человек. Большая ошибка, что его хоронят заживо и не обращают внимания на последние 22 года его жизни. В эту пору и выступают наиболее выпукло все конститутивные черты Н^{овико}ва. А этот этап его жизни всего лучше освещен «Перепиской». Обычно характеристика Н^{овико}ва опирается 1) на очень скудный источник показаний на допросе 1792 г., 2) на очень мало изученных статьях журналов и книг, изданных Новиковым. Ведь из показаний выводится вся характеристика Н., как масона, а следовало бы опираться гл^{авным} обр^{азом} на «переписку». Есть хорошие описи, каталоги изданий Н^{овико}ва, но нет и попытки подвергнуть эти издания их анализу (за исключ^{ением} журналов, да и то через пятую на десятую). Вот два-три примера: Что такое «Поема о нынешних делах...» (Сем. № 8). В б^{иблите}ке мне дали экземпляр, где на 1-м месте Переписка Вольтера, а на 2-м Поема. Что за переписка? О чем? Оказывается, архиепископ срамит В^{ольтера} за то, что он насмеялся над таинством причащения. У Вас она указана на стр. 431: Поема+Переписка, а не

наоборот. Как в экземпляре Л<енинской> Б<иблите>ки? Что это за «Выписки о чревоутолятелях»? (Сем. № 15). Это очень толковое объяснение уловок, которыми пользуются мастера этого дела... Что за штука «Беседы с Богом»? (Сем. № 80). О них есть рассказ у Болотова. Сам Н. предложил ему перевести эту книгу, и Болотов нашел ее раскрепаснейшей, да не справился с языком...

Ну, милый друг, всякий раз, когда я начинаю говорить с Вами при личном свидании или в письме, не могу наговориться... Дайте же мне совет: что теперь делать, как быть?

Не можете ли узнать адрес, имя и отчество О. Поповой, которая служит в Истор<ическом> Музее, в отделе рукописей, где я работал летом? Ее знает И. Н. Розанов. Позвоните ему по телефону. Он скажет, а Вы напишите. <...>

Сердечно Ваш Я. Б.

1932

19/XI

Р. S. За переделку Введения я уже принялся. 19/XI.

Еще просьба: как зовут Сергиевского в «Литерат<урном> наследстве»?

Очень хочется знать, какую Вы взяли новую работу и с кем договорились и о чем? А какая судьба Вашей статьи, кот<о-рую> Вы писали в 1931 г.? Где она напечатана?

У Вас на стр. 410 и 425 нет отчества Вахрушева: Анфимович; в 1800 г. ему было 22 года. Принят учеником и братом в 1-м собр<ании> Ум<ирающего> Сфинкса 15.I.1800.

На конверте надпись: «Заказное. Москва Моховая д. 6 кв. 2 Николаю Петровичу Киселеву От Я. Л. Барскова Ул. Рылеева, д. 6, кв. 12».

Штемпели: 19.11.1932 (Ленинград) и 20.11.1932 (Москва). Письмо написано прежде получения письма 24.

В. И. в своем марксистском предисловии — статью Невского «Великий просветитель XVIII века» (1932, машинопись с авторской правкой) см.: НИОР РГБ. Ф. 384. К. 4. Ед. хр. 12.

с Лонгиновым, Боголюбовым, Пыпиным, Тукалевским, Милюковым... у Иванова-Разумника — имеются в виду следующие публикации: Лонгинов; Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М., 1916; Пыпин А. Н. Русское масонство в XVIII веке // *Пыпин*; Тукалевский В. Н. Искания русских масонов. СПб., 1911; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1—3. Изд. 2-е. СПб., 1896—1904; Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. Изд. 5-е. Ч. 1. Пг., 1918.

Панины — Я. Л. Барсков еще в 1914 г. сделал доклад в Военно-историческом обществе: «Переписка гр. Н. И. и П. И. Паниных с цесаревичем Павлом Петровичем». Затем он опубликовал статью: Проекты военных реформ цесаревича Павла // *Русский исторический журнал*. 1917. Кн. 3—4. С. 104—145. Долгое время Я. Л. Барсков, имевший в своем распоряжении рукописи Паниных (в настоящее время в НИОР РГБ. Ф. 16), работал над подготовкой к публикации «Архива Паниных», которая не была завершена.

Сем. — Семенников В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании. Пг., 1921.

У Вас она указана на стр. 431 — здесь и далее в письме ссылки на страницы машинописи «Переписка Н. И. Новикова».

Розанов — Иван Никанорович (1874—1959), брат М. Н. Розанова; литературовед, с 1918 г. профессор Московского университета.

Сергиевского — Иван Васильевич Сергиевский (1905—1954), литературовед.

26. Барсков — Киселёву

Дорогой Николай Петрович! Посылаю Введение, совершенно переработанное, но не сполна переписанное. Я не вполне доволен работой... Если Вы с Владимиром Ивановичем кое-что

еще устраните, то она выиграет, но сам я не в силах произвести эту операцию. Четыре месяца, не только дни, но и ночи ушли у меня <на> эту статью. Стоило только отбросить старую концепцию, как выступил передо мной живой Новиков. Но для того, чтобы сделать его живым, нужно не два листа, а целое «сочинение». Главный недостаток моей работы — отсутствие фона, эпохи. Я пытался это сделать, но ничего не вышло, так как все надобно начинать сначала. Ведь он был современником двух цариц и трех царей, о которых нет ни одной путной книги. Другой грех — выписки. Я заменял свои слова текстами, чтобы обосновать материалом то, что скажет, вероятно, в своем предисловии В. И. Вы увидите, что работа из 3^х глав: Н. помещик, Н. книгоиздатель, Н. писатель. Первая как будто удалась лучше других, хотя и не вполне; вторая хуже; третья совсем не удалась. Я пробовал ограничиться исключительно письмами, но тут наткнулся на Ваш аппарат. Вы вобрали в него всю суть писем. Вот я и вертелся во все стороны. Вообще я ничуть не буду жалеть, если статья не появится в печати. Жаль, что ушло время. Жить остается так мало, что для меня месяц то же самое, как для Вас год.

Спешу на почту. Буду еще писать, когда отдохну и усну хоть одну ночь.

Крепко Вас обнимаю и буду рад, если Вы прочтете статью и напишете, что вы решите — печатать или нет. Этого вполне мне достаточно, поэтому Вам не придется отрываться от работы. А над чем Вы сидите?

Ваш Я. Б.

1932

13/XII.

На конверте та же надпись, как и на предыдущем письме. Штемпель: 16.12.1932 (Москва).

27. Киселёв — Барскову

Строго конфиденциально!

Москва, 24.VI.1934.

Дорогой Яков Лазаревич!

Письмо Ваше от 20.VI. меня как громом убило. Из него я узнал — впервые — что издание III тома воспоминаний Андрея Белого поручено невежественному халтурщику, который не только не осведомлен в самых общеизвестных отношениях первого десятилетия XX века, но даже не удосужился добросовестно проработать I и II томы редактируемого им текста. Примазавшись к Белому, ничтожный писака собирается выпустить гнуснейшую халтуру, и Вы очень ошибаетесь, предположив, что я приму в этом хоть малейшее участие. Характер вопросов свидетельствует о **полном** незнании предмета, и нечего браться за такие работы неведомо кому, когда есть **немалое** число людей, весьма отчетливо помнящих то время и опытных в литературной работе. Поручили бы А. С. Петровскому, который сейчас свободен, — он сделал бы такой комментарий, что это было бы чудо; как чудом являются его комментарии к дневникам Л. Н. Толстого. Я считаю, что комментарий Вольпе будет поруганием писателя, который, как бы к нему ни относиться, принадлежит к числу великих гордостей русской литературы. Прилагать свою руку к этому грязному делу не хочу. Совершенно ясно, что Вольпе — это Жишка № 2. Ясно также, что надо сменить редактора и все переделать заново — тогда и я буду готов оказать всяческое содействие этому нужному предприятию. В самом тексте Белого

столько анахронизмов, фактических ошибок, неточностей, ультра-субъективных оценок и даже озорных выхонок, что от комментатора требовался бы, кроме близкого знакомства с эпохой, еще сугубый такт, умение, не вступая в полемику с автором, в аннотациях ввести кое-какие коррективы к тексту. Впрочем, это — если вообще признать, что примечания нужны; я же в этом сомневаюсь: поскольку их нет в I и II томах и не было бы в III, если бы Белый умер годом позднее, следует ограничиться голым алфавитным указателем. Не надо забывать, что III том был сдан автором в абсолютно готовом виде, и лишь IV том остался недописанным. Если уж писать примечания, то это надо сделать ко всем трем или четырем томам сразу, ибо в них повторяются все те же лица.

К Г. А. Рачинскому я не пойду, во-1) потому, что не был у него много лет, а с таким делом идти не стоит, во-2) потому, что последнее его высказывание (лично мне, на юбилее Ю. Н. Верховского) было: «А черт с ним, с Белым! Он только скандалит всюду, куда приходит». Вообще они совсем разошлись.

Дорогой и неизменно уважаемый друг, я вижу, что наговорил много резкого, но Вы поймете, что — не по Вашему адресу. Я хорошо понимаю, что для Вас было первым и естественным побуждением, увидав нечто, с первого взгляда внушающее сомнения, обратиться к человеку, который мог бы исправить выходящую литературную работу — «ради дела, которое мы с Вами горячо любим». Спешу еще раз подчеркнуть, что есть **много** людей, не я один, хорошо осведомленных в той эпохе. И, прежде всего, есть **вдова**, Клавдия Николаевна Бугаева (Москва, Нащокинский пер., д. 3 кв. 55), специалистка по его писаниям. Если редакция издательства не сочла нужным к ним обратиться, то я со своей стороны отнюдь не желаю поощрять халтуру, исправив

1 % из негодных примечаний. Если бы это было предисловие, нужное для того, чтобы протащить книгу, я не возмущался бы; там можно писать что угодно. Но примечания могут и должны быть сделаны как следует, прежде всего — с добросовестным подходом. Пускай халтурщики марают литературные ценности, пока им это позволено и даже поручается. Препятствовать я им не могу, а содействовать не буду. *Benedictus dominus, qui nos de hoc materia expedivit* (Salimbene).

Вот и Азадовский в Языкове: в общем издание добропорядочное, а в некоторых частностях наворотил такого, что глядеть тошно. Не сумел даже правильно расшифровать имена западников 40-х годов в стихотворении «К не нашим», для чего требуется минимум исторической осведомленности. Таковы наши современные шелкоперы; все определяется фразой: «У меня легкость в мыслях необыкновенная».

Гораздо более чужих дел меня интересуют Ваши. Напрасно Вы думаете, что я еще не понимаю, что значит *Memento mori*! Очень хорошо понимаю и чувствую, но еще не известно, кто из нас двух раньше умрет: Вы или я. Но именно поэтому и хочется повидаться еще раз, чтобы перед разлукой наговориться и наглядеться друг на друга. Я мечтаю, так как отпуск мой еще не использован, если получу некоторую сумму денег, съездить в Ленинград — **без дел**, а только для развлечения: поглядеть новое устройство художественных собраний и повидать друзей, в первую очередь Вас. Но пока не знаю ничего, удастся ли. Хотел бы знать, поедете Вы в санаторий или нет? И если да, то когда? Если в «Известиях» будет рецензия на Жишку, я спрячу для Вас весь № и доставлю при случае. Переезжать мы будем не ранее конца сентября, да и будем ли, неизвестно.

В. И. Невский и Е. П. Херсонская уехали в отпуск месяца по полтора. Очень сожалею о плохом здоровье Ольги Яковлевны и прошу передать ей искреннее пожелание скорее поправиться.

Христина Лаврентьевна и Дуняша Вам кланяются и шлют приветствия.

Крепко Вас обнимаю и остаюсь Ваш Н. Киселёв.

Р. S. Пишите еще и не сердитесь на меня. Если выписки из Белого Вам нужны, я могу их вернуть.

издание III тома воспоминаний Андрея Белого — Белый Андрей. Между двух революций. Л., 1934. Книга была сдана в набор 23 апреля 1934 г., однако указатель имен, очевидно, сдавался позднее; вышла в свет в апреле 1935 г. Полное издание, с добавлением второй части и восстановлением цензурных купюр, см.: Белый Андрей. Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990. В именном указателе к этому изданию см. подробнее о персоналиях, названных в письме 28.

его комментарии к дневникам Л. Н. Толстого — в рамках юбилейного Полного собрания сочинений Толстого в 90 т. (М.; Л., 1928—1958). А. С. Петровский полностью подготовил и откомментировал 46-й том (М., 1937), слыл корректуры с автографами при подготовке ряда других томов. Киселёв, очевидно, был знаком с комментариями А. С. Петровского еще до выхода соответствующего тома.

Вольпе — Цезарь Самойлович (1904—1941), литературовед. Третий том воспоминаний Андрея Белого вышел с его предисловием и с составленным им указателем имен.

Жишка — Михаил Васильевич Жишка, автор книги о Радищеве, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» (М., 1934).

Верховского — Юрий Никандрович Верховский (1878—1956), поэт, переводчик, историк литературы. Ю. Н. Верховский осуществил ряд публикаций на основе «Татевского архива» Рачинских.

Клавдия Николаевна Бугаева, урожд. Алексеева, в первом браке Васильева (1886—1970) — вторая жена Андрея Белого, хранительница его наследия. Антропософка, мемуаристка.

Benedictus dominus, qui nos de hoc materia expedivit (Salimbene) — Благословен Господь, который нас от сей материи избавил (лат.). Салимбене — знаменитый флорентийский хронист XIII века, монах-францисканец.

Азадовский — Марк Константинович (1888—1954), литературовед, фольклорист, декабристовед. Речь идет о подготовленном им «Полном собрании стихотворений» Н. М. Языкова (М.; Л.: Academia, 1934). В комментарии (С. 845) к стихотворению-памфлету «К не нашим» («О вы, которые хотите...»), обращенному к трем не названным по имени западникам, М. К. Азадовский ограничился тем, что привел запись М. Н. Лонгина на его списке стихотворения, согласно которой Н. М. Языков имел в виду П. Я. Чаадаева, Т. Н. Грановского и А. И. Тургенева, и добавил от себя: «Приурочение к А. И. Тургеневу очень сомнительно». Действительно, у Языкова наверняка изображен А. И. Герцен.

«У меня легкость в мыслях необыкновенная» — немного измененная реплика Хлестакова из гоголевского «Ревизора»; *щелкопером* Хлестакова называет городничий в последнем действии комедии.

Если в «Известиях» будет рецензия на *Жишку* — вероятно, там ожидалась публикация рецензии самого Я. Л. Барскова, сохранившейся в его архиве (НИОР РГБ. Ф. 16. К. 28. Ед. хр. 12).

Херсонская — Екатерина Павловна (род. 1876), критик, театровед. К 1921 г. профессор театра «Четвертая студия», в 1930 г. профессор 1-го МГУ и 2-го МХТ, член правления Библиотеки им. Ленина; к 1936 г. заместитель заведующего Отделом рукописей и Отделом редких книг той же библиотеки.

28. Киселёв — Барскову

Москва 4.VII.1934

Глубокоуважаемый друг

Яков Лазаревич!

Вчера получил Ваше письмо от 1.VII. и усматриваю из него, что «влопались» не только Вы, но и я. Ибо, действительно, после

Вашего первого письма я рассказал К. Н. Бугаевой о его содержании и выразил свое удивление по поводу, как мне казалось, халтурного отношения к изданию воспоминаний Белого. *Inde irae*. В данном случае *qui pro quo* — отнюдь не забавное — заключается в том, что недоумения **Ваши** были мною приняты за недоумения **редактора**. Вы имеете, разумеется, полное право **не** знать, что в устах Белого «Морозова» значит всегда «Маргарита Кирилловна», как в устах Геродота βασιλεύς означает персидского царя; а редактор **обязан** это знать. Но если подчеркивания вьюном сделаны не им, а Вами, то все меняется, и мне остается только просить Вас извинить мою вспыльчивость, которая, как Вы знаете, у меня проявляется довольно редко. И еще просьба успокоить Вольпе и не поселять смуты в его душе. По отзывам здесь он человек не плохой, так что все выражения по его адресу я беру обратно; что Вы **их** не передали, в этом я уверен, зная моего старого друга.

Мое возбуждение было вызвано и такими вопросами, как «Хвостов» (Вениамин Мих<айлович>, проф.), Петровский (Алексей Сергеевич, Вам лично известный и которым полны I и II томы) и т. д.

Между прочим, я узнал, что примечания были составлены К. Н. Бугаевой и П. Н. Зайцевым, но забракованы издательством (конечно, неосновательно). В них-то уже наверно можно было узнать год рождения Сизова или смерти Остроухова. Конечно, и я мог бы их установить, но для этого надо куда-то идти, терять время и т. д., и я решительно не вижу необходимости делать это ради прекрасных глаз хотя бы и «оправданного» Вольпе. Листок его я при сем прилагаю, и на другом листке пишу то, что могу припомнить, не наводя справок. Сизов — мой ровесник, но родился ли он в

1883 или 1884, не повидав его, сказать не могу. Думаю, что Вы знали не отца его Ивана Ильича (служащего в Купеческом Банке), а дядю, Владимира Ильича, известного археолога в Историческом Музее.

О том, что мемуары Белого далеки от объективной истины, я Вам писал в моем ответе, так что здесь мы с Вами не расходимся; но я все-таки думаю, что он гениальный писатель, что он имеет право писать что хочет о ком хочет, что **внешние** очерки людей в большинстве случаев блестящи, и в целом его книги — ценнейший памятник эпохи. Напр<имер>, если я не сухарь по сути, то на $1/2$ людей произвожу **впечатление** сухаря; чудачества же умножаю охотно и сознательно (когда это не грозит неприятностями), ибо во мне есть нечто от юродивого. Конечно, Белый знал мою истинную сущность, но по многим причинам предпочел остановиться на внешнем. Вот Христина Лаврентьевна находит, что портрет очень схожий. Даже Каменев отметил, что «В громадном большинстве случаев он дает „покуры“, „покивы“, „качания носка“ взамен мыслей». Верно, но если бы Белый изобразил **истинные** «идейные движения начала века», как этого хочет Лев Борисович, то его книга вовсе не увидела бы света. В этом и заложена причина фальсификации. Напр<имер>, портрет Павла Ив<ановича> Астрова — внешне верный, по существу — нелепая карикатура. Когда я читаю эти книги, у меня возникает непреодолимое желание написать к ним обширный «комментарий» — не в виде примечаний, а в виде целого «Капища моего сердца», как написал когда-то Долгорукий.

Но от одного подозрения или упрека Белый должен быть решительно очищен, именно, от будто бы неискреннего желания выставить свое сочувствие революции и делу пролетариата. Вполне

было это искренно, и сильнее, чем у всех других членов нашего кружка; но тут надо помнить одно: как Мережковский искал синтеза Христа и Антихриста, так Белый искал синтеза буржуазности и социализма. Конечно, с точки зрения политической это — дичь, но с точки зрения философской это — такая же «проблема», как всякая другая. А на практике Белый тогда, в 1904—1906, дружил именно с марксистами и революционерами, а не с представителями других политических течений. Кадетов и октябристов ругал при всяком случае.

Я Вам очень советую и даже прошу достать «Записки мечтателей» (альманах) с воспоминаниями Белого о Блоке (там немного есть и обо мне) и сравнить Блока в «Записках мечтателей» с Блоком в «Начале века». Не верится, что это тот же человек, настолько различны точки зрения. Но крупницы истины есть и в том, и в другом.

Я крепко верю, что мы с Вами еще увидимся, и не раз, и тогда поговорим подробно об этом памятнике — с тою же непредвзятостью и беспристрастием, с которыми мы слово за словом старались выяснить истинную сущность Н. И. Новикова, выявляющуюся в его письмах.

Пока на этом заканчиваю — письмо и так будет толстое. Согласен с Вашим отзывом о Сервантесе и вспоминаю, как по этим новеллам изучал испанский язык в Московском Университете.

Крепко обнимаю, прошу и меня простить. Пишите почаще, если охота будет.

Искренно Ваш Н. Киселёв.

5.VII. Вчера вечером был у К. Н. Бугаевой. Там получены гранки всего III тома, и предубеждение против Вольпе рассеялось. Так что, в конце концов, Ваше обращение ко мне, по-видимому,

будет иметь лишь благие последствия. Однако посоветуйте Вольпе приехать на неделю в Москву и повидать лично всех друзей Белого. Впрочем, А. С. Петровский уезжает на июль и август. Но многие находятся здесь. Я мог бы ему указать, как кого найти.

1) Оленин, студент-филолог, участвовавший в забастовках 1905. Лев Андреевич, мой близкий товарищ в Университете. После революции эмигрировал, и жив ли, не знаю.

2) Поццо не А. А., а Александр Михайлович был женат на Наталье Алексеевне Тургеневой (старшая сестра); Белый на Анне (Ася) Алексеевне (средняя), офортистка, которая потом (в Берлине) была женою поэта Кусикова; Сергей Михайлович Соловьев на Татьяне Алексеевне (младшая). Поццо и обе старшие сестры находятся за границей, вероятно в Швейцарии. А. С. Петровский никогда женат не был.

7) Полевой — Андрей Львович, автор драматических произведений на темы из былинного эпоса: «Русское богатырство» и т. п. Армейский капитан. Часто устраивал у себя чтения в 1905—06, на которых и мне приходилось бывать. Помнится, что действительно Полевой — Мансфельд, но я не вполне уверен.

13) Муни — Самуил Викторович Киссин, поэт.

14) Топорков, Алексей Константинович, философ, в 1912 сотрудник «Трудов и Дней изд<ательст>ва Мусaget» под псевдонимом Ophis.

19) Эртель Михаил Александрович, о нем много в «Начале века». Кажется, умер.

23) О Малафееве должен помнить А. С. Петровский; но что Малафеев исчез с горизонта еще до начала войны, об этом пишет и Белый.

28) см. 3).

30 = 31) был только один Витольд Францевич Ахрамович (псевд. Ашмарин), корректор Мусагета; **не** поэт, но, кажется, написал два или три стихотворения, помещенные в «Антологии Мусагета». В 1904—06 вел партийную работу в Нижнем, а с 1917 или 1918 был членом ВКП(б). Застрелился года четыре тому назад.

Петровский Алексей Сергеевич (р. 1881), член редакции Мусагета, литератор и переводчик. В 1907—1930 служил во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина, ныне занимается литературными работами.

Рачинский первоначально находился на службе, потом жил литературным трудом; главная его работа — полное собр<а>ние> соч<инений> Ницше. Председатель религиозно-филос<офского> О<бщест>ва им. Вл. Соловьева и редактор издательства «Путь». После революции — профессор истории немецкой литературы в различных вузах, напр<имер>, в Институте им. В. Я. Брюсова.

Киселев (род. 1884) — член редакции изд<ательст>ва Мусагет, в 1913—1915 секретарь изд<ательст>ва. Библиолог и инкунабуловед; ныне главный библиотекарь в Отделе редких книг Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина (в Библиотеке с 1910 года).

Сергей Глаголь = Сергей Сергеевич Голоушев, худож<е>ственный> критик, доктор. Умер.

Свенцицкий — Валентин Павлович. В 1905 основал революционную организацию «Христианское братство борьбы» (с В. Ф. Эрном). Автор книги «Антихрист».

Зайцевым — Петр Никанорович Зайцев (1899—1970), поэт, публицист, издательский работник. С середины 1920-х гг. близкий знакомый Андрея Белого, поверенный в его литературных делах. В мае 1931 г. арестован по делу московской антропософской группы и сослан в Казахстан, в начале 1932 г. стараниями Андрея Белого возвращен в Москву. В 1935 г. арестован вторично по обвинению в контрреволюционной деятельности, три года провел в лагерях, потом на поселении в Тульской области.

«*Капища моего сердца*» — о своеобразном жанре этого ценного мемуарного памятника, принадлежащего перу поэта кн. И. М. Долгорукова (1764—1823), дает представление подзаголовок: «или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни».

«*Записки мечтателей*» (альманах) с воспоминаниями Белого о Блоке — первая редакция воспоминаний Андрея Белого о Блоке (Записки мечтателей. 1922. № 6). Существенно расширенный вариант: Эпопея. 1922—1923. № 1—4. В мемуарной трилогии 1930-х годов Андрей Белый фактически отрекается от лирического духа этих своих ранних воспоминаний.

была женою поэта Кусикова — недолгое сближение Аси Тургеневой с поэтом-имажинистом Александром Кусиковым в Берлине в 1922 г., во время окончательного разрыва с Андреем Белым, не было браком.

Белый знал мою истинную сущность, но по многим причинам предпочел остановиться на внешнем — см. развернутую характеристику Н. П. Киселёва во втором томе мемуарной трилогии Андрея Белого: Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 389—391.

Лев Борисович Каменев (настоящая фамилия — Розенфельд) (1883—1936) — деятель революционного движения, с 1901 г. член РСДРП, в 1919—1925 гг. член Политбюро ЦК РКП(б). В 1918—1926 гг. председатель Московского Совета, в 1922—1926 гг. заместитель председателя Совнаркома. В 1926—1927 гг. — один из лидеров «левой оппозиции». В 1927 г. исключен из ВКП(б). В 1928 г. восстановлен в партии, работал на руководящих хозяйственных должностях. В октябре 1932 г. вновь исключен из партии и сослан на Урал. В мае 1933 г. возвращен из ссылки. 25 мая покаялся в печати («Правда»). Июнем 1933 г. датировано

предисловие Каменева к (вышедшей в свет в ноябре 1933 г.) книге Андрея Белого «Начало века» (М.; Л.: ГИХЛ, 1933; приведенная цитата — с. V). В декабре 1933 г. восстановлен в партии и назначен заместителем председателя редакционного совета и заведующим издательства «Academia», а в мае 1934 г. — директором Пушкинского Дома и Института мировой литературы. При нем, благодаря активному привлечению к подготовке изданий профессиональных литературоведов и переводчиков, деятельность издательства значительно активизировалась. 16 декабря 1934 г. арестован; по сфабрикованным делам приговорен в январе 1935 г. к пяти годам тюрьмы, в июле — к десяти годам, в августе 1936 г. — к смертной казни (расстрелян 25 августа).

посоветуйте Вольпе приехать на неделю в Москву — ср.: «При составлении настоящего указателя я широко использовал собрание сочинений В. И. Ленина и комментаторский аппарат к этому собранию сочинений. Кроме того за отдельные замечания и указания приношу благодарность К. Н. Бугаевой, Я. Л. Барскову, <...> Н. П. Киселёву <...>» (преамбула Ц. Вольпе к Указателю имен: Белый Андрей. Между двух революций. Л., 1934. С. 407). А. С. Петровского в этом списке нет.

29. Киселёв — Барскову

Москва 23.IX.1934.

Дорогой друг Яков Лазаревич!

Еле-еле урываю минуту, чтобы ответить на Ваше двойное письмо от 6.VII и 22.VIII.; чрезвычайно занят как делами библиотечными, так в особенности литературными и издательскими. Не сердитесь на задержку и на вынужденную краткость письма <...>

На № 1. А. С. Петровский вернулся в Москву и мог бы поговорить с Вольпе в случае его приезда; также и я.

Что касается гениальности, то, по-видимому, мы действительно говорим о разных вещах. В моем понимании, гений — это тот, чья **внутренняя значительность** 1) неординарна, редко встречается,

крупна; 2) важна для других людей. Эта значительность ума и чувства может быть выявлена в книгах или иного рода *opus'ax*, но может и не быть выявлена в них, как напр<имер> у Сократа. Вообще гениальность есть качество психологического, а не литературного порядка и встречается гораздо чаще, чем перворазрядная литературная одаренность (ранга Софокла или Шекспира). Кроме того, это есть явление перемежающееся: крупнейшие гении иногда срываются и впадают в банальность мышления и чувствования (весьма часто это случалось с Пушкиным); наоборот, у людей ординарных бывают нередко взлеты в область гениальности, т. е. провидческого. Гениальность есть способность что-то постигать раньше и яснее, чем другие люди. Яркий пример гениального постижения — Колумб: во всех отношениях, **кроме одного**, человек ординарный. Если же попробовать расценить русских **писателей** с точки зрения гениальности, то получится: крупнейшим гением и пророком является Гоголь; с ним рядом стоят Достоевский и Толстой. Пониже занимают 4-ое место Лермонтов и 5-ое Пушкин. Категорию III составляют: Баратынский, Тютчев, Вл. Соловьев, Вяч. Иванов, А. Белый. Лишь к IV ступени и ниже можно отнести прочих хороших писателей; как ни думал, не мог припомнить ни одного, которого стоило бы поместить в III группу. К IV относятся напр<имер> Некрасов, Чехов, Брюсов и Блок; не выше VI можно отнести Тургенева и Л. Андреева; к VII Гончарова и т. д. Повторяю, что в литературе гениальное постижение определяется некими музыкальными колебаниями души, а вовсе не содержанием: Достоевский и Толстой суть пророки **не потому**, что увлекались религиозными вопросами, а потому, что открыли новые горные области звучания человеческих душ. Как религиозно-философские мыслители и как писатели

они конечно значительны, но здесь у них много и ошибочного, лжепророческого. Несравненный Бетховен в области музыки души и музыки сфер есть Гоголь, который иногда писал просто вздор: в «Выбранных местах» чистейшая гармония миров перемешана с невероятною ахинеей. Прибавлю еще, что последним суждением я ни в малейшей степени не обязан Белому <...>

Недавно получил прекрасное исследование берлинского проф. Julius Ruska: *Turba Philosophorum* (Berlin 1931), выясняющее происхождение этого текста, который, помнится, интересовал и Вас <...>

Н. П. Киселёв.

Опущены части письма, где приводятся бытовые детали и говорится о текущих научных работах Я. Л. Барскова, в частности, о нарушении его авторских прав при передаче в Париж его рукописи о переписке Екатерины.

Julius Ruska — Ruska J. *Turba philosophorum. Ein Beitrag zur Geschichte der Alchimie*. Berlin, 1931. Книга содержит исследование, критически восстановленный латинский текст и научный перевод на немецкий язык одного из важнейших алхимических сочинений. По форме «*Turba*» представляет диалог, в котором последовательно выступают герметисты, носящие имена частью известных греческих философов, а частью весьма замысловатые. Путем филологического анализа Руска почти без остатка возвел последнюю группу к греческим же именам, только прошедшим арабскую транскрипцию и претерпевшим многократные искажения со стороны переписчиков, и доказал, что это сочинение написано на арабском языке в конце X или начале XI в. в Египте. Арабский подлинник в настоящее время неизвестен, сохранились многочисленные переводы на европейские языки. В круту русских масонов «Турба философов» была известна и переводилась (С. И. Гамалеей) с переделки Германа Фиктульда (XVIII в.).

30. Киселёв — Барскову

Москва, 9.I.1936.

Дорогой друг Яков Лазаревич!

Я так занят, что до сих пор не мог написать Вам, и настоящее письмо пишу не дома. А написать мне Вам очень нужно по делу о Новикове. Во-первых, получили ли Вы свои черновики, которые Вам переслало издательство Ленинской Библиотеки? Во-вторых, рассмотрев поданный мною текст и комментарий, редакция пришла к заключению, что может считать его окончательно принятым и одобрить для напечатания только после того, как будет иметь в руках вводную статью. Я не мог особенно возражать против такой точки зрения, хотя сроки подачи рукописи в договорах разные, ибо ясно, что комментарий мой не рассчитан ни на выявление социальной значимости Новикова и его писем, ни на выявление ценности переписки в целом, как исторического и бытового источника. Всего этого — и многого другого — ждут от Вашей статьи, которую пишете возможно подробнее, вскрывая личность Новикова до самых глубоких ее корней. Кроме того, решено все-таки предпослать Предисловие какого-нибудь партийного марксиста, еще не известно кого; но оно, вероятно, будет недлинное и даст лишь основные установки. Впрочем, и Вы не стесняйтесь высказывать последние, ибо если они встретят одобрение редакции, то тем лучше, если же нет, то их просто вычеркнут. Но главное, постарайтесь подать статью в срок, установленный договором (не помню, 1 февраля или 1 марта?), ибо непринятие текста без статьи влечет как следствие задержку в уплате гонорара, что равно печально и для Вас, и для меня. На 1937 год (кстати: поздравляю Вас с Новым Годом) издательство

наше наметило множество изданий, но реализация их движается черепашным шагом.

Крепко Вас обнимаю и желаю всего лучшего. Если будет время, черкните мне пару строк, но главное — ускорьте статью по мере возможности.

Искренно Ваш

Н. П. Киселёв.

Р. С. Вам кланяется Евгения Ивановна.

Евгения Ивановна — Кацпржак, вторая жена Н. П. Киселёва.

31. Барсков — Киселёву

Милый друг Николай Петрович!

Вы, конечно, ждете и моего письма, и статьи... Письмо — вот оно, а статья еще не переписана, но готова. Постараюсь быть аккуратным... Я не уверен в машинистке <...>

Статья сильно переделана, но использовать В<ладимира> И<ванови>ча не пришлось по множеству причин. Я даю своего отнюдь не иконописного Новикова, однако и не святошу или слюнтя. Как я и раньше Вам говорил, это исключительной энергии человек, запутавшийся в обществе людей совершенно иного склада, чем он. Он стоял выше всех своих сочленов по ордену, за исключением праведного Гамалеи. Но последнему, правильно говорит Ключевский, и подобает не биография, а житие. Я очень рад, что Вы в своем письме советуете брать глубже, выявлять нашего героя до конца, ничего не скрывая, раньше давали ложный образ, стараясь притянуть Новикова к Радищеву. Я уже напечатал

в «Лит<ературном> насл<едстве>», что от Н<овикова> и Р<адищева> пути идут разные <...>

Сердечно Ваш Я. Барсков.

1937 21/1. <...>

Печатается выдержка из письма, относящаяся к работе над «Перепиской Н. И. Новикова».

говорит Ключевский — ср.: «А для изображения С. И. Гамалеи, правителя канцелярии московского главнокомандующего, у меня не найдется и слов: хотелось бы видеть такого человека, а не вспоминать о нем. Я недоумеваю, каким образом под мундиром канцелярского чиновника, и именно русской канцелярии прошлого века, мог уцелеть человек первых веков христианства. Гамалее подобает житие, а не биография или характеристика» (Ключевский В. О. Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени [1894] // Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. 9. М., 1990. С. 45).

пути идут разные — ср.: «Самая постановка имен Радищева и Новикова рядом, привычка брать их, так сказать, за одну скобку, сделала то, что для широкого круга читателей стерлись глубочайшие различия между ними: первый является подлинным революционером, а вот второго путь ведет если не к Каткову и Победоносцеву, то по крайней мере к „новым христианам“ — к автору „Бесов“ и К. Н. Леонтьеву. Правда, они стремились оба к одной и той же цели — положить конец тому состоянию России, в какое привел ее деспотизм Екатерины и Потёмкина, но шли они путями полярно противоположными: Радищев был пророком и предтечей революции, Новиков — реакции» (Барсков Я. Л. Литературное наследство А. Н. Радищева и Н. И. Новикова // ЛН. Т. 9—10. С. 344). В том же номере «Литературного наследства» был напечатан анонс издания «Писем Н. И. Новикова», завершавшийся словами: «Письма из Тихвинского, подобно „Исповеди“ Руссо, освещают весь жизненный путь Новикова, дают цельный и законченный образ самого деятельного и наиболее влиятельного из русских масонов XVIII в.; вступив на этот путь в 1775 г., Новиков остался ему верен до гроба» (Там же. С. 517).

32. Киселёв — Барскову

Москва, 5.IV.1937.

Глубокоуважаемый друг
Яков Лазаревич!

Благодарю Вас за письмо от 24.III.1937. Вопрос о Новикове разрешился следующим образом: редактор, Н. Л. Мецераков, отозвался весьма лестно о научных достоинствах работы Вашей и моей; однако, по ряду практических соображений сдача работы в печать откладывается на неопределенное время. Редактор рекомендовал хранить нашу с Вами рукопись, как большую ценность, а издательство наше решило оплатить нам гонорар, следующий по договору при подаче рукописи, т. е. 35 % <...>

Крепко Вас обнимая остаюсь любящий Вас
Н. П. Киселёв.

P. S. Оплачивается и счет Вашей машинистки.

Опущено окончание письма, где содержатся детали о распределении гонорара и бытовые новости.

Мецераков — Николай Леонидович (1865—1942), член РСДРП с 1901 г., публицист, с 1918 г. член редколлегии газеты «Правда», затем заведующий Госиздатом, главный редактор Малой Советской Энциклопедии.

33. Барсков — Киселёву

Милый друг
Николай Петрович!

Замечательно: только что я написал Вам сердечное моление, как получил Ваше письмо от 5/IV!

Хотя Мещеряков и оценил высоко «научность» нашей работы, а все-таки письма не увидят света еще «неопределенное время». Конечно, я прав: при всей моей осторожности нельзя скрыть, что Н<овиков> преклонялся пред монархиней, ее сыном и внуком. Я и не скрывал этого, чтобы не подводить издательство под справедливый упрек. Еще в «Литер<атурном> насл<едстве>» я указывал, что пути Н<овикова> и Р<адищева> расходились; от Н<овикова> ко Л. Толстому или, точнее, к К. Леонтьеву, а от Р<адищева> — к Ленину! Но я отличаю, однако, Н<овикова> от Лабзина или Поздеева, п<отому> ч<то> Н<овиков> сделал своим изд<ательст>вом большое просветительное дело. <...>

Сердечно Ваш

Я. Барсков

1937.

6/IV

33. Баг

Милой дити

Николай Петрович

Зачестьтеся твоему чину в приказе Вашем сегоднем месяце

как доува Ваши писаны от 3/IV

НИКОЛАЙ КИСЕЛЁВ
МАТЕРЬ-ЛОЖА ТРЕХ ЗНАМЕН В МОСКВЕ
И ЗАВИСЕВШИЕ ОТ НЕЕ ЛОЖИ (1779–1786)¹

1.

Вряд ли приходится сомневаться, что в истории русского масонства известная историкам часть меньше неизвестной. Это соотношение коренится как в самой сущности масонства, так и в тех преследованиях, которым оно подвергалось; и хотя архивными разысканиями можно добиться весьма существенного расширения области известного, всё же очень многие и очень основные вопросы навсегда останутся неразрешенными. Важным вкладом в научную разработку масонства является труд моего глубокоуважаемого

¹ Статья с дополняющими ее примечаниями и приложениями публикуется по авторской машинописи, хранящейся в НИОР РГБ. Ф. 218. Исправление мелких погрешностей, уточнение библиографических отсылок и обновление наименований архивохранилищ и архивных шифров осуществлено без особого на то указания; комментарии, у автора вклиненные в текст, оформлены нами как постраничные сноски; арабскими цифрами в квадратных скобках, вслед за оригиналом, обозначены отсылки к примечаниям, вынесенным в конец статьи; все переводы в сносках и в разделе «Приложения» выполнены нами; прочее редакторское вмешательство всюду отмечено знаком «— Ред.». Все документы, помещенные в разделе «Приложения», заново подготовлены к публикации по оригинальным рукописям. Уточненные биографические сведения о русских масонах и библиографические отсылки см.: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. — Ред.

учителя Якова Лазаревича Барскова, «Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792 гг.»². Помимо обнаружения большого количества неизданных текстов, это издание проливает свет на некоторые кардинальные факты, бывшие до того неизвестными или неясными; в свою очередь, оно ставит ряд новых вопросов и как бы указывает направление, в котором наиболее желательны дальнейшие изыскания.

2.

Одной из существенных заслуг Барскова является всестороннее, по немецким и русским источникам, обследование биографии барона Шрёдера, эмиссара берлинских розенкрейцеров в Москве, и прежде всего — точная идентификация его личности, установление того, что это был Генрих-Якоб Шрёдер, а не Фридрих-Леопольд, как обычно принималось. Изучая специально обстоятельства, при которых укреплялась в Москве «берлинская связь», т. е. розенкрейцерство, Барсков³ уделил большое внимание и анализу характера его зачинателя, И. Е. Шварца. Основного определения Шварца как дикого гения, «одаренного железной волей и мощной энергией, самостоятельно и упорно стремившегося к достижению ему одному известной цели»⁴, не приходится оспаривать; в сущности, характер Шварца представлял

² Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Пг., 1915. [Н. П. Киселёву удалось найти и приобрести более полный список переписки московских масонов с Берлином (в настоящее время: НИОР РГБ. Ф. 128), на основе которого он собирался выпустить второе, дополненное издание книги. — *Ред.*]

³ Барсков. С. LII—LVIII.

⁴ Там же. С. LV.

себе так уже Лонгинов⁵. Но не в характере того или другого лица главная суть дела; выяснение характеров, помогая понять обстановку, еще не дает возможности узнать события и факты. А основным фактом в исследовании всякого рода масонских отношений является то, к какой масонской системе и к какой ложе кто принадлежал, — в частности, какими ложами непосредственно руководили Шварц и Шрёдер, по каким каналам распространялось их влияние в широких масонских кругах; и это-то оставалось неизвестным историкам масонства. Вследствие катастрофы, постигшей Новикова, из его показаний на допросах мы до некоторой степени осведомлены о составе и организации и организации розенкрейцеровской степени, называвшейся Теоретический Градус Соломоновых Наук; зато о работе среди рядовых братьев, о способах их вовлечения в «берлинское масонство» до сих пор отсутствовали какие-либо указания и документы, в частности наиболее необходимые из всех — протоколы собраний и списки членов^[2]. Таким образом, например, Барсков⁶ мог констатировать, что «ритор ложи Трех Знамен хорошо знал Шварца», но кто был этот ритор и почему он хорошо знал Шварца, этого сказать было нельзя; между тем, ответ на этот вопрос может влиять на степень доверия, какую следует оказать самому свидетельству. В процессе работы

⁵ Относительно же мнимой его неискренности можно возразить, что приписываемые Шварцу Вигандом и Вегелином выражения кажутся недостаточно засвидетельствованными, ибо у обоих было к нему отношение предвзятой недоброжелательности, а у Виганда ясность понимания могли затемнять и конфессиональные предрассудки. По моему мнению, *bona fides* как Шварца, так и Шрёдера бесспорна, а неправильные поступки и легкомысленные слова того и другого проистекали от молодости и бурного темперамента.

⁶ Барсков. С. LIII.

над своею книгой Я. Л. Барсков вполне осознал, что разрешение многих вопросов зависит от более близкого знакомства с внутренними отношениями ложи Трех Знамен. Произведенные им и другими в этом направлении поиски не привели к успеху и выяснили только отсутствие соответствующих документов в государственных хранилищах.

3.

Материалы, которые могли пролить свет на интересовавший Барскова вопрос, тем не менее, существовали. Более шестидесяти лет лежали они в частном архиве, бережно сохраняемые, но недоступные ни одному историку⁷. Единственно Лонгинову⁸ были уделены небольшие частицы этого огромного материала, и то не в подлинниках, а в специально составлявшихся для него записках. Но в 1919 архив этот вышел на свет, причем в большей части поступил в Румянцовский музей, в меньшей — но не менее ценной — рассеялся по рукам торговцев и собирателей. Те документы, которые теперь стали доступными исследованию, осветили очень многое из того, что прежде было покрыто непроницаемым мраком; не будет преувеличением сказать, что большие части в истории масонства, особенно XIX века, придется обрабатывать и перестраивать совершенно заново — как это предвидели в свое время и Ешевский⁹, и Лонгинов¹⁰.

⁷ Речь идет о семейном архиве Арсеньевых, который хранится в настоящее время: НИОР РГБ. Ф. 13; Ф. 14. — *Ред.*

⁸ Лонгинов. С. 4.

⁹ Ешевский. С. 265.

¹⁰ Лонгинов. С. 6.

Что касается, в частности, ложи Трех Знамен, перед нами открылась и история ее внутренней эволюции, и состав членов, и вся группа ее дочерей-лож, которые раньше не были известны даже по названиям, и официальные переписки матери-ложи с некоторыми из подчиненных ей лож, и многочисленные неофициальные письма руководителей и рядовых членов, позволяющие иногда узнать закулисную сторону масонской жизни. Выяснилась не только личность «неизвестного ритора», но и многие другие персональные данные — например, о существовании в московском масонстве не одного Ивана Шварца, а двух, о принадлежности к масонству поэта Ленца, о центральном значении деятельности Иосифа Алексеевича Поздеева. Кроме того, бумаги ложи zu den drei Fahnen исправляют или ставят в более правильное соотношение множество фактов второстепенных, прежде недостаточно выясненных, противоречивых или ошибочных. Вот почему представляется целесообразным и оправданным посвятить этому центру германского влияния в Москве специальную работу.

4.

Сумма фактических сведений о ложе Трех Знамен, до сего времени опубликованных в печати, может быть резюмирована менее чем на двух страницах.

С. В. Ешевский в 1857 первый произнес ее имя в работе «Несколько дополнительных замечаний к статье „Новиков и Шварц“»¹¹, где он привел посвящение издания «Freymäurer-Bibliothek, Drittes Stück» (Dessau, 1785)^[3], гласящее: «Dem

¹¹ РВ. 1857. № 21. С. 174—201.

Hochwohlgebornen Herrn Peter Alexewitsch von Tatischtschew, Obermeister der Loge zu den drey Fahnen in Moskau», и перепечатал текст посвяжительного письма, датированного «Берлин, 1 декабря 1784»¹². Во второй своей статье, «Московские масоны восьмидесятих годов прошедшего столетия»¹³, Ешевский сообщил некоторые подробности, относящиеся к ложе. «К концу семидесятих годов (в 1779 году или немного раньше) основана в Москве ложа Трех Знамен»¹⁴. «Нам известен патент, выданный Фердинандом, герцогом Брауншвейгским и Люнебургским в 1779 году Петру Алексеевичу Татищеву на основание в Москве ложи Трех Знамен (zu den drei Fahnen) и на звание мастера этой ложи»¹⁵. «В начале 1784 года московская ложа Трех Знамен получила из Берлина официальную бумагу, подписанную обермейстером Петерсом, великим секретарем и мастерами пяти лож. При этой бумаге было объявление»¹⁶. «В 1783 г. в Москве было две матери-ложи: ложа Коронованного Знамени, где префектом был Петр Алексеевич Татищев, и ложа Латоны с префектом князем Николаем Никитичем Трубецким^[4]. В сентябре того же года, князь Трубецкой пишет в Петербург, что в России четыре матери-ложи: 1) Трех Знамен, под начальством Татищева,

¹² Ешевский. С. 171–172.

¹³ РВ. 1864. № 8. С. 361–406 и 1865. № 3. С. 5–52.

¹⁴ Ешевский. С. 190.

¹⁵ Там же. С. 191–192. [В настоящее время патент хранится: НИОР РГБ. Ф. 147. Ед. хр. 349. Ч. 3. — Ред.]

¹⁶ Ешевский. С. 227; «объявление» — от матери-ложи Трех Глобусов в Берлине, принявшей розенкрейцеровство, с заявлением о своей полной независимости и с предложением «масонского дружества» всем другим ложам; оно было зачитано в собрании ложи Трех Знамен 20 апреля 1784, см. протокол 29 пункт 6.

2) Озирис, под начальством князя Н. Н. Трубецкого, 3) Латоны, под начальством Новикова и 4) Сфинкс, с Гагариным во главе. Здесь для нас не совсем ясно разноречие в показаниях. Была ли уничтожена ложа Коронованного Знамени, или слилась с ложею Трех Знамен, неизвестно»¹⁷. «Мы имеем... учредительный акт Рязанской ложи Орфея от матери-ложы Трех Знамен. Вот этот акт» [1785 года]¹⁸. «Под утвердительною грамотой... ложе Орфея подписались, кроме Татищева, еще следующие должностные лица: Трительвиц, великий секретарь ложи Трех Знамен, Егор Гине, 1-й надзиратель, и Харитон Чеботарев, 2-й надзиратель»¹⁹.

В «Отчете Р. М.» (1865) отмечено поступление собрания дипломов 1779—1820 гг.²⁰ Здесь глухо говорится о дипломах П. Татищеву и из ложи Трех Знамен.

М. Н. Лонгинов в своих предварительных статьях 1857—1859 годов вовсе не упоминает о ложе Трех Знамен, а в большой работе 1867 года повторяет с искажениями данные Ешевского²¹.

¹⁷ Ешевский. С. 252. Недоумение Ешевского разрешил Пыпин (Пыпин А. Н. Хронологический указатель русских лож от первого введения масонства до запрещения его. 1731—1822. СПб., 1873. С. 22), правильно указав, что ложа Коронованного Знамени есть «капитель Татищева», — почему в этом случае он и назван префектом, а не мастером стула. Подобно тому, в Латоне мастером был Новиков, а в ее капитуле префектом Трубецкой; разноречия в показаниях нет. Как назывался последний капитул, неизвестно; оба капитула упразднены в 1783.

¹⁸ Ешевский. С. 253—254. Здесь Ешевский, обычно столь точный и осторожный, допустил ошибку, повторявшуюся впоследствии всеми историками масонства: текст акта говорит об учреждении ложи в Рязанском полку, а вовсе не Рязанской ложи; в городе Рязани ложа Орфея никогда не находилась.

¹⁹ Ешевский. С. 264.

²⁰ Отчет Р. М. 1865. С. 4. См.: НИОР РГБ. М. 2176.

²¹ Лонгинов. С. 140, 143—144 и 148.

Зато Лонгинов напечатал ответы Новикова Шешковскому, в которых находятся новые важные сведения. В ответ на 3-й вопросный пункт Новиков показал между прочим: «Слышал только, что была у Татищева ложа, у которых были четыре градуса шведских стрикт-обсерванские, полученные чрез некоторого англинского купца Тусеня из Берлина»²². «Как к масонству он [И. Е. Шварц] весьма был привязан и хотел в оном упражняться, а мы остерегались его по стрикт-обсерванту и не хотели входить в связи, то он разведал о ложе Татищевой и чрез сего Тусеня с ним познакомился»²³. [В начале 1781] «просил нас профессор Шварц и всевозможно уговаривал, сказывая, что Татищев крайне имеет желание с нами познакомиться. Мы точно в удовольствие его на это согласились, не имея никакого к тому желанья, и только в резон то уважили, что помянутой купец Тусень, чрез которого Татищев получил свои акты, имеет в Берлине свойственника, который и в нашем искании может быть полезен. По соглашению нашем Татищев был у к. Трубецкого, у меня и других, и чрез сие знакомство сие сделалось. Как скоро после того не помню, только согласились, чтобы Татищев присоединен был к нам с таким условием, что ему оставаться при своих, а нам при своих актах до возвращения из чужих краев профессора Шварца»²⁴. Далее Новиков рассказал о заграничной поездке Шварца и о результатах Вильгельмсбадского конвента, упоминая иногда о участии ложи Трех Знамен в сношениях с Германией²⁵.

²² Лонгинов. С. 078.

²³ Там же. С. 079.

²⁴ Там же. С. 079—080.

²⁵ Там же. С. 080—084.

А. Н. Попов в 1868 опубликовал «Списки членов масонских лож», составленные самим Новиковым при допросе²⁶ и являющиеся отправною точкою наших знаний о личном составе розенкрейцера. Ложы Трех Знамен посвящены здесь следующие строки²⁷:

«5) Петра Алексеевича Татищева, гвардии майора.	}	 уничто-
Под ее правлением:		жились в 1786
6) Харитона Андреевича Чеботаре-		году, как показа-
ва, коллежского ассесора и профессора.		но в 3 пункте, и
7) Тусеня, английского купца.	}	после того собра-
8) Пенемалева, французская.		ний не имели.
		О сей ложе
		ничего не знаю».

П. П. Пекарский²⁸ в 1869 включил в свое перечисление, с ссылкой на Ешевского: «1779 Основана в Москве ложа Трех Знамен Петром Алексеевичем Татищевым».

А. Н. Пыпин в своих статьях не коснулся ложи Трех Знамен, а в «Хронологическом указателе русских лож» (1873) поместил ее под № 59, исправив некоторые неточности Ешевского и Лонгинова²⁹.

О. П. Балашова поместила в «Русском архиве» (1874) скверный перевод письма И. Ф. Вегелина, без примечаний, под

²⁶ Сб. РИО II. С. 145—153.

²⁷ Там же. С. 148.

²⁸ Пекарский. С. 184.

²⁹ Пыпин—Вернадский № 67 — без каких-либо дополнений редактора.

заглавием: «Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века»³⁰.

В «Отчете П. Б.» (1883)³¹ находится известие о покупке подлинной учредительной грамоты ложи Орфея, на пергаменте, «с приложенною красного сургуча печатью ложи Трех Знамен». Названы те же должностные лица Орфея и те же подписавшиеся на грамоте, что и у Ешевского.

В «Каталоге масонских рукописей Московского Публично-го и Румянцовского музеев» (М., 1900) указаны:

«2 (833). Обрядники московской ложи Трех Знамен, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го градуса, конца XVIII в., в л.

144 (1981). Устав и обрядник московской ложи Трех Знамен, на немецк. яз., в л.»³².

Е. Friedrichs в 1904³³ и А. В. Семека в 1914³⁴ упоминали о ложе Трех Знамен, не внося ничего нового.

³⁰ РА. 1874. № 4. С. 1031–1042. Подлинный текст печатается впервые в Приложении I. [Там же — новый перевод. — Ред.]

³¹ Отчет П. Б. 1883. С. 268–269.

³² Надо заметить, что далеко не все материалы, находившиеся в Румянцовском Музее в 1900, нашли упоминание в каталоге; полное обследование собраний приходится отложить до другого раза. [Документы ложи Трех Знамен (с подписями должностных лиц и печатью) поступали в РГБ и позднее. См., например: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 78 («Вопросы посетителям, которые за них отвечает брат обрядоначальник»); Ед. хр. 79 («Вопросы ритору, секретарю и казначею первой ученической степени Ложи Трех Знамен»); Ед. хр. 83–84 (20 обрядников разных степеней, принадлежащих этой же ложе); Ед. хр. 135; Ед. хр. 171–174 (обрядники ученической степени). — Ред.]

³³ Friedrichs. S. 19 и 83–84.

³⁴ Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Т. [I]. М., [1914]. С. 152 и 153.

Г. В. Вернадский в своей диссертации 1917 года дважды³⁵ упомянул о ложе Трех Знамен — в такой связи, где ее нельзя было не упомянуть. Но он не остановился на ней внимательнее — очевидно, не придавая ей особого значения и не встречая к тому оснований в широко обследованных им архивных материалах.

5.

В начале своей жизни ложа Трех Знамен состояла почти исключительно из немцев и работала на немецком, изредка на французском языке; протоколы редактированы на немецком. Протоколы 1–17, относящиеся к первому периоду (1779–1782), писаны рукою тогдашнего секретаря Исаака Туссена^[5] (один — рукою младшего Утгофа^[6]) в книге листового формата, толщиной около 1 см, в изящном переплете зеленого сафьяна; на передней крышке надпись: «Protocoll der Gerecht und Vollkommenen Loge zu den Drey Fahnen in Moskau»; на задней крышке вытиснены скрещенные циркуль и наугольник³⁶. Уже с весны 1780 записи начинают вестись недостаточно тщательно и между ними проходят длинные промежутки времени. Впоследствии весь остаток незаписанной бумаги был вырван, вследствие чего текст, не пострадав, распался на листки и тетради. Протоколы 18–32 относятся ко второму периоду и писаны секретарем 1783–1784 годов Даниэлем Триттельвицем, каждый на отдельном листе писчей бумаги³⁷.

³⁵ Вернадский. С. 51 и 67. [См.: Вернадский³. С. 16, 86, 104, 105. — Ред.]

³⁶ НИОР РГБ. Ф. 128. — Ред.

³⁷ Около 1785 И. Д. Триттельвиц, профессор, значится членом ложи к Пеликану в Петербурге, в отсутствии (НИОР РГБ. Ин. 438. Л. 173об.); других сведений о нем пока найти не удалось.

Книга протоколов открывается копиями четырех документов, составляющих как бы историческое к ним введение:

[А] Конституционный патент, выданный 18 августа 1779 герцогом Фердинандом Брауншвейгским, «избранным Шотландским Великим Мастером всех соединенных масонских лож в Германии», на учреждение ложи *zu den drey Fahnen*. Ложь дает-ся герб — из облаков простирающаяся рука на зеленом поле с надписью *Sub his auspiciis*; постоянным мастером назначается П. А. Татищев, с правом производить принятия в первые три степени и в четвертую степень, в шотландские мастера. По получении в Москве учредительной грамоты, из ложи Трех Знамен были отправлены три благодарственные письма, за подписями должностных лиц и членов ложи:

[Б] Фердинанду Брауншвейгскому. В нем особенно много-значительно заключение:

«Da wir grösstentheils gebohrne Deutsche Brüder sind, so konnte es uns ohnmöglich fallen irgendwo eine rechtmässige Constitution nachzusuchen, als bey unsern Hochwürdig Durchlauchtigen Gross-Meister in Deutschland»³⁸.

[В] Наместному Великому Мастеру всех соединенных лож в Пруссии, Johann Christoph Wöllner'у. Московские братья благодарят за счастье, «которое вкушают вследствие вашего великодушного братского посредничества». «В этом счастье вы имеете наибольшую долю участия».

³⁸ Поскольку наши братья большей частью по рождению немцы, постольку нам представляется невозможным спрашивать законной конституции где бы то ни было, кроме как у нашего высокопочтенного светлейшего гротсмейстера в Германии (нем.).

[Г] Великому Секретарю соединенных национальных матерей-лож Пруссии в Берлине, Franz Wilhelm Marchand'y³⁹. Благодарность за ведение всех письменных сношений и ходатайств по получению учредительной грамоты.

6.

Первое собрание узаконенной ложки состоялось 21 сентября 1779, в субботу (счет идет по старому стилю); на нем присутствовали 11 членов и 3 записаны отсутствующими. Учредительная грамота возложена на зеленую бархатную подушку, отделанную золотом, и прочитан немецкий текст, а также французский перевод его; принесена благодарность секретарю Туссену за ее получение. «Далее было постановлено сделать нашу ложу во всех отношениях столь совершенной, как только возможно, и потому приступить к собиранию библиотеки. Этому положил начало высокопочтенный мастер стула, принеся ложе в дар *Geschichte aller weltlichen und geistlichen Orden* (4°, 8 томов)⁴⁰, *Apologie des Frey-Mäurer Ordens*⁴¹

³⁹ Не он ли «свойственник» Туссена?

⁴⁰ Schwan C. F. *Abbildung aller geistlichen und weltlichen Orden: nebst einer kurzen Geschichte derselben von ihrer Stiftung bis auf unsere Zeiten.* Mannheim; Frankenthal, 1779–1789 (всего вышло 11 тт.). — *Ред.*

⁴¹ [Starck, Johann August von (1741–1816).] *Apologie des Ordens der Frey-Mäurer / Von dem Bruder **** Mitglieder der ** schottischen Loge zu D*. Neue ganz umgearb. und einzige authent. Ausgabe.* Philadelphia, im Jahr 3882 [= Berlin, 1778]. Bey Christian Ludewig Stahlbaum (*Wolfstieg* № 23760). Русский перевод И. П. Тургенева вышел в 1784 в типографии И. Лопухина под титулом «Апология или защищение ордена Вольных Каменщиков, писанная братом ****, членом Шотландской ** ложки в П**». — *Ред.*

и Freymaurer-Bibliothek том 1; брат Туссен передал Geschichte von Malta (4°, 4 тома)⁴².

2-е собрание произошло 27 сентября 1779, в пятницу, и было посвящено обсуждению финансовых вопросов.

3-е собрание, 4 октября 1779 (пятница), было собственно началом правильных работ, ибо первые два имели значение предварительных организационных совещаний. Ложа открыта в мастерской степени. После прочтения протоколов и учредительной грамоты должностные лица принесли и подписали присягу.

Собрания 4—10 происходили по средам:

[4] 9 октября 1779 ложа в шотландской степени; приняты в эту степень Руле, Фавр и оба Утгофа.

[5] 23 октября 1779. Траурная ложа, в мастерской степени, по брате Dugor или Dugur. Траурные речи говорили наместный мастер Рюккерт на немецком языке и Фавр — на французском.

[6] 13 ноября 1779 мастерская ложа. Зачитано письмо матери-ложи Трех Глобусов в Берлине с сообщением о возобновлении ее дочери-ложи zur Glückseligkeit в Магдебурге.

[7] 11 декабря 1779 ученическая ложа и принятие профана Engelhardt'a.

[8] 18 декабря 1779 повышение Engelhardt'a в степени товарища и мастера.

[9] 8 января 1780 мастерская ложа. Чтение законов и обязанностей должностных лиц ложи.

⁴² Vertot, abbé de (1655—1735). Histoire des Chevaliers hospitaliers de S. Jean de Jérusalem, appelés depuis Chevaliers de Rhodes, et aujourd'hui Chevaliers de Malthe / Nouvelle edition, augmentée des statuts de l'Ordre et des noms des Chevaliers. Paris: Chez Claude-Jacques-Charles Durand, 1778 (всего вышло 7 томов). — Ред.

[10] 22 января 1780 шотландская ложа. Принятие брата Рагоцкого в шотландские мастера. Это первый протокол, скрепленный подписями.

[11] 26 марта 1780, в четверг, «братья собрались в новом помещении ложи, у высокопочтенного брата фон Фриде», отделанном на средства П. А. Татищева. Мастер стула катихизировал братьев; секретарь читал ученическую степень; брат фон Виллерс давал объяснение ковра. Потом была читана товарищеская степень и объясняем ковер. Принято постановление относительно размеров денежных взносов за принятия.

[12] 4 апреля 1780 (суббота). Ученическая ложа и принятие профана Вольфрама. Катихизирование.

[13] апреля 1780 (суббота). Ученическая ложа и принятие профана Ульриха.

[14] 5 мая [1780 или 1781]. Ученическая и товарищеская ложи и принятие профана Лорана в 1-ю и во 2-ю степень.

[15] «Den 15-ten May [1780 или 1781] war Lehrlings Loge und Aufnahme des Profanen Kuhl, nachher Meister Loge»⁴³.

[16] «Den 17-ten Juny [1780 или 1781] war Meister Loge und Aufnahme der Brüder Laurent und Heim^[7]»⁴⁴.

[17] 10 февраля 1782 «старошотландский обер-мейстер» П. А. Татищев открыл дочь-ложу Сфинкса и назначил Х. А. Чеботарева ее мастером стула. Одновременно учреждена дочь-ложа Елевсины, для работ на немецком языке, и мастером стула назначен Исаак Туссен⁴⁵.

⁴³ Вся запись. [15 мая была ученическая ложа и принятие профана Куля, затем мастерская ложа (нем.).]

⁴⁴ Вся запись. [17 июня была мастерская ложа и принятие братьев Лорана и Гейма (нем.).]

⁴⁵ Подлинный текст протокола см. в Приложении II.

7.

В 1782—1783 годах произошли глубокие изменения в составе и в управлении ложей, вызванные, с одной стороны, сближением П. А. Татищева с И. Е. Шварцем, с другой — совершенно новой ориентацией московских масонов после возвращения И. Е. Шварца и П. П. Татищева из-за границы. Поездка этих двух «депутатов», продолжавшаяся с июля 1781 по январь 1782, имела официальной целью — заручиться покровительством герцога Фердинанда и подготовить почву для признания России самостоятельной провинцией масонского ордена; неофициальной и важнейшей — искание «истинного масонства». Последняя цель — по мнению как самого Шварца, так и пославших его — была достигнута сближением с берлинскими руководителями ордена розенкрейцеров, в частности с Иоганном-Христианом-Антоном Теденом, и получением от них согласия на устройство розенкрейцерского ордена в Москве. При этом Шварц был назначен «единственным верховным предстоятелем теоретической степени» во всей России, а Новиков — «главным надзирателем», обязанным «оказывать верность и повиновение» Шварцу, который «сам над всеми будет иметь бдительное око»; всё начинание предписывалось «сохранять в глубочайшей тайне». Разным образом и внешняя цель поездки увенчалась скорым и отменным успехом, и депутаты вскоре направились обратно. Интересно, что Шварц получил теоретическую степень 1 октября 1781, а переговоры с Фердинандом вел 22 октября, уже будучи теоретистом. Внешняя история тех и других сношений изложена с необходимыми документами уже Ешевским⁴⁶; к его текстам надо

⁴⁶ Ешевский. С. 206—234.

присоединить два еще не изданные отпуска писем к Фердинанду: одно письмо — от ложи Трех Знамен и от имени всех подчиненных ей братьев, другое — от П. А. Татищева. Оба письма датированы 3 марта 1782, оба писаны или самим Шварцем, или кем-нибудь из его приближенных (Геймом, Вегелином) и, кроме благодарности за благосклонный прием депутатов, содержат одобрение и подтверждение тем условиям, которые были выработаны в Брауншвейге, и тем мероприятиям, которые Фердинанд предпримет в дальнейшем.

Основною сущностью новой связи было то, что независимо от прежних кругов и аффилиаций создавалась особая надстройка, призванная постепенно заменить существовавшие высшие степени других систем. Наружные организации не были отменены; продолжали существовать и три московские матери-ложи. Вот почему, когда позднее (в апреле 1784) встал вопрос об учреждении Директории для теоретической степени, из Берлина были назначены Татищев, Новиков и Трубецкой: это было не персональное назначение, а представительство высших должностных лиц трех систем, причем во всех официальных случаях соблюдался и вышеуказанный порядок по старшинству⁴⁷.

С распространением в Москве теоретического градуса начинается второй период существования ложи Трех Знамен. Ее ритор Вегелин, остававшийся рационалистом, так описал изменения, которые хотели ввести крайние сторонники нового направления: «Теперь братьям стали предписывать молитву, пост, умерщвление плоти и другие упражнения. В порядке дня стояли мечтания,

⁴⁷ Новые материалы касательно матерей-лож Латоны (Новикова) и Озириса (Трубецкого) предполагается сообщить во второй статье.

суеверия, чудеса, сумасбродство вокруг адептов. Разум был отвергнут, ему объявили войну; тех, кто за него держался, устраняли или преследовали ненавистью. Распространялись пошлейшие, абсурднейшие сказки; воздух был насыщен сверхъестественным; говорили только о явлениях призраков, божественном воздействии, чудотворящей силе веры». Несомненно, что подобные упражнения встретили достаточное число не сочувствовавших; но когда Вегелин называет всю ложу Трех Знамен «непокорной» (*die widerspänstige*), то он отражает лишь мнение этой группы, выдавая его за общее настроение. Уже последовательность великих мастеров (Шварц—Шрёдер—Гюне) говорит о несомненном подчинении большинства новому учению; о том же свидетельствуют и биографии отдельных членов.

8.

От второго периода деятельности ложи Трех Знамен (1783—1786) дошло 15 протоколов; несомненно, это не все, но и они позволяют проникнуть в отношения, полные глубокого интереса и доселе лишь отдаленно подозреваемые. Сохранился, по счастью, и первый протокол, фиксирующий смену должностных лиц.

[18] 2 октября 1783 открыта ложа поучения и принятия новым мастером стула И. Е. Шварцем⁴⁸. Мастер стула назначил прочих должностных лиц ложи:

Фрёлиха^[8] — 1-м надзирателем

фон Шрёдера — 2-м надзирателем

Вегелина^[9] — ритором

⁴⁸ Речи Шварца на собраниях в октябре 1783 см. в Приложении III.

дю Гралы — казначеем

[Ив. Ив.] Шварца^[10] — милостынесобирателем

Френкеля^[11] — благотворительным братом

Губерти — обрядоначальником

«и меня», Триттельвица — секретарем.

} временно

Что упоминаемый v. Schröder есть одно лицо с берлинским эмиссаром, доказывается тем, что в некоторых протоколах он именуется бароном, и тем еще, что в списке членов середины 1784 он назван Baron Heinr. v. Schröder, Cavalier ausser Diensten⁴⁹. Таким образом, сложная система соображений Барскова⁵⁰ относительно имени и личности Шрёдера оказывается подтвержденной и более прямым путем.

В том же собрании принят в ученики профан Шлейф.

[19] 9 октября 1783 ложка поучения и принятия. Принят в ученики профан Зиберт⁵¹.

[20] 16 октября 1783 открыта товарищеская ложка бароном Шрёдером; повышен во 2-ю степень Зиберт.

[21] 30 октября 1783 ложка поучения и принятия. Принят в ученики профан Якоб Ленц^[12].

[22] 13 ноября 1783 открыта ложка поучения бароном Шрёдером. Катихизирование из 1-й степени и чтение масонских правил.

[23] 20 февраля 1784 открыта ложка поучения Фрёлихом. Чтение постановлений касательно посетителей и лож совета. Доклад Ленца «О единении».

⁴⁹ Отставной кавалер (нем.).

⁵⁰ Барсков. С. 284–289.

⁵¹ Протоколы 19, 21 и 32 выпали из папки протоколов ложки Трех Знамен, хранящейся в фонде Н. П. Киселёва, и оказались каталогизированы в фонде Арсеньева (НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 378. Л. 5–6об., 7–7об., 9). — *Ред.*

[24] 3 марта 1784 открыта ложа поучения Фрёлихом. Поучение по различным параграфам законов и постановлений. Речь [Ив. Ив.] Шварца по случаю наступившего нового года. Чтение масонских правил. Вегелин прочел «написанную статью по различным предметам».

[25] 19 марта 1784 ученическая ложа поучения открыта П. А. Татищевым, затем молоток передан Шрёдеру. Присоединен ученик Кауфман. Ложа последовательно превращена в товарищескую и в мастерскую, и в эти степени приняты Кауфман и Ленц.

[26] 10 апреля 1784 ученическая ложа принятия открыта Шрёдером. Принят служитель Шрёдера Клоккенберг.

[27] 11 апреля 1784 мастерская ложа принятия на русском языке. Молоток держал П. А. Татищев, который, «в вознаграждение за верную службу, хорошее поведение и прямоту», принял товарища Ивана Радимонова в 3-ю степень, дав ему предвзительно вольную, «так как он принадлежал к числу его крепостных».

[28] 13 апреля 1784 барон Шрёдер, в присутствии многих высоких орденских братьев, «держал правильную мастерскую траурную ложу в воспоминание о нашем горячо любимом, ныне покойном высокопочтенном мастере стула Иване Григорьевиче Шварце. По открытии ложи высокопочтенный произнес торжественную речь, полную самого теплого чувства к бывшему нашему вождю. По окончании других речей и обрядов высокопочтенный старшотландский обер-мейстер постановил, что наша матерья-ложа должна ежегодно праздновать день 20 февраля в воспоминание о нашем почившем мастере стула и что вся милостыня, собранная на настоящем и прошедшем собраниях, должна быть

передана одной вдове, находящейся в очень стесненных обстоятельствах»⁵².

[29] 20 апреля 1784 ученическая ложа. Сообщено письмо старшотландского обер-мейстера П. А. Татищева, коим молоток мастера стула передается барону Шрёдеру. Мастер стула назначил должностных лиц:

доктора Френкеля — 1-м надзирателем

«Iwan Iwannitsch Schwarz» — 2-м надзирателем

майора Вельяминова^[13] — милостынесобирателем

бригадира Неклюдова — секретарем русского языка

«Starrikow»^[14] — ритором русского языка

Ленца — заместителем ритора немецкого языка, ввиду предстоящего отъезда Вегелина.

Очевидно, работы на русском языке начали приобретать значение, раз понадобилось назначить особого ритора и секретаря.

Объявлено о том, что профессор Шнейдер будет работать в должности мастера стула «нашей дочери-ложы Цереры» и что брат «Georg von Hüene^[15] von der Loge Orpheus in Caschira» присоединен членом нашей ложы. Присоединен также Гандиль из ложы Zorobabel [til Nordstjernen] в Копенгагене.

Читано письмо с приложением декларации матери-ложы Трех Глобусов в Берлине.

[30] 9 октября 1784 Е. Е. Гюне открыл ученическую ложу принятия и поучения. Читано и изъяснено предуготовление

⁵² Под вдовою разумелась Наталья Ильинична Шварц. Собрано было 34 руб., а на прошлом заседании 10 руб., но на этом помощь ей только началась, и еще в XIX веке, в ложах различных систем, продолжали производиться сборы и отчисления в ее пользу.

ученической степени, а также общие законы масонства. Принят в 1-ю степень Панкратов.

[31] 16 октября 1784 Е. Е. Гюне открыл ученическую ложу принятия и поучения. Изъяснены вопросы ученику.

Читано письмо ложи Северной Звезды в Вологде, коим она отдает себя под покровительство ложи Трех Знамен и впредь будет работать как ее дочь-ложа.

Присоединен членом князь Козловский; принят в 1-ю степень Зенкбейль.

[32] 25 декабря 1784 Е. Е. Гюне открыл ученическую ложу поучения и принятия. Изъяснены масонские правила и вопросы секретарю. Принят в ученики Флорин.

На этом серия сохранившихся протоколов обрывается. Можно полагать, что первоначально их существовало несколько большее число, но и обзор сохранившихся свидетельствует в достаточной мере о богатстве их содержания.

Кроме протоколов имеется список членов, составленный, по-видимому, в середине 1784, с приписками до середины 1785⁵³. Не печатая его целиком, помещаем в Приложении IV сводный список членов ложи за 1779—1785 годы, составленный на основании всех доступных источников.

9.

Если сведений о ложе Трех Знамен было довольно мало, то относительно учрежденных и подчиненных ей лож не было известно почти ничего. Для некоторых из них это положение остается

⁵³ НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 378. Л. 10. — Ред.

без перемен; о большинстве же новые документы сообщают дополнительные сведения, иногда достаточно подробные. При настоящем состоянии наших знаний список дочерей-лож устанавливается в следующем виде:

1. Сфинкса, в Москве; основана 10 февраля 1782.
2. Елевсины, в Москве; основана 10 февраля 1782.
3. Персея, неизвестно где; уже существовала 9 октября 1783.
4. Орфея, в Рязанском полку; основана в конце 1782 или в начале 1783.
5. Северной Звезды, в Вологде; основана в апреле, открыта в середине сентября 1783.
6. Constantia, в Москве; существовала весною 1784.
7. Цереры, в Москве; основана 20 апреля 1784.
8. Чистосердечия, в Харькове; существовала летом 1785.
9. Утренней Звезды, в Дерпте; аффилирована 25 января 1785.

У Вернадского⁵⁴ цитируется список лож «в ведении Провинциальной Ложки», «относящийся, по-видимому, к 1785—1786 гг.»⁵⁵. Здесь под № 6 указана еще «неизвестная ложка под управлением Е. Е. Гине» в Москве, но, по всему вероятно, разумеется сама ложка Трех Знамен, в которой Гюне с середины 1784 года был наместным мастером, а после отъезда Шрёдера — управляющим мастером.

⁵⁴ Вернадский. С. 67—68. [= Вернадский³. С. 105—106 и прим. 331 на с. 368. — Ред.]

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 499. Ч. 6. Бумаги кн. М. П. Баратаева.

10.

Ложа *Сфинкса*. В показаниях Новикова значится под № 6 ложа Харитона Андреевича Чеботарева; имени ее Новиков не назвал, но поместил ее «под правлением» ложи П. А. Татищева и считал уничтоженной в 1786. Эта ложа упоминается несколько раз в протоколах ложи-матери; протокол о ее учреждении см. в Приложении II. Сохранились три списка ее членов, печатаемые в Приложении V; в заголовке третьего помещена дата основания — 10 февраля 1782. Личность Х. А. Чеботарева (1746—1815) настолько хорошо известна, что здесь можно не касаться его биографии⁵⁶.

11.

Ложа *Елевсины* указана Новиковым, также без названия, под № 7: «Тусеня, английского купца». По протоколу видно, что она была основана в один день с ложей *Сфинкса*; во всех случаях они упоминались рядом. Сохранившиеся два списка членов печатаются в Приложении VI.

12.

Ложа *Персея* известна единственно по упоминанию, вслед за ложами *Сфинкса* и *Елевсины*, в речи И. Е. Шварца 9 октября 1783, см. протокол 19 пункт 1; но уже в протоколе 21 пункт 1

⁵⁶ См. РБС. Т. «Чаадаев—Швитков». С. 76—79 [автор — В. Войнов] и различные работы Б. Л. Модзалевского.

названы только две первые дочери-ложы, мастерам стула которых должны быть сообщаемы протоколы матери-ложы. О ложе Персея не имеется нигде ни малейшего известия, и быть может, всего ближе к истине будет предположение, что она на самом деле не существовала и что мы имеем дело с легко понятной опиской секретаря: Perseus вместо Orpheus.

13.

Данные касательно следующих двух лож, Орфея и Северной Звезды, особенно обильны. Эти ложы были основаны и руководимы непосредственно Иосифом Алексеевичем Поздеевым⁵⁷; а всё, что имело к нему отношение, оберегалось масонами XIX в. с особенною заботливостью. Благодаря этому, помимо значительного числа официальных бумаг, сохранилось немало писем Поздеева^[16], освещающих работу лож Орфея и Северной Звезды. Властная личность Поздеева, в которой уживались противоречия, казалось бы несовместимые, оказала наиболее сильное влияние на развитие масонства XIX века; все прочие руководители масонства или признавали его своим главою, или сохраняли значение только для узкого круга лиц и на недолгое время. Причиною исключительного положения Поздеева была, с одной стороны, та неутомимая, непрестанная, настойчивая работа по насаждению масонства, которой он отдал все свои незаурядные силы, с другой — особенное умение влиять на окружающих, тайна которого была ему в высокой степени присуща.

⁵⁷ Род. 4 апреля 1746, ум. 24 апреля 1820; с февраля 1777 женат на Екатерине Михайловне N; похоронен в Андрониевом монастыре: МН. Т. II. С. 434.

В XVIII веке Поздеев был деятелем и борцом: участвовал в высшем управлении, основывал ложи, руководил работами, подготавливал кадры учеников; в масонстве XIX века он занял место пророка, учителя, непререкаемого авторитета, хотя многие из старых масонов (как Новиков, Невзоров) открыто высказывались против него и не признавали за ним права на руководство. Но с правом или без права, а управление возрождающимися кругами теоретистов главный надзиратель Поздеев в свои руки взял и осуществлял его в гораздо более широких размерах, чем сам обер-директор ордена Новиков. Гениальную интуицию проявил Л. Н. Толстой, избрав Иосифа Алексеевича в качестве представителя всего масонства 1810-х годов, — если только не предположить, что это сделано по совету кого-нибудь из старых масонов, которые оставались в живых в эпоху создания «Войны и мира». Поистине, изучение биографии Поздеева должно быть поставлено в начале и в центре истории масонства XIX века, а материалов для этой биографии сохранилось — несмотря на большие утраты — великое множество.

14.

Ложа *Орфея* не имела постоянного местопребывания и первые годы оставалась иррегулярной. Она не находилась в Рязани, как полагали Ешевский⁵⁸ и Пыпин—Вернадский⁵⁹; на самом деле, это была военная ложа, которую составляли офицеры 69-го Рязанского пехотного полка; соответственно передвижениям полка,

⁵⁸ Ешевский. С. 253.

⁵⁹ Пыпин—Вернадский № 96.

часто бывавшего в походах, и работы ложки переносились из города в город. Полк имел неперменные квартиры в городе Кашире Тульской губ., где ложка и была основана в конце 1782 или в самом начале 1783; в 1784 и 1785 она работала в городе Новоржеве Псковской губ. (в Новоржевском уезде Поздеев владел имением); в 1787 — в Петербурге. Неоспоримым свидетельством относительно первого ее местопребывания является протокол 29 пункт 4 ложки Трех Знамен, где говорится о присоединении Е. Е. Гюне «из ложки Орфея в Кашире»; с этим согласуется и помета в одной из копий письма И. А. Поздеева к П. Г. Беляеву от 23 января 1783⁶⁰: «Писано было в Каширу, где была ложка». В письме к нему же от 1 апреля 1783⁶¹ Поздеев писал: «Желаю сердечно успевать вам в работах в вашей собственной ложе. ... Подкрепляйте обще с люб<езным> бр<атом> Егором Егоровичем других бр<атьев>... Обоймите за меня всех новопринятых в мастера, а особливо л<юбезного> б<рата> Карла Егоровича [Гюне]». От 5 июля 1784⁶²: «Посылаются к вам акты для того, чтобы возбуждать паче и паче прилежание ваше в работах <Ордена>. ... Распечатайте ящик при всех бр<атях>».

Командиром Рязанского полка в конце 1770-х годов был А. М. Лунин^[17], знакомый Поздееву еще со времени борьбы

⁶⁰ НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 619. Л. 4. (Сборник писем И. А. Поздеева, списанный его сыном, А. О. Поздеевым, далее обозначен как Позд. III.) — *Ред.*

⁶¹ Списки: Позд. III. Л. 4—4об.; НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 629. С. 1—2 (рукой Андрея Ивановича Маслова 1850—60-х гг.); Ед. хр. 630. Л. 59—59об.; Ед. хр. 1632. С. 12—13 (сокращенный). — *Ред.*

⁶² Списки: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 629. С. 8—9 (А. И. Маслова); Ед. хр. 630. Л. 62; Ед. хр. 1632. С. 26—27; Позд. III. Л. 7. — *Ред.*

против Пугачева; под начальством Лунина полк 6 октября 1780 прибыл на квартиры в Каширу⁶³. В 1782 Лунин определен членом в военную контору⁶⁴, а 1783 год является временем его наиболее интенсивной масонской деятельности в Москве. Когда основалась ложа Орфея, первым мастером стула коей был Поздеев, Лунин был назначен наместным мастером; но тот и другой часто бывали в отсутствии и управляли ложей издали. Главными же деятелями в ложе были Е. Е. Гюне и особенно П. Г. Беляев^[18] — один из первых и любимейших учеников Поздеева.

Следующие документы ложи Орфея сохранились:

[А] Опись вещей⁶⁵, за подписями Поздеева и секретаря Семена Тимирязева^[19]. Приблизительно через год после основания ложи Орфея, в октябре—декабре 1783, вся ее обстановка по распоряжению Поздеева и с согласия членов была подарена новоустанавливаемой вологодской ложе; в письме его к К. С. Рындину от 18 октября 1783 об этом говорится как о намерении, а в письме к В. И. Остолопову от 12 января 1784 как о свершившемся факте. К этой передаче относятся и два письма-доверенности на получение вещей, адресованные Н. Г. Петелину^[20] и А. Б. Аладьину, писанные собственноручно Поздеевым и датированные «1784 года», с оставлением пустого места для проставления более точной даты⁶⁶. Об этом деле см. ниже в истории ложи Северной Звезды; к сожалению, неизвестно, какими мотивами был

⁶³ Шеленговский И. И. История 69-го пехотного Рязанского полка. Т. I. Люблин, 1909. С. 461—462.

⁶⁴ НИОР РГБ. М. 919. Ч. I. Л. 11об.

⁶⁵ См. Приложение VII.

⁶⁶ Оба — подлинник, среди документов ложи Северной Звезды (см. ниже, примеч. 74). — Ред.

вызван этот акт щедрости, ибо, судя по письмам И. А. Поздеева к Е. Е. Гюне и к П. Г. Беляеву, работы ложи Орфея в 1783 и 1784 не прекращались. Может быть, полк в это время уже выступил из Каширы, и работы производились походным порядком, без обстановки.

[Б] «Матрикул», т. е. протоколы за время нахождения ложи в Новоржеве; всего 14 протоколов с 7 ноября 1784 по 26 декабря 1785⁶⁷. «Пред открытием» первого собрания читано письмо от мастера стула, в котором назначены были братья чиновники. На собрании принят в «служащие братья» солдат Михай Васильевич Ершов, 27 лет, который «всегда в добропорядочном поведении примечен был»⁶⁸.

[В] Речи И. А. Поздеева в ложе Орфея 1785 года⁶⁹. По протоколам видно, что эти речи — по крайней мере большая часть — присылались в ложу в письменной форме.

[Г] Учредительная грамота 1785 года, выданная ложе Орфея матерью-ложей Трех Знамен и напечатанная у Ешевского⁷⁰.

⁶⁷ Протоколы ложи Орфея при Рязанском полку первоначально хранились в архиве Арсеньевых. Затем они оказались в коллекции С. П. Щурова, настоящее их местонахождение неизвестно. В 1919 при подготовке Н. П. Киселёвым сборника публикаций масонских документов «Из архива Арсеньевых» эти протоколы были им скопированы и в таком виде сохранились в Ф. 128 НИОР РГБ. — *Ред.*

⁶⁸ Сводный список членов ложи Орфея см. в Приложении X; обзор протоколов приходится отложить до другого случая.

⁶⁹ Рукописи НИОР РГБ. М. 1969 (л. 207–250) и М. 1971; РО РНБ. О. III. 39/5. Цитаты у Вернадского (с. 143–144 и 191) [= Вернадский³. С. 196–197, 255. — *Ред.*].

⁷⁰ Ешевский. С. 253–254, ср. 264. [Список 1818 г. учредительной грамоты ложи Орфей см.: НИОР РГБ. Ф. 147. Ед. хр. 349. Ч. 28. — *Ред.*].

Двухлетняя задержка с выдачей вызвана очевидно желанием убедиться в твердости намерений членов, прежде чем узаконить ложу неопределенного местонахождения и состава.

[Д] Письмо И. А. Поздеева ложе Орфея, из Москвы в Петербург, от 24 декабря 1787 с назначением П. Г. Беляева мастером стула⁷¹.

[Е] Копии 30 писем Е. Е. Гюне к П. Г. Беляеву. Из них №№ 1—12 датированы 19 мая 1784 — 8 февраля 1787; №№ 13—30 без дат, но часто могут быть приурочены к определенному времени. Многие из них исторически ценны, но исключительный интерес представляет письмо 27, содержащее известие о принятии в розенкрейцство князя Н. В. Репнина^[21], и наставление, как с ним себя держать при встрече⁷².

15.

Как известно, И. А. Поздеев владел значительным имением в Кадниковском уезде Вологодской губ., где основал стекольный завод. Всю жизнь Поздеев был тесно связан с Вологдой и при всяких обстоятельствах пользовался сильным влиянием на местную администрацию и служащих в учреждениях. Отношения, начинав-

⁷¹ См. Приложение IX.

⁷² См. Приложение VIII. [Письма Е. Е. Гюне к П. Г. Беляеву за 1784—1794 и без даты сохранились в НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 498, в копии А. О. Поздеева, под заглавием: «Письма Е. Е. Г. к П. Г. Б...у». Вверху рукописи помета: «№ 22». Рукопись в лист, на 16 листах. В этом же сборнике на л. 15об.—16об. помещены письма к тому же адресату: одно от К. Е. Гюне и два (за 1794 и 1801) от кн. Г. А. Долгорукова. Н. П. Киселёв сделал копию указанного сборника, расшифровав в тексте карандашом некоторые имена, он же предпослал письмам собственную нумерацию. — Ред.]

шиеся на почве служебной и личной, естественным образом переводились позднее в сферу масонских интересов. А так как Поздеев не упускал ни одной возможности для распространения масонских идей, то в конце концов и отдаленная Вологда сделалась местонахождением ложи *Северной Звезды*⁷³. До последнего времени относительно этой ложи не было известно ничего, кроме факта ее основания; теперь стали известны подробности ее истории в 1783—1785 годах, освещаемые главным образом официальными и частными письмами. Из их числа большая часть писаны *И. А. Поздеевым* и адресованы:

ложе *Северной Звезды* — 9 писем

1783 16 сентября, 19 декабря

1784 12 января, 27 февраля, 5 марта, 9 июня, 21 июня, [? октября]

1785 16 [февраля]

В. И. Остолопову^[22] — 8 писем

1783 [] сентября, 21 сентября, 18 октября, 25 октября, 1 ноября, 3 ноября

1784 12 января, 5 апреля

К. С. Рындиному^[23] — 1 письмо

1783 18 октября

П. А. Татищев написал 5 писем — единственных, которые от него остались:

ложе *Северной Звезды* — 4 письма

1784 4 января, 25 февраля, 27 апреля, 20 сентября

В. И. Остолопову — 1 письмо

1784 12 января

⁷³ *Пыпин—Вернадский* № 84; показания Новикова № 16.

А. М. Лунин писал:

И. А. Поздееву от 30 сентября 1783
ложе Северной Звезды от 25 ноября 1783⁷⁴.

Приблизительно в марте 1783 десять вологодских мастеров, «предприяв твердое намерение учредить в Вологде истинную и совершенную ложу вольнокаменьщического рыцарского ордена», обратились с соответственным прошением в Московскую Провинциальную Ложу, которая незадолго перед тем получила принятую Вильгельмсбадским конвентом систему «благотворных рыцарей». Кроме обещаний формального характера, вологодские братья заверяли: «Чистосердечное наше желание есть посредством вашим быти постановленным на прямую стезю древняго вольнаго каменщичества, получить от вас просвещение в царственной науке и просвещати протчих <ложи> нашей достойных братьей»⁷⁵. Ответом на это прошение явилась присланная из Директории VIII провинции грамота на основание ложи, от апреля 1783; подлинник, на пергаменте и за подписями П. А. Татищева (Старо-шотландского Обер-мейстера), Н. И. Новикова (Президента Директории) и И. Е. Шварца (Великого Секретаря) пожертвован в Румянцовский Музей М. А. Волоцким вместе с другими бумагами А. С. Волоцкого⁷⁶. В тексте грамоты

⁷⁴ Переписка вологодской ложи (28 документов, 59 л.) хранится: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 373. Первоначально документы хранились в обложке с пояснительной надписью А. О. Поздеева. Позднее пометы в них были сделаны Н. П. Киселёвым, который скопировал их. Копии сохранились: НИОР РГБ. Ф. 128. Далее при отсылке к документам этой ложи приводятся лишь сведения об их автографичности. — *Ред.*

⁷⁵ Отпуск прошения. — *Ред.*

⁷⁶ Отчет Р. М. 1870/72. С. 57.

ложе дается «вместо герба девиз корабль по морю плывущий, над коим в чистом небе звезда с надписью: Указует путь» и назначаются: мастером стула, «на время», К. С. Рындин, 1-м надзирателем — Д. А. Петров, 2-м надзирателем — В. И. Остолопов; принятия и работы дозволяется производить в первых трех степенях⁷⁷.

В первые полгода после основания работы новой ложки не были успешны, и к осени Директория VIII провинции сочла полезным вмешаться и устранить причины ее бездействия. Отправленный с этою целью в Вологду И. А. Поздеев открыл ложу 15 сентября 1783. На другой день члены составили подробное донесение в Директорию с благодарностью «за прилагаемое о нас попечение, и столь рачительное показание нам истинного пути к добродетели и премудрости, особливо нам соделавшим себя того недостойными, по неведению нашему в истинных работах справедливых братьев масонов, и вместо благодарности за столь охотное ваше соглашение, в даровании нам в актах содержащегося бисера, нам пресекившим и прежние наши работы по неведению узла связующаго в мире, любви и согласии особливо истинных масонов»⁷⁸. К этому донесению приложен и список членов ложки⁷⁹. Того же 16 сентября Поздеев написал для ложки письменную инструкцию, в начале которой подчеркивается, «что вы не токмо не открыли ложу, по сему новому присланному к вам расположению, но и не удостоили ваших вышних начальников принести им должную вашу благодарность за поверение вам сего бисера»;

⁷⁷ Грамота в настоящее время находится: НИОР РГБ. Ф. 147. Ед. хр. 302. Ч. 2, ее копия 1817 г.: Там же. Ед. хр. 349. Ч. 27. — *Ред.*

⁷⁸ Отпуск; на экземпляре пометы рукой И. А. Поздеева и К. С. Рындина. — *Ред.*

⁷⁹ Сводный список см. в Приложении XII.

далее предписывается, «чтоб после моего отъезду производили ваши работы, каждые две недели один раз по четвергам», не давая знать о том прежним членам ложи⁸⁰. 21 сентября в Директорию писал К. С. Рындин, как мастер стула, повторяя то же, что сказано в официальном донесении⁸¹. Еще до этого Поздеев уехал из Вологды в свое имение, откуда отправил Рындиному 18 октября письмо с приложением ответа из Москвы «на рапорт мой и ваш». Приложенный ответ не сохранился, а в письме содержатся советы производить работы еженедельно, изучать книгу Иоанна Массона «О самопознании» и, наконец, «нанять, или построить дом, состоящей хотя из трех больших продолговатых комнат, хотя таких, как где вы теперь работаете. А я узнав, что вы работаете прилежно и имеете место, постараюсь нынешнюю зимою доставить к вам все вещи не выключая ни единой на все три степени, и весь убор, которой иметь должно в самой хорошей <ложе>; все эти вещи не будут вам стоить, как только заплатить за провоз из города Каширы, что есть безделица, и вы будете всем снабдены».

Еще через месяц, и уже из Москвы, Поздеев так описывал свои впечатления в Вологде П. Г. Беляеву (письмо от 18 ноября 1783): «Намерен я ехать в Вологду для установления там <ложи>. Они выпросили акты из нашей провинции и как увидели, что работы не очень легки, то бросили и разошлись. Почему от начальников провинции под названием *Россия* поручено было мне съездить и там что возможно сделать. Но Бог! по благости своей сделал то, что нельзя было чаять, а именно: из 30 человек, кои <ложу>

⁸⁰ Подлинник; на с. 1 письма вверху помета: «№ 1. Получено Сентября 21. Дня 1783. года». Сохранились также списки (с датой 21 сентября 1783): НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1632. С. 498–501; Позд. III. Л. 116–117. — Ред.

⁸¹ Отпуск письма. — Ред.

составляли, отобрано 7, кои с помощью Божию и работать при мне зачали и <ложу> открыли, а прочие в число их не приняты»⁸².

В дальнейшем работы ложи пошли, по-видимому, более правильно, а соответственно участились и письменные сношения. 25 ноября 1783 по поручению Директории писал ложе Северной Звезды А. М. Лунин. Выразив удовлетворение по поводу раскаяния вологодских братьев и возвращения «на путь истинных строителей символического храма Соломонова», Лунин продолжает: «...в разсуждении отдаленности вашей <ложи> отсюда поручили мы всех вас в особенное надзирание высокодостоинейшему и любезнейшему брату Иосифу Алексеевичу Паздееву, которому и повелено чтоб он взяв вас в опеку просвящением своим споспешествовал вам к удобнейшему и вожделеннейшему шествию по пути истинных свободных Каменьщиков»⁸³.

19 декабря 1783 И. А. Поздеев сообщил ложе, что П. А. Татищев «в знак его одобрения доброй вашей воли к сему благому делу, возводящему вас выше обыкновенных человеков», дарит «мастеру стула знак ево сана, угол на голубой ленте, и для заведения в вашей <ложе> библиотеки Священную Библию и несколько других книг, коим реестр при сем прилагается...» Замечательно, что посланные книги почти сплошь религиозного содержания, и среди них нет ни одной в собственном смысле масонской.

12 января 1784 отправлены из Москвы в Вологду сразу три письма. И. А. Поздеев писал ложе Северной Звезды, препровождая в подарок от П. А. Татищева «угол и цыкуль, возлагаемые на священную Библию», и от себя некоторые книги.

⁸² Позд. III. Л. 5 (список). Сохранились также списки: ИИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 629. С. 3–4 (А. И. Маслова); Ед. хр. 1632. С. 16–17. — Ред.

⁸³ Автограф. — Ред.

П. А. Татищев писал В. И. Остолопову, препровождая ему в подарок книгу⁸⁴. Ему же писал Поздеев, опять-таки посылая книги, и кроме того особую рукописную пиесу на 12 страницах: «Изъяснение, что есть свободный каменщик»⁸⁵. Это Изъяснение есть не что иное, как полный перевод речи И. Е. Шварца в ложе Трех Знамен 30 октября 1783; оно так и начинается словами: «Свободной к<аменщик> есть свободной муж, умеющий преодолевать свои страсти, умерять желания и волю свою подвергать законам разума»⁸⁶. Таким образом сохранилась единственная известная речь Шварца не публичного характера⁸⁷. Заслуживает быть отмеченным, что и Татищев, и Поздеев направили подарки и материалы, предназначенные для ложи, через В. И. Остолопова, 2-го надзирателя, а не через мастера стула. Причина ясна: в течение всей осени Поздеев состоял с ним в переписке, и к началу 1784 московские руководители успели понять, что единственным человеком в Вологде, на которого можно было серьезно положиться, был В. И. Остолопов (этого доверия он не обманул до смерти). В письме Остолопову имеется и такое сообщение: «Я отдал вам вещи л<ожи> Орфея и где много есть книг таких, каких еще у вас нет, и писал о том к бр<ату> Кирилу Степановичу [Рындину]. Остается вам воспользоваться попечением о вас знаемых вами и еще не знаемых начальников».

⁸⁴ Оба письма — подлинник, написаны «каллиграфом Татищева», подпись — автограф. — *Ред.*

⁸⁵ Список письма: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 630. Л. 117–118об.; списки, включающие также речь: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 629. С. 74–85 (А. И. Маслова); Ед. хр. 1632. С. 474–494 (сокращенный). — *Ред.*

⁸⁶ Ср. немецкий текст в Приложении III.

⁸⁷ Ср.: Вернадский. С. 262. [= Вернадский³. С. 490–491. — *Ред.*]

Через месяц после отправления этих писем произошло событие, произведшее в масонских и особенно розенкрейцерских кругах впечатление громового удара: 17 февраля 1784 умер И. Е. Шварц — как раз тот из «знаемых начальников», в руках которого сходились все нити сношений с Берлином, — человек, от которого все ждали всего; на которого ученикам указывали как на адепта, как на существо почти сверхъестественное. Как понять эту смерть, и главное — как объяснить ее малоопытным и не-твердым? Горесть и смущение, объявшие московских масонов, были настолько сильны, что о смерти Шварца не решились сразу объявить: 25 февраля Татищев и 27 февраля Поздеев пишут ложе Северной Звезды письма обычного учительного-делового характера и посылают вещи и акты⁸⁸. Только 5 марта отправил Поздеев письмо с официальным извещением о смерти, — после того лишь, как сам получил таковое в официальном порядке 3 марта. Это письмо Поздеева, в котором скрываемая растерянность просвечивает, несмотря на желание дипломатическими словами предупредить неизбежную панику, представляет один из интереснейших и по содержанию, и по форме памятников масонской эпистографии⁸⁹. Оно было получено в Вологде 4 апреля, а 24 апреля Татищев получил в ответ письмо, «преисполненное чувствами достойных братьев», как он выражается в письме им от 27 апреля⁹⁰: очевидно, послание Поздеева своей цели достигло.

⁸⁸ Первое — подлинник, написано «каллиграфом Татищева», подпись — автограф. На письме помета секретаря ложи А. Г. Бизюкина: «Получено в <ложе> Северной Звезды апреля 4-го дня». Второе — писарской списком с подписью-автографом. — *Ред.*

⁸⁹ См. Приложение XI.

⁹⁰ Подлинник, написано «каллиграфом Татищева», подпись-автограф. — *Ред.*

Осенью 1784 дела ложи Северной Звезды стали расширяться. 20 сентября Татищев уведомил ложу, что посылает приказание старосте своей деревни «доставить 12. человек плотников и сто рублей денег» для постройки дома ложи⁹¹. 16 октября в собрании ложи Трех Знамен доложено — не дошедшее до нас — письмо ложи Северной Звезды, «worin dieselbe sich zu dem Schutze der unsrigen begiebt, und hinfüro als Tochter-Loge der unsrigen arbeiten wird»⁹² (протокол 31 пункт 3). Вслед за тем Поздеев сообщил (в письме без даты, относящемся к концу октября 1784): «Впрочем имею известить оную <ложу>, что она состоит под начальством матери- <ложи> Трех Знамен, имеющей пребывание свое на Востоке Москвы, а под начальством, к коему она обо всем относится должна, остается моим как и прежде»⁹³; вместе с тем он препроводил в библиотеку ложи несколько книг — на этот раз уже чисто масонского содержания. Как пошли работы в 1785 и 1786, остается неизвестным, ибо единственным документом этих лет является письмо И. А. Поздеева от 16 [февраля] 1785, назначающее мастером стула В. И. Остолопова, «усерднейшаго и прележнейшаго и предавшагося совершенно работам священнаго свободнокаменщицкаго ордена». «При сем посылаются новые три степени с <вятого> Иоанна, полученные от вышняго начальства, предписывая по оным производить <ложе> Северной Звезды свои работы, а старые акты запечатав переслать ко мне»⁹⁴.

⁹¹ То же. — Ред.

⁹² ...где она прибегает к покровительству нашей и впредь будет работать как дочерняя ложа нашей (нем.).

⁹³ Подлинник. — Ред.

⁹⁴ Подлинник,верху письма помета рукой А. Г. Бизюкина: «№ 1-й. Получено в ложу Северной Звезды 26 февраля 1785 года». — Ред.

16.

Ложа *Constantia* в Москве в показаниях Новикова значится под № 8: «Пенемалева, французская». «О сей ложе ничего не знаю», — заявил Новиков, но поместил ее под правлением ложки П. А. Татищева. Весною 1784 члены этой ложки высказывали сомнения относительно законности связи ложки Трех Знамен с Фердинандом Брауншвейгским; в ответ на эти сомнения Шрёдер прочел в собрании ложки Трех Знамен 20 апреля 1784 старший конституционный патент (протокол 29 пункт 1). В том же заседании мастер стула огласил письмо и декларацию матери-ложки Трех Глобусов в Берлине и предложил «высокопочтенному брату Pincemaille прочитать эту декларацию братьям ложки *Constantia* на первом же собрании» (протокол 29 пункт 6). Отсюда ясно, что Пенсемайль был мастером стула ложки *Constantia*. Можно думать, что в подлиннике показаний Новикова и написано Пенсмалева, а не Пенемалева, но поскольку в Сборнике РИО фамилия была напечатана неправильно, все поиски оставались тщетными и вопрос казался одним из наиболее безнадежных⁹⁵. Напротив, зная из протокола настоящее имя, нетрудно распутать все остальное. До нас дошел диплом от 3 марта 1764 на имя Érasme Pincemaille, Vénérable M^{aître} de la Loge régulière de S^{aint} Jean De la Candeur⁹⁶ в Метце, на степень Рыцаря Феникса⁹⁷. Первыми подписями стоят: le Baron de Tschoudy,

⁹⁵ Ср.: Пыпин. С. 556.

⁹⁶ Досточтимого мастера регулярной ложки св. Иоанна Чистосердечия (фр.).

⁹⁷ Последовательно перечислены степени: App^{renti}, Comp^{agnon}, Maître, M^{aître} Parfait Architecte Irl^{andois}, M^{aître} Ang^{lois}, Parf^{ait} M^{aître} Ang^{lois}, Élu de 9., de l'inconnu et de 15., Illustre,

G. I. G. E. S. P. P. d'O, V<énéra>ble de la L. St. Étienne de Metz и Tifaine, V<énéra>ble de la L. de St. Jean de Metz⁹⁸. О Пенсемайле, мастере ложи la Candeur в Метце, сообщает Финдель⁹⁹, что он принадлежал к системе Conseil des Empereurs d'Orient et de l'Occident¹⁰⁰ и в 1763 «начал издавать выпусками степени этой системы, чему Великая Ложа напрасно пыталась воспрепятствовать, предложив ему 300 франков». Керар излагает это дело несколько иначе: «Великая Ложа Франции в 1764 переслала автору 300 франков, под условием, что он предаст огню все оставшиеся у него экземпляры; но он удержал деньги и продолжал продавать свою книгу». Самое издание Пенсемайля Керар¹⁰¹

Écossois de Clermont et de Montpellier, Grand Écossois, Écossois Ang<lois>, Sublime Éco<ssois>, Chev<alier> de l'Orient, Prince de Jérusalem, Chev<alie>r d'Occident, R<oy>al Arche, M<aîtr>e Architecte, Prince de Rose-Croix, Chev<alie>r du Soleil et des adeptes, Souverain commandeur du temple de Jérusalem, Chev<alie>r de l'aigle noire du 1-er et 2-ème grade, Sublime Philosophe, et enfin Chev<alie>r du Phoenix. [В настоящее время диплом хранится в фонде Н. П. Киселёва в НИОР РГБ. — Ред.]

⁹⁸ [...достопочтенный мастер ложи св. Этьена в Меце, достопочтенный мастер ложи св. Этьена в Меце <и> Тифен, достопочтенный мастер ложи св. Иоанна в Меце (фр.)] Барон Теодор-Генрих Чуди — лицо очень видное в масонстве XVIII века, а о Тифене см.: *Almanach oder Taschen-Buch für die Brüder Freymäurer der vereinigten Deutschen und Schwedischen Logen auf das Jahr Christi 1779*. D 2 recto.

⁹⁹ Финдель И. Г. История франк-масонства от возникновения его до настоящего времени / Пер. со второго немецкого издания. Т. 1. СПб., 1872. С. 194.

¹⁰⁰ Совет императоров Востока и Запада (фр.).

¹⁰¹ Quérard J.-M. *La France littéraire, ou Dictionnaire bibliographique des savants, historiens et gens de lettres de la France. Tome premier—dixième*. Paris, 1827–1839. Т. VII. Р. 176.

описывает так: «Conversations allégoriques sur la franche-maçonnerie. 1763. In-8°, ou 3 parties in-16°, encadré». Иначе приводит заглавие Клосс¹⁰²: «Conversations Allégoriques, organisées par la Sagesse. A Londres, chez Golden Heat, 1763, 12°». В примечании: «Wir besitzen 13 Hefte dieser Catechismen, anfangend vom 1. Grad, bis zum parfait M<âtr>e Anglais. Nach Thory¹⁰³, Nro. 76, wäre die Herausgabe bis 1766 fortgesetzt worden, was nach Quérard sehr zweifelhaft ist»¹⁰⁴.

Мы не знаем, ни когда, ни при каких обстоятельствах приехал Пенсемайль в Россию и в Москву, и что было с ним далее; но факт наличия здесь его диплома делает правдоподобным, что это одно лицо с упоминаемым в протоколе ложки Трех Знамен.

Уже Н. С. Тихонравову было известно печатное издание ложки Constantia: Ode, dem Andenken des Weilands H. W. B. Schwarzens gewidmet von E. F. S. K. B. v. d. Loge Constantia. Moskau, gedr. bei J. von Lopuchin, [1784 ?]. 8°, стр. 6¹⁰⁵. Тем не менее, ложка Constantia не включена в список Пыпина—Вернадского.

¹⁰² Kloss G. B. Bibliographie der Freimaurerei und der mit ihr in Verbindung gesetzten geheimen Gesellschaften. Frankfurt am Main, 1844. № 1893.

¹⁰³ Thory, Claude-Antoine. Acta latomorum, ou Chronologie de l'histoire de la Franche-maçonnerie française et étrangère. Paris, 1815. Издание содержит «библиографию главных опубликованных сочинений по истории Ордена с 1723 года». — Ред.

¹⁰⁴ У нас имеется 13 выпусков этих катехизисов, начиная с первого градуса и вплоть до совершенного английского мастера. Согласно Тори (№ 76), издание продолжалось до 1766 года, что согласно Керару весьма сомнительно (нем.). Издание 1766 года действительно зафиксировано, см. его микрофильмированное воспроизведение: Woodbridge, Conn.: Research Publications, 1983. — Ред.

¹⁰⁵ Тихонравов. С. 81 и прим. на с. 9; РБС. Т. «Чаадаев—Швитков» s. v. Шварц [статья В. В. Фурсенко]. С. 629.

17.

В том же собрании ложи Трех Знамен 20 апреля 1784, на котором присутствовал Пенсемайль, было объявлено, что проф. Шнейдер назначается мастером стула «unserer Tochter Loge Ceres» (протокол 29 пункт 4). Дальнейших известий о ложе *Цереры* не имеется.

18.

Ложа *Чистосердечия* названа в показаниях Новикова под № 19: «И помнится, была еще ложа Николая Алексеевича Дьякова, в Харькове или где в другом городе, не помню... а ведать об них должен... Иван Влад. Лопухин»¹⁰⁶. Среди сохранившихся в копии писем Е. Е. Гюне к П. Г. Беляеву есть недатированное письмо, в котором между прочим говорится: «Податель сего письма есть тео<ретический> бр<ат> и мастер стула харьковской ложи Чистосердечия, наша дочь ложа, Ник. Ал. Дкв., а братья его [Иван, Семен, Петр] — ученики той ложи, гвардии офицеры»¹⁰⁷. О работе ложи ничего не известно, кроме глухих намеков в немногих сохранившихся неизданных письмах Дьяковых¹⁰⁸; из них видно, что ложа уже существовала в середине 1785; но, вероятно, она основана несколько раньше. Н. А. Дьяков, брат второй жены Г. Р. Державина, — лицо весьма известное в масонстве.

¹⁰⁶ Сб. РИО II. С. 149.

¹⁰⁷ НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 498. Л. 13–13об. — Ред.

¹⁰⁸ См., например, письма Н. А. Дьякова к В. И. Загряжскому 1785–1786 гг.: НИОР РГБ. Ф. 13. К. 24. Ед. хр. 2. — Ред.

19.

Последнюю дочь-ложей Трех Знамен была дерптская. В отличие от своих сестер она была не вновь основана, а только присоединена. Это была ложа Поллукса¹⁰⁹, основанная в 1778 от немецкой Landesloge. По сообщению Пыпина, «в 1785, января 25, она примкнула к ложе Трех Знамен, и при этом получила название *Утренней Звезды*» — zum Morgenstern¹¹⁰. Эта дата коренным образом противоречит тем известиям относительно предшествовавших присоединению обстоятельств, которые содержатся в дневнике барона Шрёдера. Проездом в Берлин в конце октября 1785 Шрёдер встретился в Дерпте с одним из Ленцев^[24] и записал содержание беседы: «У Ленца я заметил чистое и открытое лицо и доброе намерение в его исканиях; в ложе по его словам есть еще братья, которые далеко превосходят его познаниями; он соберет их, когда я буду на обратном пути, познакомит со мной и передаст мне письмо относительно соединения с ложею Трех Знамен; он желает не рыцарских орденов, а таинств природы, которые однако должны быть основаны на Христе. Он говорил открыто о юниоратских актах и прямо спросил меня, розенкрейцеры ли мы в Москве? Ложа учреждена Böttfeyer'ом, ратсгером в Риге, по дозволению Циннендорфа, и состоит из многих превосходных и почти исключительно — из хороших членов»¹¹¹. Отсюда ясно, что в Дерпте были хорошо осведомлены о московских делах и желали принять участие в герметическом познании «таинств природы»; но отсюда вытекает и невозможность сообщавшейся до

¹⁰⁹ Пыпин—Вернадский № 53.

¹¹⁰ Пыпин—Вернадский № 97.

¹¹¹ Барсков. С. 218.

сих пор даты присоединения. Кажется, наиболее правдоподобным будет принять 25 января 1786, а не 1785, так что вскоре после присоединения ложи последовала (по распоряжению матери-ложи, вызванному указами Екатерины II от 23 декабря 1785 и 23 января 1786) остановка ее работ, о которой говорится в «третьем отчете» ложи Утренней Звезды¹¹². Отчет ее за сентябрь—декабрь 1785 и список членов на 23 декабря 1786 печатаются в Приложениях XIII и XIV. В первом останавливает внимание, что и этой — немецкой — ложей руководил и был ее представителем И. А. Поздеев; несомненно, такое назначение было вызвано стремлением поставить авторитетное в розенкрейцеровском смысле лицо — соответственно пожеланиям дерптских братьев.

20.

В рукописи Тверского музея из бумаг П. И. Голенищева-Кутузова, № 164, сохранилась траурная речь, держанная в неизвестной ложе после смерти фельдмаршала Кутузова (род. 5 сентября 1745, ум. 16 апреля 1813). Упомянув, что Кутузов был принят в масонство в ложе *zu den drei Schlüsseln* в Регенсбурге (это могло произойти не ранее конца 1774, а вернее в 1775), неизвестный оратор продолжал: «*Endlich ward ihm, nachdem er in*

¹¹² Впрочем, нельзя считать твердо установленным, в октябре какого года проехал Шрёдер через Дерпт в Берлин: есть веские основания считать, что это было в 1785 — так принимает и Барсков (С. XXVII), — но отнюдь не исключена возможность того, что это произошло в 1784. Рассмотрение этого запутанного и важного вопроса завело бы слишком далеко, но если впоследствии окажется, что Шрёдер ездил в 1784, то тем будет снято и противоречие относительно ложи Утренней Звезды.

Frankfurt, Berlin und Petersburg thätig mitgearbeitet hatte, der Lohn, sich der Sonne zu nähern, und zuletzt, als aktives Mitglied der Mosk<auer> Loge zu den 3 Standarten, denn er war gerecht befunden, — im hohen Orden einzutreten, wo er nun am Ruder der Wahrheit für das innere Wohl der Brüder unausgesetzt wacht und wirkt»¹¹³.

Что разуметь под «Mosk. Loge zu den 3 Standarten»? Т. О. Соколовская, открывшая эту речь, переводила: «Московской матери-ложи Трех Знамен»¹¹⁴. Однако ложа zu den drei Fahnen нигде не именуется zu den drei Standarten и нигде в протоколах и списках нет намека на присоединение М. И. Кутузова. Возможно, конечно, что Кутузов был одним из тех тайных масонов, имена которых не помещались в списках, но такое допущение представляется натянутым: 1) в тайне держались имена членов, занимавших высшие государственные должности, и не было никаких оснований скрывать принадлежность к масонству 30-летнего майора, несколько отличившегося в турецкую войну; 2) тем более не было смысла делать это между 1775 и 1785 годами, в наиболее безоблачную эпоху масонских лож. Разгадку, по нашему мнению, следует искать в другом направлении. Дело в том, что речи в траурных ложах обычно вовсе не отличались точностью фактических данных, будучи рассчитаны скорее на то, чтобы представить

¹¹³ И вот, деятельно потрудившись во Франкфурте, Берлине и Петербурге, был он вознагражден тем, что приблизился к солнцу и, наконец, как активный член московской ложи zu den drei Standarten, сочтенный достойным того, вступил в высокий Орден, где он отныне внутреннего блага братьев наших ради бесценно бдит у кормила истины (нем.).

¹¹⁴ Соколовская Т. О. Новые данные для истории русского масонства по рукописям Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 1912. С. 10.

возвышенный пример из общего обзора жизни покойного, а совсем не его масонскую или светскую биографию. Позволительно поэтому взять под подозрение точность передачи в названии ложки. Только нахождение новых документов и тщательное изучение биографии М. И. Кутузова могут устранить сомнения в его принадлежности к ложе Трёх Знамен.

21.

Настоящая работа дает понятие об очень небольшой части того материала, который подлежал бы обработке с целью изучения организации и социального состава русского масонства. Масонский союз, основанный на идеях гуманности, братства и терпимости, был одной из наиболее широких организаций, какие знает история, и открывал двери своих лож всем, кто выказывал серьезный интерес к его целям. Поэтому среди масонов встречаются люди всех сословий, всех положений, всех специальностей. Глубокий интерес представляет — проследить, как стремления этих разнородных элементов приводились в гармонию, согласовывались и направлялись к общей цели; как каждый или находил свое естественное место в едином организме, или отходил от ордена, если переставал чувствовать к нему тяготение. Изучение персонального состава масонских лож и сведение добытых сведений в один «Алфавит русских масонов» могло бы дать не только много ценного в общеисторическом и историко-культурном отношениях, но несомненно помогло бы лучше разобраться и в возникновении некоторых общественных течений второй половины XVIII и первой половины XIX века. Для этого изучения единственным путем является систематическое собирание, прора-

ботка и опубликование остающихся еще в очень значительном числе <неопубликованными> масонских документов и параллельно — выяснение биографий лиц, принадлежность которых к масонству делается известной. Та и другая часть работы требует длительных разысканий архивного характера, и до тех пор пока таковые не будут приведены к некоторой степени законченности, никаких обобщений относительно социальной и политической роли масонства сделать будет нельзя. По прошествии шестидесяти лет всё еще остается в силе суждение академика Пекарского¹¹⁵: «Если, на основании того немногого, что собрано для истории русского масонства в настоящее время, начать строить соображения и делать выводы, то как те, так и другие могут потом оказаться неверными и преждевременными и, стало быть, мало полезными».

¹¹⁵ Пекарский. С. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечание 1

Примечание 1 было отведено Н. П. Киселёвым под Список сокращений. В данной публикации таковой вынесен в отдельный раздел. — *Ред.*

Примечание 2

Протоколы собраний и списки членов

Для лож XIX века сохранились в довольно большом числе, а для лож XVIII представляют величайшую редкость. Вернадский¹¹⁶, обследовавший их с большой тщательностью, мог указать только нижеследующие:

П р о т о к о л ы. Ложы Урании в Петербурге¹¹⁷: 1772—1775¹¹⁸; 1775—1788¹¹⁹; 1781—1793¹²⁰.

¹¹⁶ Вернадский. С. XVI. [= Вернадский³. С. 18. — *Ред.*]

¹¹⁷ Пыпин—Вернадский № 23.

¹¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Уваров). Оп. 2. Д. 406.

¹¹⁹ Берлин, архив Grosse Landesloge.

¹²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 407.

Ложи Малого Света (zur kleinen Welt) в Риге¹²¹: 1790—1791¹²².

Ложи теоретических братьев в Вологде¹²³: 1791—1792¹²⁴.

Все протоколы остаются до сих пор неизданными¹²⁵.

С п и с к и. Ложи Благотворительности к Пеликану в Петербурге¹²⁶: 1783¹²⁷; ок. 1785¹²⁸.

Ложи Скромности (zur Verschwiegenheit) в Петербурге¹²⁹: 1786¹³⁰.

Ложи Астреи в Москве¹³¹: 1783¹³².

Ложи Малого Света в Риге — при ее протоколах.

Очевидно умышленно пропущены Вернадским напечатанные списки:

Ложи Меча (zum Schwert) в Риге¹³³: 1781¹³⁴. Экземпляр сохраняется в библиотеке ложи zum goldnen Apfel в Дрездене¹³⁵.

¹²¹ Пыпин—Вернадский № 111.

¹²² РГАДА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 216. Ч. 10 (бумаги И. П. Елагина).

¹²³ Пыпин—Вернадский № 113.

¹²⁴ НИОР РГБ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 293 (М. 2167).

¹²⁵ Другие известные ныне протоколы указаны: Вернадский³. С. 330—331 (примеч. 67). — Ред.

¹²⁶ Пыпин—Вернадский № 29.

¹²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 407.

¹²⁸ НИОР РГБ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 340 (Ин. 438). Л. 172—175об.

¹²⁹ Пыпин—Вернадский № 36.

¹³⁰ РО РНБ. Ф. III. 35.

¹³¹ Пыпин—Вернадский № 83.

¹³² НИОР РГБ. М. 1882. Л. 47—48 (подлинник); М. 1883. Л. 76—76об. (копия).

¹³³ Пыпин—Вернадский № 9.

¹³⁴ Verzeichnis der Mitglieder der Loge zum Schwert in Riga.

¹³⁵ Wolfstieg № 6529.

Ложь Немезиды в Петербурге ¹³⁶: 29.XII.1776 ¹³⁷.

Ложь Нептуна в Кронштадте ¹³⁸: 2.XII.1780 ¹³⁹; 12.II.1781 ¹⁴⁰;
XI.1781 ¹⁴¹.

Ложь Златого Венца в Симбирске ¹⁴²: 1784 (?) ¹⁴³.

Ложь Малого Света в Риге: 1793 ¹⁴⁴. Экземпляр сохраняется
в библиотеке пяти соединенных лож в Гамбурге ¹⁴⁵.

Из рукописных следует добавить еще:

Ложь Дружбы (zur Freundschaft) в Москве ¹⁴⁶: 1777—1779 ¹⁴⁷.

Ложь Трех Мечей (zu den drei Degen) в Москве ¹⁴⁸:
7.IX.1779 ¹⁴⁹.

¹³⁶ Пыпин—Вернадский № 43.

¹³⁷ Изд. Т. О. Соколовская: РС. 1909. № 1. С. 174.

¹³⁸ Пыпин—Вернадский № 63.

¹³⁹ Соколовская. С. 33—35.

¹⁴⁰ Там же. С. 25—28.

¹⁴¹ Там же. С. 36—39.

¹⁴² Пыпин—Вернадский № 95.

¹⁴³ Сообщ. Н. М. Соковнин: Оснадцатый Век. Исторический сборник.
Т. II. М., 1869. С. 369.

¹⁴⁴ *Verzeichnis der Mitglieder der Loge zur kleinen Welt in Riga.*

¹⁴⁵ *Wolfstieg* № 6530.

¹⁴⁶ Пыпин—Вернадский № 51.

¹⁴⁷ НИОР РГБ. Ин. 375. Л. 1об.—2, 11.

¹⁴⁸ Пыпин—Вернадский № 62. Это есть переименованная ложь Дружбы.

¹⁴⁹ НИОР РГБ. Ин. 375. Л. 60об.—62. [Другие известные ныне списки
указаны: Вернадский¹. С. 331—332 (примеч. 72). — Ред.]

Примечание 3

Freymäurer-Bibliothek

Отметив посвящение III тома Татищеву, Ешевский не сказал, что II том (Berlin, 1782) посвящен Новикову: «Dem Hochwohlgebornen Herrn Nicolas Iwanowitsch Nowikoff, Direktor der Russischkaiserlichen Universitäts-Typographie zu Moskau»¹⁵⁰. Приводим посвянительное письмо в русском переводе, считая излишним перепечатывать параллельно немецкий текст, как сделал Ешевский для III тома. Посвящение писано тотчас после окончания работ Вильгельмсбадского конвента; особенный интерес в нем представляет замаскированный намек на сиентифическую ложу Гармонии в Москве¹⁵¹. Из некоторых выражений следует заключить, что издатель состоял в каких-то отношениях с Новиковым; но какого характера они были — довелось ли ему побывать в Москве, или они ограничивались лишь обменом писем, остается неизвестным.

Когда к Ордену приближается муж, который по своим выдающимся талантам представляется первым писателем и гением своего народа; который поэтому, как и по своему рождению, мог бы притязать на блестящие государственные места, но таковые отвергает и от них отказывается, дабы посвятить дни своей жизни единственно сущностному просвещению человеческого рода; который с мудрою, впрочем столь редко встречающеюся отъединенностью,

¹⁵⁰ Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Новикову, директору типографии Российского Императорского Московского университета (нем.).

¹⁵¹ Пыпин—Вернадский № 78.

не заботясь о светской славе, часто позаимствованной и часто пристрастной, находит истинное удовлетворение лишь в заслугах сердца и в благородных деяниях; который ради этого основывает на собственный счет школы для содержания и образования бедных сирот — когда такой человек с ревностью и решительностью подходит к Ордену — то как желанен бывает он ему! Простите, высокопочтенный орденский брат, что я рисую Ваш портрет, черты которого я собрал из свидетельств достоверных. Лесть не входит в круг каменщицкого союза. Но да будет мне позволено сделать известным немецкой каменщицкой публике того человека из отдаленной части света, который во всех отношениях заслуживает почтения; и вместе с тем считать себя счастливым Вашим знакомством, коего я может быть не достиг бы вне пределов братства.

Передаю Вам при сем второй том «Свободнокаменщицкой Библиотеки». Что сиентифическая часть орденских тайн стоит в наилучшей *Гармонии* с философскою и изящною словесностью, это есть положение, которое подтверждают древние учителя Греции, посвященные в Египте. И Вы можете и должны защищать его соответственно Вашим обширным познаниям. Продолжайте поэтому Ваши благотворные старания, при поддержке нескольких превосходных, деятельных и любознательных сотрудников, которые не носят в заблуждении только по поверхности, но общими силами стремятся к высшей цели, к которой человек предназначен и к которой он может способным соделаться, — разобрать затемненную мудрость древности, и тем распространить и в вышних науках свет для теперешней и будущей эпохи.

Подарите мне Ваше, всегда драгоценное для меня расположение. Симпатия братской любви нас уже съединила, и здесь я

открыто свидетельствую мою большую преданность, с каковою я
есмь Ваш вернейший слуга.

Издатель.

Берлин, 25 сентября 1782.

Сборник «Freymäurer-Bibliothek» описан у *Wolfstieg* № 853; из него узнаем, что редакторами первых трех томов (*Stücke*) были Johann Alexander Hemmann и главным образом Johann Wilhelm Bernhardt von Hymmen. Томы появлялись у разных издателей: в 1778—1782 в Берлине у Christian Ludwig Stahlbaum, в 1785 в Дессау на счет издательской кассы ученых и с 1791 в Берлине у Christian Gottfried Schöne. Том I, вышедший тремя (титульными?) изданиями в 1778, 1782 и 1792, посвящен герцогу Фердинанду Брауншвейгскому, «als Grossmeister der vereinigten Logen in Deutschland»¹⁵².

Гиммен (род. 1725 или 1731, ум. 9 апреля 1787), в масонстве eques a lyга, был одним из создателей системы «африканских строителей» и соавтором знаменитой книги «Crata Repoa, или Посвящения в древнем тайном обществе египетских жрецов»¹⁵³, текст которой помещен во II книжке (с. 1—26) «Freymäurer-Bibliothek» вслед за посвящением Новикову и которую Новиков вскоре выпустил в русском переводе¹⁵⁴. Гиммен известен еще как издатель нескольких сборников масонских песен, с нотами и без нот¹⁵⁵.

¹⁵² ...как гроссмейстеру объединенных лож Германии (нем.).

¹⁵³ *Wolfstieg* № 42717.

¹⁵⁴ Соавтор Гиммена — Карл Фридрих Кёппен (1734—1798). Книга была издана по-немецки еще в 1778 в Берлине, по-русски — в 1779, в Университетской типографии. Исправленное и дополненное издание — М.: Тип. И. Лопухина, 1784. — Ред.

¹⁵⁵ *Wolfstieg* № 39718; 22975 = 39734; 39743 cf. 852; 39766.

Весьма важное известие относительно обстоятельств посвящения книжки III находится в дневнике Шрёдера¹⁵⁶: «Гиммен всегда обращается ко мне по вопросам, касающимся России, и благодаря этому хорошо выпутывается: он хотел было посвятить III часть Библиотеки [Н. Н.] Трубецкому и Татищеву совместно; это я ему отсоветовал, осведомив, что состояние Трубецкого расстроено, а Татищев — богатей. Жаль человека [т. е. Трубецкого]: какая ревность ко Христу и его религии»¹⁵⁷.

Редактор книжек IV—VIII «Freymäurer-Bibliothek», вышедших уже после смерти Гиммена, не указан Вольфштигом, но и в этих книжках имеются материалы, прямо относящиеся к розенкрейцерству:

V 24—34] Valentin Andreä.

V 34—48] Beantwortung der Frage: Wie ist die Aufnahme des Ordens zu befördern? Von einem Bbr. des ächten Systems der G. und R. C.

VI 27—47] Der Gold- und Rosenkreutzer erste Klasse, oder der theoretische Bruder.

VII 35—51] Abhandlungen zu dem Juniorats-Grad der Gold- und Rosenkreutzer gehörig.

¹⁵⁶ Барсков. С. 227.

¹⁵⁷ Фраза после слова «богатей», вероятно, представляет ответ Гиммена и должна быть заключена в кавычки. Ср. перевод у Пекарского (с. 87).

Примечание 4

Трубецкие-масоны

Пять из семи сыновей фельдмаршала князя Никиты Юрьевича Трубецкого (1700—1767), а также сын его брата Ивана Юрьевича принадлежали к масонству:

Сергей Никитич (1731—1812), генерал-поручик. Назван в донесении о «масонской секте», представленном в 1756 Михаилом Олсуфьевым¹⁵⁸.

Юрий Никитич (1736—1811). По учреждении провинциального капитула VIII провинции, в начале 1783 назначен деканом провинции; розенкрейцер¹⁵⁹.

Николай Никитич (1744—1821). В списке ложи Озириса в Москве от 4 ноября 1781 означен мастером стула и учредителем ложи; потом розенкрейцер и один из ближайших участников во всех предприятиях Новикова. Его жена, Варвара Александровна (1748—1833), как женщина, не могла быть действительным членом ложи, но тем не менее принимала деятельное участие во всех орденских делах¹⁶⁰.

Александр Никитич (1751—1778), камергер. Был членом ложи Аполлона в Петербурге, а весной 1773 перешел в должности второго надзирателя в ложу Гарпократа там же¹⁶¹.

Василий Никитич (1752—?), гвардии полковник. В списке Озириса 1781 означен в степени мастера и в отсутствии.

¹⁵⁸ Пыпин. С. 92.

¹⁵⁹ Барсков. С. 245.

¹⁶⁰ Там же. С. XXVII и др.

¹⁶¹ Friedrichs. S. 29; Пыпин. С. 504.

Николай Иванович (?—1782), полковник. В списке Озириса 1781 означен в степени мастера и в отсутствии; в 1782 был 1-м собирателем милостыни в провинциальной ложе и членом капитула¹⁶².

Дмитрий Сергеевич (ум. 17 марта 1804), сын Сергея Никитича, флота лейтенант. В списке членов ложи Нептуна в Кронштадте от 2.XII.1780 значится в 1-й степени; в списке 12.II.1781 — в 1-й степени, в отсутствии в Ливорно; в списке XI.1781 — во 2-й степени¹⁶³.

Петр Сергеевич (1760—1817), также сын Сергея Никитича, в списке Озириса 1781 показан гвардии сержантом, в степени товарища и в отсутствии. Три старшие сына его были масонами:

Сергей Петрович (1790—1860), известный декабрист¹⁶⁴, был членом ложи Трех Добродетелей в Петербурге (принят в ученики 25 января 1816, в товарищи 4 января 1817, в мастера 8 февраля 1817) и ее наместным мастером с 19 августа 1818 по 28 апреля 1819¹⁶⁵.

Александр Петрович (1792—1853), капитан Семеновского полка, принят в ложе Трех Добродетелей в Петербурге 11 апреля 1817; впоследствии полковник, 1-й надзиратель ложи Соединенных Славян в Киеве¹⁶⁶; представитель этой ложи в Великой Ложе Астрее¹⁶⁷; член 3-й степени¹⁶⁸.

¹⁶² Барсков. С. 270.

¹⁶³ Соколовская. С. 35, 27, 38. О нем см.: Общий морской список. Ч. V. СПб., 1890. С. 223—225.

¹⁶⁴ Алф. дек. С. 186—187 и 405—406.

¹⁶⁵ Пыпин. С. 426.

¹⁶⁶ *Astrée*. 5818/19. Р. 167; 5819/20. Р. 12

¹⁶⁷ *Astrée*. 5819/20. Р. 12.

¹⁶⁸ *Astrée*. 5820/21. Р. 230

Петр Петрович (1793—1840), полковник, член Союза Благоденствия, о котором «повелено оставить без внимания»¹⁶⁹. Почетный член ложи Соединенных Славян в Киеве¹⁷⁰; представитель этой ложи в Великой Ложе Астрее¹⁷¹. По-видимому, он же состоял в 1821 членом 3-й степени ложи Озириса к Пламенеющей Звезде в Каменец-Подольске¹⁷².

Ни одна русская фамилия не имела столь многих и столь выдающихся масонов; и здесь они еще не все.

Примечание 5

Исаак Туссен

Новиков в своих показаниях называл его то «английским» купцом, то просто «иностранным». Несколько сомнительно, чтобы Туссен был англичанином, ибо по источникам видно, что он свободно владел немецким языком и вел на нем протоколы, далее, что ему передавался молоток каждый раз, когда работы надо было вести на французском языке, и наконец, сама его фамилия Toussaint скорее свидетельствует о происхождении из Франции или из прирейнских стран, чем об английском. Он принадлежал к системе «строгого послушания» и в 1779 был посредником в сношениях ложи Трех Знамен с Фердинандом Брауншвейгским; из показания Новикова видно, что Туссен «имеет в Берлине свой-

¹⁶⁹ Алф. дек. С. 187 и 405.

¹⁷⁰ *Astrée*. 5818/19. Р. 167; 5820/21. Р. 236.

¹⁷¹ *Astrée*. 5818/19. Р. 14; 5819/20. Р. 12.

¹⁷² *Astrée*. 5820/21. Р. 272.

ственника» масона¹⁷³. С сентября 1779 до 10 февраля 1782 Туссен состоял секретарем ложи Трех Знамен и в 1780 ввел в ложу И. Е. Шварца и способствовал его сближению с П. А. Татищевым. 10 февраля 1782 он назначен мастером стула ложи Елевсины и в этой должности 20 апреля 1784 подписал список членов. В 1783 был принят во «внутренний орден» розенкрейцеров, причем «петит» его взял И. Е. Шварц¹⁷⁴; ему было дано орденское имя «Иязопъ»¹⁷⁵. В 1792 Новиков называет его умершим¹⁷⁶.

Вот всё, что удалось собрать о Туссене, но именно об этом человеке было бы чрезвычайно желательно найти дальнейшие сведения, ибо из немногого известного видно, что в возникновении русского розенкрейцерства он сыграл выдающуюся роль.

Примечание 6

Братья Утгофы

В ложе Трех Знамен было два брата Утгофа: Johann Heinrich Ludolf (он именуется 1-й) и Bernhard Heinrich Wilhelm (2-й); фамилия писалась обычно Uthoff, но иногда и Uhthoff. При основании ложи 21 сентября 1779 Утгоф 2-й был назначен казначеем, Утгоф 1-й — библиотекарем. В это время они имели лишь 3-ю степень, но на собрании 9 октября Roulé, Favre и оба Утгофа приняты в 4-ю степень (шотландский мастер), причем в протоколе оговорено: «Die Aufnahme der beyden ersten Brüder geschah in

¹⁷³ Лонгинов. С. 080.

¹⁷⁴ Там же. С. 0112 и 089.

¹⁷⁵ Сб. РИО II. С. 154.

¹⁷⁶ Лонгинов. С. 0112.

Frantzösischer Sprache, beyde<r> letztere<n> im Teutschen»¹⁷⁷; отсюда можно заключить, что они были немцы. Утгоф 1-й (библиотекарь) упомянут в последний раз в протоколе от [] апреля 1780, а Утгоф 2-й (казначей) исправлял обязанности секретаря на собрании 5 мая 1780 или 1781.

При основании ложи Елевсины, 10 февраля 1782, один из Утгофов перешел в нее в должности Aumonier, а в списке этой ложи от 20 апреля 1784 значится под № 8 Uhthoff, *Buchhändler*, в 4-й степени, но без должности в ложе. В списке ложи Трех Знамен, составленном весной 1784¹⁷⁸, оба Утгофа уже не значатся¹⁷⁹. К сожалению, остается невыясненным, который из двух братьев был книгопродавцем: старший ли (библиотекарь ложи) или младший. Неизвестна и дальнейшая судьба обоих братьев.

Примечание 7

Иван Андреевич Гейм

Johann Christian Andreas (также Heinrich) Heim (и Heym) род. 1759 в Брауншвейге, ум. 16 октября 1821 в Москве. Сын

¹⁷⁷ Принятие двух первых братьев произошло на французском языке, двух последних — на немецком (нем.).

¹⁷⁸ Имеется в виду недатированный список, приведенный в Приложении V, 3; далее по тексту чаще относится Киселёвым к середине 1784 г. — *Ред.*

¹⁷⁹ О книгопродавце Утгофе см.: Симони П. К. Материалы к истории русской книжной торговли. Вып. I. СПб., 1906. С. 14–15 и 28, и особенно: Мартынова-Понятовская Н. Г. Материалы к истории французской книжной торговли в Москве // Сб. Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Сб. I. М., 1928. С. 116.

лекаря; учился в гимназии в Брауншвейге и в университетах Гёттингенском и Гельмштедтском. В Россию приехал в 1779 в качестве воспитателя; в 1781 поступил лектором немецкого языка и классических древностей в Московский университет, вскоре суббиблиотекарь; 20 декабря 1784 экстраординарный профессор и инспектор Университетского благородного пансиона; с 1786 ординарный профессор, читал историю, географию и статистику; 1809—1821 ректор Университета¹⁸⁰.

5 мая 1780 или 1781 Гейм явился в ложу Трех Знамен посетителем, как член ложи [Jonathan zu den drei Säulen?] в Брауншвейге; присоединен к ложе и 17 июня того же года принят в 3-ю степень; по выходе Туссена (10 февраля 1782) исправлял обязанности секретаря ложи. В первом списке ложи Елевсины, набросанном рукою И. Е. Шварца, означен ее секретарем; в середине 1784 не значится членом ни той, ни другой ложи. Вегелин утверждает в своем письме, что бумаги, которыми были снабжены при отъезде И. Е. Шварц и П. П. Татищев, «были написаны большею частью теперешним статским советником и ректором Московского Университета Генрихом Геймом и мною».

Как масон, Гейм был близок к графу А. К. Разумовскому и составил два описания его книжных собраний: *Catalogue des livres de la bibliothèque de Son Excellence Monsieur le comte Alexis de Razoumoffsky. Première—Seconde partie. Moscou, 1814*, и более специально: *Notice des monuments typographiques qui se trouvent dans la bibliothèque du comte A. Razoumovsky. Moscou, 1810*; последнее издание в настоящее время довольно редко.

¹⁸⁰ Сведения о нем см. в РБС. Т. «Гааг—Гербель». С. 350—352; МН. Т. I. С. 260.

В день восстановления в Москве капитула «благотворительных рыцарей», 1 мая 1818, Гейм был избран деканом капитула, с орденским именем *eques a columba coronata*¹⁸¹. Одновременно он состоял 1-м надзирателем шотландской ложи *Berg Thabor*¹⁸² и членом 3-й степени ложи Александра к Тройственному Благословению в Москве¹⁸³. Вероятно в связи с возобновлением надолго прерванных масонских работ он стал вести дневник; рукопись его «*Tagebuch 1818*» хранится в библиотеке Московского Университета.

Примечание 8

Петр Фрёлих

Премьер-майор *Peter von Frö(h)lich* в вильгельмсбадской системе «благотворительных рыцарей» имел имя *Petrus eques a speculatione*¹⁸⁴. В середине 1783 он был представителем Рижского префектурного капитула в Директории VIII провинции и подписался под отношением Директории кн. А. Н. Засекину от 12 июля 1783¹⁸⁵. В ложе Трех Знамен был 1-м надзирателем со 2 октября до 20 апреля 1784, а в списке середины 1784 означен членом 4-й степени, не занимающим должности. В отсутствие мастера стула Фрёлих держал ложи 20.XII.1783 (протокол 23) и 3.I.1784 (протокол 24).

¹⁸¹ НИОР РГБ. Ин. 438.

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ *Astrée*. 5818/19. P. 143–144; 5820/21. P. 185.

¹⁸⁴ Сб. РИО II. С. 153.

¹⁸⁵ Ешевский. С. 235.

Примечание 9

Иоганн-Филипп Вегелин

Подобно многим другим членам немецких лож, Вегелин был домашним учителем; но так же, как И. Е. Шварц и И. А. Гейм, он не ограничился ролью воспитателя в богатом частном доме: если Шварц и Гейм вскоре оказались на профессорских кафедрах, то Вегелин сделался педагогом-писателем, автором популярных учебников, много раз переиздававшихся в 1783—1829 годах. Венгеров в «Источниках» и в «Критико-биографическом словаре» пропускает Вегелина, но его печатные работы указаны у Сопикова, Смирдина и Геннади. Отсылая к этим справочникам за подробными библиографическими сведениями, очертим круг составленных им учебных книг: немецко-русские разговоры (7 изданий), французско-русские разговоры (9 изданий), география (5 изданий), французская грамматика (1 издание), немецкая грамматика (1 издание), русская история (2 издания).

Из письма Вегелина (Приложение I) видно, что он успешно сдал экзамены в Московском Университете, вызвав к себе внимание И. Е. Шварца, который устроил его воспитателем в доме кн. Н. Н. Трубецкого; в это время Вегелин еще не был масоном. Интерес к масонству пробудил в нем сам Трубецкой, и Вегелин был принят — неизвестно в какой ложе — незадолго до отъезда Шварца за границу, т. е. в первую половину 1781, «в возрасте от 25 до 30 лет». Через два года, 2 октября 1783, И. Е. Шварц назначил его ритором ложи Трех Знамен, но уже 20 апреля 1784 Вегелин заявил о своем отъезде «в деревню» (т. е. вероятно в имение Трубецких для сопровождения своего

воспитанника), и заместителем ритора назначен поэт Ленц. В списке середины 1784 Вегелин продолжает значиться ритором, причем очень замечательно, что как он, так и Ленц исправляли эту должность, не имея 4-й степени. Наконец, в списке членов ложи Благотворительности к Пеликану в Петербурге, середины 1780-х годов, значится среди мастеров под № 22 Иоган Филип Вегелин, учитель в отсу¹⁸⁶тствии.

Примечание 10

Иван Иванович Шварц

В масонских текстах 1780-х годов попадаетс¹⁸⁶я иногда фамилия Шварц в такое время, когда И. Е. Шварца уже не было на свете. Например, в первом письме Коловиона, т. е. Н. И. Новикова, к «орденскому начальнику», т. е. барону Г. Я. Шрёдеру¹⁸⁷, в пункте 1 упоминаетс¹⁸⁶я «в Боге почивающий отец мой Гарганус», т. е. И. Е. Шварц, а далее говоритс¹⁸⁶я:

в пункте 2) «Повеление ваше, в<ысоко>д<остойный> Н<ачальник>, относительно к сочинению описи, в каком положении дела типографские находятс¹⁸⁶я, со всеми подробностями, к тому необходимо нужными, начато мною и в<ысоко>п<очтенным> бр<атом> Шварцом исполнением и приготовлением всего к тому нужного...»

в пункте 3) «Касательно до поручения дел в<ысоко>п<очтенному> бр<ату> Шварцу, я тотчас исполнил: и поручил ему

¹⁸⁶ НИОР РГБ. Ин. 438. Л. 172об.

¹⁸⁷ Пыпин. С. 342–343. [Полнее см.: Письма Новикова. С. 31–38. — Ред.]

весь магазин книжный, контору, лавку и все счета, как новые, так и старые: во исполнение чего он уже и вступил. Но как повеление ваше, в<ысоко>д<остойный> Н<ачальник>, было, чтобы поручить ему и типографские дела, то на сие с покорностию моею представляю:

а) Ежели поручить ему же дела типографские, то он столь обременится, что невозможно будет ему всего исполнить; ибо и порученные уже теперь ему дела столь обширны, что едва ли не все займут его время; хотя это часть только; к тому же, кажется мне, что по тихости его нрава и нежной чувствительности, не может он с пользою исправлять и сие дело...

б) ... Вообще же о будущем производстве дел типографских, со всеми частями оных, по сочинении генеральной описи состоянию всех дел, будем мы обще с в<ысоко>п<отченным> бр<а>том> Шварцом трудиться сделать план, который при уведомлении моем представляю рассмотрению вашему».

Другой пример: в дневнике Шрёдера под 18 ноября [1785 или 1784] записано: «Бог слишком рано взял Шварца у московских братьев»¹⁸⁸, а под 10 ноября слова Вёльнера: «Гиммен обязательно подвергнется орденовому отлучению; я [т. е. Шрёдер] должен передать Шварцу, что он свободен от своего обещания Гиммену»¹⁸⁹.

Издатели этих текстов по-разному выходили из затруднения. Пыпин считал, что «надо предположить или ошибку при переписывании документов, или позднейшую переправку, которая вошла в копию». Но с тех пор сделался известным собственноручный черновик писем Коловиона, и оба предположения Пыпина отпа-

¹⁸⁸ Барсков. С. 221.

¹⁸⁹ Там же. С. 220.

дают. Барсков, желая избежать противоречия во втором примере, отнес упоминание у Шрёдера к Иоахиму-Фридриху Шварцу (советнику короля датского, имевшему в системе «строгого наблюдения» имя *eques ab igna* и бывшему представителем России на Вильгельмсбадском конвенте), что представляется и мало понятным, и мало правдоподобным.

Противоречия разъясняются протоколами логи Трех Знамен, по которым видно, что одновременно с И. Е. Шварцем в этой ложе был членом другой Шварц, далеко не столь выдающийся и совсем не похожий на него по характеру. Он встречается и после смерти И. Е. Шварца, а в протоколе 29 от 20 апреля 1784 — очевидно умышленно — он прописан полностью: *Iwan Iwannitsch Schwarz*. 2 октября 1783 мастер стула И. Е. Шварц назначил И. И. Шварца милостынесобирателем; а 20 апреля 1784 новый мастер стула Г. Я. Шрёдер назначил его 2-м надзирателем. В 3-й день I месяца 1784 «*hielt der Hoch Würdige Bruder Schwarz eine Rede bey Veranlassung des angefangenen Neuenjahres*»¹⁹⁰; не вполне достоверно, разумеется ли 3 января или 3 марта, но и в первом случае может иметься в виду лишь И. И. Шварц, ибо в начале протокола оговорено отсутствие мастера стула. В списке середины 1784 он еще показан 2-м надзирателем, а по светскому положению *Litteratus*, но перед его именем позднее поставлен знак отсутствия. В профессии литератора надо, по-видимому, искать и объяснение приведенной выше записи Шрёдера: речь идет о каких-нибудь литературных материалах, обещанных Гиммену для «*Freymäurer-Bibliothek*».

¹⁹⁰ ...держал высокопочтенный брат Шварц речь по случаю наступившего Нового года (нем.).

Об Иване Ивановиче Шварце нашлись и дальнейшие сведения. Он был воспитателем по иностранной части графа Александра Владимировича Орлова (род. 28 июля 1769, ум. 12 октября 1787); русским наставником был другой член ложи Трех Знамен — Х. А. Чеботарев¹⁹¹. В двух сборниках копий из архива Отрады (№№ 946 и 949а)¹⁹² имеется ряд писем И. И. Шварца или ему адресованных, а также его касающихся; несколько его писем вклеены в подлинник. Эксерпты из этих писем опубликованы Орловым-Давыдовым. Переписка позволяет установить вехи начального периода жизни И. И. Шварца. Письмо А. В. Орлову от 14 августа 1784 он подписал *Johann Christoph Schwarz*; в письме ему же от 14 августа 1784 И. И. Шварц говорит, что ему идет 35-й год. Еще юношей в Германии он вращался в обществе германских профессоров и тех молодых русских, которых правительство и частные лица отправляли для слушания лекций в университетах. К участи этих русских воспитанников с особенною внимательностью относился директор Академии наук граф В. Г. Орлов, в 1763—1766 сам бывший студентом Лейпцигского университета. Возможно, что первая встреча со Шварцем произошла в сентябре 1771, когда В. Г. Орлов «пробыл 2 1/2 недели в Лейпциге»¹⁹³. А в 1774 году, по смерти немецкого педагога Гейница, на попечении которого находились несколько русских мальчиков¹⁹⁴, Орлов обращается уже прямо к И. И. Шварцу «и поручает выдать его [Гейница] родственникам оставшиеся после

¹⁹¹ Орлов-Давыдов. Т. II. С. 37.

¹⁹² В настоящее время архив находится: НИОР РГБ. Ф. 219. — Ред.

¹⁹³ Орлов-Давыдов. Т. I. С. 252.

¹⁹⁴ Там же. С. 189—190 и 267—268.

него вещи и деньги, исключив из них сумму, определенную на содержание детей. Поручает ему приготовиться с детьми к возвращению в Россию тотчас по получении следующего письма; сперва ехать на наличные средства в Лейпциг, где Шварц получит деньги для продолжения пути, причем советует особенно заботиться о здоровье детей»¹⁹⁵.

Приехал ли Шварц в Россию в то время или позднее, утвердительно решить не можем; как бы то ни было, в 1779 он проживал — вероятно с Орловыми — в каком-то селе Вознесенском (см. письмо от 25 апреля 1784). В 1783—1784 встречаем его в числе членов ложи Трех Знамен и в 1785 — помощником Новикова; приведенные выше цитаты из письма последнего доказывают, что И. И. Шварц успел завоевать доверие Шрёдера, желавшего поставить его на весьма ответственное место; абсолютным доверием и уважением пользовался он и со стороны В. Г. Орлова и был его «большим приятелем»¹⁹⁶. Вот почему, когда в середине 1787 состояние здоровья А. В. Орлова потребовало отправления за границу, И. И. Шварцу было поручено сопровождать своего воспитанника; история этого путешествия (Кронштадт—Хельсингёр—Лондон—Кале—Реймс—Лион) описана у Орлова-Давыдова¹⁹⁷. На Шварца легла и тяжелая необходимость уведомить родителей о смерти и перевезти тело (через Лейпциг) в Россию.

Вскоре после смерти своего воспитанника И. И. Шварц оказывается в качестве приближенного в доме графа Н. П. Панина,

¹⁹⁵ Там же. С. 293.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. Т. II. С. 48—95.

зятя В. Г. Орлова. Он упоминается в апреле 1795 в Петербурге¹⁹⁸; в 1799 — имеет собственное помещение в имении Панина близ Петербурга¹⁹⁹; 4 февраля 1800 — выезжает от графа В. Г. Орлова из Москвы к графу Н. П. Панину в Петербург²⁰⁰. Год спустя, 1 февраля 1801, он находится уже в Германии, по-видимому в Берлине²⁰¹. Можно полагать, что с того времени Шварц не возвращался в Россию, ибо в следующем 1802 году мы находим его русским консулом в издавна близком ему Лейпциге, где он оставался более десяти лет. Конечно, назначением на это место Шварц был обязан Панину в бытность его министром иностранных дел.

По должности консула И. И. Шварц нередко имел случаи оказывать услуги русским студентам по сношениям с Россией и по пересылке писем, денег и книг. Свою особенную и давнишнюю привязанность к розенкрейцеру И. П. Тургеневу Шварц перенес на его сыновей²⁰², так что, по словам Александра Ивановича Тургенева, «каждый день получаем мы от него новые одолжения»²⁰³. Андрей Иванович писал отцу: «Брат не нахвалится Шварцем и говорит, что один только член масонства может быть в добре так деятелен»²⁰⁴. Александр Тургенев сдружился со Шварцем в сентябре 1802, находясь в Лейпциге проездом в Гёттинген, и между ними возникла оживленная переписка, про-

¹⁹⁸ Брикнер. Ч. I. С. 134.

¹⁹⁹ Там же. Ч. V. С. 10.

²⁰⁰ Орлов-Давыдов. Т. II. С. 142.

²⁰¹ Брикнер. Ч. V. С. 645.

²⁰² Арх. Тург. Т. I. С. 467.

²⁰³ Там же. Т. II. С. 18.

²⁰⁴ Там же. С. 463.

должавшаяся и по возвращении Александра Ивановича в Россию. В конце 1808 Николай Иванович Тургенев также получал через посредство Шварца векселя и деньги²⁰⁵; 17/28 июня 1811 Н. И. Тургенев посетил его в Лейпциге и записал в дневнике: «Этот старик мне очень понравился»²⁰⁶. В последний раз они виделись 18/30 ноября 1813²⁰⁷.

В. И. Истрин²⁰⁸ называет И. И. Шварца родственником И. Е. Шварца, основываясь, вероятно, на еще не изданных письмах к А. И. Тургеневу, хранящихся в Академии Наук. Кроме них сохранились следующие письма И. И. Шварца: четыре собственноручные письма графу А. В. Орлову, из Москвы, 25 апреля, 14 и 25 августа и 13 сентября 1784; графу В. Г. Орлову, из Лондона, 5/16 сентября 1787 (в копии); графине Е. И. Орловой, из Лейпцига, 22 декабря 1787²⁰⁹; А. И. Тургеневу, из Лейпцига, 27 января / 8 февраля 1806²¹⁰. Известны также письма, адресованные И. И. Шварцу: 3 от графа А. В. Орлова (1784) и 14 — от графа В. Г. Орлова (1787)²¹¹.

²⁰⁵ Там же. Т. I. С. 330, 334, 348–349, 406.

²⁰⁶ Там же. Т. III. С. 14.

²⁰⁷ Там же. С. 228.

²⁰⁸ Там же. Т. II. С. 463.

²⁰⁹ Напечатано у Орлова-Давыдова. Т. II. С. 93–95.

²¹⁰ Напечатано в *Арх. Тург.* Т. II. С. 463–464.

²¹¹ В списке членов петербургской ложи Благотворительности к Пеликану, середины 1780-х годов, значится среди отсутствующих членов 3-й степени под № 41 еще некий Самуил Шварц, доктор (НИОР РГБ. Ин. 438. Л. 173об.).

Примечание 11

Иван Иванович Френкель

Доктор медицины J. C. Fr(a)enkel был специально выписан московскими масонами из-за границы; он заведывал бесплатную аптекою, находившеюся в Гендриковском доме на Садовой, и руководил всем делом медицинской помощи населению²¹². Из опубликованной Барсковым переписки Г. Я. Шрёдера с Н. Н. Трубецким зимою 1791/92 видно, что в делах аптеки Шрёдер имел большую долю участия и что она была основана на деньги, вырученные от продажи фамильных Шрёдеровых бриллиантов²¹³.

В ложе Трех Знамен начиная со 2 октября 1783 был благотворительным братом, а с 20 апреля до лета 1784 и позднее [1785?] — 1-м надзирателем, но в списке середины 1784 назначен членом 4-й степени без должности. Принят И. Е. Шварцем во «внутренний орден» розенкрейцеров²¹⁴, причем ему было дано имя «Анифарус»²¹⁵. 10 ноября [1785 или 1784] Шрёдер принес Вёльнеру «das Gold-Recept von Frenkel»; «es war aber so viel aus dem Annulus Platonis darinn»²¹⁶.

²¹² Вернадский. С. 214 [= Попов. Л. 83об.—84об. — Ред.]; ср.: Лонгинов. С. 241—242.

²¹³ Барсков. С. 43, 149, 183, 185, 206, 207 и 261.

²¹⁴ Лонгинов. С. 089

²¹⁵ Барсков. С. 149, ср. с. 43.

²¹⁶ Там же. С. 220. ...Френкелев рецепт золота; ...в нем однако было столь многое из «Платонова кольца» (нем.).

Примечание 12

Якоб-Михаэль-Рейнгольд Ленц

Глубокоуважаемый учитель мой, Матвей Никанорович Розанов, в своем капитальном исследовании о жизни и произведениях Ленца²¹⁷ подробно коснулся²¹⁸ вопроса о его отношении к масонству, в частности московскому. Розанов высказал ряд очень убедительных соображений за принадлежность Ленца к масонству, но документальных доказательств найти в то время не удалось. Протоколы 21, 23, 25 и 29 ложи Трех Знамен и по этому вопросу сообщают весьма точные данные, которые ниже приводятся в полном виде:

[21] 30 октября 1783.

2) Hierauf proponirte der Hochw<ürdige> M<ei>st<e>r v<om> St<uhl> einen Fremden Namens Lenz, der sich als Gelehrter und Schöner Geist durch seine Schriften rühmlichst bekannt gemacht, und sandte, nachdem derselbe durch einen allgemeinen Beyfall acceptirt worden, den Br<uder> Ersten Vorsteher ihn zur Aufnahme vorzubereiten, und nach geschעהner Prüfung der Loge vorzustellen. ...

4) Meldete sich der Einführende Br<uder> mit dem Neuaufzunehmenden, da es sich denn ergab, er heisse Jacob Michael Reinhold, seines Vaters Name sey Christian David, sein Geschlechtsname Lenz. Er sey gebohren den 12-ten Januarij 1752, der Christlichen Religion zugethan, seinen Geschäften nach Informator, von bürgerlicher Abkunft, geboren zu Seswegen in Liefeland. Er sey bishero in keinem bekannten

²¹⁷ Розанов. — Немецкий перевод: Rosanow M. N. Jakob M. R. Lenz, der Dichter der Sturm- und Drangperiode. Sein Leben und seine Werke / Deutsch von C. von Gütschow. Leipzig, 1909.

²¹⁸ Розанов. С. 472—480, 574—575.

oder unbekannten Orden aufgenommen worden, und bloss ein wahrer Trieb zum Orden habe ihn bewogen, sich mit demselben zu verbinden. Es wurde ihm hierauf der Eintritt in die Loge erlaubt, und er, nachdem er vorher seine eidliche Verpflichtung abgelegt, mit den gewöhnlichen Caeremonien zum Fr<ey> M<aure>r Lehrling, Ritter, und Mitglied aufgenommen, und gewöhnlichermassen bekleidet.

Der H<och> W<ürdige> übertrug es dem Br<uder> Caeremonien Meister den Neuaufgenommen<en> über das Zeichen, Wort und Griff zu belehren²¹⁹.

[23] 20 декабря 1783.

3) Catechisirte der H<och> W<ürdige> und ertheilten dem sehr Ehrw<ürdige> Br<uder> Lenz sodann die Erlaubniss, eine Abhandlung über die Einigkeit vorzulesen²²⁰.

²¹⁹ 2) Засим высокопочтенный мастер стула пропонировал иноземца по имени Ленц, который снискал себе немалую славу своими писаниями как ученый и как благородный ум, и после того, как тот был встречен всеобщим одобрением, послал брата первого надзирателя подготовить его к приему и после прохождения испытания представить ложе...

4) Через посредство вводящего брата выяснилось далее, что зовут новоприняемого Якоб Михаэль Рейнгольд, отчее имя ему Христиан Давид, фамильное имя — Ленц. Он родился 12 января 1752 года, держится христианской религии, по роду занятий информатор, бюргерского сословия, родом из Зесвегена в Лифляндии. Доселе не состоял ни в каком известном, ниже неизвестном ордене, и единый честный порыв подвигнул его связать себя с Орденом. Засим ему разрешено было вступление в ложу, и он, давши прежде клятвенную присягу, принят был с обычными церемониями в свободные камешники учеником, рыцарем и членом и обычным порядком облачен.

Высокопочтенный предоставил брату церемониймейстеру поучать новопринятого о знаке, слове и жесте (нем.).

²²⁰ 3) Высокопочтенный катехизировал и дозволил затем достопочтенному брату Ленцу зачитать вслух рассуждение о единстве (нем.).

[25] 19 марта 1784.

3) Verwandelte der H<och> W<ürdige> die Lehl<ings> Loge in eine Gesellen Loge, in welcher den beyden <Brüdern> Lehl<ingen> Kauffmann und Lenz, nachdem sie vorher durch den Br<uder> 1-ten Vorsteher gehörig praeparirt worden, unter gewöhnlichen Ceremonien und Gebräuchen, der Gesellen Gr<ad> mitgetheilet wurde. Das Ges<ellen> Tapis wurde ihnen vom Br<uder> 2-ten Vorsteher erklärt, worauf sie sich entfernen mussten. Der H<och> W<ürdige> verwandelte sodann

4) Die Gesellen Loge in eine M<ei>st<e>r Loge, und ertheilte obigen beyden <Brüdern>, nachdem sie vom Br<uder> 1-ten Vorsteher gehörig vorbereitet worden, den M<ei>st<e>r Grad²²¹.

[29] 20 апреля 1784.

3) ...Da hierauf der Br<uder> Wegelin anzeigte, dass er aufs Land gehen **müsste**, so substituirte der H<och> W<ürdige> den Br<uder> Lenz an dessen Stelle als Redner²²².

²²¹ 3) Высокопочтенный преобразовал ученическую ложу в товарищескую, в коей обоим братьям ученикам Кауфману и Ленцу, после того как братом первым надзирателем была проведена с ними соответствующая препарация, был с соблюдением привычных церемоний и обычаев сообщен товарищеский градус. Товарищеский ковер был объяснен им братом вторым надзирателем, после чего им пришлось удалиться. Высокопочтенный преобразовал затем

4) Товарищескую ложу в мастерскую ложу и сообщил обоим указанным братьям, после того как братом первым надзирателем была проведена с ними соответствующая подготовка, мастерский градус (нем.).

²²² ...И поскольку засим брат Вегелин засвидетельствовал, что он вынужден отправиться в деревню, высокопочтенный субституировал на его место ритором брата Ленца (нем.).

В протоколе 21 обращает на себя внимание расхождение относительно года рождения Ленца: вместо обычной даты 12/23 января 1751²²³ протокол указывает 1752.

В списке членов ложи середины 1784 значится под № 15 R. Lenz, Lehrer, в 3-й степени, и перед его именем поставлен значок, показывающий, что он покрыл работы. Вернулся ли он позднее в ложу и получил ли степень шотландского мастера, решить пока нельзя.

Из приведенных выдержек явствует, что до 30 октября 1783 Якоб Ленц не принадлежал к масонству, а следовательно, не был членом рижской ложи zum Schwert²²⁴. Далее, приобретает полную достоверность утверждение Розанова²²⁵ о личном знакомстве Ленца со Шварцем. По-видимому, можно пойти несколько далее и, опираясь на факт их принадлежности к одной ложе, предположить между ними более интимное духовное общение, чем простое знакомство. Есть какая-то особенная значительность в сближении этих трех немцев, которых жажда неизвестного забросила в Москву: Ленца, Шварца и Шрёдера. Было много родственного в их душах; все трое были люди мятежных исканий, неудачники в житейском смысле, краткая жизнь которых была отмечена печатью трагизма.

* * *

В письме к отцу от 18 ноября 1785 Якоб Ленц сообщал: «Господин майор Гюне и другие друзья, которым рекомендовал

²²³ Розанов. С. 37.

²²⁴ Пыпин—Вернадский № 9; ср.: Розанов. С. 475.

²²⁵ Розанов. С. 476.

меня из Дерпта брат, чувствуют себя здоровыми и бодрыми»²²⁶. Отсюда следует, быть может, заключить, что масон Фридрих-Давид Ленц, одной из забот которого было обращение своего «заблудшего» брата на путь истинный, дал первый толчок к вступлению Якоба Ленца в ложу, направив его к человеку, в ригористической морали которого он мог быть уверен.

* * *

Сомнительным остается вопрос об авторстве надгробной речи барону Фитингофу, произнесенной в рижской ложе zum Schwert в 1780²²⁷. Очевидно, она не могла быть произнесена Якобом Ленцем, который тогда еще не был масоном. Трудно допустить, чтобы она принадлежала Фридриху-Давиду, который в то время проживал в Дерпте. Возможно, что ее автор — Ленц-отец, который в предшествующем 1779 году был назначен генерал-суперинтендантом Лифляндии и переехал на жительство в Ригу. Но о его принадлежности к масонству сведений нет, и весь вопрос требует дальнейшего исследования.

* * *

Княгиня Трубецкая, о которой Якоб Ленц говорит в своем проекте²²⁸, — Варвара Александровна (1748—1833), жена розенкрейцера князя Николая Никитича Трубецкого и сестра розенкрейцера князя Алексея Александровича Черкасского.

²²⁶ Там же. С. 32 прил.

²²⁷ Там же. С. 475 и 574.

²²⁸ Там же. С. 473 и 474.

* * *

В списке членов ложи Благотворительности к Пеликану в Петербурге, отнесенном к 1785, значится среди учеников под № 5 еще некий Иоган Христиан Ленц, магистер, в отсутствии²²⁹.

Примечание 13

Петр Лукич Вельяминов

<...> Переводчик; близкий друг Н. А. Львова и Г. Р. Державина. Библиографы приписывают ему перевод двух книг:

Вторый Кандид, уроженец китайской, или Друг истины; южная повесть. Перевод с французского [Петра Вельяминова]. СПб., 1774²³⁰.

Нума Помпилий, второй царь Римский. Сочинение Флориана. Перевел с французского Петр Вельяминов. СПб., 1788²³¹.

Ему приписывается также народная песня «Ах вы, славные русски кислы щи, вы медвяные щи пузырьные», напечатанная в «Карманном Песеннике», изданном И. И. Дмитриевым (1796).

Сначала Вельяминов находился на военной службе, но в 1784—1786 служил в ревизион-коллегии в Москве, во втором, потом в пятом департаменте; при первом упоминании в «Месяцослове с росписью чиновных особ»²³² указано: «На месте надворного

²²⁹ НИОР РГБ. Ин. 438. Л. 175об.

²³⁰ Сопиков 5027; Смирдин 8635; Геннади. Т. I. С. 141; Евгений. Т. I. С. 172.

²³¹ Сопиков 8689. Геннади. Т. I. С. 141.

²³² Месяцослов 1784. С. 78.

советника: секунд-майор» Вельяминов. В 1787—1794 он состоял в Государственном заемном банке в Петербурге директором 2-й экспедиции, под начальством П. В. Завадовского; причем в 1785—1793 имел чин надворного, а в 1794 — коллежского советника²³³.

П. Л. Вельяминов неоднократно упоминается в письмах Львова к Державину, в связи с различными деловыми вопросами²³⁴.

В «Московском Журнале» (1791)²³⁵ помещено «Письмо от Н. А. Л.²³⁶ к П. Л. В. (Прислано из Петербурга от неизвестной Особы). Село Арпачево, 17 августа 1791». Два стихотворения Державина посвящены Вельяминову: «Гостю» (1795) и «Зима» (1804/1805)²³⁷. В последнем есть такие стихи:

Вельяминов, лир любитель,
богатырь, певец в кругу,
беззаботный света житель,
согнут скорбями в дугу.

.....
Между тем к нам, Вельяминов,
ты приди хотя согбен:
огнь разложим средь каминов,
милых сердцу соберем.

<...>

Оригинальную характеристику Вельяминова сообщил Я. К. Грот со слов А. П. Кожевникова, лично его знавшего:

²³³ Месяцословы.

²³⁴ См.: Державин. Т. V. С. 445, 479, 502, 607, 747, 780; Т. II. С. 277.

²³⁵ Московский Журнал. Ч. IV (1791. № 10). С. 91—101.

²³⁶ От Н. А. Львова. — Ред.

²³⁷ См.: Державин. Т. I. С. 670—672 и Т. II. С. 527—530.

«Не быв никогда женат, он не только держал себя чудаком, но был похож на юродивого, вел кочевую жизнь, имел лошадку и кибиточку, в которой разъезжал по своим приятелям. ... Весь образ жизни Вельяминова был странный: „Зачем обедать?“ говаривал он: „я съем поутру булку белого хлеба, да и сыт на целый день!“ Случалось, что он иногда запоздает вечером к кому-нибудь из своих приятелей: тогда он и ночует у подъезда в своей кибиточке. Столько же поражал Вельяминов и своею наружностью: он был совершенно рябой и почти ослеп от оспы. В Никольском имении, у Н. А. Львова, был особый домик, построенный для Вельяминова на холме, который поэтому звался *Петровой горкой*»²³⁸.

«Вельяминов был тамбовский помещик. Об его верном и изящном вкусе свидетельствует между прочим построенный его заботами собор в городе Липецке. От него осталось несколько стихотворений»²³⁹.

П. Л. Вельяминов в середине 1783 был представителем Петербургского префектурного капитула в Директории VIII провинции и имел имя *Petrus eques a camrapa*²⁴⁰. Письмо его к А. А. Ржевскому от 13 июля 1783 из Москвы издано Барсковым²⁴¹. В ложе Трех Знамен 20 апреля 1784 назначен собирателем милостыни.

²³⁸ Державин. Т. II. С. 528–529.

²³⁹ Примечание П. И. Бартенева в «Записках» Г. Р. Державина, издание «Русской Беседы» (М., 1860), с. 380. Портрет Вельяминова см.: Державин. Т. II. С. 530. Сохранилось письмо его к Г. Р. Державину от 5 мая 1786; точнее, это приписка в письме Н. А. Львова (Державин. Т. V. С. 479). [Известно также письмо П. Л. Вельяминова к Д. М. Полторацкому от 13 мая 1802 (РО РНБ. Ф. 603. Ед. хр. 409). — Ред.]

²⁴⁰ Ешевский. С. 235; Сб. РИО II. С. 153.

²⁴¹ Барсков. С. 251.

В розенкрейцерстве имел теоретический градус и состоял под главным надзирателем И. А. Поздеевым^{242/243}.

²⁴² Сб. РИО II. С. 151.

²⁴³ *Редакторское примечание.* В тексте Примечания 13 произведены две купюры, отмеченные знаком <...>. Основанием к этому послужила допущенная Н. П. Киселёвым ошибка. Вот выпущенный текст:

На с. 266.

По Гроту (*Державин*. Т. IX. С. 261), умер в ноябре 1804; на самом деле не ранее 24 апреля 1807.

На с. 267.

Выражение «Вельяминова у нас сегодня не стало» в письме Державина от февраля 1805 (Там же. С. 325) следует очевидно понимать в том смысле, что он отбыл после пребывания в гостях, ибо весной 1807 он неоднократно упоминается в записках С. П. Жихарева:

«15 февраля 1807, пятница. Утром сегодня заходил ко мне Вельяминов с жалобой на земляка моего [Петра Николаевича] Кобякова, что не дает ему покою: то просит перевести ему арию, то присочинить две, а наконец пристал к нему, чтобы он перевел целый финал из оперы *Каирский караван*. „Конечно, все эти пустяки не стоят мне большого труда“, говорил Вельяминов, „но я дорожу временем и могу употребить его на что-нибудь лучшее, чем на сочинение или перевод вздорных куплетов, которые друг наш Петр Николаич выдает за свои“» (*Записки Степана Петровича Жихарева*. М., 1890. С. 306).

«23 февраля 1807, суббота. Кобяков пришел с жалобой на Вельяминова, что переводы его черезчур становятся плохи; например, в финале *Импрезарио* он заставляет любовницу петь:

Пусть отсохнет рука,
коль пойду за старика:
старики ревнивы, злы,
настоящие козлы!» (Там же. С. 319)

«6 марта 1807, среда. Вельяминов, по совету и настоянию [Петра Александровича] Рахманова, занимается переводом этой оперы [Орфея Глюка] и, конечно, переведет ее хорошо» (Там же. С. 333).

«24 апреля 1807, среда. Попал к Рахманову и вечер провел у него вместе с Вельяминовым. Они оба в больших заботах о своем „Орфее“, примут ли его на театр, кому петь Эвридику?» (Там же. С. 395).

Обоснование. Приведем еще два фрагмента из «Дневника чиновника» С. П. Жихарева:

«28 декабря 1806, пятница. Заходил к Петру Александровичу Рахманову <...> Нашел у него еще одного нашего москвича, В. Ф. Вельяминова-Зернова, с которым Рахманов покамест от нечего делать переводит оперу Орфей, музыка сочинения Глюка <...> Вельяминов-Зернов <...> малый очень неглупый и со сведениями, но, кажется, стеснен обстоятельствами» (Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала. Т. 2. Л., 1989. С. 68—69).

«6 января 1807, воскресенье. Вечером собрались у меня [Николай Иванович] Хмельницкий, Вельяминов-Зернов и Кобяков. Последний спешит переводом своей оперы и, по случаю моего уклонения от перевода стихов, находится в пристрастных хлопотах <...> Спасибо Вельяминову, который, узнав, в чем дело, добродушно обещал выручить моего земляка и от нечего делать начинить все его оперы, настоящие и будущие, стихами всевозможных размеров. В самом деле, Вельяминов удивительно легко пишет стихи: не более как в четверть часа он, для доказательства своей способности, перевел одну большую арию из оперы

Импрезарио, над которою мой бедный Кобяков корпит столько времени» (Там же. С. 81).

Тематические совпадения с цитированными выше записями (перевод «Орфея» Глюка для П. А. Рахманова, сочинение арий для переводимого Н. П. Кобяковым либретто оперы «Импрезарио»), а также употребление двух форм фамилии (полной и сокращенной) в одной записи позволяет со всей уверенностью отнести все приведенные Н. П. Киселёвым свидетельства к *Владимиру Федоровичу Вельяминову-Зернову* (1784—1831) — юристу, поэту и переводчику, члену Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (с 1807), издателю «Северного Меркурия» (1805), автору «Опыта начертания российского частного гражданского права» (1815); о нем же идет речь в записях от 7, 14—20 и 26 апреля 1807. В тех нескольких случаях, когда С. П. Жихарев действительно пишет о П. Л. Вельяминове (16 июля, 1 августа 1805, 9 февраля 1807), он обозначает его по имени и отчеству (полностью или инициалами), причем характер первой из этих записей не оставляет сомнений в том, что речь идет о покойном («Встретил также и доброго Ив. Ник. Лодыгина <...>»; с ним неразрывно связано воспоминание о родном дяде его, Петре Лукиче Вельяминове, друге Николая Александровича Львова и Алексея Николаевича Оленина, одном из ближайших по сердцу людей Г. Р. Державину» (Там же. Т. 1. Л., 1989. С. 99).

Ошибка Н. П. Киселёва повторена А. Г. Кожиной в «Указателе имен» к указанному изданию 1989 года, хотя уже С. Я. Штрайх в 1934 и Б. М. Эйхенбаум в 1955 в подготовленных ими изданиях жихаревских записок правильно развели упоминания двух разных лиц. В «Словаре русских писателей XVIII века» (Т. 1. СПб., 1988. С. 143—144, автор — В. П. Степанов) как дата смерти П. Л. Вельяминова указано 28 февраля 1805.

Примечание 14

Петр Савельевич Стариков

Осенью 1781 был экзекутором в ассигнационном банке и членом 2-й степени ложи Озириса в Москве. С 20 апреля 1784 некоторое время был ритором русского языка в матери-ложе Трех Знамен. В 1784 или 1785 ввел в масонство В. Я. Колокольникова²⁴⁴.

В Историческом музее²⁴⁵ сохранилось, в собственноручном подлиннике, письмо П. С. Старикова к А. Ф. Аничкову, содержащее описание его путешествия, совместно с известным розенкрейцером Г. М. Походяшиным, в Верхотурье (родной город последнего), причем в Казани они «стояли» в доме масона А. Л. Лихачева, а в Перми «стояли» в доме масона И. И. Панаева. Письмо это настолько ярко характеризует быт той эпохи, что считаем интересным привести его целиком.

№ 1. Марта 13 дня 1790 года. Пермь.

Дражайший и любезнейший мой друг

Андреян Феодорович.

Имею честь вас уведомить, что мы по благости всещедрого нашего Творца доехали до Перми во всяком благополучии и пребываем слава Богу здоровы; дай Боже, чтоб и ты был столько же здоров как и мы. Вояж наш от Москвы до Казани был труден ездою по голой почти земле, и Волгою со опасностию, ибо она весьма худа и полыней много. В Казани мы пробывли

²⁴⁴ Сб. РИО II. С. 136.

²⁴⁵ ОПИ ГИМ. Собрание Щукина.

около суток, стояли в доме господина Лихачева²⁴⁶; отколе поехали 5-е число поутру в 9-ть часов, а в Пермь приехали 10 число поутру в 6-ть часов; но ко удивлению нашему мы здесь нашли жестокую зиму, ибо от самого Арского ехали мы величайшим снегом, так что здесь еще оттепелей неприметно, дорога весьма тверда, как осередь зимы, снег глубок всюды на девять четвертей, а инде на три аршина, а далее к Екатеринбург, сказывали нам, что и еще снегу больше здешнего. Морозы же столь лютые, что мы в возке с Григорием Максимовичем чуть не замерзли (даже вымороженное пиво опять совсем замерзло), 8-е и 9-е чисел, ибо мы с ним едем от Казани в одном возке, а его весь разломался и отдан Лихачеву. А мой сибиряк-возок служит, и о сю пору крепко; как его ни били в ухабах, ибо здесь ухабисто, — но всё без вреда. Здесь в Перми приезде Григория Максимовича весьма рады и затаскали по гостям, но мы сего числа собираемся ехать далее в подлежащий нам путь; но не знаю, точно ли выедем, но делать нам здесь нечего осталось. Пишите ко мне в Верхотурье чаще и уведомляйте по дружбе вашей обо всем, что в моем доме делается, и какова моя Марья Андреевна и дети. И Бога ради их не оставь посещением и присмотром, давайте им хорошие ваши советы и утешайте печальную Горлицу о разлуке мужа.

Советую и вам держаться высокопочтенного и любезного нашего старичка Симеона Ивановича [Гамалеи]; любите его и повинуйтесь ему во всем и поверяйте себя ему же; он вас научит

²⁴⁶ Не исключено, что речь идет не о Лихачеве, а об Иване Филипповиче Пыхачеве, бывшем в 1808 председателем Казанской палаты гражданского суда, отце Матвея Пыхачева (род. 1790 или 1791, ум. 1832), проходившего по следствию над декабристами. — *Ред.*

быть человеком и покажет вам путь, ведущий ко истине и вечно-му блаженству. А если Господь Бог дарует, то многое и весьма важное вам откроется; но возрождайте прежде в себе слово Божие и молитесь в духе и истине Господу; не ропщи ни на что, — а подозрений удаляйся, дабы в погибель не упасть; я сие вам как другу любезнейшему желаю и говорю истину, такую, какую сам испытал. Бога ради берегись отымать руку от ведущего вас путеводителя — и не всякому духу веруй, но испытай, и познавай, что есть добро и зло, что утешает и печалит, что возводит и низвергает нас в погибель. Теперь сокращу сие, а если угодно вам, то поговорим о сем в предыдущее время; а засим вас с любовию моею объеблю и мысленно в числе освященном сердечно целую и, верным вашим другом и братом пребывая, остаюсь

Петр Стариков.

Всем высокопочтенным и любезнейшим братьям прошу объявить мое усердное почтение и сердечную любовь, и уверьте их, что я всегда их помню.

NB. Прошу вексель переписать так же как и прежде, но если не будет процентных денег в компании на заплату, то извольте тут же включить, ибо мне хочется выполнить пятитысячную сумму; равно и по другому так же поступите при переписке.

Мою лошадь уфимскую рыжую продайте разнощику Матвею за 50 руб., но с таким условием, если она мне понадобится по возвращении моем, то б он возвратил мне за ту же цену. А для Марьи Андреевны будет и одной, ибо выезд ее редок, а корм будет много стоить для двух; лучше поубавить расходу — и было бы чем жить жене с детьми.

Рябой вашей я не видал, а слышал, что ей хочется остаться на старом пепелище, то советую не мешкавши семью ее продать;

а мне, коли дружба твоя будет, при времени если попадетсЯ, купить мальчика или семью, что попадетсЯ, на счастье детей.

Еще уведомляю вас, что у Ивана Ивановича Панаева родился сын, который и наречен Павлом, 12 число поутру; новорожденного же младенца восприемником был Григорий Максимович. И мы стояли в его доме, а едем сейчас, то есть 14 число после полудня.

Адресат этого письма, *Андреян Федорович Аничков* (род. 19 августа 1759, ум. 2 января 1831), осенью 1781 был студентом Московского Университета и членом 3-й степени ложи Озириса в Москве. В XIX в. он был членом вотчинного департамента²⁴⁷. Кроме письма Старикова в Историческом музее сохранились 22 письма к Аничкову от С. И. Гамален, 1795—1799.

Под *Лихачевым* в Казани разумеется известный библиофил *Александр Логинович* (род. ок. 1753, ум. 7 марта 1814)²⁴⁸. Согласно показанию Новикова²⁴⁹, он был мастером стула казанской ложи, одной из тех, о которых «положено было, чтобы они тогда же в 1786 году уничтожены были и собрания больше не имели; но верно не знаю, не имеют ли они собрания... а ведать об них должны об казанской Гамалея». Вероятно, это та же ложа Восходящего

²⁴⁷ См. о нем: *Руммель—Голубцов*. Т. I. С. 50; МН. Т. I. С. 40, 39.

²⁴⁸ О котором см.: РБС. Т. «Лабзина—Ляшенко». С. 480—482 [автор — А. Гельвих] и особенно: Лихачев Н. П. Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки. СПб., 1913. С. 31 сл.; здесь портрет. [А. Л. Лихачев посвятил А. Ф. Аничкову перевод с французского языка книги «Иисус утешитель в разных прискорбиях житейских» (Ч. 1—2. М., 1803). — Ред.]

²⁴⁹ Сб. РИО II. С. 149.

Солнца²⁵⁰, мастером стула которой раньше был друг Лихачева И. И. Панаев.

Иван Иванович Панаев (род. 23 сентября 1753, ум. 26 октября 1796²⁵¹) — отец поэта Владимира Ивановича и дед Ивана Ивановича, издававшего журнал «Современник»²⁵². В 1782—1785 он был губернским стряпчим в Казани, а в 1786—1796 губернским прокурором в Перми. Панаев был ревностным масоном. В 1780/81 он был уже мастером стула ложи Горуса в Петербурге²⁵³; известно несколько речей, произнесенных им в этой ложе²⁵⁴. По приезду в Казань он и там с конца 1783 был мастером стула ложи Восходящего Солнца; известны два обрядника ложи за его подписью²⁵⁵. Одновременно он был учредителем и мастером стула ложи Золотого Ключа в Перми²⁵⁶, открывшейся 27 октября 1781, но работавшей лишь с 24 июля по 20 сентября 1783; в составе ложи было несколько членов ложи Ора, т. е. Горуса, и между прочим Г. М. Походяшин²⁵⁷. Копии протоколов этой ложи и речей, произнесенных И. И. Панаевым, имелись в архиве А. Н. Пыпина²⁵⁸. Наконец, Панаев был принят

²⁵⁰ Пыпин—Вернадский № 46; ср.: Пыпин. С. 556.

²⁵¹ По другим данным, И. И. Панаев скончался 25 или 20 октября. — Ред.

²⁵² О нем см.: РБС. Т. «Павел, преподобный — Петр (Илейка)». С. 172—173; Пыпин. С. 315 и Шульгин А. Родословная дворян Панаевых. СПб., 1894.

²⁵³ Пыпин—Вернадский № 42.

²⁵⁴ НИОР РГБ. М. 1968.

²⁵⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 398 (собрание Барятинского). Ед. хр. 277 и 284.

²⁵⁶ Пыпин—Вернадский № 85.

²⁵⁷ Пыпин. С. 552—553.

²⁵⁸ Рукописи масонских сочинений И. И. Панаева см. также: РО РНБ. F.III.129; ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 366. — Ред.

в теоретический градус и состоял под главным надзирателем И. П. Тургеневым²⁵⁹.

Сын Панаева Павел Иванович, родившийся 12 марта 1790, о котором упоминается в письме Старикова как о крестнике Походяшина, пропущен у Шульгина.

Примечание 15

Егор Егорович Гюне

По-немецки писался Baron (?) Georg von Nühne или Huene, по-русски обычно Гине. В 1783/84 поручик 69-го Рязанского пехотного полка и член ложи Орфея в Кашире. 20 апреля 1784 присоединен членом к матери-ложе Трех Знамен; с лета 1784 был в ней 1-м надзирателем, и в собраниях 9 и 16 октября и 25 декабря 1786 — председательствующим мастером. В 1785 в качестве 1-го великого надзирателя подписал учредительную грамоту ложе Орфея. По-видимому, с начала 1785 он был наместным мастером, а после отъезда Шрёдера — управляющим мастером; по свидетельству Вегелина, он в это время был мастером, а по данным списка 1784/85 — офицер в отставке. При открытии ложи Орфея в Новоржеве, 7 ноября 1784, Е. Е. Гюне показан в списке отсутствующих членов и в чине поручика, а его брат Карл Егорович назначен секретарем ложи. 6 января 1785, будучи уже наместным мастером ложи Трех Знамен, Е. Е. Гюне «президировал» в собрании ложи Орфея, на котором принят в ученики Вильгельм Егорович Гине (род. 10 ноября 1783), подпоручик

²⁵⁹ Сб. РИО II. С. 150.

Рязанского полка; в этом собрании присутствовал посетителем муж их сестры Анны Егоровны, Петр Петрович Татищев²⁶⁰; очевидно, он нарочно сопутствовал Е. Е. Гюне, чтобы придать большую торжественность принятию брата своей жены.

О тех изменениях в ходе работ ложи Трех Знамен и о крайнем религиозно-аскетическом направлении, которое он хотел ввести, см. § 7 текста и письмо Вегелина в Приложении I; особенно замечательна процедура 9-дневного самоумерщвления, рекомендуемая для достижения общения с духами.

Упомянутые в § 14 текста письма Е. Е. Гюне к П. Г. Беляеву дают богатый материал для характеристики писавшего, но не много положительных биографических сведений; притом в большей части копий опущены даты. В письме 3 от 15 сентября 1784²⁶¹ сообщается: «Я совсем определен в Москве остаться по нашим работам... Я слетал в Дерпт к больному старику своему, пробыл у него только 5 дней, ибо всего только 3 недели от начальников сроку получил. ... Намерились мы с О<сипом> Ал<ексеевичем> в тихом удалении от шума препроводить короткие наши дни; но нет! тут меня сильнейшими убеждениями оторвали в Москву, лишь я несколько недель побыл один; теперь и старшину О<сипа> А<лексеевича> со всем домом принудили может вовсе в Москве остат<ь>ся. Из сего суди, каковы наши обязательства пожертвовать братству, хотя с собственною потерей...»

Письмо 11 писано 9 января 1787 из Смоленска, где в это время Репнин был наместником; а письмо 12 опять из Москвы 8 февраля 1787²⁶².

²⁶⁰ См.: Татищев С. С. Род Татищевых. СПб., 1900. С. 102–103 и 349.

²⁶¹ НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 498. Л. 2. — Ред.

²⁶² Там же. Л. 7. — Ред.

В письме 23, без даты, но вероятно около 1787²⁶³, упоминается третий брат Гюне: «Брат мой Иван в корпусе [в Петербурге], приberi его тоже в свое знакомство, но не в м<асонство>, ибо молод...»

Чтобы покончить с письмами, приведем небольшой, но характерный образчик его эпистолографического стиля: «Каково поживаешь? каково тузит тебя противное царство внешнее? Стой! крепись! мужайся! — Хоть падай, да не оставайся лежать! хоть лежа, кричи ура! за Победителем, которого силою возстанешь в свое время!» (письмо 17, без даты)²⁶⁴.

Всего более известен Гюне по своим близким отношениям с князем Н. В. Репниным; первое известие о них содержится уже в показаниях Новикова²⁶⁵: «Офицер Гине, на которого сестре женат сын Татищева, приехал в Москву, помнится, в начале 1785 года и познакомился с кн. Трубецким, с бароном [Шрёдером] и со мною, помнится по письмам от Поздеева. Он весьма хвалил кн. [Н. В.] Репнина и сказывал, что в нем сделалась великая перемена. Барон этого Гине полюбил и он жил с ним; после того князь приехал в Москву, и Гине их познакомил, и барон с ним видался». По-видимому, около 1786 или 1787 Гюне сделался адъютантом Репнина и в его штабе проделал турецкую компанию (битва под Мачином 28 июня 1791, галацкий договор 31 июля). Возможно, что, когда Репнин был назначен рижским и ревельским генерал-губернатором (30 сентября 1792 — почетное удаление от ответственной деятельности за связь с розенкрейцерами), и Гюне последовал за ним в эти родные для него

²⁶³ Там же. Л. 13—13об. — Ред.

²⁶⁴ Там же. Л. 9. — Ред.

²⁶⁵ Лонгинов. С. 0100.

места. Некоторые факты из жизни Репнина Гюне рассказывал впоследствии знакомому масону Дмитрию Ивановичу Попову, который воспроизвел их в своем биографическом очерке «Князь Н. В. Репнин»²⁶⁶. Существенное значение имеет рассказ о религиозном влиянии, которое Гюне оказал на Репнина²⁶⁷:

«Служа в турецкую войну под начальством князя прапорщиком и даже незнакомый с ним, [Гюне], находясь однажды в церкви, во время чтения Евангелия о кровоточивой жене, плакал, и, замеченный князем, тронувшимся его слезами, был позван после обедни к нему в кабинет, где на вопрос князя: „Конечно, ты, мой друг, кем-нибудь обижен, когда в церкви плакал?“, отвечал — что он никем не обижен. — „Ну стало быть бедность или какое-нибудь несчастье тебя угнетает?“ — продолжал Николай Васильевич. — „Нет, ваше сиятельство, благодарение Господу, я счастлив!“ — „О чем же ты, мой друг, плакал?“ — Гюне отвечал, что чтенное Евангелие поразило его. Неожиданный ответ, столь противоположный духу тогдашнего времени, исполненному неверия, которое, бывши пружиною общего мнения, не могло не иметь влияния на князя, как на придворного и аристократа, почему он и не совсем верил в Евангелие и с удивлением спросил у Гюне: „Что ж тебя так тронуло?“ — „Милосердие Господа, принимающего всякого грешника“. Столь простые слова, но сказанные из глубины души, конечно подкрепленные и силою свыше, действовали на князя; он полюбил Гюне, взял его в свой штаб, часто беседовал с ним о Господе и, проникнутый желанием последовать Христу, стал сближаться с ищущими Господа и таким образом из гордого сделался смиренным».

²⁶⁶ Попов. Л. 143–179.

²⁶⁷ Там же. Л. 144–145.

В этом рассказе есть неточности от описки или забывчивости Д. И. Попова: Гюне назван прапорщиком, тогда как он уже в 1784 был поручиком. То же событие описано в неизданных изданиях М. А. Дмитриева²⁶⁸:

«Он [Гюне] был обер-офицер в войске, которым командовал князь Николай Васильевич Репнин. Князь Репнин никогда не был неверующим; но был равнодушен к религии, не почитая ее за необходимость. Однажды, стоя у обедни в походной церкви, и обводя ее глазами по сторонам, заметил он, при самом входе в палатку, офицера, который плачет. Так как он был от природы благотворителен, то выходя из церкви, он пригласил офицера придти к нему. Там, принявши его в кабинете, он спросил его наедине: не огорчен ли он чем по службе, или не имеет ли нужды в деньгах, и прибавил, что он готов оказать ему всякую помощь. Офицер, почти ему неизвестный, отвечал, что не имеет ни в чем нужды, и что по службе тоже не испытал никаких неприятностей. — Репнин удивился. — „О чем же, — спросил он, — плакали вы за обедней?“ — Офицер (это был Гюне) отвечал ему, закрасневшись: „Как же было не плакать? Вы слышали, что читали в Евангелии: меня это разтрогало“. — Репнин пуще удивился и просил офицера почаще навещать его. С ним начал беседовать о христианстве, полюбил его и сделал своим адъютантом. А Гюне обратил его и принял в масоны».

И здесь есть неточность: масоном Репнин был еще до сближения с Гюне; последний же способствовал его принятию в

²⁶⁸ Дмитриев М. А. Рассказы из моей жизни. С. 288–289. [Рукопись: НИОР РГБ. Ф. 178. К. 8184. Ед. хр. 1–2; издание: Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой. М., 1998. С. 339–340. — Ред.]

теоретический градус. Но и та, и другая версия как нельзя лучше характеризуют крайнюю степень религиозного пиетизма, к которому был привержен Гюне. Что касается датировки, то ясно, что знакомство Репнина с Гюне не могло произойти ранее 1784; следовательно, не в первую турецкую войну. Но и приурочение рассказа ко второй турецкой войне почти невозможно, ибо 1787 год кажется слишком поздним; всего более согласным с другими обстоятельствами был бы 1785 или 1786 год, но тогда придется отбросить указание на походную церковь.

В 1792 Новиков показывал относительно управления розенкрейцерством, в пункте II: «Члены, о которых я совершенно не знаю, имели ли какое участие или влияние в управлении делами, но по обстоятельствам и знакомствам, могли иметь участие, мне неизвестное:

1) Осип Алексеевич Поздеев. — Принят в орден²⁶⁹.

2) Егор Егорович Гюне. — В теоретическом градусе. ...

4) Его сиятельство кн. Николай Васильевич Репнин. — В теоретическом градусе с правом главного надзирателя, а в орден еще не принят, по показанным причинам»²⁷⁰.

В возражениях на ответы Новикова следственная комиссия заметила: «В списке нынешнего [1792] года, посланном от [И. П.] Тургенева к высоконачальнику Новикову, сказано, что князь Репнин имеет право главного надзирателя, а для вспоможения в работах дан ему маиор Гинне, которой под надзиранием княжим в сем градусе, так как и в прочих нижних и работает»²⁷¹.

²⁶⁹ Т. е. в степень «практиков», следовавшую за «теоретиками».

²⁷⁰ Сб. РИО II. С. 150.

²⁷¹ Пекарский. С. 135.

В конце XVIII и начале XIX века Гюне пришлось встречаться с главными деятелями скопчества. Об этих встречах, произведших на него глубокое впечатление, рассказы сохранились в воспоминаниях другого адъютанта Репнина, Ф. П. Лубяновского.

Рассказ I. «Скоро по приезде князя Николая Васильевича в столицу, император [Павел] приказал ему послать за двумя арестантами, которые содержались в Динаминде; приказано привезти их с дороги прямо во дворец к его величеству. Прямо туда и привез их в начале декабря 1796 года Егор Егорович Гине, впоследствии президент лифляндского обер-гоф-герихта. Были они скопцы из числа главных учителей этого толка. По рассказу Гине, император довольно долго, но тихо говорил с ними в кабинете; потом, обратясь к Гине, велел ему отдать их на руки тогдашнему военному губернатору Николаю Петровичу Архарову, самому же, пока останется в Петербурге, бывать у них и о чем нужно докладывать, кому следовать будет. Гине прожил три недели в одной комнате со мною; в один вечер воротился в таком встревоженном духе, с лицом, до того расстроенным, что я не узнал его; спешил собраться в дорогу, послал за лошадьми; с нетерпением ожидал князя с куртага; откланялся, — получил-де из дому печальное известие, — и ускакал. Через несколько лет Гине приезжал в Петербург и жил у меня; тут только, вспоминая бывшее, сказал мне, отчего тогда чуть было с ума не сошел и так торопился уехать. Скопцы в тот вечер жаловались ему на Архарова, но о себе не просили, а умоляли его, Гине (как они к государю другой дороги не имели), сказать его величеству, чтобы изволил глядеть в оба, а не остережется, то кончит, как и не помышляет, — и то не за горами. С такою уверенностью, говорил Гине, они предсказывали, что волосы у него дыбом стали на голове; не знал, на что

решиться; вспомнил о жене и о детях, зажал себе рот, глаза и уши, и уехал»²⁷².

Одним из скопцов, привезенных Гюне из крепости Дюнамюнде в Петербург, был Александр Иванович Шилов, указ о доставлении которого последовал 2 декабря 1796; относительно личности другого мнения историков расходятся. 29 января 1797 все скопцы, вызванные Павлом, были заключены в Шлиссельбург²⁷³.

Рассказ II. «В осенний сумрачный вечер [9 сентября 1805] император [Александр] из Казанского собора отправился к армии под Аустерлиц. Памятен мне этот вечер по следующему странному случаю. Гине, о котором говорено выше, приехав из Риги по надобностям, познакомился через ригских скопцов здесь с главным из них, возвращенным из Нерчинска, и столько насказал мне о нем, что и я любопытствовал видеть и слышать его. Жил он тогда в доме с светелкой в Измайловском полку. Случись же так, что Гине и я поехали к нему в этот же вечер и от Казанского же собора. Входя в светелку, я видел, в сторону от лестницы, в большой горнице много народу шумно молились. Старик, как мы вошли к нему, приподнялся с постели и благословил меня: „Се! еще одна овца заблудшая, говорил, возвращается в стадо!“ Вдруг потом, взяв меня за руку, спросил: „Что? Алексаха уехал?“ Я смотрел в глаза ему, не понимая, о ком меня спрашивал. „Ну! Государь-то, продолжал он, уехал; что будешь делать? — а еще третьего дня вот здесь, на этом самом месте, я умолял его не ездить и войны с проклятым французом теперь не начинать. Не пришла еще пора твоя, говорил ему; побьет тебя и твое войско; придется бежать,

²⁷² РА. 1872. № 1. С. 150–152; ср.: Лубяновский. С. 103–104.

²⁷³ Grass. Bd. II. S. 128–132.

куда ни попало; погоди, да укрепляйся, час твой придет; тогда и Бог поможет тебе сломить супостата. Упаси его Боже! А добру тут не быть: увидите. Надобно было потерпеть несколько годиков; мера супостата, вишь, еще не полна“. Ни одного слова здесь нет моего. Нельзя было не подивиться предсказанию, но еще более посещению и непонятной терпимости. Старик этот, мещанин или крестьянин, прозвищем, помнится, Савостьянов, слыл у сообщников своих Спасителем. Были у него и Богородица, пожилая, но еще здоровая женщина, и пророчицы. При мне четыре их вошли в светелку, бледные, но рослые и красивые девки: поклонились Спасителю в землю, приняли от него благословение и, взявшись за руки, стали в кружок; когда же он запретил духу, то начали вертеться, — словно колесо закружилось, — и в этом странном круженьи вдруг не запели, а завывали. Между тем четверо же мужчин, сидя на скамье, в кожаных рукавицах, били такт, изо всей силы хлопали в ладоши. Я ничего не разслушал и не понял, хотя старик, по-видимому, хотел потешить меня, приговаривая, что он от всего отрекся и все ему отдал. У скопцов есть подспудное, пренечестивое и преуродливое поверье, словно отрывок далайламского толка»²⁷⁴.

Лубяновский ошибся в имени старика, которого они посетили; на самом деле, это был знаменитый Кондратий Селиванов (род. ок. 1740, ум. 20 февраля 1832)²⁷⁵.

Увлекаясь крайностями мистицизма, Гюне не ослаблял и масонских связей. Так, в 1802 он принял в масонство Матвея

²⁷⁴ РА. 1872. № 3/4. С. 474–476 = Лубяновский. С. 211–213.

²⁷⁵ РБС. Т. «Сабанеев—Смыслов». С. 282–283 [статья А. Бороздина]. Подробный анализ этого рассказа дает Grass. Bd. II. S. 172–181.

Яковлевича Мудрова, когда тот проездом за границу был в Риге и привез рекомендательное письмо от Александра Федоровича Лабзина²⁷⁶; при отобрании подписок в 1826 Мудров показал, что в 1802 принадлежал к ложе zu den drei Weltkugeln в Берлине²⁷⁷, но одно другого не исключает. В конце того же года Гюне упоминается в письме Н. И. Новикова к А. Ф. Лабзину от 11 декабря 1802²⁷⁸, но в таком контексте, что смысл остается скрытым: «ежели он [Х. А. Чеботарев] писал [вам] еще о Е. Е. Г., то о сем, ежели Господь благословит, лично изъяснимся».

Как в XVIII веке Гюне обратил князя Репнина, так в XIX через него произошло обращение двух знаменитых впоследствии мистических дам — баронессы Варвары-Юлии Крюденер и Екатерины Филипповны Татариновой. В 1804, после многолетнего проживания в Западной Европе, уже вдовой, Крюденер поселилась в Коссе, лифляндском имении своего отца, Оттона-Германа фон Фитингофа²⁷⁹. Однажды она разговорила со своим башмачником, который оказался членом общины моравских братьев в Риге, и захотела ближе познакомиться с гернгутерами²⁸⁰. О ее

²⁷⁶ Рукописные воспоминания М. А. Дмитриева. С. 287–288, ср.: РА. 1866. № 6. С. 838–839. [См. прим. 273; по печатному изданию см. с. 339. — Ред.]

²⁷⁷ РА. 1901. № 6. С. 301.

²⁷⁸ Модзалевский Б. А. К биографии Новикова. Письма его к Лабзину, Чеботареву и др. 1797–1815. СПб., 1913. С. 24 [= Письма Новикова. С. 69. — Ред.]

²⁷⁹ РБС. Т. «Кнаппе—Кюхельбекер», s. v. Крюденер [статья Н. Мича-тека]. С. 437.

²⁸⁰ См.: Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С. 316.

встрече с Гюне повествует Д. И. Попов в упомянутых выше «Материалах»²⁸¹:

«Она приехала в свою деревню провести несколько месяцев летнего времени и, чтоб избежать скуки, вздумала писать роман, по содержанию которого надобно было обрисовать портрет пиэтиста; но как она никогда таких людей не знавала, то и решилась ехать к Гине, с тем, чтоб познакомившись с ним схватить черты этого характера. Вздумано и сделано. Гине принял ее, начал говорить — и посетительница так пленилась его беседою, что забыла о цели своего посещения. Воспламеняясь любовью к Господу, всю жизнь посвятила на служение ему». Это произошло в 1804 или 1805, а в 1806 Крюденер опять уехала за границу, но уже другим человеком и с новыми поставленными себе целями.

Десять лет спустя, в 1813 или 1814, к Гюне была направлена Е. Ф. Татаринова²⁸², позднее основательница «духовного союза», имевшего кое-что общее с хлыстовством, а тогда находившаяся еще в периоде неопределенных исканий. Рекомендательное письмо к Гюне дал Татариновой мистик Багинский, с которым она познакомилась в Варшаве²⁸³; в результате Гюне направил ее к петербургским скопцам. Академик Дубровин²⁸⁴ прямо называет Гюне «поклонником секты скопцов».

Служебная деятельность Гюне в XIX веке может быть прослежена на основании данных «Месяцослова с росписью чиновных

²⁸¹ Попов. Л. 178об.—179.

²⁸² РБС. Т. «Суворова—Ткачев». С. 316—320 [автор — Р. Буксгевден].

²⁸³ Рассказ об этом посещении сообщен в РА. 1872. № 12. С. 2336 и у Grass. Bd. II. S. 224—225.

²⁸⁴ РС. 1895. № 10. С. 41.

особ»²⁸⁵. В 1802—1812 Георг (с 1812 Егор Егорович) фон Гине показан вице-президентом, а в 1813—1831 президентом Лифляндского Гоф-Герихта в Риге; причем в 1802—1803 он имел чин надворного советника, в 1804—1812 коллежского советника, в 1813—1821 статского советника, в 1822—1831 действительного статского советника²⁸⁶.

Подводя итог тому немногому, что собрано об этой сложной и очень влиятельной среди современников личности, надо признать, что Е. Е. Гюне очевидно от природы был предрасположен к крайностям пиэтизма и аскетического умерщвления плоти, отнюдь не свойственным собственно масонству. Таким видим мы его в офицерской среде, таким предстает он в качестве руководителя масонских лож, таким остается на склоне дней, идя еще далее — до непосредственных связей с религиозными изуверами. Было бы особенно желательно обнаружить относительно Гюне какие-нибудь новые документы, ибо существующие не позволяют установить с достаточной точностью хотя бы внешнюю канву его биографии.

²⁸⁵ К сожалению, мне не были доступны отсутствующие в Л. Б. годы 1797—1801, 1832 и 1833. [В 1797—1801 «Месяцословы» не издавались; сведения за 1785, 1832 и 1833 добавлены в комментарий по экземплярам «Месяцословов» из собрания РНБ (в РГБ они по-прежнему отсутствуют). Роспись месяцесловов Екатерининского времени см.: Степанов В. П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764—1795). СПб., 2003. — Ред.]

²⁸⁶ В 1834 место президента показано вакантным. [В *Месяцослове* 1832. Ч. 2. С. 321 (по списку от 15.12.1831) Гине показан в той же должности и чине, в *Месяцослове* 1833. Ч. 2. С. 324 (по списку от 20.6.1832) место президента Гоф-герихта уже вакантно. — Ред.]

Примечание 16

Корпус писем И. А. Поздеева

Иосиф Алексеевич Поздеев обладал первостепенным эпистографическим талантом и чрезвычайно своеобразным стилем и языком. За свою долгую жизнь, наполненную организационной и учительной работой, он написал огромное количество писем, многие из которых обнимают десятки страниц. Современники Поздеева придавали этим посланиям высокое значение, заставлявшее относиться к ним с особенною бережностью, собирать подлинники, описывать тексты и составлять собрания копий; одним из наиболее усердных собирателей и переписчиков был его сын Алексей Осипович. Благодаря этой заботливости, количество сохранившихся собственноручных подлинников и особенно сборников копий весьма значительно: ни от одного другого деятеля масонства, даже от Семена Ивановича Гамалеи, мы не имеем такого числа писем, причем само собою ясно, что столетие, прошедшее со дня смерти Поздеева, уничтожало постепенно документы, которые не попали в общественные хранилища; даже многие из числа оригиналов, опубликованных в 1870-х и 80-х годах, в настоящее время уже не могут быть разысканы. Тем не менее, общее количество уцелевших писем Поздеева — в полном виде или в отрывках — доходит до тысячи, и один только указатель встречающихся в них собственных имен составил бы целый биографический словарь русских масонов. Первые по времени письма (в числе 15) относятся к 1783 году, последние (числом 6) — к 1818. По далеко не полному подсчету, писем XVIII века около 80 (до сих пор не обнаружено писем 1790, 1792, 1795, 1796 и

1798 годов); писем XIX века около 850, из них в 1801–1812 годах писано около 250, а наибольшая масса (около 600) относится к пятилетию 1813–1817, когда московское разорение при-
нудило Поздеева поселиться в вологодском поместье. Сохранилось также около 20 писем, адресованных ему.

В культурно-историческом, социальном и литературном отношении эта переписка представляет величайшую ценность. Она содержит поистине неисчерпаемый запас сведений о масонских делах и взаимоотношениях, о мелочах масонского быта, о разногласиях и борьбе систем, личных столкновениях, переводимых и печатаемых книгах и т. п. Эта переписка есть как бы сеть нитей, которыми Поздеев связывал, объединял круг своих последователей, из отдаления руководя ими, управляя по своему желанию и масонскими кругами, и влиятельными придворными сановниками. Наконец, в ней настолько ярко и оригинально отражались современные политические события — бурные события эпохи Наполеона и Александра I, — что, если бы поздеевский корпус был когда-нибудь издан в полном виде, он сделался бы одним из видных литературных и исторических памятников той эпохи; переписка Поздеева представляет в области эпистолографии явление, близкое по значению к запискам А. Т. Болотова.

Примечание 17

Александр Михайлович Лунин

В «Азбучном указателе»²⁸⁷ имеется о нем краткая заметка, а в РБС этот оригинальный человек, выделявшийся из ряда средних чиновников и по своему уму, и по административным методам, не удостоился самостоятельной биографии, и только в статье о М. П. Полуденском²⁸⁸ отведено ему несколько строк. Между тем, обширные его записки представляют самостоятельный мемуарный интерес и немалое значение как исторический источник. Они обнимают три больших тома в лист, озаглавлены: «Записка своим обстоятельствам и примечаниям для себя и детей моих»²⁸⁹; к ним принадлежат 9 томов его переписки 1806—1811 и реестр полученных Луниным высочайших рескриптов 1803—1815. Эти материалы представляют главный и весьма надежный источник для его биографии.

Лунины известны в Рязани с 1514 года. У президента вотчинной коллегии Михаила Киприяновича Лунина (род. 1712, ум. 22 сентября 1776 в Москве) и его жены Анны Ивановны Неплюевой (ум. 14 августа 1781) было пять сыновей: Александр; генерал-поручик Петр; Иван (ум. 1787); бригадир Сергей (ум. в феврале 1817) и Николай (ум. 1789). Александр Михайлович 25 января 1783 женился на Варваре Николаевне Щепотьевой²⁹⁰,

²⁸⁷ Азбучный указатель имен русских деятелей, для Русского биографического словаря. Ч. I. СПб., 1887. С. 501.

²⁸⁸ РБС. Т. «Плавильщиков—Примо» [статья И. Давидовича]. С. 448.

²⁸⁹ Хранятся в НИОР РГБ. М. 919. См.: *Отчет Р. М.* 1867/69. С. 49.

²⁹⁰ Лунин. Т. I. Л. 110б.

умершей 16 апреля 1812²⁹¹. Из их детей заслуживают упоминания Николай Александрович (род. 23 апреля 1789, ум. 10 июня 1848), который 7 января 1810 принят в ученики в московской ложе Нептуна²⁹², и Елена Александровна (род. 22 августа 1791, ум. 28 августа 1863), вышедшая за Петра Семеновича Полуденского, мать известного библиографа. *Сергей Михайлович*, друг Г. Р. Державина, от брака с Федосьей Никитичной Муравьевой имел сыновей Никиту Сергеевича, убитого при Аустерлице, и Михаила Сергеевича — одного из наиболее непримиримых и стойких декабристов — и дочь Екатерину Сергеевну (Уварову), известную по своим отношениям к брату в годы его ссылки.

А. М. Лунин (род. 15 ноября 1745 в Петербурге, ум. 14 июня 1816 в Москве) в 1757–1784 находился на военной службе: 12 марта 1757 вступил солдатом в лейб-гвардии Измайловский полк; в 1772 участвовал в осаде Краковского замка; 30 ноября 1773 произведен в капитаны и отправлен в секретную комиссию по борьбе с Пугачевым в Казань, где находился до конца апреля 1774, а с мая до ноября того же года — в Оренбурге. 22 сентября 1775 произведен в полковники, 24 ноября 1780 — в бригадиры, 28 июня 1782 — в генерал-майоры²⁹³. В конце 70-х и в начале 80-х годов он состоял командиром 69-го Рязанского пехотного полка, а в 1782 определен членом в военную контору (см. в тексте § 14). В 1783–1784 Лунин формировал пехотные батальоны в Витебске²⁹⁴; 29 октября 1784 назначен

²⁹¹ Лунин. Т. III. Л. 237об.

²⁹² См. о нем: РА. 1866. № 3. С. 379.

²⁹³ Лунин. Т. I. Л. 4об.—9об.

²⁹⁴ Там же. Т. I. Л. 12–14.

правителем Полоцкого наместничества, в какой должности пробыл до 6 марта 1792²⁹⁵. Деятельность Лунина в Белоруссии и воспоминания о ней имеют большой краеведческий интерес, а мотивы, побудившие его просить об отставке — которую Екатерина никак не соглашалась ему дать, — заслуживают подробного повествования. 5 февраля 1789 произведен в генерал-поручики²⁹⁶; в августе 1790 избран членом Вольного Экономического Общества²⁹⁷. В Полоцке Лунин перевел «полученную из Варшавы на польском языке книгу, о новой обжигательной кирпичной печи»²⁹⁸, и послал перевод в ВЭО при письме Андрею Андреевичу Нартову от 24 марта 1792. Перевод этот напечатан в «Трудах ВЭО» (XLVII, 90—124 (1793)) под заглавием «Описание новой кирпичного завода печи, изобретенной Варшавским Архитектором Эйгнером», с полным именем переводчика²⁹⁹.

Добившись наконец отставки, Лунин поселился в Москве и занялся хозяйством и литературными работами, к которым всегда был склонен; «чернила и перо возмущают и успокоивают дух человеческий», написал он однажды в «Записках»³⁰⁰. Уже летом 1792 он отправил составленное им «Описание о Полоцком наместничестве» в двух экземплярах государственному канцлеру

²⁹⁵ Там же. Л. 14, 122 и 152.

²⁹⁶ Там же. Л. 33об.

²⁹⁷ Там же. Л. 56об.

²⁹⁸ Там же. Л. 147об.

²⁹⁹ У Венгерова. Т. IV. С. 25 автор перевода назван «Алексей», а автор записок — «А. М., историк, собиратель рукописей» (?).

³⁰⁰ Лунин. Т. I. Л. 99.

Безбородке³⁰¹, а также в ВЭО³⁰²; 27 января Общество прислало ему свою золотую медаль³⁰³.

Последние годы жизни Лунин провел опять на государственной службе, по ведомству учреждений императрицы Марии. 5 мая 1803 он назначен почетным опекуном Московского Опекунского Совета и управляющим «новоучреждаемого Вдовьего Дома»³⁰⁴. 1 декабря 1803 произведен в тайные советники и назначен присутствовать в 5-м департаменте Сената³⁰⁵, а 27 февраля 1804 — в действительные тайные советники³⁰⁶. В эти годы Лунину приходилось неоднократно вступать в личное общение с Марией Федоровной и Александром I, и служебная карьера его была весьма удачна. Кроме основной службы, он был назначен в мае 1804 членом совета Екатерининского Института³⁰⁷ и 30 декабря 1807 — главным директором Павловской больницы³⁰⁸. 3 февраля 1808 Лунин поднес Марии Федоровне свое «описание о порядке, на основании котором [sic] производятся дела каждой экспедиции по Московскому Опекунскому совету и другим подведомственным оному заведениям... составляющее в двух томах в лист тетрадей сто» и которое писал около года³⁰⁹. 21 августа 1812 Лунин с Опекунским Советом эвакуировался из Москвы в

³⁰¹ Лунин. Т. II. Л. 46.

³⁰² Там же. Л. 62–65об.

³⁰³ Там же. Л. 81–82об.

³⁰⁴ Там же. Т. III. Л. 140.

³⁰⁵ Там же. Л. 147об.–148.

³⁰⁶ Там же. Л. 158об.

³⁰⁷ Там же. Л. 178.

³⁰⁸ Там же. Л. 202об.

³⁰⁹ Там же. Л. 207.

Казань и здесь 23 октября кончил свои записки, «дабы не проливать еще слов»³¹⁰: смерть жены весною и разрушение Москвы в сентябре отразились даже на этом твердом характере.

Бумаги А. М. Лунина хранятся в Историческом музее³¹¹; здесь же имеется экземпляр рукописного «Описания о Полоцком наместничестве». Из этого богатого архива в печати сообщены М. П. Полуденским следующие пьесы:

1. Выписка из произведенного в Оренбургской секретной комиссии следствия о первоначальном злодейском замысле ... Пугачева³¹².

2. Материал для биографии Н. И. Новикова³¹³.

3. Типография Мея и Кряжева³¹⁴.

4. Подлинные бумаги, до бунта Пугачева относящиеся³¹⁵.

5. Подробное донесение ... императрице Марии Феодоровне, о состоянии Московского Воспитательного Дома в бытность не-приятеля в Москве 1812 года³¹⁶.

6. Наставление [П. С. Потёмкина] лейб-гвардии Измайловского полку господину капитану Александру Лунину³¹⁷.

³¹⁰ Там же. Л. 243об.

³¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 445 (собрание Черткова). [Архив А. М. Лунина хранится также: НИОР РГБ. Ф. 153. — Ред.]

³¹² ЧОИДР. 1859. Кн. II. Отд. II. С. 97–120.

³¹³ БЗ. 1859. № 17. С. 536–539.

³¹⁴ БЗ. 1859. № 19. С. 590–604.

³¹⁵ ЧОИДР. 1860. Кн. II. Отд. V. С. 31–79.

³¹⁶ Там же. С. 161–192.

³¹⁷ ЧОИДР. 1864. Кн. III. Отд. V. С. 109. [Потёмкин Павел Сергеевич (1743–1796) — троюродный брат Г. А. Потёмкина. Образование получил в Московском университете. Поэт, переводчик, первым перевел на русский язык «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо. Службу начал в лейб-гвардии

7. Рапорт и письма... главному директору Павловской больницы А. М. Лунину; той же больницы смотрителя, к. с. Павла Носкова, во время пребывания французов в Москве³¹⁸.

8. Письма А. И. Бибикова к А. М. Лунину³¹⁹.

Когда и где А. М. Лунин был принят в масонство, неизвестно; но, вероятно, это совершилось при посредстве И. А. Поздеева между 1775 и 1780. В 1782/83 встречаем его уже наместным мастером ложи Орфея, в отсутствии. В июле 1783 он был членом Директории VIII провинции и подписывался «Александр eques a Luna crescente, Propraefectus et Repraesentans Capituli Moscoviensis»³²⁰. Среди бумаг ложи Трех Знамен сохранились два его собственноручные письма: И. А. Поздееву от 30 сентября 1783 и ложе Северной Звезды в Вологде от 25 ноября 1783. Первое письмо касается той же вологодской ложи, последнее подписано: «Старой экосской московской обер мейстер А. Лунин»; почерк и подпись идентичны с почерком в «Записках». В списке членов матери-ложи Трех Знамен (середины 1784) Лунин показан ее почетным членом тотчас вслед за И. А. Поздеевым. В 1792 в показаниях Новикова означен принятым в

Семеновском полку. Отличился в русско-турецкой войне 1768—1774. Благодаря своим родственным связям с соправителем и тайным мужем Екатерины сделал быструю карьеру. В 1774 возглавлял секретные комиссии, расследовавшие обстоятельства и причины народного возмущения. В 1783 подписал Георгиевский трактат о протекторате России над Картли-Кахетинским царством. Участник второй русско-турецкой войны. Помощник и заместитель А. В. Суворова в польской кампании 1794. Генерал-аншеф, граф. — Ред.]

³¹⁸ ЧОИДР. 1864. Кн. III. Отд. V. С. 138—153.

³¹⁹ РА. 1866. № 3. С. 377—388 и № 6. С. 659—660.

³²⁰ Барсков. С. 251.

теоретический градус под управлением И. В. Лопухина и под главным надзирателем И. А. Поздеевым³²¹. Секретарем теоретического градуса в Москве был Алексей Николаевич Щепотьев³²², брат жены Лунина³²³. Их связывала тесная дружба, и во время поездок Лунин навещал Щепотьева в его селе Оленкове Каширского уезда³²⁴; в августе же 1797 в имение Лунина приехал «милый гость» А. Н. Щепотьев с семьей и гостил неделю³²⁵.

Памятником московских занятий А. М. Лунина осталась его рукописная работа³²⁶: «Учение гражданское, философское и церковное египтян, признанное в XXVI ознаменующих изображениях, содержащихся в игре, так названной „Таро“»³²⁷. В «Записках» Лунин ни разу не касается масонства, ни прямо, ни косвенно; только проскользнула у него как-то ссылка на Иоганна Арндта³²⁸. Основания своей сдержанности он выразил при случае такими словами: «Великая есть добродетель молчание, а напротив тяжкая вина говорить то, о чем должно молчать, и ничего нет свойственное человеческому достоинству, как молчание в должное время сохраняемое. ... Молчание есть золотой всех дел ключ»³²⁹.

³²¹ Сб. РИО II. С. 151.

³²² Барсков. С. 270.

³²³ В 1787–1789 Щепотьев состоял предводителем дворянской опеки в Кашире, в чине гвардии капитан-поручика (*Месяцословы*).

³²⁴ Середина октября 1792 (Лунин. Т. II. Л. 50об.), январь 1794 (Т. II. Л. 113об.).

³²⁵ Лунин. Т. III. Л. 46об.

³²⁶ НИОР РГБ. М. 842.

³²⁷ В лист, с рисунками; см.: *Отчет Р. М.* 1866. С. 65; отрывки напечатаны в «Вечерней Заре», 1782.

³²⁸ Лунин. Т. I. Л. 121.

³²⁹ Там же. Т. II. Л. 162об., 163об.

Примечание 18

Петр Гаврилович Беляев

Род. ок. 1750, *ум.* 1809. Служил в Рязанском пехотном полку в течение 35 лет; с 15-летнего возраста находился в походах против турок и шведов; георгиевский кавалер. В 1801–1803 находился в Петербурге и в это время перешел на гражданскую службу, где пробыл недолго и вышел в отставку с чином коллежского советника. Последние годы жизни был управителем имениями графа Алексея Кирилловича Разумовского (тоже розенкрейцера поздеевского круга) в Тамбовской и Пензенской губерниях. На этом месте Беляеву пришлось оказать решительное противодействие буйному сыну Разумовского Кириллу, который, живя в деревне летом 1806, имел склонность жестоко обращаться с крестьянами³³⁰.

Находясь с Рязанским полком в Выборге, П. Г. Беляев женился на шведке Шарлотте Андреевне Верениус, и там родились старшие его дети. Оба сына его, мичманы Гвардейского экипажа, приняли участие в восстании 14 декабря, хотя до того не принадлежали к тайному обществу, и до 1839 пробыли в Сибири на каторге и на поселении. Масонами они не были. Старший, Александр Петрович (1803³³¹–1887), оставил талантливо написан-

³³⁰ Беляев. С. 10; Васильчиков II. С. 125–127.

³³¹ И. А. Поздеев в письме к П. Г. Беляеву от 9 августа 1802 (списки: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 629. С. 42 (А. И. Маслова); Ед. хр. 630. Л. 76об. (сокращенный); Ед. хр. 1632. С. 100–101 (сокращенный); Позд. III. Л. 22) поздравляет его с рождением сына. Это позволяет уточнить дату рождения декабриста А. П. Беляева: июль — начало августа 1802. Речь, несомненно, идет об А. П. Беляеве, из мемуаров которого известно, что

ные «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном»³³², в первой главе которых описал образ жизни и характер отца; отмечено между прочим, что П. Г. Беляев хорошо знал немецкий язык, литературу и философию, собирал библиотеку и был человеком образованным³³³.

Когда и в какой ложе П. Г. Беляев был принят в масонство, пока сказать не можем. Из писем к нему И. А. Поздеева видно, что в январе 1783 он не только имел уже степень мастера, но способен был «подкреплять» других братьев ложи Орфея. В октябре 1784, по перенесении ложи в Новоржев, Беляев был назначен 1-м надзирателем, в 1785 — 2-м надзирателем, а с 24 декабря 1787, когда ложа находилась в Петербурге, — мастером стула. В 1792 Новиков показал, что Беляев состоит в теоретическом градусе, под управлением И. В. Лопухина и под главным надзирателем

всего у П. Г. Беляева было двое сыновей (Беляев. С. 13, 19). Упоминания А. П. Беляевым своего возраста также согласуются с этой датой: 7 лет в год смерти отца, 10 — в 1813, 11 — осенью 1813 (Там же. С. 5, 27, 30). Показание А. П. Беляевым своего возраста — 25 лет — на допросе 8 апреля 1826 (см.: Восстание декабристов: Документы. Т. XIV. С. 264), очевидно, содержит сознательное завышение. С. В. Мироненко, утверждая, что дата рождения А. П. Беляева уточнена, приводит традиционные сведения: «1803» (Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 385, 18). — *Ред.*

³³² Часть I — СПб., 1882; часть II в РС. 1884. № 4, 5; 1885, № 3, 12; 1886, № 2, 11.

³³³ Младший, Петр Петрович, родился не в 1804, как указывается везде, а вероятно в 1806, ибо в воспоминаниях А. П. сказано дважды (Беляев. С. 147 и 268), что Петр был тремя годами моложе брата, и кроме того (С. 136 [и 139. — *Ред.*]), что в 1824 ему было 18 лет. [Имея в виду уточненную дату рождения А. П. Беляева (см. выше), можно принять приводимую С. В. Мироненко (Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 19) дату рождения П. П. Беляева — 1805. — *Ред.*]

И. А. Поздеевым³³⁴. Наконец, по свидетельству А. П. Беляева³³⁵, его отец был «одно время секретарем в ложе Лабзина и его другом». В общем надо сказать, что в масонских кругах его связи были обширны и он пользовался авторитетом и уважением. — Сохранилось одно собственноручное письмо П. Г. Беляева к И. М. Фролову из Ершова от 22 августа 1808.

Примечание 19

Семен Федорович Тимирязев

Род. 1735, ум. после 1791. По сведениям Руммеля³³⁶: канцелярии конфискации титулярный юнкер (1756); капитан и судья (1784); титулярный советник (1791). Жена Татьяна Семеновна Полтева. По данным «Месяцослова с росписью чиновных особ»: 1781—1783 дворянский заседатель уездного суда в Кашире, подпоручик; 1784—1786 исправник нижнего земского суда в Кашире, подпоручик, затем титулярный советник.

Член ложи Орфея в Кашире. 1783 секретарь ложи; 1784 отсутствующий член 3-й степени.

В очень дальнем родстве с Семеном Федоровичем находился Аркадий Семенович³³⁷, член 2-й степени ложи Александра к Тройственному Благословлению в Москве, в отсутствии³³⁸, — отец ботаника Клементия Аркадьевича Тимирязева.

³³⁴ Сб. РИО II. С. 151.

³³⁵ Беляев. С. 6.

³³⁶ Руммель—Голубцов. Т. II. С. 483.

³³⁷ Там же. С. 485.

³³⁸ *Astrée* 5820/21. P. 193.

Примечание 20

Николай Григорьевич Петелин

По данным «Месяцослова с росписью чиновных особ»: 1780—1784 городничий в Кашире, секунд-маиор³³⁹; 1786 и 1787: во втором департаменте ревизион-коллегии в Москве, на месте надворного советника, секунд-маиор Н. Г. Петелин. Это место незадолго до него занимал П. А. Вельяминов.

В 1783 член ложки Орфея в Кашире; по переводе ложки в Новоржев значится в списке отсутствующих членов от 7 ноября 1784, в степени мастера. В январе (или в сентябре?) 1784 ему писал И. А. Поздеев с поручением содействовать передаче вещей ложки Орфея, остававшихся в Кашире, вологодской ложе. В списке ложки Трех Знамен середины 1784 приписан в самом конце (уже в 1785?) как отставной майор, в степени шотландского мастера, недавно присоединенный.

Согласно показаниям Новикова (1792) состоял в теоретическом градусе, под управлением И. В. Лопухина и под главным надзирателем И. А. Поздеевым³⁴⁰.

С 15 января 1805 по 14 июля 1818 — наместный мастер ложки Нептуна в Москве. В шотландской ложе Феникса, составлявшей продолжение Нептуна, с 11 января 1815 по 15 ноября 1816 был 2-м надзирателем; с 22 ноября 1816 по 20 сентября 1817 — членом, не занимая должности; с 12 января по 1 июля 1818 — наместным мастером.

³³⁹ Года 1785 нет в Л. Б.

³⁴⁰ Сб. РИО II. С. 151.

Умер между 14 июля и 8 сентября 1818; 8 сентября в Нептуне держана по нем траурная ложа, а 2 ноября 1819 постановлено соорудить памятник на его могиле³⁴¹.

Примечание 21

Репнин и его круг

Фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин (род. 11 марта 1734, ум. 12 мая 1801), один из виднейших дипломатических и военных деятелей XVIII века³⁴², был вместе с тем человеком, легко поддававшимся мистическим и пиэтистическим влияниям; он последовательно побывал в большинстве тайных обществ того времени. Более строгие масоны считали, правда, что он недостаточно углубляется в суть дела и усваивает масонство лишь поверхностно: «В этом-то манкировал покойный кн. Николай Васильевич, считая, что имеет с собой книги и этого с него довольно; а потому-то наделал много ложных шагов»³⁴³. Противоположного взгляда держался И. В. Лопухин, который питал к Репнину безграничное уважение и опубликовал его писания в книжке «*Les Fruits de la grâce ou les opusculs spirituels des deux F. M. du vrai système*» (s. l., 1790)³⁴⁴. Яркое изображение характера Репнина и примеры его отношения

³⁴¹ В МН отсутствует.

³⁴² РБС. Т. «Рейтерн—Рольцберг». С. 93—118 [автор — С. Д. Масловский], где о его роли в масонстве сказано лишь несколько слов на с. 112.

³⁴³ Письмо И. А. Поздеева графу А. К. Разумовскому от 26 ноября 1807: *Васильчиковы II*. С. 452—453.

³⁴⁴ Подробности см.: РБС. Т. «Лабзина—Ляшенко», s. v. Лопухин [статья Я. Л. Барскова]. С. 660.

к людям оставил его адъютант Ф. П. Лубяновский³⁴⁵, сам не принадлежавший к масонству.

Подобно многим другим масонам из высших кругов, Репнин принадлежал к числу политических оппозиционеров: он был сторонником наследника Павла Петровича, и Екатерина, зная это, не относилась к нему с полным доверием; с Потёмкиным он также находился в обостренных отношениях. По воцарении Павла последовало быстрое возвышение Репнина, но и этот император, прежде уверявший его в неизменной дружбе, в конце концов остался им недоволен и уволил в отставку как его самого, так и некоторых близких ему людей, с целью искоренить «Репнинский дух», казавшийся Павлу слишком свободным.

О роли Репнина в масонстве имеется известий немало, но, с одной стороны, они иногда противоречивы, с другой — в них не хватает наиболее существенного. Поначалу, между 1776 и 1778 годами, Репнин участвовал в Петербурге в ложе шведской системы³⁴⁶, но бывал и в елагинских ложах. В ложе И. П. Елагина его видел Н. И. Новиков — «один только раз в жизни... и его сиятельство и в лицо меня не знает»³⁴⁷. Существует даже известие о принятии Репнина в орден иллюминатов; это весьма могло произойти зимою 1778/79, но вряд ли в другое время³⁴⁸.

³⁴⁵ Лубяновский. С. 78–154 и 166–174.

³⁴⁶ Вернадский. С. 10 и 226–227 [= Вернадский³. С. 41, 298–299].

³⁴⁷ Лонгинов. С. 091.

³⁴⁸ «Fürst Repnin ist durch Prince Ferdinand Provincial der Illuminaten in Russland» [Князь Репнин герцогом Фердинандом назначен провинциальным мастером иллюминатов в России (нем.)]; письмо Е. А. Вейкарда к Иоганну-Георгу Циммерману от февраля 1786, цитируемое Пыпиным (С. 303) по книге: Marcard H. M. Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserinn Catharina II. und mit dem Herrn Weikard. Bremen, 1803. S. 135.

Когда в России начал устраиваться теоретический градус, петербургский префект, Алексей Андреевич Ржевский, на запрос относительно Репнина получил следующую инструкцию Н. Н. Трубецкого от 5 сентября [1783]: «Что принадлежит до Репнина, то мы о нем имеем известие, но он нас еще знать до времени не должен; почему и ты будь осторожен, пока тебе дозволено будет с ним говорить»³⁴⁹.

Осенью 1784 Репнин отправился для поправления здоровья в Италию. Во время этого путешествия (или еще в 1772/73?) произошло его личное знакомство и сближение с Сен-Мартеном, с которым он позднее был в переписке³⁵⁰. В цитированном выше письме Вейкарда говорится еще: «Repnin ist Enthusiast für das Buch *Des Erreurs et de la Vérité* [О заблуждениях и истине, Сен-Мартена], und so noch andere. Nur die Profane verstehen es nicht, — sagen sie»³⁵¹. В «Материалах» Д. И. Попова³⁵² также говорится о знакомстве «кн. Н. В. с Неизвестным Философом (Saint-Martin), с которым он был в самых коротких сношениях во время бытности своей в Париже... Известно, что кн. Н. В. состоял с ним в искреннем сердечном дружестве и имел у себя много манускриптов этого писателя». К сожалению, биограф Сен-Мартена Маттер, хотя в заголовке главы XI³⁵³ и упомянул «Correspondance avec le prince Repnin», но в тексте не обмолвился по этому поводу ни единым словом.

³⁴⁹ Барсков. С. 259.

³⁵⁰ Ср.: Пыпин. С. 118 и 217.

³⁵¹ Там же. С. 303. [Репнин — восторженный почитатель книги «О заблуждениях и истине», да и другие тоже. «Только профаны не понимают ее», — говорят они (нем.).]

³⁵² Попов. Л. 177–177об.

³⁵³ Matter. P. 129.

В 1785 Репнин вернулся из Италии. Последующие годы 1785—1787 были в его жизни, полной передвижений и походов, относительно наиболее спокойным временем, когда он мог бы отдаться масонской работе; но этому помешало непредвиденное обстоятельство. По словам Новикова, 1-й надзиратель ложи Трех Знамен и близкий друг Шрёдера, Е. Е. Гюне, «весьма хвалил кн. Репнина и сказывал, что в нем сделалась великая перемена... После того князь приехал в Москву и Гине их познакомил и барон с ним видался. Сколько продолжалось его с князем знакомство, не помню, но кажется, что до самого отъезда. Я слышал от кн. Трубецкого по словам бароновым великие об нем похвалы»³⁵⁴. Несомненно, до отъезда Шрёдера Репнин был принят в теоретический градус, и от него взят петит о принятии во внутренний розенкрейцеровский орден. При этом Репнин дал и ту подписку, текст которой помещен в «Русском Архиве»³⁵⁵:

«Je Nicolas Repnin atteste devant l'Etre Suprême de ne jamais nommer le nom de l'Ordre, qui me sera dit par le très respectable frère Schröder, et de ne jamais dire, que c'est lui qui a pris de moi une supplique aux Supérieure de cet Ordre pour m'y recevoir, avant que j'y sois reçu et avant que je reçoive une permission expresse de me découvrir aux frères de cet Ordre.

Nicolas Prince Repnin,
général en chef au service de Russie»³⁵⁶.

³⁵⁴ Лонгинов. С. 0100.

³⁵⁵ РА. 1878. № 10. С. 250.

³⁵⁶ Я, Николай Репнин, заявляю перед лицом Всевышнего, что никогда не назову орденское имя, которое мне будет поведено высокопочтенным братом Шрёдером, и никогда не скажу, что это он взял у меня прошение к начальникам Ордена о принятии, прежде чем я буду туда принят и до того как получу определенное разрешение открыться братьям этого Ордена. Князь Николай Репнин, генерал-аншеф русской службы (фр.).

О просьбе Репнина Шрёдер-Сацдердос представил на рассмотрение берлинских начальников. Перевод ответной бумаги, «Извлечение из ответа Великого Приората на представление Сацдердосово», под № 12, был взят у Новикова при аресте³⁵⁷. «По содержанию сего ответа... дозволено было кн. Репнина принять в орден»³⁵⁸. «В ответах приората к Сацдердосу, писанных рукою Новикова, сказано, чтобы с князем Репниным во время ресепций поступать отменно строго»³⁵⁹. «По отъезде бароново в Берлин продолжали с князем знакомство Поздеев и Гине по его препоручению. А по возвращении бароново из Берлина, во время которой бытности своей писал он упоминаемое представление в Берлин, в 1786 году в конце виделся он с кн. Репниным один раз и после свидания сего слышал я от кн. Трубецкого, что барон Шрёдер князем Репниным недоволен и видаться с ним более не хочет, а хочет знакомство свое совсем прервать. Причину сего мне не сказали, а только что барон князем крайне недоволен, и барон больше с ним кажется и не видался»³⁶⁰. «И потому я уверен, кн. Репнин еще не принят»³⁶¹. «Сие и список, данный мне Ив. Вл. Лопухиным, во взятых у меня бумагах доказывает, потому что кн. Репнин в том списке показан только в теоретическом градусе, с правом главного надзирателя»³⁶².

Обращаясь к дневнику Шрёдера за объяснением внезапной и столь упорной неприязни, не находим в нем ничего определенного.

³⁵⁷ Сб. РИО II. С. 114.

³⁵⁸ Лонгинов. С. 0101.

³⁵⁹ Опровержение показаний Новикова: Пекарский. С. 135.

³⁶⁰ Лонгинов. С. 0100.

³⁶¹ Там же. С. 0101.

³⁶² Там же. С. 0102.

Несколько раз передавал Шрёдер Вёльнеру письма Репнина³⁶³; при первом случае (11 ноября 1785) замечено: «Бишофсвердер еще сегодня писал из Потсдама и не может прийти в себя от изумления по поводу Репнина: все говорят, что это — un homme sans foi et loi³⁶⁴»³⁶⁵. «Лествиц, удивляясь, предостерегал от всякой поспешности с великим князем и с Репниным»³⁶⁶. При получении одного из писем Репнина, Вёльнер сказал: «После того, что Голланд сообщил о великом князе, мы можем его принять без опасений за будущее»³⁶⁷. Однажды Вёльнер составил целый доклад о русских делах, в котором под пунктом 5 значится: «Репнин, его мысли»; и под пунктом 7: «Что Репнин превосходно подготовил великого князя»³⁶⁸. Если так, то деятельностью Репнина скорее могли бы быть довольны, и можно думать, что конфликт возник по каким-нибудь чисто личным причинам; следственная же комиссия настаивала на том, что в действительности никакого конфликта и не было: «Утаение Новикова, что князь Репнин — масон, доказывает им выдуманную между Репниным и Шрёдером ссору»³⁶⁹. Между Шрёдером и Репниным существовала переписка, захваченная при обысках и представленная Екатерине³⁷⁰; содержание ее остается неизвестным.

«По отъезде бароново с Кутузовым в Берлин опять в 1787 году, кажется года через два или больше, не помню, виделся с

³⁶³ Барсков. С. 220, 221, 223 и 228.

³⁶⁴ Человек без стыда и совести (фр.).

³⁶⁵ Барсков. С. 220.

³⁶⁶ Там же. С. 222.

³⁶⁷ Там же. С. 228.

³⁶⁸ Там же. С. 231.

³⁶⁹ Пекарский. С. 136.

³⁷⁰ Лонгинов. С. 0148.

князем Репниным кн. Трубецкой и советовал ему познакомиться покороче с Ив. Вл. Лопухиным; но сам ли он ему о том сказал, или через Поздеева, сего не помню; и от того времени кн. Репнин состоит в знакомстве с Лопухиным»³⁷¹. Лопухин, бывший по теоретическому градусу с 1787/88 года директором округа, не имея возможности дать Репнину высшую степень, облек его правами главного надзирателя³⁷², сделав этим отступление от обычного порядка, ибо другие главные надзиратели (И. П. Тургенев, И. А. Поздеев, С. И. Гамалей), естественно, обладали более высокими степенями.

В 1788 (или в 1789?) Репнин, очевидно недовольный недопущением в высшие степени розенкрейцства, вступил еще в одну тайную организацию, именно в мистическое общество Нового Израиля или Народа Божия³⁷³, образовавшееся в 80-х годах в Авиньоне. Подрбностей его участия в этой «авиньонской секте», как ее именовали розенкрейцеры, неизвестно никаких, за исключением одной фразы, малопонятной и содержащей невозможную дату, в документе под заглавием «Краткое известие о новооткрывшемся обществе»³⁷⁴: «[Члены Нового Израиля] одному нашему знакомому, а именно покойному князю Репнину, открывали конец мира еще до знакомства его с нами, т. е. до 1802-го года, который, присоединясь к ордену, знакомство и переписку с ними, так как и Плещеев, бросили».

Следствие над Новиковым близко затронуло Репнина и повлекло за собой его окончательную опалу. С осени 1791 до осени 1792 Репнин жил попеременно в Москве и в подмосковном селе

³⁷¹ Лонгинов. С. 0100—0101.

³⁷² Там же. С. 0102.

³⁷³ Пыпин. С. 369.

³⁷⁴ Там же. С. 374.

Воронцове. «В это время он еще более сдружился с Лопухиным и сошелся с некоторыми из его друзей»³⁷⁵. 21 апреля 1792 Репнин находился на балу у московского главнокомандующего и здесь узнал о готовящемся наутро аресте Новикова. Услыхав это известие, «он побледнел и после весь вечер был расстроен»³⁷⁶. Хотя Репнин лично не подвергся ни аресту, ни допросам, но в допросе Новикова Репнину специально посвящены два пункта: «10) Князь Репнин имел ли сведение о переписке с чужестранными? 11) Какие переписки имели вы с князем Репниным, с Куракиным и Плещеевым, и знали ли они о берлинском постановлении?»³⁷⁷; косвенно к нему относился и вопрос 22³⁷⁸. Пекарский³⁷⁹ обнаруживал собственноручную записку Екатерины, из которой видно, что вопросы 10 и 11 поставлены непосредственно ею, и лишь слегка изменены в редакции. В ответ на первые два пункта Новиков отозвался совершенным незнанием³⁸⁰, а на 22-й рассказал вышеизложенную историю сношений Репнина с бароном Шрёдером³⁸¹, прибавив: «По сему 22 пункту моего показания... употребляемые мною слова: не знаю, не помню, помнится, — не из укрывательства, но истинно в прямом смысле и без всякого обмана и коварства».

С прекращением открытой деятельности московских розенкрейцеров прекращаются известия и относительно участия в масонстве князя Репнина, так что о последнем десятилетии его

³⁷⁵ Лонгинов. С. 309.

³⁷⁶ Там же. С. 314.

³⁷⁷ Сб. РИО II. С. 113.

³⁷⁸ Там же. С. 114.

³⁷⁹ Пекарский. С. 132–133.

³⁸⁰ Лонгинов. С. 091.

³⁸¹ Там же. С. 0100–0101 и 0102.

жизни соответственных данных не имеется. Теперь надо вернуться назад и остановиться на обстоятельстве его биографии, представляющем особенный интерес.

* * *

Было обычным явлением того времени, что в окружении каждого вельможи, особенно на секретарских местах, оказывались масоны; у самой императрицы, противницы масонства, доверенным секретарем состоял (1782—1793) масон Александр Васильевич Храповицкий. При Репнине масонами были, с его ведома и желания, почти все его приближенные и адъютанты; всего правдоподобнее предположить существование в его штабе постоянной военной ложи. Это тем вероятнее, что «главный надзиратель» должен был иметь свой круг теоретистов. Поэтому представляет интерес перечислить вкратце тех из близких Репнину людей, которые были масонами или розенкрейцерами.

Общую характеристику Репнина и его круга дает Лубяновский³⁸² в следующих словах: «По службе он всегда и со всеми был строг и взыскателен; за то и люди выходили из его школы. Назову некоторых, кого знал лицом к лицу: Я. И. Булгаков, Н. А. Львов, Д. П. Троицкий, П. П. Панкратьев, И. А. Алексеев, кн. Д. И. Лобанов-Ростовский, Я. Д. Мерлин, Ф. И. Энгель, П. Л. Багмевский, П. И. Литке, Е. Е. Гине, И. Н. Инзов, Е. В. Карнеев. Никто из них по службе не ударил лицом в грязь, а дух Репнина и по кончине его соединял всех нас, несмотря на расстояние в годах, чинах и почестях, взаимною, словно родственною любовью и доброжелательством». Не все, перечисленные

³⁸² Лубяновский. С. 125.

Лубяновским, принадлежали к масонству, и сам он, насколько известно, не был его членом. Из масонов, служивших при Репнине, следует назвать еще майора Тимана и князя Н. М. Козловского.

Иван Алексеевич Алексеев (род. 1751, ум. 22 июня 1816), впоследствии член Государственного Совета³⁸³. «Во время первой турецкой войны (1769—1771) находился при князе Н. В. Репнине, а по заключении кучук-кайнарджийского мира ездил в 1775 в свите князя, при чрезвычайном посольстве, в Константинополь. Во время предводительства князя Репнина резервным корпусом в Польше (1782—1783) Алексеев состоял при нем адъютантом»³⁸⁴. В списке ложи Трех Знамен [1784] он значится членом еще только 1-й степени. Согласно правдоподобному утверждению Лонгинова³⁸⁵, это — тот самый «брат иоанновский мастер Алексеев», о котором Новиков писал в первом письме к Саццедосу [1784/85], предлагая поручить ему ведение типографских дел; «с которым я о сем говорил и которой охотно берет на себя сию должность и хочет для сего взять увольнение от службы»³⁸⁶. С другой стороны, Лонгинов³⁸⁷ рассказывает, что «при определении Ивана Алексеевича Алексеева в петербургские вице-губернаторы, она [Екатерина] осталась довольна им при представлении, но потом, узнавши, что он служил при Репнине, спросила: не мартинист

³⁸³ РБС. Т. «Алексинский—Бестужев-Рюмин». С. 5—6 [автор — С. Тр.].

³⁸⁴ Там же. С. 5. Переписка Алексеева с Репниным издана в «Сборнике РИО», т. XVI; письма Репнина к Алексееву, числом 71, находились в ОПИ ГИМ, Чертковская библиотека.

³⁸⁵ Лонгинов. С. 209.

³⁸⁶ Письма Новикова. С. 32. Первое письмо Новикова к Шрёдеру можно уверенно датировать 1784-м годом (см.: Там же. С. 295). — Ред.

³⁸⁷ Лонгинов. С. 351—352.

ли он? Предместник его Новосильцов отвечал, что нет, а генерал-прокурор граф А. Н. Самойлов справлялся о том в списке мартинистов». Также и в показаниях Новикова И. А. Алексеев среди теоретистов не значится, так что Вернадский³⁸⁸, по-видимому, неосновательно отметил его знаком розенкрейцера.

Прокофий Лукич *Багмевский* (1784 обер-аудитор Репнина, 1792 премьер-майор) значится в списке ложки Трех Знамен [1784] членом 2-й степени, а в показаниях Новикова³⁸⁹ — членом теоретического градуса под управлением И. В. Лопухина и под главным надзирателем И. А. Поздеевым.

Яков Иванович *Булгаков* (род. 15 октября 1743 в Москве, ум. 7 июля 1809 в Москве), известный дипломат³⁹⁰. В посольстве Репнина к султану в 1775 Булгаков был маршалом, а на конгрессе в Тешене 1778 канцелярии советником при нем же. В 1779–1780 сотрудничал в изданиях Новикова и состоял с ним в переписке. По Вернадскому³⁹¹ — «вероятно масон».

О Егоре Егоровиче *Гюне* см. примечание 15.

Иван Никитич *Инзов* (род. 1768, ум. 27 мая 1845), впоследствии наместник бессарабский³⁹². «Вырос приемным в доме князей Юрия и Николая Никитича Трубецких и в молодости был масоном. ... Участвовал во второй турецкой войне. ... Назначенный адъютантом к кн. Н. В. Репнину, Инзов заслужил его расположение, был принят в его интимный круг и имел случай постоянно пользоваться беседою и самого князя Н. В. Репнина, и тех

³⁸⁸ Вернадский. С. 272.

³⁸⁹ Сб. РИО II. С. 151.

³⁹⁰ РБС. Т. «Бетанкур—Бякстер». С. 468–473 [автор — П. Майков].

³⁹¹ Вернадский. С. 273.

³⁹² РБС. Т. «Ибак—Ключарев». С. 107–108.

выдающихся людей, которые охотно собирались около этого замечательного государственного человека»³⁹³. При отобрании подписок о непринадлежности к масонству в 1822 Инзов показал, что принадлежал к ложе *zur goldnen Kugel* в Гамбурге³⁹⁴.

Егор Васильевич Карнеев (род. 1773, ум. 17 января 1849), племянник известного розенкрейцера Захара Яковлевича Карнеева, впоследствии выдающийся деятель по горному делу и основатель «Горного Журнала»³⁹⁵. В 1788 окончил Московский университет и поступил на военную службу. «1 января 1796 произведен в армии капитаны с назначением состоять при дежурстве у князя Н. В. Репнина; 6 декабря 1798 назначен состоять при генерале-от-инфантерии Ласси инспекторским адъютантом»³⁹⁶. В какой ложе принят, неизвестно, но несомненно был масоном. По-видимому, он, а не З. Я. Карнеев, перевел сочинение швейцарского мартиниста Jean-Philippe Dutoit-Mambrini (1721–1793) «*La philosophie divine*»³⁹⁷. Некоторые бумаги Е. В. Карнеева и письма к нему — в том числе письмо Ф. П. Лубяновского от 15.IX.1824 — хранятся в Публичной библиотеке³⁹⁸.

³⁹³ Там же. С. 107.

³⁹⁴ См.: РС. 1907. № 6. С. 660; об этой ложе, основанной в 1770, см.: АНФ³. Bd. I. S. 417. Об отношении Инзова к ложе Овидия в Кишиневе см.: Пылин—Вернадский № 184 и указанную там литературу.

³⁹⁵ РБС. Т. «Ибак—Ключарев». С. 531–532; Венгеров. Т. III. С. 13; Целоков И. Из истории Харьковского университета // ЖМНП. 1890. № 10. С. 371.

³⁹⁶ РБС. Т. «Ибак—Ключарев». С. 531.

³⁹⁷ Перевод этот вышел в 6 частях — М.: Университетская типография, 1818–[1819].

³⁹⁸ Собрание А. А. Вагнера. См.: Отчет П. Б. 1876. С. 19–36.

Князь Николай Михайлович Козловский (род. 20 ноября 1749, ум. 8 апреля 1812) сначала служил в военной службе, 1781—1792³⁹⁹ подполковник, потом статский советник⁴⁰⁰. В 1792 проиграл более 40 000 рублей казенных денег и намеревался застрелиться, но Репнин подарил ему более проигранной суммы⁴⁰¹. В XIX веке Козловский был доверенным лицом при графе Алексее Кирилловиче Разумовском, исполняя различные его поручения, иногда весьма деликатного свойства⁴⁰²; на этом месте неумение обращаться с чужими деньгами вовлекло его в тяжкие неприятности и ускорило его смерть⁴⁰³. В письме Разумовскому от 27 сентября 1811 И. А. Поздеев писал: «Козловского севодни видел, он как в воду опущен; ездил в Ярославль и ничево не зделал, ибо де содержателя [откупа] тово там нет, он де за 300 верст; словом, уже я ему худо верю в этом. Что делать Богу с эдакими? Напако-стят, никого не слушая, а после в отчаянии; уже он был в эдаких обстоятельствах, когда покойный князь Репнин ево избавил, он тогда хотел себя застрелить; тогда он был холост и разговорить было некому, а теперь жена и дети»⁴⁰⁴. По-видимому, слова относительно холостого состояния Козловского представляют ошибку памяти, ибо старший сын его Александр родился еще 22 марта 1788; женат он был на Анне Леонтьевне Карабановой (1770—1833)⁴⁰⁵.

³⁹⁹ Возможно, до 1796. — Ред.

⁴⁰⁰ Долгоруков. Ч. I. С. 201.

⁴⁰¹ Попов. Л. 159—160 и 164—164об.; ср.: РБС. Т. «Рейтерн—Рольцберг», s. v. Репнин. С. 113.

⁴⁰² Васильчиков II. С. 48—49, 89—90, 120, 126—136, 528.

⁴⁰³ Подробности у Васильчикова II. С. 89—90, 498, 501, 502.

⁴⁰⁴ НИОР РГБ. М. 1953. Л. 12об.—13.

⁴⁰⁵ См.: Долгоруков. Ч. I. С. 201 и 202.

В масонстве Козловский занимал довольно высокое положение, что было вызвано скорее близостью к И. А. Поздееву, чем личными качествами; в письмах Поздеева он неоднократно упоминается. В 1780 он был 2-м великим надзирателем Провинциальной ложи шведской системы в Москве, из чего можно заключить, что в то время он имел уже степень шотландского мастера; великим провинциальным мастером был князь Гавриил Петрович Гагарин, великий наместный мастер — И. А. Поздеев, 1-й великий надзиратель — А. Н. Щепотьев⁴⁰⁶. В 1781 Козловский значится членом ложи Озириса в Москве (список 4.XI.1781). Около 1789 был 2-м надзирателем шотландской ложи в Москве, где великим мастером был И. А. Поздеев, 1-м надзирателем — А. Н. Щепотьев⁴⁰⁷. В 1792 состоял в теоретическом градусе под управлением И. В. Лопухина и под главным надзирателем И. А. Поздеевым; к тому же кругу принадлежал его брат Александр⁴⁰⁸. В 1810—1811 он имел «несчастное, против совета друга [т. е. Поздеева] сближение с [бывшим главным надзирателем теоретического градуса в Петербурге, Александром Алексеевичем] Ленивцевым»; насколько можно понять, сближение это имело не только идейный, но и деловой характер и вредно отразилось на его материальном положении; см. письмо Поздеева Разумовскому от 17 апреля 1812 (на 9-й день после смерти Козловского), в котором Поздеев дает его характеристику («во всю свою жизнь бился со страстями своими») и рассказывает об обстоятельствах смерти⁴⁰⁹. 14 апреля

⁴⁰⁶ Вернадский. С. 48. [= Вернадский³. С. 83. — Ред.].

⁴⁰⁷ Ешевский. С. 263.

⁴⁰⁸ Сб. РИО II. С. 151.

⁴⁰⁹ Васильчиков II. С. 502.

1812 в московской ложе Нептуна по Н. М. Козловском держана траурная ложа.

Петр Прокофьевич *Панкратьев* или Панкратов (род. 1757, ум. 13 марта 1810 в Киеве ⁴¹⁰). 13 мая 1780 произведен в подпоручики Санкт-Петербургского драгунского полка и определен секретарем в штаб Репнина; одно время управлял его имениями. 24 сентября 1784 сделан генеральс-адъютантом Репнина и продолжал служить при нем до 1792. Член ложи Трех Знамен; принят в ученики 9 октября 1784 и в том же году или в 1785 повышен в товарищи.

Тиман в начале 1770-х годов по распоряжению Екатерины II был отправлен за границу с ее сыном, А. Г. Бобринским, и с сыновьями гардеробмейстера В. Г. Шкурина; «не мог ужиться с ними, в Неаполе отстал от них и с той поры, с одним верным червонцем на прожиток в сутки, бегал по белому свету и из всех европейских государств не был только в Константинополе; жил по году, по два при разных немецких дворах, был в сношении с известнейшими учеными тогдашнего времени, знал и Месмера, и Калиостро, живой Conversation<s>-Lexicon, с здравым и светлым взглядом на дела и на вещи» ⁴¹¹.

Во время пребывания в Лондоне и во Франции Тиман близко сошелся с Сен-Мартеном и сопровождал его в путешествиях ⁴¹²; в 1787 он находился с ним и с князем Алексеем [Борисовичем] Голицыным (1732—1792) в Риме, а в 1788 сопровождал Сен-Мартену на приеме у матери в. к. Марии Федоровны в Монбельяре ⁴¹³.

⁴¹⁰ См. о нем: РБС. Т. «Павел, преподобный — Петр (Илейка)». С. 256—258 [автор — Б. А. Модзалевский].

⁴¹¹ *Лубяновский*. С. 130.

⁴¹² *Matter*. P. 134, 135, 142, 144.

⁴¹³ *Барсков*. С. XXXVIII и 311.

Возможно, что он и Голицын находились также в Страсбурге одновременно с Сен-Мартеном, который провел там три года, 1788–1791.

Весною 1785 Тиман был членом парижского конвента, со-
званного ложей *Les amis réunis*, системы филалетов, и принимал участие в совещаниях⁴¹⁴.

В 1797 «на дороге в Литве мы [т. е. Репнин и его спутники] встретили старика Тимана (отставной майор), который из-за границы ехал на житье к князю, по древней к нему привязанности. Нельзя было желать разумнейшего, более начитанного, более богатого разнородными сведениями и любезнейшего собеседника»⁴¹⁵. Весною 1798 Репнин был отправлен с поручением к прусскому королю и взял с собою Тимана, Инзова, Карнеева и Лубяновского⁴¹⁶; по возвращении Тиман поселился в доме Репнина в Москве⁴¹⁷. В конце 1799 и начале 1800 он и Лубяновский сопровождали И. В. Лопухина и И. П. Тургенева, гостивших в Сергиевой лавре у митрополита Платона⁴¹⁸. «Проповедь, которую он говорил 25-го декабря 1799-го года, Тиман и я перевели на французский язык и поднесли ему перевод; Лопухин взялся напечатать его в Париже»⁴¹⁹. Весной 1800, когда Лубяновский отправлялся за границу, Тиман дал ему «множество писем к своим знакомым в Германии и Италии»⁴²⁰.

⁴¹⁴ Пыпин. С. 517–518; об этой масонской системе и о конvente см.: АНФ². Bd. II. S. 577–578; Bd. I. S. 195–196; АНФ³. Bd. II. S. 156–157.

⁴¹⁵ Лубяновский. С. 129–130.

⁴¹⁶ Там же. С. 137.

⁴¹⁷ Там же. С. 166.

⁴¹⁸ Там же. С. 177.

⁴¹⁹ Там же. С. 179.

⁴²⁰ Там же. С. 189.

Тиман пережил своего старинного друга Репнина⁴²¹, а когда умер, неизвестно. — Маттер пишет его фамилию латинскими буквами Thieman, но для принадлежавших ему книг Тиман имел трафаретную пластинку с надписью «Major Tieman». До нас дошла книга (William Cave. Primitive Christianity. London, 1728), на которой имеется надпись пером прежнего владельца «Richard Atkinson 1775» и оттиск трафарета Тимана.

Примечание 22

Владимир Иванович Остолопов

Был одним из ближайших учеников И. А. Поздеева, но известно о нем довольно мало. В 1781—1794 состоял заседателем Вологодского верхнего земского суда, сначала в 1-м департаменте, а с 1792 или 1793 во 2-м департаменте; 1781—1786 имел чин капитана, 1787—1794 коллежского асессора⁴²². Из письма И. А. Поздеева к Остолопову от 5 апреля 1784 видно, что последний в то время был женат.

При основании в Вологде ложи Северной Звезды, весною 1783, Остолопов был назначен 2-м надзирателем; в письме И. А. Поздеева этой ложе от 16 [февраля] 1785 он назначается мастером стула, и в заключение говорится: «возблагодарим, вы и я, из глубины сердец наших великаго мира строителя, что он уготовил в вашей стране таковаго достойнаго брата... могущаго при помощи милосердаго Спасителя учением и примером показывать вам

⁴²¹ Лубяновский. С. 130.

⁴²² Месяцословы.

надежной и верной путь к соделанию вашева истинного щастия». То же доверие видно и в письмах Поздеева к Остолопову 1783 и 1784 годов (перечисление их см. в § 15 текста), содержащих ряд наставлений и указаний на книги, подлежащие прочтению.

Изучение масонской литературы Остолопов продолжал и позднее, о чем свидетельствует рукопись⁴²³, содержащая два переводные произведения: на лл. 1—50 «Духовное размышление о внутреннем истинном и ложном слове и о других откровениях» (в 117 параграфах), на лл. 51—54 «Краткое изображение истинного христианина из I. Б. мисти. М. Г. 41 § 54 и след.» (в 11 параграфах). Красными чернилами подписано: на л. 50б «Списана бр<атом> в<ладимиром> и<вановым> с<ыном> о<столоповым> 1788 году 10 марта в Вологде», на л. 54а «Списана 1788 года марта 22 дня в городе Вологде».

В начале 1791 московская Директория теоретического градуса решила открыть в Вологде работы теоретистов. С этой целью В. И. Остолопов был назначен над ними главным надзирателем, причем ему был препровожден список «Извлечения из Наставления Теоретического Градуса» и письмо с инструкциями, как вести работы. Текст письма писан сплошь рукою теоретиста князя Ивана Сергеевича Гагарина; в конце подпись: «Иосиф Поздеев гл. надзи.» и круглая черная (сажей) печать теоретического градуса; в верхнем полукруге три светильника, в нижнем — седмисвещник, вокруг надпись: καὶ τὸ Φῶς ἐν τῇ κοίτῃ φαίνει καὶ ἡ Σκοτία αὐτοῦ οὐ κατελαβεν [Ио. 1, 5⁴²⁴]. Дата: 17^{XII}/₆ 91, что надо понимать как 6 февраля 1791. Начало письма гласит:

⁴²³ НИОР РГБ. М. 1376 (в лист, 54 листа).

⁴²⁴ Синодальный пер.: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». — *Ред.*

Достойный и любезнейший Брат!

Владимир Иванович.

Во имя великаго Иеговы, в силу закона наименовав вас и подтвердя путеводителем в Теоретическом Градусе Соломоновых Наук, яко главнаго в оном надзирателя над братьями: Семеном Степановичем Сребдольским, Васильем Ферапонтовичем Родоменовым и Гаврилом Петровичем Зотовым, и над теми, коих и впредь за благо признано будет вам в' верить; рекомендую вам, достойной и любезнейшей брат, начать работы сии так скоро, как обстоятельства вам позволят. Управляя оными в сем Градусе и братьями, кои под вашим надзиранием суть ныне и впредь будут, соображайтесь во всей точности обрядам и законам Градуса, присем к вам доставляемым, и повелениям вашего непосредственного начальника во святом ордене ⁴²⁵.

Первое собрание состоялось 12 апреля 1791, и затем ложа теоретических братьев в Вологде работала под управлением Остолопова в 1791 и 1792 ⁴²⁶, причем С. С. Сребдольский был порядоначальником, а В. Ф. Рудометов — секретарем. Протоколы собраний сохранились в архиве С. С. Ланского ⁴²⁷. Всех собраний было семь: 12 апреля, 26 мая, 30 июня, 24 сентября, 13 октября

⁴²⁵ НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 373. Л. 52—52об. В рукописи написание слов с заглавной и строчной буквы практически неразлично, запятые отсутствуют. В том же архиве есть 1) черновой автограф письма; 2) инструкция теоретического градуса, тетрадь in-folio. Списки начала XIX в. писем И. А. Поздеева В. И. Остолопову см. также: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 627 — *Ред.*

⁴²⁶ Пыпин—Вернадский № 113.

⁴²⁷ Ныне рукопись НИОР РГБ. М. 2167 (в лист, 17 листов).

1791; 1 апреля, 21 мая 1792. Об этой ложе упоминали в своих показаниях 1792 года Новиков⁴²⁸ и Лопухин⁴²⁹.

Василий Ферапонтович Рудометов в 1783 был армии сержант, Вологодский уездный землемер; он был ритором ложи Северной Звезды, зиму 1783/84 провел в Москве. В 1792 Новиков⁴³⁰ называет его «городовой землемер», что не находит себе подтверждения в «Месяцослове». — Семен Степанович Сребдольский (письмо Поздеева, протоколы теоретического градуса), Средбольский (список Астреи) или Сердобольский (показания Новикова), землемер, в списке московской ложи Астреи от 25 ноября 1783 показан среди членов 1-й степени. Новиков называет его «губернский землемер», что опять-таки из «Месяцослова» не явствует. — Гавриил Петрович Зотов, согласно показанию Новикова, был губернский секретарь.

Сохранилось⁴³¹ собственноручное предсмертное письмо В. И. Остолопова, написанное 14 апреля 1815, в 6-м часу утра, из Вологды, и обращенное к пяти масонам: И. А. Поздееву, графу М. Ю. Виельгорскому, А. П. Римскому-Корсакову, П. С. Лихонину и А. С. Волоцкому — с просьбой позаботиться о внебрачном сыне Остолопова, Аполлоне, которого он не успел усыновить.

⁴²⁸ Сб. РИО II. С. 149 и 152.

⁴²⁹ Лонгинов. С. 0133.

⁴³⁰ Сб. РИО II. С. 152.

⁴³¹ НИОР РГБ. М. 1955.

Примечание 23

Кирилл Степанович Рындин

Род. 1752, ум. 8 февраля 1809 в Петербурге⁴³². 1765–1778 на военной службе, 1769–1774 участвовал в турецкой войне; 1778–1780 председатель Костромской верхней расправы, а затем Костромского губернского магистрата; с 31 июля 1780 советник Вологодского наместнического правления; 24 мая 1783 определен председателем 2-го департамента Вологодского верхнего земского суда; 29 июня 1784 переведен председателем Архангельской гражданской палаты; 14 ноября 1785 возвращен в Вологду председателем уголовной палаты. 22 сентября 1792 Рындин назначен поручиком правителя Костромского наместничества, при правителе (1788–1796) генерал-поручике Иване Варфоломеевиче Ламбе, масоне; до него, в 1788–1792, поручиком правителя был статский советник Иван Варфоломеевич Страхов. 28 июня 1796 Рындин переведен в Петербург обер-прокурором в межевом департаменте Сената. 14 октября 1800 назначен сенатором во временном межевом департаменте, а 12 декабря 1806 перемещен в 4-й департамент⁴³³.

Время вступления К. С. Рындина в масонство неизвестно, но, вероятно, первые встречи с масонами произошли еще во время турецкой кампании. С сентября 1783 по июнь 1784 Рындин занимал место мастера стула ложки Северной Звезды в Вологде.

⁴³² См. о нем: РБС. Т. «Романова—Рясовский». С. 702–703 [авторы — Н. Мурзанов, Б. М. Одзалецкий].

⁴³³ Мурзанов Н. А. Правительствующий Сенат (господа Сенат). 22 февраля 1711 — 22 февраля 1911. Список сенаторов. СПб., 1911. С. 41.

Сохранилось его донесение в Директорию VIII провинции, от [21] сентября 1783 из Вологды, и письмо к нему И. А. Поздеева от 18 октября 1783 «с заводу».

Сын Рындина Петр Кириллович был членом ложы Северных Друзей в Петербурге: 1817 принят в ученики, 22 октября 1817 в товарищи ⁴³⁴.

Примечание 24

Фридрих-Давид Ленц

Упомянутый Шрёдером Ленц был не Христиан-Давид, отец Якоба, как полагал Барсков ⁴³⁵, а старший брат Фридрих-Давид — тот самый, которого поэт однажды письменно назвал «наполовину своим врагом» ⁴³⁶. Ф.-Д. Ленц (1745—1809) был в 1767—1779 проповедником в Тарвасте, в 1779—1809 обер-пастором в Дерпте. Кроме того, с 1788 он состоял первым ассессором городской консистории и инспектором городской школы, а в 1803 занял место лектора эстонского и финского языков в Дерптском университете ⁴³⁷.

⁴³⁴ НИОР РГБ. М. 1915. Л. 40.

⁴³⁵ Барсков. С. 310.

⁴³⁶ Розанов. С. 287; ср. с. 450—451.

⁴³⁷ О нем и его сочинениях см.: *Recke—Napiersky*. Bd. III. S. 43—46; *Nachträge*. Bd. II. S. 8—9.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

*Письмо И. Ф. Вегелина неизвестному*⁴³⁸

So schmeichelhaft es für mich wäre dem Zutrauen zu entsprechen, welches Sie in mich setzen, so wenig darf ich hoffen, daß die Geschichte der M<aurer>ey in Moskva zu den Zeiten des bekannten Professors Schwarz, so wie ich sie Ihnen geben kann, Ihnen ein Genüge leiste. Ein Zeitraum von einigen 30 Jahren und der gänzliche Mangel der gegenseitigen Mittheilung haben das meiste, diese merkwürdige Periode Betreffende aus meinem Gedächtnisse vertilgt: kaum erinnere ich mich noch der vornehmsten Thatsachen. Und selbst diese können von mir nur in dem Lichte dargestellt werden, in welchem ich sie damals, als Neuling in der M<aurer>ey und in einem Alter

⁴³⁸ Печатается по рукописи НИОР РГБ. Ин. 443. Л. 134–141об. Скорее копия или авторский отпуск, чем тот экземпляр, который был отправлен адресату, ибо нет подписи. По началу видно, что письмо относится к 1815–1818; адресовано оно, по-видимому, И. А. Розенштрауху, среди бумаг которого сохранилось. Автором его, несомненно, был И. Ф. Вегелин, ибо первый ритор ложи Трех Знамен, Штейнхейзер, в 1779 имел уже 4-ю степень, автор же письма лишь в 1782 был принят в 1-ю; третий же ритор, поэт Ленц, умер 24 мая 1792. Письмо составлено в духе явно пристрастного и несправедливого, с искажением самых достоверных фактов; последнее, впрочем, может происходить не столько от предвзятой враждебности, сколько от забывчивости и невнимательного отношения.

von 25 bis 30 Jahren, sah, ein Licht, welches leicht zu einer nachtheiligen, wenigstens falschen Beurtheilung derselben verleiten könnte. Nur einem so scharfsichtigen, erfahren und dabey so nachsichtsvollen B<ruder> darf ich's wagen meine, oft einseitigen und vielleicht nicht ganz vorurtheilsfreyen Ansichten und unvollkommenen Erfahrungen mitzutheilen. Noch mehr aber nehme ich Ihre Nachsicht in Anspruch, wenn ich mehr von mir selbst spreche als schicklich ist und ich thun möchte. Die Absicht Sie in Stand zu setzen, den Grad der Glaubwürdigkeit des Gesagten zu würdigen, mag diese Unschicklichkeit bey Ihnen entschuldigen.

Mein Examen bey der Kayserl<ichen> Universität zu Moskva erwarb mir Gönner und Freunde und unter diesen den Herrn Prof<essor> Schw<arz>, welcher mich mit Lob und Höflichkeiten überhäufte und auf dessen Empfehlung ich bald darauf, bey dem Sohne des Fürsten N<ikolai> T<rubetzk>oy, als Lehrer angestellt wurde. Dieses Haus war, mir unbewußt, der Mittelpunkt der moskovischen Maurerey. Das Beyspiel seines Stiefbruders M<ichael> Ch<erask>ow, Curators der moskovischen Universität (ein sehr bedeutendes Mitglied des O<rden>), hatte die meisten Professoren und sehr viele Studenten zur Nachfolge vermocht. Außer diesen zählte der O<rden> noch eine Menge Mitglieder aus allen Ständen, deren viele bey der Regierung und den wichtigsten Tribunälen angestellt waren. Ein Gespräch über die egyptischen Hieroglyphen gab dem Fürsten Tr<ubetzk>oy Gelegenheit meine Neugierde zu spannen. Durch Versprechungen von Aufschlüssen über diesen, mir so nahe am Herzen liegenden Gegenstand, erregte er in mir den Wunsch in den O<rden> aufgenommen zu werden. Mein Wunsch wurde erfüllt; aber nicht meine Erwartungen. Dagegen machte ich Erfahrungen, die ich gar nicht beabsichtigt, nicht einmal geahndet hatte. Es war der Zeitpunkt des Congresses im Wilhelmsbade, der so viel Aufsehen in ganz Europa erregte. Auch von Moskva aus wurden Deputirte dahin gesandt, die mit Papieren und Dokumenten zu versehen waren. Diese wurden größtentheils von dem jetzigen

Staatsrathe und Rector der Univers<ität> zu Moskva H<einrich> H<eim> und von mir geschrieben. Bemerken Sie gefälligst, daß ich damals so eben erst in den O<rden> aufgenommen war. So wenig ich auch anfangs aus diesen, jedem andern wichtigeren Papieren begriff, so lernte ich doch bald einsehen, daß der O<rden> in Moskva ganz etwas anderes bezweckte, als ich darinn zu finden gehofft hatte. Mein Blick war durchaus auf das Intellectuelle gerichtet; mein Geist lechzte nach Licht und dieses ward ihm nicht. Die Spannung zwischen Schw<arz> und Braunschweig, die Wiederherstellung des T<empel->H<erren> O<rdens>, die rastlose Thätigkeit der höhern Mitglieder des O<rdens> große Geldsummen zusammen zu bringen, oft nach dem Grundsatz «der Zweck heiligt die Mittel», wovon ich mehrmals Zeuge war, schienen mir blos auf die Form des O<rdens> Beziehung zu haben und hatten wenig Int<e>resse für mich. Dennoch ließ man mich schon damals hoffen, daß wenn ich treu und beständig wäre bis zum Tode, ich mein Glück durch den O<rden> machen könne. Mein ungeduldiges Streben nach intellectueller Bildung, nach Aufklärung, meine zudringlichen, verfänglichen Fragen, die zuweilen in Verlegenheit setzten, machten endlich meine Vorgesetzten aufmerksam. Man hatte mich zu tief blicken lassen; man ließ mich mehrere Grade auf Einmahl überspringen und gab mir des Lichtes bis zur Uebersättigung und Bewusstlosigkeit, so daß ich noch jezt nicht weiß, wie weit ich in der M<aure>ey vorgerückt bin, zumahl da ich bald nachher absichtlich in der Entfernung gehalten und nie zu den Arbeiten der höhern Grade zugelassen wurde, welches wohl meine eigene Schuld gewesen seyn mag. Dieses darf um so weniger auffallen, da dergleichen Unregelmäßigkeiten öfters Statt fanden. So wurde mein Schwager, ein würdiger B<ruder>, der unlängst zum Lehrlinge aufgenommen worden war, zur <Loge> eingeladen und befand sich, zu seinem großen Erstaunen, in einer schottischen Meister-<Loge>, zu welcher er nachher nie mehr Zutritt erhielt. Ursachen, welche unten angeführt werden sollen, machten mich dem O<rden> von Tage zu

Tage fremder, so wie den bey weitem größeren Theil der Mitgtieder der <Loge> zu den 3 Fahnen, deren Redner ich war. Nicht allein mit Gleichgültigkeit, sondern mit Zufriedenheit sahen wir endlich die Regierung Maßregeln ergreifen, die den Arbeiten unserer entarteten <Logen> ein Ende machen. So viel von meinen maurerischen Schicksalen.

Die Seele, die Feder, welche die ganze Maschine des F<rei>-M<aurer> O<rdens> in Moskva in Bewegung setzte, war H<err> Prof<essor> Schw<arz>, ein Unger von Geburt, der ohne eine einzige Sprache richtig zu sprechen und ohne reelle Schulkenntnisse zu besitzen, Professor bey der Kayserl<ichen> Univ<ersität> zu Moskva war und für einen grundgelehrten Mann galt. Zweifel gegen seine Geschicklichkeit laut werden zu lassen, wäre für ein unverzeihliches Verbrechen gehalten worden, und vielleicht habe ich auch diesem Umstande mit meine Zurücksetzung zu verdanken. Das immerwährende Magister dixit, Schw<arz> hat's gesagt, in der Absicht jeden Zweifel niederzuschlagen, wurde mir endlich unausstehlich, und ein einfaches «auch er ist ein Mensch und kann irren» zog mir einen Verweis zu. Er hatte bey der ost-indischen Compagnie in Holland als Unter-Offizier gedient und einige Jahre in Ost-Indien zugebracht. (Mehrere B<rüder> hielten ihn für verrückt, weil er die Linie paßirt hatte, welches sein unglaublicher, bis zur Wuth steigender Jachzorn und seine, zuweilen wahrlich alberne Unüberlegtheit bey manchen ausser Zweifel setzte.) Er war hart, finster, sehr ernsthaft, lachte nie und selbst sein Lächeln war gezwungen und unnatürlich. Er war zerstreuet und bey wichtigen Fragen sogar, die er that, sah man ihm an, daß er an etwas anderes dachte. Dabey war er versteckt und — ich fürchte — ein geübter Heuchler. Er war im eigentlichen Sinne Despot, litt keinen Widerspruch und keinen Zweifel. Der Ton seiner Stimme war der eines Gebieters; seine Augenbraunen immer zusammengezogen. Nie verlor er den Zweck seines määurerischen Daseyns aus den Augen und gebrauchte jedes Mittel ohne Unterschied, welches zu Erreichung desselben beytragen

konnte. Damit man diese Schilderung seines Charakters nicht für zu grell, oder gar für verläumderisch halte, hier ein Beyspiel. Schw<arz> hielt Sonntag Abends öffentliche Vorlesungen, die vorzüglich von Gliedern des O<rdens>, auch von Frauenzimmern besucht wurden und denen ich, mit meinem Zöglinge, einem Knaben von 10 Jahren, ex officio beywohnen mußte, welches ich auch, ich gestehe es, ohne Verpflichtung gethan hätte. So wenig Schw<arz> auch der russischen Sprache mächtig war, in welcher er las, so interessant waren die Wahrheiten, welche er vortrug und die um so neuer schienen, je veralterter und unbekannter die Quellen waren, aus welchen er schöpfte. Seine Zerstreuung machte, daß sich zwischen dem Vortrage Kants, dessen ich mich damals noch lebhaft erinnerte, und dem seinigen eine Parallele ziehen ließ. So wie dieser große Weltweise warf Schw<arz> alles bunt durcheinander und überließ es dem Zuhörer das Gehörte zu ordnen und (dieses war oft der Fall) die Spreu von dem Weizen zu sichten. So wie Kanten fehlte ihm endlich oft der Ausdruck zum Gedanken; ihm aus Unkunde, jenem aus Unvollkommenheit der Sprache. Die Kraft, mit welcher er sprach, die Dreustigkeit, ich möchte beynahe Tollkühnheit sagen, mit welcher er ohne alle Rücksicht politische und kirchliche Mißbräuche geißelte, erregten Staunen, und mehr als Einmahl fürchtete ich für ihn die Rache der Geistlichkeit und besonders des Mönchsstandes, welchen er, bey jeder Gelegenheit auf die unbarmherzigste Art mitnahm. (Ein Gerücht sagte, er sey selbst, in seinen jüngern Jahren, dem Kloster entsprungen). Durch diese Unbesonnenheit soll sich Schw<arz> in der Folge eine Reihe von Unannehmlichkeiten zugezogen haben, die seinen Tod beförderten. Das Gehirn dieses wilden, unausgebildeten Genies war in immerwährender Gährung, und man hätte müssen — es klingt freylich hyperbolisch — es, gleich einem siedenden Kessel, brausen hören können. In einer dieser Versammlungen hatte sich auch der Kanzler des O<rdens> H<err> v<on> T<atischtsche>w eingefunden, ein eben so begrenzter (ein Deutscher, sehr großer u<nd> plumper B<ruder>, Namens F—t, war zur

Aufnahme in den T<empel->H<erren->O<rden> vorgeschlagen worden. T<atistsche>w erhob Zweifel dagegen, weil der Aufzunehmende kein guter Reiter seyn könne) als reicher, aber mehr als beydes geiziger Mann. Nachdem Schw<arz> seine Vorlesung geendigt hatte, wandte er sich an ihn, erhob seine Freygebigkeit bis in den Himmel und dankte ihm feyerlichst für ein Geschenk in Büchern, an Werte 800 R<ubel>, welches dieser an arme Seminarien gemacht hatte. Schw<arz> war von dem Fürsten T<rubetzk>oy, in dessen Hause ich war, zum Abend-Essen eingeladen worden. Wir setzten uns in den Wagen und nun begann Schw<arz>, ohne auf mich und den Secretaire Ch<erask>ows, einen eben nicht viel ältern B<ruder> als ich, Rücksicht zu nehmen: «So muß man die Füchse fangen! Der Gimpel von T<atistsch>ew läßt sich von dem ihm so freygebig gespendeten Lobe kirren und schenkt uns die 18 000 R<ubel>, welche wir ihm in 3 Tagen zahlen müssen. Ich habe die Anordnung getroffen, den B<ruder> mit dem Gelde zu ihm zu schicken, um die Handschrift einzulösen. Er muß sich doch zum T<eufel> schämen das Geld anzunehmen.» Aber der Herr Kanzler schämte sich nicht, nahm das Geld an und zog sich dadurch die Verachtung, ja gar den Haß der Obern des O<rdens> zu. Welchen Eindruck dieses offene Geständniß auf mich machen mußte, auf mich, der ich mich durch aufrichtige Anhänger an Tugend und Redlichkeit geleitet wähnte, läßt sich denken. Schw<arz>ens Jachzorn ging so weit, daß er am Johannisfeste, welches in Kunzovo gefeyert wurde, den Degen gegen einen Bruder zog (man hatte ihn in das Dikkigt des Waldes geführt) und ihn vielleicht erstochen hätte, wenn ihm die ihn begleitenden B<rüder> nicht in den Arm fielen.

Prof<essor> Schw<arz> unternahm eine Reise nach Deutschland (ob als Deputirter nach Wilhelmsbad, oder nachher, ist mir entfallen). Er kam mit mystischen Schätzen und Büchern bereichert zurück und von diesem Augenblicke an enthüllte sich der Geist der hiesigen M<aure>ey. Bisher hatte man das meiste so ziemlich auf Verbreitung der Sittlichkeit und Religiosität

deuten, und was dieser entgegen zu wirken schien, als individuell<l>, oder auch der Form des O<rdens> anpassend, betrachten und entschuldigen, wenigstens dulden können; jetzt wurde<n> den B<rüdern> Beten, Fasten, Kasteyungen und andere Uebungen angewiesen. Schwärmerey, Aberglauben, Wunder, Adeptenwahn waren an der Tages-Ordnung. Man verwarf die Vernunft; man erklärte ihr den Krieg; man entfernte die an ihr festhaltenden, wenn man sie nicht gar haßte. Die albernsten, absurdesten Märchen wurden verbreitet; man athmete nur das Uebernatürliche; man sprach nur von Erscheinungen, von göttlichen Einwirkungen, von der Wunderkraft des Glaubens. Schw<arz> hatte z. B. aus Deutschland die prima und secunda materia des Goldes mitgebracht, welche auserwählten, begünstigten oder leichtgläubigen B<rüdern> geheimnißvoll gezeigt und zur Bekräftigung mit echtem Golde, als Produkt der erhabenen Kenntnisse des höhern O<rdens>, belegt wurden. Der abentheuerliche Selbstmord des berüchtigten Sch<repfer> in Leipzig wurde dem Teufel in sichtbarer Gestalt zugeschrieben und jeder Zweifel strenge untersagt. «Ich habe B<ruder> S<chwarz> immer abgeraten,» sagte einst Fürst T<rubetzk>oy zu mir, «Gelehrte aufnehmen zu laßen. Diese Menschen vernünfteln immer und können nie wahre B<rüder> werden, oder zu den Geheimnissen des O<rdens> zugelassen werden. Man muß die Vernunft gefangen nehmen u<nd> den Befehlen der Obern **blindlings** gehorchen, sie mögen der Vernunft entsprechen oder widersprechen. Gehorsam ist besser als Opfer.» Dennoch vermochten diese Vorstellungen, welche oft und von verschiedenen B<rüdern>, ja selbst vom Stuhle ans Herz gelegt wurden, weder die denkenden B<rüder> der <Loge> zu den 3 Fahnen noch mich zur gewünschten Sinnes-Aenderung zu bewegen. Ich protestirte öffentlich gegen den Befehl, dem Aufzunehmenden blinden Gehorsam gegen die unbekannten Obern einzuschärfen und zog mir dadurch die Abneigung der vornehmsten Mitglieder des O<rdens> zu, so wie die <Loge> z<u> d<en> 3 Fahnen, deren Redner ich war und die, mit mir einstimmend, mich

unterstützte. Diese unbekannten Obern gingen allein den höhern O<rdens> an: ich hielt es für unschicklich, von dem Aufzunehmenden, sogleich bey seiner Aufnahme, mehr zu erpressen, als ein ehrlicher Mann, bey kalter Ueberlegung leisten darf.

Mehrere <Brüder> unserer <Loge> und auch ich lasen damals Nicolai's Reisen durch Deutschland und die wider den Oberhofprediger Stark erschienenen Schriften, den ihm angeschuldigten Krypto-Katholizismus betreffend, und glaubten in den veränderten, in den <Logen> eingeführten Gebräuchen, mehr noch in den Mittheilungen der höhern Glieder des O<rdens> offenbare Anzeigen dieser geheimen Machinationen zu finden: daher unsere Unbiegsamkeit, unser standhafte Widerstand, der die gänzliche Entfernung unserer <Loge> von den Arbeiten des höhern O<rdens> zur Folge hatte und unserer <Loge> den Beynamen der widerspänstigen, der revoltirenden zuzog.

Professor Schw<arz> erkrankte und starb — arm. Von seinen letzten Stunden und seinem Hinscheiden verbreiteten sich Gerüchte im Geiste der damaligen M<auren>ey, die ich mit Stillschweigen übergehe, um des Unsinnns nicht noch mehr zu schildern; obgleich mehrere unserer <Brüder>, denen es nicht an Gelegenheit fehlte in der Nähe zu beobachten, mehrere Umstände nicht vereinen konnten und unentschlossen blieben, ob sie ihnen nicht, zum Theil, Glauben beymessen sollten. Merkwürdig ist's mir immer geblieben, daß einer dieser <Brüder>, der mir sehr genau als ein kluger, vorurtheilsfreyer Mann bekannt war, auch Schw<arz> in seiner Krankheit öfters besucht und gesprochen hatte, noch vor 6 Jahren behauptete, Schw<arz> sey nicht todt, sondern würke außer Rußland unter verändertem Namen. Diese Behauptung ist nicht allein mir, sondern auch dem alten, blinden B<ruder> F...t bekannt, gegen den, so wie gegen mich, sie mehr als Einmahl geäußert wurde.

Schw<arz> hatte mit eisernem Scepter über eine Menge sehr angesehener <Brüder> geherrscht, die sich alle (die widerspänstige <Loge> zu d<en>

3 F<ahnen> ausgenommen) bis auf Einen, den B<ruder> N<ikolai> N<owiko>v, blindlings seinem Willen unterwarfen. N<owiko>v, Lieutenant u<nd> Inhaber einer Buchdruckerey, schien allein noch eigenen Willen behalten zu haben und war **dennoch**, wenigstens anfangs, die rechte Hand Schw<arz>ens, zuletzt aber, wie ich vermuthe, sein Gegner. Meiner Meinung nach arbeitete Schw<arz> mit dem ihm eigenen Feuer-Eifer zu dem ihm bekannten Zwecke hin, zu dessen Beförderung er vielleicht nach Rußland gesandt worden war, N<owiko>v dagegen benutzte diesen Zweck als Mittel zu eigenen Vortheilen. Die Mißhelligkeiten und die Spaltung, welche daraus zwischen diesen zwey Säulen des O<rdens> entstehen mußte, mag den Tod des leidenschaftlichen Schw<arz> befördert haben.

N<owiko>v nahm seine Stelle ein und herrschte seitdem eben so unbeschränkt als vormals Schw<arz>. Durch die Ueberlegenheit seines Verstandes und die genaue Kenntniß seiner Nation und vorzüglich der angesehensten <Brüder> des O<rdens> erwarb er sich bald unbegrenztes Zutrauen und blinde Unterwürfigkeit. Er besaß in einem hohen Grade die Kunst die Neigungen und Leidenschaften anderer zu seinem Zwecke zu benutzen. Mancher wähnte nach eigenem Willen zu handeln und beförderte dennoch, sich selbst unbewußt, die Absichten des feinen N<owiko>vs. Unter seiner Leitung breitete sich der O<rdens> vorzüglich aus. Es wurden <Logen> in mehreren entfernten Provinzen des Reiches errichtet und, wie ich in Kasan erfuhr, selbst in Tobolsk und Irkuzk. Der herrschende Geist der M<aurer>ey blieb nicht allein derselbe, sondern verschlimmerte sich vielmehr. Man hörte Seufzen und Stöhnen in den <Logen> und die Tafel-<Logen> glichen den Refektorien der Klöster, von welchen jede, auch noch so unschuldige Aeüßerung der Freude entfernt blieb. Speisen und Getränke wurden nach Zahl und Gewicht genossen; nur eine bestimmte Anzahl Kanonen abgefeuert und die Speisen mit mystischen Gesprächen und Gebeten gewürzt. Was aber die Regierung N<owiko>vs vor allem auszeichnete, waren die Unternehmungen

des O<rdens>, zu deren Bestreitung ungeheuere Summen erfordert und herbeygeschafft wurden. Das Seminarium für Lehrer, welches schon Schw<arz> gestiftet und zu dessen Besetzung 20 junge Leute aus dem Innern des Reiches hatte herbeytreiben lassen, von welchen einige noch jezt, hier u<nd> in andern Städten Rußlands, ansehnliche Ehren-Aemter bekleiden; die außerordentliche Vergrößerung und zweckmäßigere Einrichtung der Druckerey N<owiko>vs, welche Aufklärung und Religiosität, im Sinn der M<auren>ey verbreiten sollte (der Vorrath an Verlag dieser Druckerey des O<rdens>, oder vielmehr N<owiko>vs, wurde, als er nach mehreren Jahren öffentlich ausgedoten wurde, 500 000 Rbl. geschätzt); die Anlegung einer Apotheke u<nd> d<es> g<leichen> wurden, so unermeßliche Summen sie auch kosteten, bestritten; dadurch aber auch das Vermögen so manches reichen und freygebigen B<ruder>s gänzlich erschöpft. Ich könnte einige vormalige Millionärs nennen, die sich in diesem Falle befinden u<nd> jezt bey nahe am Bettelstabe daher schleichen.

Die grosse Ausdehnung des O<rdens> (man zählte schon 800 Mitglieder in den moskovischen und den mit denselben verbundenen <Logen>), seine Unternehmungen, vielleicht die Verarmung mehrerer, vormals begüterter Familien und (so sagte man) ein noch geheimerer, nur wenigen <Brüdern> bekannter Zweck erregten die Aufmerksamkeit der Regierung. Ehe aber noch das Ungewitter losbrach, welches den O<rden> zermalmete, machte man noch einen Versuch die <Loge> zu d<en> 3 F<ahnen> auf den rechten Weg zu leiten. Man gab ihr einen andern Meister vom Stuhl, einen gewissen Major v<on> Hüene, der sich sehr müdete sie umzuschaffen; allein es war nichts aus ihr zu machen: der Geist, in welchem er wünschte, dass sie arbeiten möchte, blieb ihr fremd. Von unseren damaligen Tisch-<Logen> gilt das von den Tisch-<Logen> oben überhaupt gesagte. Ein Beweis des Geistes, in welchem B<ruder> H<üen>e arbeitete, sey folgender. Um des Umganges mit höhern Geistern gewürdigt zu werden, empfahl er folgendes

Mittel. Man fastet und betet 9 Tage und 9 Nächte lang, den Geist ununterbrochen auf die Gnade gerichtet, welche man durch diese Kasteyung von Gott erzwingen will: denn das Himmelreich muß Gewalt erleiden. Am 9-ten Tage, wäscht man sich und legt sich um 9 Uhr des Abends zu Bette, löscht das Licht aus und liegt, in immerwährendem Gebete, mit offenen Augen, die Erscheinung erwartend, bis Mitternacht. Nach H<üen>es Versicherung war dieses Mittel unfehlbar; auch mag ich nicht daran zweifeln. Dennoch fand es bey den <Brüdern> der <Loge> zu den 3 F<ahnen> keinen Beyfall, im Gegentheil hörten von nun an mehrere <Brüder> auf die <Loge> zu besuchen. Herr v<on> H<üen>es Anstrengungen die verirren Schäfchen wieder zur Heerde zu bringen blieben indessen, was seine Person betraf, nicht ohne Belohnung. Es gelang ihm seine Schwester, ein sehr armes Fräulein, an den sehr reichen Sohn eines ansehnlichen B<ruders> zu verheirathen.

Als endlich der Befehl der grossen Catharina den Arbeiten der hiesigen <Logen> plötzlich ein Ende machte, zog sich N<owiko>v auf sein Landgut zurück, von wo aus er über den ganzen Kreis, der seinen Wohnsitz umgab, Wohlthaten verbreitete. Hunderte schluchzender Menschen begleiteten den Wagen, welcher ihn von da nach S. Petersburg abführte. Der Ausruf «Man nimmt uns unsern Vater, unsern Wohlthäter» ertönte aus jedem Munde. Man sprach bey dieser Gelegenheit von weitaussehenden Absichten, die dieser Wohlthätigkeit und Popularität zum Grunde liegen sollten.

Seit seiner Befreyung lebt N<owiko>v dort still und ganz eingezogen, beynahe von der Welt vergessen, und lässt durchaus nichts mehr von sich hören. Die Witwe Schw<arz> lebte mehrere Jahre mit ihm auf diesem Landgute und lebt vielleicht noch jetzt daselbst.

Hier haben Sie, verehrter B<ruder>, das Resultat der Erfahrungen u<nd> Meinungen vieler vormaligen Mitglieder der <Loge> zu d<en> 3 F<ahnen>, so wie der meinigen. Fehlten mir jetzt nicht alle Schattirungen

der angeführten Thatsachen, so würde ich vielleicht manches in einem andern Lichte vorstellen, vielleicht manches anders beurtheilen. Was ich geschrieben habe, ist der allgemeinen Meinung der <Brüder> unserer <Loge> gemäß, welche treu darzustellen ich mir zur Pflicht gemacht habe, so abweichend sie auch von der Meinung anderer, ja selbst von der Wahrheit der Ansicht seyn dürfte.

Перевод:

Сколь ни лестно было бы для меня соответствовать выказанному Вами доверию, едва ли могу я надеяться удовлетворить Вас, передав, насколько сумею, историю масонства в Москве времен известного профессора Шварца. Временной промежутки в три десятка лет и совершенное отсутствие обоюдного общения стерли из моей памяти воспоминания о большинстве людей, с которыми я встречался в тот знаменательный период: я едва способен вспомнить разве что наиболее значительные события. Но и их могу я представить лишь в том свете, в коем видел их тогда новичок в масонстве, молодой человек в возрасте от 25 до 30 лет, — в свете, могущем легко соблазнить к невыгодным, по меньшей мере — к ошибочным суждениям. Лишь со столь проникательным, многоопытным, а потому столь снисходительным братом могу я дерзнуть поделиться своими часто односторонними, вероятно, не вполне свободными от предубеждений взглядами и несовершенным знанием. Но к еще большему Вашему снисхождению взываю я там, где мне приходится о себе самом говорить более, чем допускают приличия и чем мне хотелось бы. Мое намерение дать Вам возможность оценить степень достоверности сказанного пусть послужит извинением моей нескромности в Ваших глазах.

Сдав экзамен в Московский Императорский университет, я приобрел себе покровителей и друзей, среди коих был господин профессор

Шварц, осыпавший меня похвалами и всячески обнадеживший. По его рекомендации я вскоре был принят на место учителя при сыне князя Николая Трубецкого, не зная, что этот дом является средоточием всего московского масонства. Пример его сводного брата, куратора Московского университета Михаила Хераскова, весьма видного члена Ордена, подвигнул большинство профессоров и очень многих студентов последовать по его стопам. Кроме них, Орден насчитывал еще целый ряд членов из всех сословий, многие из которых состояли в правительстве и важнейших коллегиях. Одна беседа о египетских иероглифах дала возможность князю Трубецкому разжечь мое любопытство. Обещаниями дать разъяснения об этом столь взволновавшем меня предмете он возбудил во мне желание быть зачисленным в Орден. Мое желание исполнилось — но не мои ожидания. Напротив, мне предстояли впечатления совсем неожиданные, которых я никак не мог бы предугадать. Это было время Вильгельмсбадского конгресса, привлечшего так много внимания во всей Европе. Также и из Москвы туда были посланы депутаты, каковых надобно было снабдить бумагами и документами. Последние были написаны большею частью теперешним статским советником и ректором Московского университета Генрихом Геймом и мною. Заметьте, пожалуйста, что я тогда был только-только принят в Орден. Как ни мало смыслил я поначалу в этих бумагах — любому другому они были бы более интересны, чем мне, — все же вскоре я научился понимать, что московский Орден устремлен к чему-то совершенно иному, чем то, что я надеялся найти в нем. Мой взор был устремлен исключительно к интеллекту; мой дух жаждал света, но не находил его. Напряженные отношения между Шварцем и Брауншвейгом, восстановление Ордена тамплиеров, неутомимая работа высоких членов Ордена по сбору больших денежных сумм, часто по принципу «цель оправдывает средства», чему не раз я был свидетель, — все это, казалось мне, имело отношение лишь к внешней форме Ордена и не представляло для

меня особого интереса. Тем не менее уже и тогда мне оставалась надежда, что если я буду искренен и неуклонен до самой смерти, я смогу благодаря Ордену обрести свое счастье. Мое нетерпеливое стремление к интеллектуальному образованию, к просвещению, мои настойчивые, каверзные вопросы, порою приводившие в замешательство, насторожили наконец моих начальников. Мне дали заглянуть слишком глубоко; мне позволили перепрыгнуть через несколько градусов за раз и просветили меня вплоть до пресыщения и бесчувствия, так что и по сей день я не знаю, как далеко я продвинулся в масонстве, тем более что вскоре после этого меня стали намеренно держать на расстоянии, не допуская к работам в высших градусах, в чем я, вероятно, сам был повинен. Это не должно особо удивлять, поскольку такие нерегулярности случались часто. Так, мой свояк, достойный брат, только что принятый в ученики, был приглашен в ложу и, к своему большому удивлению, оказался в шотландской мастерской ложе, куда впоследствии он больше никогда не получал доступа. В силу причин, которые будут приведены ниже, я с каждым днем все более отдалялся от Ордена, так же как и подавляющая часть членов ложи Трех Знамен, ритором которой я был. Не просто с безразличием, но с удовлетворением наблюдали мы, как правительство прибегло наконец к мерам, положившим конец работам наших выродившихся лож. Вот и все, что касается моей масонской биографии.

Душой свободнокаменнического Ордена в Москве, пружиной, приводившей в движение весь его механизм, был господин профессор Шварц. Венгр по рождению, не умевший правильно говорить ни на одном языке и не получивший никакого элементарного систематического образования, он был профессором Московского Императорского университета и почитался за глубоко образованного человека. Выразить сомнение в его учности было равносильно преступлению, не подлежащему прощению, и, может быть, также и этому обстоятельству я обязан тем, что впал в немилость.

Беспреданное «*Magister dixit*», «Так сказал Шварц», с порога отвергавшее любое сомнение, стало мне наконец невыносимо, и простое замечание: «Он также человек и может ошибаться» навлекло на меня выговор. Он служил унтер-офицером в голландской Ост-индской компании и несколько лет провел в Ост-Индии. (Многие братья считали, что он тронут умом, так как пересек экватор, каковой факт некоторые принимали как несомненный из-за вспышек его невероятного, до бешенства доходящего гнева, а также из-за его порою воистину глупого безрассудства.) Он был суров, мрачен, очень серьезен, никогда не смеялся, и даже улыбки его были деланны и неестественны. Он был рассеян, и даже когда он занимался важными вопросами, можно было заметить, что он думает о чем-то своем. Вдобавок он был скрытен и — боюсь сказать — опытный лицемер. Он был в подлинном смысле слова деспотом, не терпевшим никакого возражения и никакого сомнения. Голос его звучал повелительно; брови всегда были насуслены. Никогда не терял он из виду целей своего масонского бытия и использовал всякое средство без разбора, какое только могло способствовать их достижению. Чтобы это описание его характера не сочли слишком резким или даже клеветническим, приведу один пример. Воскресными вечерами Шварц читал публичные лекции, посещавшиеся в первую очередь членами Ордена, но также и женщинами; я со своим воспитанником, мальчиком десяти лет⁴³⁹, обязан был присутствовать на этих лекциях *ex officio*, но, признаюсь, посещал бы их и без принуждения. Насколько слаб был Шварц в русском языке, на котором читал он лекции, настолько интересны были истины, которые он излагал и которые казались тем более

⁴³⁹ Подразумевается князь Петр Николаевич Трубецкой (род. 14 ноября 1773, ум. 16 ноября 1801), помощник директора Московского университета. См. о нем: МН. Т. III. № 228–229; [Трутовский В. К.] Сказания о роде Трубецких. М., 1891. С. 150, 250, 257; Барсков, по указателю.

новыми, чем дряхлее и неизвестней были источники, откуда он черпал. Рассеянность его наводила на сопоставление с Кантом, манеру которого я тогда еще живо помнил. Так же как этот великий мудрец, Шварц сваливал все подряд в одну кучу, предоставляя слушателю самому упорядочить услышанное, а часто и отделить плевелы от зерен. Так же как Кант, он часто не мог выразить мысль: этот — от неумения, тот — от несовершенства языка. Сила его речи, смелость, можно даже сказать — безрассудная дерзость, с которой он без всякой оглядки бичевал политические и церковные злоупотребления, вызывала изумление, и не однажды опасался я мести ему со стороны духовенства и в особенности монашеского сословия, о котором он беспощадно отзывался при всяком удобном случае. (Ходили слухи, будто он сам в юные годы сбежал из монастыря.) Этой неосмотрительностью Шварц, судя по всему, и навлек на себя впоследствии ряд неприятностей, которые ускорили его смерть. Мозг этого дикого, неотесанного гения был в непрерывном брожении, и можно было услышать бурление — это, конечно, всего лишь метафора, — подобное бурлению кипящего котла. На одном из этих собраний появился также канцлер Ордена господин Татищев, столь же ограниченный (когда один немец, очень тучный и неуклюжий брат по имени F—t, был предложен к приему в орден тамплиеров, Татищев высказал сомнение, поскольку вновь принятый вряд ли может быть хорошим наездником), сколь и богатый, но еще более чем то и другое — скупой человек. После того как Шварц закончил лекцию, он обратился к Татищеву, превознес до небес его щедрость и торжественно поблагодарил за подарок, который тот сделал бедным семинариям, — книги на сумму 800 рублей. Шварц был уже заранее приглашен отужинать у князя Трубецкого, в доме которого я проживал. Мы уселись в коляску, и тут Шварц начал, не обращая внимания ни на меня, ни на секретаря Хераскова, чей масонский стаж был немногим более моего: «Вот как нужно ловить лисиц! Простофиля Татищев попался на столь

щедро отпущенные ему похвалы и подарит нам 18 000 рублей, которые мы должны заплатить ему через три дня. Я распорядился послать к нему брата с деньгами, чтобы погасить вексель. Он же, черт побери, постеснялся принять деньги!» Однако господин канцлер не постеснялся, деньги принял, чем навлек на себя презрение, даже ненависть руководителей Ордена. Можете себе представить, какое впечатление столь откровенные речи должны были произвести на меня, — я-то воображал, что руководим прямыми приверженцами добродетели и чести. В порыве ярости Шварц заходил столь далеко, что однажды в Иоаннов день, который праздновался в Кунцово, он выхватил шпагу против одного брата (его прежде завели в лесную чащу) и, вероятно, заколол бы его, если бы сопровождавшие его братья тому не воспрепятствовали.

Профессор Шварц предпринял поездку в Германию (не припомню, в качестве депутата ли в Вильгельмсбад, или же после этого). Он вернулся, обзаведясь таинственными сокровищами и книгами, и с этого момента разоблачился дух здешнего масонства. Дотоле все сосредоточивалось в основном на распространении нравственности и религиозности, а то, что казалось этому противодействующим, можно было рассматривать как индивидуальное или как издержки приспособления к формам Ордена — и извинить, по крайней мере — стерпеть. Теперь братьям были предписаны молитва, пост, умерщвление плоти и другие упражнения. В порядке дня стояли мечтания, суеверия, чудеса, сумасбродство вокруг адептов. Разум был отвергнут, ему объявили войну; тех, кто за него держался, отстраняли и даже преследовали ненавистью. Распространились пошлейшие, абсурднейшие сказки; воздух был насыщен сверхъестественным; говорили только о явлениях призраков, божественном воздействии, чудотворной силе веры. Так, например, Шварц привез из Германии *prima* и *secunda materia* алхимического золота, которые с величайшей таинственностью показывались избранным, пользующимся высшей бла-

госклонностью, или легковерным братьям, с удостоверяющим приложением настоящего золота как продукта выдающихся познаний высокого Ордена. Авантюрное самоубийство пресловутого Шрепфера⁴⁴⁰ в Лейпциге приписали черту в зримом обличии, строжайше воспретив всякое в том сомнение. «Я всегда отговаривал брата Шварца, — сказал мне однажды князь Трубецкой, — допускать к приему ученых. Эти люди вечно умничают и никогда не смогут стать настоящими братьями или приобщиться к тайнам Ордена. Нужно сковать разум и слепо слушаться повелений начальников, и неважно, соответствуют они разуму или противоречат. Послушание лучше, нежели жертва». Тем не менее подобные представления, которые часто проповедовались различными братьями, да и самим мастером стула, не могли склонить ни меня, ни мыслящих братьев ложи Трех Знамен изменить свои взгляды. Я открыто протестовал против положения, предписывавшего вступающим в ложу слепое послушание неизвестным начальникам, и вызвал этим неприязнь виднейших членов Ордена, распространившуюся и на ложу Трех Знамен, ритором которой я был и которая, разделяя мои настроения, поддерживала меня. Эти неизвестные начальники имели касательство только к высшему Ордену, и я считал неподобающим принуждать принимаемых в Орден, сразу при вступлении, к большему, чем обязательства, коими может связать себя честный муж по трезвом размышлении.

⁴⁴⁰ Johann Georg Schrepfer (род. 1739 в Нюрнберге, ум. 8 октября 1774 в Лейпциге), обманщик, не имевший масонского посвящения, но выдававший себя за розенкрейцера. По профессии — содержатель кафе в Лейпциге, в котором он устраивал вызывания духов и тому подобные фокусы. Запутавшись в обманах, кончил жизнь самоубийством. См. о нем: АНГ². Bd. III. S. 198 (подробнее); АНГ³. Bd. II. S. 355—356 (короче); Барсков, по указателю.

Некоторые братья нашей ложи, и я в их числе, читали тогда у Николаи описание его путешествий по Германии ⁴⁴¹, а также его сочинения, направленные против главного придворного проповедника Штарка, в связи с предосудительным потаенным католицизмом последнего, и считали, что измененные обряды, вводившиеся в ложах, а еще более — сообщения высших членов Ордена явно свидетельствуют об этих тайных махинациях. Отсюда проистекало наше упрямство, наше упорное сопротивление, вызвавшее в конце концов полное отстранение нашей ложи от работ высшего Ордена и создавшее ей репутацию строптивой и бунтовщической ложи.

Профессор Шварц заболел и умер — в бедности. О его последних часах и кончине распространялись слухи в духе тогдашнего масонства, которые я обойду молчанием, чтобы еще более не умножать всякий вздор; хотя некоторые наши братья, не лишённые возможности наблюдать все происходившее вблизи, не могли соотнести различные обстоятельства и остались в сомнении, не должны ли они хотя бы отчасти всему этому поверить. Удивительным для меня остается поведение одного брата: он был мне хорошо известен как умный, беспристрастный человек, к тому же он часто навещал Шварца во время его болезни, беседовал с ним, — так вот, он еще шесть лет тому назад утверждал, будто Шварц не умер, но действует за пределами России под измененным именем. С этим утверждением столкнулся не только я один — старому, слепому брату F...t оно также было не однажды было озвучено.

⁴⁴¹ Christoph Friedrich Nicolai (род. 18 марта 1733 в Берлине, ум. 8 января 1811 в Берлине), критик и книгопродавец-издатель, член Берлинской и Мюнхенской академий наук. Член ложи *zu den drei Weltkugeln* в Берлине, а также ордена иллюминатов; автор многих работ по истории тайных обществ и полемист-антиклерикал. Сочинения эти, в том числе и книги против Штарка, приведены у *Wolfstieg*. Его «Beschreibung einer Reise durch Deutschland und die Schweiz» выходило в Берлине в 1783–1796 в 12 томах. Сведения о Николаи находятся в каждой истории немецкой литературы; специально: ANF³. Bd. II. S. 91–92.

Шварц железным скипетром властвовал над множеством весьма уважаемых братьев, которые все (строптивая ложа Трех Знамен не в счет) слепо подчинялись его воле, за исключением одного брата Николая Новикова. Новиков, поручик и владелец типографии, единственный, казалось, сохранял еще собственную волю, при этом он, по крайней мере сначала, был правой рукой Шварца, впоследствии же, как я полагаю, стал его противником. Я думаю, Шварц работал со свойственным ему пылом в известных ему целях, ради достижения которых он, вероятно, и был послан в Россию, Новиков же использовал эти цели в своих собственных интересах. Недоразумения и расхождения, которые неизбежно возникали между этими двумя столпами Ордена, возможно, ускорили смерть пылкого Шварца.

Новиков занял его место и властвовал отныне столь же безгранично, как прежде Шварц. Благодаря превосходству своего разума и точному знанию своего народа, а прежде всего виднейших братьев Ордена, он вскоре добился безграничного доверия и слепой покорности. Он в высшей степени владел искусством употреблять себе во благо привязанности и страсти братьев. Некоторые, полагая, что действуют по доброй воле, исполняли тем не менее, сами того не ведая, намерения хитрого Новикова. При его руководстве Орден значительно расширился. Ложи учреждались во многих удаленных провинциях империи, а будучи в Казани, я узнал даже о ложах в Тобольске и Иркутске⁴⁴². Господствующий дух масонства не только не изменился, но даже, скорее, ухудшился. В ложах слышались вздохи и стенания, а столовые ложи стали напоминать монастырские трапезные, где были устранены всякие, даже самые невинные проявления радости. Еда и питье поверялись мерой и числом; допускалось лишь определенное количество откупоренных бутылок, а блюда приправлялись мистическими речами и молитвами. Более всего однако

⁴⁴² Ложи в Тобольске и Иркутске остаются неизвестными.

правление Новикова было отмечено различными орденскими предприятиями, покрытие издержек на которые требовало привлечения огромных денежных сумм. Учительская семинария, которая была основана еще Шварцем, привлечшим в ее стены двадцать юношей из недр империи (некоторые из них занимают поныне, здесь и в других городах России, виднейшие почетные должности); значительный рост типографии Новикова и более рациональное ее устройство, в целях распространения просвещения и религиозности в масонском их понимании (книжные запасы этой типографии Ордена, или, вернее сказать, Новикова, были оценены, при выставлении их через несколько лет на открытые торги, в 500 000 рублей); заведение аптеки и тому подобное — на все эти мероприятия, стоившие таких беспредельных сумм, изыскивались деньги; тем самым однако были полностью истощены состояния иных богатых и щедрых братьев. Я мог бы назвать нескольких бывших миллионеров, оказавшихся в таком положении и вынужденных теперь чуть ли не пойти по миру с нищенской сумой.

Значительное расширение Ордена (в московских и связанных с ними ложах насчитывалось уже 800 членов), его предприятия, вероятно также разорение многих прежде состоятельных семей и (как говорили) еще некая тайная, лишь немногим братьям ведомая цель привлекли наконец внимание правительства. Однако до того как разразилась буря, сокрушившая Орден, была предпринята еще одна попытка вернуть ложу Трех Знамен на путь истинный. Ей был дан новый мастер стула, некий майор фон Гюне, который очень старался ее преобразовать; однако ничего из нее сделать было нельзя: дух, который он желал навязать ее работам, оставался ей чужд. Что касается до наших столовых лож того времени, о них можно повторить сказанное выше. Дух же, в котором работал брат Гюне, явствует из следующего средства, рекомендованного им для достижения состояния, когда человек удостоивается сообщения с высшими духами.

Постятся и молятся девять дней и девять ночей напролет, беспрестанно в духе взывают благодати, истязанием этим желая понудить Бога: ибо Царствие Небесное силою нудится. На девятый день омываются, в 9 часов вечера укладываются в постель, погашают свет и до полуночи лежат с открытыми глазами, творя непрестанную молитву, в ожидании явления. По заверению Гюне, средство это действует безотказно, в чем я и не сомневаюсь. Тем не менее оно не нашло никакой поддержки у братьев ложи Трех Знамен, напротив, с этих пор многие братья перестали посещать ложу. Старания господина фон Гюне привести заблудших овечек обратно в стадо не остались однако — в том, что касается его собственной персоны, — без вознаграждения. Свою сестру, очень бедную девицу, ему удалось выдать замуж за очень богатого сына одного видного члена Ордена.

Когда повелением Екатерины Великой работам здешних лож внезапно был положен конец, Новиков уединился в своем имении, откуда его благодетельства распространялись на всю округу. Сотни плачущих людей сопровождали повозку, увозившую его оттуда в Санкт-Петербург. Возгласы «Нас лишают отца нашего, благодетеля нашего!» неслись из каждой уст. Говорили по этому поводу о далекоидущих намерениях, якобы бывших причиной этой благотворительности и популярности.

После освобождения Новиков поселился у себя, живет тихо и уединенно, почти забытый миром, и совсем не дает о себе знать. Вдова Шварца жила многие годы с ним в его имении и, вероятно, живет еще там и поныне.

Таково, достойнейший брат, выражение опыта и мнений многих бывших членов ложи Трех Знамен, равно как и моих личных. Если бы не были мною утрачены ныне все оттенки изложенных фактов, я, возможно, представил бы кое-что в ином свете, кое-что по-другому бы преподнес. Все вышеизложенное выражает общее мнение братьев нашей ложи, честно передать которое я считал своим долгом, сколь бы ни было оно отлично от мнения других и даже от кажущейся истины.

Приложение II

*Протокол о учреждении лож Сфинкса и Елевсины*⁴⁴³

Donnerstag, dem [10]ten February [1782] eröffnete der Hochwürdige Alt-Schottische Ober-Meister Peter von Tatischeff in Gegenwart vieler Hochwürdig<er> dazu erbetner Brüder, die <Loge> Sphinx als Tochter <Loge> der Mutter <Loge> zu den drey Fahnen und ernannte den Hochw<ürdigen> Br<uder> Schipotareff zum Meister vom Stuhl. Der Hochw<ürdige> Bruder Schwartz übernahm den Hammer und arbeitete in den 4 Graden der Maurerey. Und da zu gleicher Zeit die zweite Tochter <Loge> Eleusina gestiftet wurde, so ernannte der Hochw<ürdige> Ob<er> Meister den Bruder Toussaint zum Meister vom Stuhl. Diese <Loge> wird künftig in Teutscher Sprache arbeiten. In der vorgedachten <Loge> Sphinx wurde ein Profan Nahmens Heil in 1ten Grad aufgenommen.

Da durch Ernennung des Br<uders> Toussaint zum Meister vom Stuhl, sein Amt und die Führung dieses Protocols aufhöret, so übergiebt er dasselbe dem Ehr<würdigen> Bruder Heim und schliesset dieses Protocoll.

Ehre sey dem dreymal Grossen BauMeister
der ganzen Welt.

Amen.

Перевод

В четверг, 10 февраля 1782 высокопочтенный старошотландский обер-мейстер Петр Татищев в присутствии многих высокопочтенных по сему случаю приглашенных братьев открыл ложу Сфинкса как дочернюю ложу матери-ложи Трех Знамен и назначил высокопочтенного брата Чеботарева

⁴⁴³ Выдержка из книги протоколов ложи Трех Знамен.

мастером стула. Высокопочтенный брат Шварц перенял молоток и работал в 4-х градусах масонства. А поскольку в то же время была учреждена вторая дочерняя ложа Елевсины, высокопочтенный обер-мейстер назначил брата Туссена мастером стула. Эта ложа будет в дальнейшем работать на немецком языке. В вышеуказанной ложе Сфинкса был принят в первый градус профан по имени Гейль.

Поскольку вследствие назначения брата Туссена мастером стула его должность и ведение этого протокола прекращаются, он передает их достойному брату Гейму и завершает этот протокол.

Хвала Триждывеликому Зодчему

Вселенной!

Аминь.

Приложение III

*Записи речей И. Е. Шварца
в протоколах ложи Трех Знамен*⁴⁴⁴

[18] 2 октября 1783

1) Der H<och> W<ürdige> M<ei>st<e>r fingen die Arbeit mit einer Erklärung an, wodurch er die versammelten Br<üder> mit der Geschichte der Entstehung und des Fortgangs der Alt Sch<ottischen> <Loge> zu den 3 Fahnen bekannt machte; auch zeigte er die Ursachen an, warum Er den Hammer als M<ei>st<e>r v<om> St<uhl> übernehme:

a) Auf besondere Veranlassung der Mutter <Loge> zu den 3 Weltkugeln in Berlin, durch deren brüderliche Vermittelung die unsrige die Constitution erhalten.

⁴⁴⁴ Печатаются по подлинным протоколам, писанным Триттельвицем.

b) Auf wiederholtes Begehren des H<och> W<ürdigen> Alt Sch<ottischen> Gr<oss> M<ei>st<e>rs Peter Alexei<ewitsch> Tatischtschew, als Stifter dieser <Loge> und in dessen Namen.

c) Um sowohl diejenigen Personen, die sich besonders für das Beste des Erziehungs Institut interessieren, näher mit demselben zu verbinden, als auch unter die bey dem Institut angestellten Lehrer gegenseitige Liebe als das Haupt Gesetz des Ordens zu verbreiten und in ihre Herzen den thätigen Trieb des Wohlthuns, ohne welche keine Erziehung von Erfolg seyn kann, anzufachen und zu erhalten.

4) Erklärte der H<och> W<ürdige> M<ei>st<e>r in dieser Zwischen Zeit den anwesenden Br<üdern> verschiedene wichtige Gegenstände der Maurerey und bemerkten besonders, wie durch voreiliges Schliessen und Klügeln über den Zweck des <Orden>s u. d. gl. sich die Schwierigkeiten zur Vollendung zu gelangen nicht nur vermehren, sondern den Maurer von der Bahn ablenke die er aufsuche — dass genaue Erfüllung der Maurerischen Pflichten und Gehorsam gegen dieselbe die grösten Eigenschaften eines Maurers seyn, und legte sodann diese Belehrung den Br<üdern> aufs kräftigste ans Herz.

[19] 9 октября 1783.

1) Nachdem der H<och> W<ürdige> die <Loge> eröf<f>net, nahm derselbe Anlass die Versammlung mit verschiedenen der wichtigsten Epochen der Geschichte der Maurerey zu unterhalten. Er bemerkte, wie im Jahr 1719 <sic!> die M<aure>r<e>y in London in den 3 untern Graden zu arbeiten angefangen, von da sie sich 1723 in die übrigen Theile Europens verbreitet habe. In den Jahren 1740—50 bis 60 entstanden die höheren Grade, und zugleich Partheien und Systeme. Die <Loge> zu den 3 Weltkugeln in Berlin bemühte sich besonders im Jahr 1777 das wahre Licht weiter zu verbreiten. Viele würdige Männer Russlands fühlten den Wunsch sich den wahren Vätern des Lichts zu nähern. Einige wendeten sich an Schweden, hingegen der H<och> W<ürdige> Altschottische Ober M<ei>st<e>r

Peter Alexei<ewitsch> von Tatischtschew an die <Loge> zu den 3 Weltkugeln in Berlin, von welcher unsere <Loge> zu den 3 Fahnen nicht nur die Constitution sondern auch das wahre Licht erhielt. Der H<och> W<ürdige> M<ei>st<e>r v<om> St<uhl> gaben hierbey zu erkennen, wie er auf seiner Reise, die bloß die Maurerey zum Zweck hatte, einen gewissen Br<uder> von Fircks kennen gelernt, dem Er seine Aufklärung, und die Aufschlüsse in der Maurerey zu verdanken habe. Ferner setzte der H<och> W<ürdige> hinzu, dass im Jahr 1780. bey dem allgemeinen Wunsche eines zu haltenden Convents die Br<üder> Russlands dem Gen<eral> Convent zu Wilhelmsbad mit beygewohnt, und auf demselben Russland zur VIII-n freyen Provinz sey erkläret worden. Im Sommer 1782 traten die drey Mutter-<Logen>, zu den 3 Fahnen, Osiris und Latona zusammen, um die erhaltenen Rechte in Wirksamkeit zu setzen. Die <Loge> zu den 3 Fahnen stiftete in dieser Absicht die Töchter-<Logen> Sphynx, Eleusine und Perseus, die die Vorsetzung bishierher so gesegnet, dass man keine Ursache hätte an deren Erhalten zu zweifeln.

4) Während der Zeit instruirte der H<och> W<ürdige> die versammelten Br<üder> aus dem 1723 gedruckten Constitutions Buche von dem erhabenen Zwecke der M<aure>r<e>y und erregte durch die interessantesten Bemerkungen und Erklärungen über diesen Gegenstand die Aufmerksamkeit der Anwesenden auf den höchsten Grad. Er ausserte hierauf

5) Dass ob Er zwar, da Neid, Stoltz, Herrschsucht und Rachsucht bis fast allgemein, und sogar unter den aufgeklärten Br<üdern> Ueberhand genommen, bishero angestanden eine <Loge> als M<ei>st<e>r v<om> St<uhl> zu bekleiden, Er nicht länger den dringenden Wünschen des H<och> W<ürdigen> Alt Schottischen Ober M<ei>st<e>rs P. A. von Tatischtschew, dessen eigenhändiges Schreiben Er vorzulesen die Güte hatte, hätte widerstehen können. Er versicherte mit aller Wärme des Herzens, dass Er nicht nur die Rechte der Provinz aus allen Kräften vertheidigen, sondern

auch als gewissenhafter Mann und Christ diejenigen Kenntnisse, die ihm der Höchste Baumeister der Welten verliehen mittheilen würde, um den eingeschlichenen Misbräuchen so viel wiemöglich fernern Widerstand zu thun. Der H<och> W<ürdige> erklärte zugleich, Er würde vermöge des Auftrags der Obern dieser Provinz sich hauptsächlich auf Instructions-<Logen> einschränken, um die Töchter-<Logen> durch zu häufige Receptiones in ihrem weiteren Fortkommen nicht hinderlich zu seyn, und setzte demnach fest in Zukunft alle zwey Wochen einmal Instructions-<Loge> zu halten.

Er hielt 8) An den H<och> W<ürdigen> Br<uder Peter Petrowitsch> v. Tatischtschew, der in Abwesenheit des H<och> W<ürdigen> Alt Sch<ottischen> Ober M<ei>st<e>rs P. A. v. Tatischtschew dessen Stelle vertrat, eine Anrede, worin er dem H<och> W<ürdigen> Alt Sch<ottischen> Ober M<ei>st<e>r nicht nur für das gegen ihn bewiesene Zutrauen, sondern auch für die unermüdete Sorgfalt das Beste des Ordens zu befördern, seine Danksagung abstattete, und stellte bey dieser Gelegenheit den versammelten Br<üdern> das rührendste Gemälde dar von dem menschenfreundlichen und wohlthätigen Charakter des H<och> W<ürdigen> A<lt> Sch<ottischen> O<ber> M<ei>st<e>rs und verschiedener Obern der Provinz, die ungesehn und unbemerckt es sich zur angelegentlichsten Pflicht machten, Gutes um sich her zu verbreiten, und selbst mit Aufopferung ihres Vermögens der nothleidenden Menschheit die Thränen abzutrocknen, und blos der Gedanke, die Bescheidenheit dieser würdigen Männer nicht erröthend zu machen, verhindern ihn, da sich einige derselben gegenwärtig befänden, deren Namen zu enthüllen.

[21] 30 октября 1783.

3) In der Zwischenzeit nahm der H<och> W<ürdige> die Frage: Was eigentlich ein Freymäurer sey, zum Gegenstande seines Unterrichts. Er bemerkte, dass selbige oft die mehresten Br<üder> nicht in geringe Verlegenheit setze, und dass wohl nichts natürlicher sey, als von einem Fr<ey> M<äure>r

zu erwarten, dass er diese Frage bestimmt und richtig zu beantworten im Stande sey. Er gab demnach folgende Definition: Ein Freymäurer sey ein freyer Mann, und die Freiheit eines solchen Mannes bestünde darinnen, seine Begierden zu überwinden, seine Leidenschaften zu beherrschen und seinen Willen den Gesetzen der Vernunft zu unterwerfen. Der H<och> W<ürdige> setzte diese Begriffe aufs kläreste auseinander und zeigte sodann, dass die Maurerey, die diejenige Kunst sey, den Menschen besser und vollkommener zu machen, Hand in Hand mit dem Buche der Offenbarung und der Natur, ihn zur wahren Freiheit leite.

Перевод

[18] 2 октября 1783

1) Высокопочтенный мастер начал работу с разъяснения, через которое ознакомил собравшихся братьев с историей возникновения и развития старошотландской ложи Трех Знамен; он также означил причины, почему принял молоток мастера стула: а) по особому радению материнской ложи Трех Глобусов в Берлине, через чье братское посредство наша полужила конституцию; б) ввиду многократных просьб высокопочтенного старошотландского великого мастера Петра Алексеевича Татищева как учредителя этой ложи и от имени его; с) чтобы тех лиц, каковые интересуются особо благом воспитательного института, теснее с ним связать, а также среди учителей, служащих в институте, распространить взаимную любовь как главный закон Ордена и заронить в их сердца и удержать в них деятельное побуждение к благодеянию, без коих воспитание не может иметь успеха.

2) Изъяснил высокопочтенный мастер в сей промежуток⁴⁴⁵ различные важные предметы каменщичества и особо заметил, как ввиду поспешных заключений и умствований о цели Ордена и тому подобном сложности

⁴⁴⁵ То есть после посылки риторы в черную храмину к принимаемому.

в достижении совершенства не только умножаются, но и отвлекают каменщика от пути, которого он взыскует, — что, супротив того, точное исполнение масонских должностей и послушание суть самые великие свойства каменщика, и засим напечатлел сие поучение в сердца братьев.

[19] 9 октября 1783.

1) После того как высокопочтенный открыл ложу, он воспользовался случаем занять собрание рассказом о разных важнейших эпохах истории масонства. Он заметил, что в 1719 году масонство начало работать в Лондоне в трех нижних градусах, откуда оно распространилось в 1723 году в прочие части Европы. В 1740—1750 годах и далее до 1760-го появились высшие градусы, а вместе с ними — партии и системы. Берлинская ложа Трех Глобусов в 1777 году особо усердствовала в том, чтобы распространить далее истинный свет. Многие достойные мужи России испытывали желание приблизиться к истинным отцам света. Некоторые обратились к шведам, высокопочтенный же старо-шотландский обер-мейстер Пётр Алексеевич Татищев — к ложе Трех Глобусов в Берлине, от коей наша ложа Трех Знамен восприяла не только конституцию, но и истинный свет. Высокопочтенный мастер стула поведали при этом, как он при своем путешествии, имевшем единой целию каменничество, познакомился с одним братом фон Фирксом, объяснениям которого он обязан просвещением своим в масонстве. Затем прибавил высокопочтенный, что в 1780 году при всеобщем желании созвать конвент братья из России приняли участие в генеральном конвенте в Вильгельмсбаде, и на нем же Россия была провозглашена восьмой свободной провинцией. Летом 1782 года ложи-матери Трех Знамен, Озириса и Латоны выступили совместно, чтобы дать ход обретенным правам, в каковом намерении ложа Трех Знамен учредила дочерние ложи Сфинкса, Елевсины и Персея, и начало оных до сего дня поимело такое благословение, что нет никаких причин сомневаться в блюдении их.

4) В это время инструктировал высокопочтенный собравшихся братьев по Книге Конституций, напечатанной в 1723 году, о благородной цели каменщичества и в высшей степени интересными замечаниями и объяснениями о сем предмете привлек внимание присутствующих к высшему градусу. Он сказал при этом,

5) что хотя он доселе колебался возглавлять ложу как мастеру стула, поскольку зависть, гордыня, властолюбие и мстительность возобладали почти повсеместно и даже среди просвещенных братьев, он более не мог противостоять настойчивым пожеланиям высокопочтенного старо-шотландского обер-мейстера П. А. Татищева, чье собственноручное писание он милостиво огласил. Он уверил со всем жаром сердца, что не только из всех сил будет защищать права провинции, но и как совестливый муж и христианин будет сообщать познания, доверенные ему Всевышним Архитектором всех миров, дабы поелику возможно давать впредь отпор всякому вкравшемуся злочинству. Высокопочтенный заявил засим, что согласно поручению начальников сей провинции он ограничится преимущественно инструктирующими ложами, чтобы слишком частые принятия не были помехой дочерним ложам в их продвижении, и установил на будущее раз в две недели держать инструкционную ложу.

Он держал 8) обращенную к высокопочтенному брату Петру Петровичу Татищеву, который в отсутствие высокопочтенного старо-шотландского обер-мейстера П. А. Татищева замещал его, речь, в коей он высокопочтенному старо-шотландскому обер-мейстеру выразил свою благодарность не только за выказанное ему доверие, но и за неустанную заботу о благе Ордена и нарисовал по этому случаю собравшимся братьям трогательнейшую картину человеколюбезного и благотворительного характера высокопочтенного старо-шотландского обер-мейстера и разных начальников провинции, которые сделали своим самым насущным долгом не приметно и незримо сеять вокруг себя добро и самолично утирать слезы

страдающему человечеству, жертвуя свое состояние, и только боязнь смутить скромность этих почтенных почтенных мужей, некоторые из которых присутствуют здесь, мешает ему раскрыть их имена.

[21] 30 октября 1783

3) В промежутке высокопочтенный взял за предмет своего изъяснения вопрос: что есть собственно свободный каменщик ⁴⁴⁶? Он отметил, что оный вопрос часто ввергает в немалое смущение большинство братьев и что, наверное, нет ничего более естественного, нежели ожидать от свободного каменщика, что он в состоянии правильно и четко ответить на него. Он дал засим следующую дефиницию: свободный каменщик есть свободный муж, и свобода мужа сего состоит в том, чтобы преодолевать свои страсти, умерять желания и волю свою подвергать законам разума. Высокопочтенный пролил ясный свет на эти понятия и показал, что каменничество есть искусство, делающее человека лучше и совершеннее, ведет его к истинной свободе рука об руку с Книгой Откровения и природой.

⁴⁴⁶ Благодаря этой записи в протоколе является возможность идентифицировать пьесу, приложенную к письму И. А. Поздеева к В. И. Остолопову от 12 января 1784 и озаглавленную «Изъяснение, что есть Свободный Каменщик». Несомненно, что эта довольно обширная пьеса есть не что иное, как полный перевод на русский язык той же самой речи И. Е. Шварца.

Приложение IV

Сводный список членов матери-ложи Трех Знамен

1779—1782

Старо-шотландский обер-мейстер.	10.II.1782—27.IX.1784—[1786?] П. А. Татищев.
Мастер стула.	VIII.1779—IV.1780—5.V.1780 или 1781 П. А. Татищев.
Наместный мастер.	IX.1779—8.I.1780 Daniel Rückert.
1-й надзиратель.	IX.1779 Christian Gottlieb Nausch. 4.X.1779—IV.1780 П. П. Татищев. 5.V.1780 или 1781 С. G. Nausch (исполнял обязанности?).
2-й надзиратель.	IX.1779 П. П. Татищев. 4.X.1779—IV.1780 С. G. Nausch. 5.V.1780 или 1781 Krüger (исполнял обязанности?).
Секретарь.	IX.1779—10.II.1782 Isaac Toussaint. 10.II.1782 И. А. Гейм.
Ритор.	21.IX.1779—IV.1780 Steinhäuser.
Обрядоначальник.	21.IX.1779—IV.1780—5.V.1780 или 1781 Roulé (принят в 4-ю степень 9.X.1779).
1-й стюарт.	21.IX, 4.X, 9.X.1779 Jürgen Flint (выбыл).
2-й стюарт.	21.IX, 4.X.1779 Bibow (выбыл).
Казначей	21.IX.1779—IV.1780—5.V.1780 или 1781 Bernhard Heinrich Wilhelm U(h)thoff II (принят в 4-ю степень 9.X.1779).
Библиотекарь.	21.IX.1779—IV.1780 Johann Heinrich Ludolph U(h)thoff I (принят в 4-ю степень 9.X.1779).

Члены.

Duror или Durup (умер) траурная ложка по нем 23.X.1779 (может быть, член другой ложки?).

Theodor von Willers 21.IX.1779—IV.1780; 20.IV.1784 значится в ложе Елевсины, а в ложе Трех Знамен почетным членом.

Salkow } 21.IX.1779 упоминаются как почетные члены, но никогда
Schultz } не являлись.

Favre 4.X.1779—IV.1780 (принят в 4-ю степень 9.X.1779).

von Friede, член ложки Zorobabel til Nordstjernen в Копенгагене, 13.XI.1779—IV.1780; 26.III.1780 ложка переведена в его дом.

Ragotsky (Ragotzi) 13.XI.1779—22.I.1780 (принят в 4-ю степень 22.I.1780).

Engelhardt, 45 лет, лютеранин, юрист; 11.XII.1779 принят в 1-ю степень, 18.XII.1779 во 2-ю и 3-ю степень

Krüger 4.X.1779 посетитель, 8.I.1780 присоединен.

Johann Tobias Wol(f)gam, 41 года, род. в Тильзите, лютеранин, механик; 4.IV.1780 принят в 1-ю степень.

Christoph Ulrich, 43 лет, лютеранин, токарь-художник; IV.1780 принят в 1-ю степень.

Служащий брат N. N. принят IV.1780.

Bernard Laurent, род. в Barrême в Провансе, Ancien Chirurgien Aide Major des Camps⁴⁴⁷, член Императорской Медицинской Коллегии в Петербурге; 5.V.1780 или 1781 принят в 1-ю и во 2-ю степень, 17.VI.1780 или 1781 в 3-ю степень.

Kuhl(e) 15.V.1780 или 1781 принят в 1-ю степень.

И. Е. Шварц 5.V.1780 или 1781 посетитель, член ложки Ernst zum rothen Adler в Митаве; 10.II.1782 был председателем мастером в шотландской ложе.

⁴⁴⁷ Старший помощник отставного полевого хирурга (фр.).

Heim (И. А. Гейм) 5.V.1780 или 1781 посетитель, из ложи [Jonathan zu den drei Säulen?] в Брауншвейге; 17.VI.1780 или 1781 принят в 3-ю степень.

Х. А. Чеботарев 10.II.1782 назначен мастером стула дочери-ложи Сфинкса. *Посетители.*

David Lehmann, купец из Данцига, член ложи Eugenia zum gekrönten Löwen в Данциге, 4-й степени; посетил 21.IX, 9.X, 13.XI.1779.

Pinci, член ложи строгого наблюдения в Данциге, 1-й степени, посетил IV.1780.

1783—1785

Старо-шотландский обер-мейстер. П. А. Татищев.

Мастер стула. 2 д. 8 м. 1783—17.II.1784 И. Е. Шварц⁴⁴⁸.
20.IV.1784—[1785?] бар. Г. Я. Шрёдер.
[1785—1786] Е. Е. Гюне.

Наместный мастер. [1785?] Е. Е. Гюне, член дочери-ложи Орфея в Кашире; присоединен 20.IV.1784; 9.X, 16.X, 25.XII.1784 был председателем мастером в собраниях.

1-й надзиратель. 2 д. 8 м. 1783—20.IV.1784 Петр Фрёлих.
20.IV.1784—[лето 1784?] Ив. Ив. Френкель.
[лето 1784?—[1785?] Е. Е. Гюне.
[1785?] Ив. Ив. Френкель.
[1786?] Х. А. Чеботарев.

2-й надзиратель. 2 д. 8 м. 1783—20.IV.1784 бар. Г. Я. Шрёдер.
20.IV.1784—[1784?] Ив. Ив. Шварц.

⁴⁴⁸ После октября 1783 И. Е. Шварц уже не посещал ложу, а молоток держал Шрёдер, иногда Фрёлих.

[1785?] Х. А. Чеботарев.

[1786?] И. А. Поздеев.

Секретарь. 2 д. 8 м. 1783—[1785/86?] Даниэль Триттельвиц.

Секретарь русского языка.

20.IV.1784—[лето 1784?] М. В. Неклюдов
(потом почетный член).

Ритор. 2 д. 8 м. 1783—[1785?] И. Ф. Вегелин (в списке
[лето 1784?] значится только в 3-й степени).

20.IV.1784—[лето 1784?] заместитель
Я. М. Р. Ленц.

Ритор русского языка. 20.IV.1784—[недолго] П. С. Стариков.

Казначей. 2 д. 8 м. 1783—[1784?] du Grailly de Foix.

Собиратель милостыни.

2 д. 8 м. 1783—20.IV.1784 Ив. Ив. Шварц.
20.IV.1784—[1784?] П. Л. Вельяминов.

Попечитель о бедных. 2 д. 8 м. 1783—20.IV.1784 Ив. Ив. Френкель.

Обрядоначальник. 2 д. 8 м. 1783 Huberti.

[лето 1784?] П. П. Татищев.

Члены.

Jacob Schneider, профессор; 4-я степень; 20.IV.1784 назначен мастером
стула дочери-ложи Цереры.

Sundblatt, штабс-хирург; 4-я степень (список [лето 1784] № 13).

Helbig, эконо́м; 4-я степень (список [лето 1784] № 14).

Gottfried Heinrich Schleiff, род. 17.XII.1748 в Киле, лютеранин, учитель
педагогической семинарии (Erziehungs-Institut), мещанин, имя отца
Gottfried Heinrich; 2 д. 8 м. 1783 принят в 1-ю степень.

Johann David Siebert, род. 11.XII.1752 в Штральзунде, лютеранин, аптекарь,
мещанин, имя отца Johann David; 9 д. 8 м. 1783 принят в 1-ю степень,
16 д. 8 м. 1783 во 2-ю степень, весной 1784 (?) в 3-ю степень.

- Jacob Michael Reinhold Lenz, род. 12.I.1752 в Зесвегене (Лифляндия), христианин, Informator⁴⁴⁹, мещанин, имя отца Christian David; 30 д. 8 м. 1783 принят в 1-ю степень, 19.III.1784 во 2-ю и 3-ю степень.
- J. J. Kaufman, candidatus theologiae, пастор-адъюнкт реформатской общины в Москве; 19.III.1784 присоединен учеником и в тот же день повышен во 2-ю и 3-ю степень.
- Хрущов, корнет лейб-гвардии конного полка; в 1784 значится во 2-й степени.
- Gandil, учитель, член ложи Zorobabel til Nordstjernen в Копенгагене, присоединен мастером 20.IV.1784.
- Петр Панкратов, флигель-адъютант кн. Репнина; 9.IX.1784 принят в 1-ю степень, 1784/85 во 2-й степени.
- князь А. М. Козловский, гвардейский офицер в отставке; 16.X.1784 присоединен, 1784/85 значится во 2-й степени.
- Friedrich Senkbeil, род. 5.VIII.1752 в Litschen (Восточная Пруссия), лютеранин, учитель, мещанин, имя отца Gottfried; 16.X.1784 принят в 1-ю степень, 1784/85 значится во 2-й и 3-й степени.
- Johann Christian Florin, 28 лет, род. в Бьернаборге (Финляндия), евангелически-лютеранского вероисповедания, Chirurgus beim Obscherwanschen Regiment⁴⁵⁰, мещанин, имя отца Isaac; 25.XII.1784 принят в 1-ю степень.
- Иван Алексеев, генерал-адъютант кн. Репнина; 1784/85 значится в 1-й степени.
- Прокофий Багмевский, обер-аудитор кн. Репнина; 1784/85 значится во 2-й степени.
- Николай Григорьевич Петелин, майор в отставке; 1784/85 значится в 4-й степени.

⁴⁴⁹ Информатор, домашний учитель (нем.).

⁴⁵⁰ Хирург при Обсервационном полку (нем.).

граф Артемий Иванович Воронцов, камергер; 1784/85 значится в 4-й степени.

Упоминаются:

Федор Григорьевич Баузе (Bause) — в протоколе 2 д. 8 м. 1783, профессор, член ложи Елевсины, 4-й степени, в 1783 отпущен от университета в Германию⁴⁵¹.

Pirch — в протоколе 2 д. 8 м. 1783.

Pincemaille — в протоколе 20.IV.1784 как посетитель и [мастер стула] ложи Constantia.

Служащие братья.

Gottlieb Elias Klockenberg, род. 25.V.1755 в Дерпте, лютеранин, слуга бар.

Г. Я. Шрёдера; 10.IV.1784 принят в 1-ю степень.

Iwan Radimow, крепостной слуга П. А. Татищева, масон-товарищ; 11.IV.1784 получил вольную и повышен в 3-ю степень.

Почетные члены (4-я ст.).

И. А. Поздеев.

А. М. Лунин.

Fr. W. Marchand — представитель ложи в матери-ложе Трех Глобусов в Берлине, королевский секретарь коммерции.

von Willers.

М. В. Неклюдов.

⁴⁵¹ См.: Тихонравов. С. 21.

Приложение V

Списки членов ложи Сфинкса в Москве

1⁴⁵².Mitglieder und Brüder der russischen <Loge> Sphinx⁴⁵³.

Meister vom Stuhl Peter Petrowitsch von Tatitschew

Deputirter Meister vom Stuhl Tschebotarew

Erster Vorsteher Br. Jengalitschew

2ter Vorsteher Br. Schulkow

Sekretair

Aumonier

Redner

⁴⁵² Список 1 печатается по записи (по-видимому, 1782 года) в конце книги протоколов ложи Трех Знамен. На той же странице старая помета карандашом: «NB писано рукою Ивана Георгиевича Шварца». По обстоятельствам, эта атрибуция представляется возможной.

⁴⁵³ Здесь и далее в немецких списках встречаются следующие обозначения должностных лиц в масонских мастерских: Meister vom Stuhl — мастер стула; deputirter Meister vom Stuhl — наместный мастер стула (депутат-мастер); erster Vorsteher — первый надзиратель; zweiter Vorsteher — второй надзиратель; Secretaire (Secretär) — секретарь; Aumonier, Almosensammler — амунир, собиратель милостыни; Redner — ритор, оратор; Schatzmeister, Cassier — казначей; Ceremonienmeister — обрядоначальник, церемониймейстер; dienender Bruder — служитель, служащий брат. Обозначения степеней: Lehrling — ученик; Geselle — товарищ, подмастерье; Meister — мастер. — Ред.

2⁴⁵⁴.

Liste der Mitglieder von der <Loge> Sphynx zu Moskau

1. Die gegenwärtigen Brüder

№	Namen	Stand	Alter	Grad in der M<aure> r<e>y	Amt in der <Loge>	Aufent- halt und Anmer- kungen
1	Chariton Tschebotarew	Der Kayserl<ichen> Moskowischen Universität Professor und Collegium- Assessor	38	4	Meister von Stuhl	in Moskau
2	Nicolaus Diakow	Maior bey dem Kriegs- Commissariat	30	4	Der I-te Vorsteher	in Moskau
3	Petrus Weliaminow	Maior ausser Dienste	32	4	Der II-te Vorsteher	dito
4	Mattias Gawrilow	Collegien-Translateur und Lehrer der deutschen Sprache	23	4	Der Redner	dito
5	Leo Maximowitsch	Actuarius bey dem Collegio der Auslän- dischen Affairen	27	4	Der Secretär	dito
6	Andreas Briantzew	Ephorus der Universitäts Stipen- diaten	37	4	Cassier	dito
7	Joh<ann> Wilh<elm> Gregorius	Uhrmacher	36	3	Ceremo- nien-Meis- ter	dito

⁴⁵⁴ Список 2 писан на отдельном листе неизвестною рукой. [См.: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 378. Л. 12–13. — Ред.]

№	Намен	Stand	Alter	Grad in der M<aure> r<e>y	Amt in der <Loge>	Aufent- halt und Anmer- kungen
8	Paulus Antonowitsch	Lehrer der Griechischen Sprache	24	3	Almosen- Sammler	dito
9	Gregorius Castrowski	Lehrer der deutschen Sprache	22	2		dito
10	Procopius Ternawski	Senate-Copist	31	2		in Moskau
11	Athanasius Schtschokotow	Collegien-Registrator	33	2		—
12	Cassianus Kelembet	Student	22	2		—
13	Egnatius Golubowski	Student	20	2		—
14	Petrus Bourow	Senats-Unter- Cancellarista	20	2		—
15	Nicolaus Iwanow	Collegien-Secretair	24	2		—
16	Joh<ann> Socolow	Provinzial-Secretair	24	1		—
17	Simeon Golubenski	Student	22	1		—
18	Joh<ann> Golikow ⁴⁵⁵	Kaufmann ⁴⁵⁶		1		

⁴⁵⁵ Участие в одной ложе с Ильей Дебольцевым дает возможность с большой степенью вероятности предположить, что это — купец и историк Иван Иванович Голиков (ок. 1734—1801), автор многотомных «Деяний Петра Великого», связанный с Дебольцевым отношениями дружбы, как это явствует из дарственной надписи на хранящемся в РНБ экземпляре «Деяний». См.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 248 (статья Е. Д. Кукушкиной о И. Н. Дебольцеве). — *Ред.*

⁴⁵⁶ Наличествующие братья. № / Имена / Положение / Возраст / Градус в масонстве / Должность в ложе / Местопребывание и примечания.

2. Die abwesenden Brüder

№	Namen	Stand	Alter	Grad in der M<aure> r<e>y	Amt in der <Loge>	Aufent- halt und Anmer- kungen
1	Elias Devoltzew	Hofrat	36	3		in Woro- nesch
2	Simeon Spieschniski	Fähnrich bey der Admiralität	25	3		in St. Pe- tersburg
3	Antonius Trawulinski	Chirurgus	30	3		in Nje- schin
4	Basilius Tripolski	Collegien-Protocollist	30	3		in Tscher- nigov
5	Michael Benedictow	Collegien-Translateur	28	3		in Tula
6	Theodorus Timonowitsch	Collegien-Secretair	22	2		in Kief
7	Joh<ann> Heil	Doctor der Medicin	36	1		in Kasan

Die dienenden Brüder sind ebendiejenigen, die in der Mutter<-Loge> zu den 3 Fahnen sind⁴⁵⁷.

Положение: 1. Профессор Московского университета и коллежский асессор. 2. Майор при кригс-комиссариатстве. 3. Майор в отставке. 4. Коллежский переводчик и учитель немецкого языка. 5. Актуриас при Коллегии иностранных дел. 6. Смотритель над университетскими стипендиатами. 7. Часовщик. 8. Учитель греческого языка. 9. Учитель немецкого языка. 10. Сенатский копиист. 11. Коллежский регистратор. 12–13. Студент. 14. Сенатский подканцелярист. 15. Коллежский секретарь. 16. Провинциальный секретарь. 17. Студент. 18. Купец. — *Ред.*

⁴⁵⁷ Отсутствующие братья. *Положение:* 1. Надворный советник. 2. Прапорщик при Адмиралтействе. 3. Хирург. 4. Коллежский регистратор. 5. Коллежский переводчик. 6. Коллежский секретарь. 7. Доктор медицины. *Приписка:* Служащие братья те же, что и в матери-ложе Трех Знамен. — *Ред.*

3⁴⁵⁸.

Список

Членам <логи> Сфинкса открытой в Москве

Февраля 10 дня 1782 года

№	Имена Членов присутствующих	Степень в масонстве	Должность в ложе
1	Харитон Андреевич Чеботарев	4	Мастер стула
	Николай Алекс<еевич> Дьяков	4	Первый Надзиратель
2	Петр Лукич Вениаминов	4	Второй Надзиратель
3	Матвей Гаврилович Гаврилов	4	Ритор
4	Андрей Михайлович Брянцев	4	Казначей
5	Лев Максимович Максимович	4	Секретарь
6	Николай Иванович Иванов	2	
7	Иван Петрович Соколов	1	
8	Иоган Вильгелм Грегориус	3	Обрядоначальник
9	Григорий Фомич Костровский	3	
10	Прокофей Григор<иевич> Тернавский	3	
11	Семен Филатьич Голубенский	2	
12	Кассиан Петрович Келембет	3	
13	Игнат Васильевич Голубовский	3	
14	Петр Васильевич Буров	2	
15	Никита Никифорович Перов	2	
16	Иван Иванович Веттер	1	
17	Петр Иванович Русановской	1	

⁴⁵⁸ Список 3 писан канцелярскою рукой; подпись Х. А. Чеботарева и дата — им самим. [См.: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 378. Л. 14—14об. — Ред.] Что список 3 позднее списка 2, то видно по степеням братьев Костровского, Тернавского, Келембета и Голубовского, повышенных из товарищей в мастера, и брата Голубенского, повышенного из учеников в товарищи.

№	Имена Членов отсутствующих	Степень в масонстве	Должность в ложе
1	Илья Николаевич Дебольцов	3	
2	Семен Иван <ович> Спешницкий	3	
3	Антон Травулинский	3	
4	Василей Трепольский	3	
5	Михайло Бенедиктов	3	
6	Федор Тимонович	2	
7	Иоган Гейль	1	
8	Павел Антонович	3	

Харитон Чеботарев, В<еликий> М<астер> <ложи> Сфинкса.
24 Июня 1785.

Приложение VI

Списки членов ложи Елевсины в Москве

1⁴⁵⁹.

Mitglieder und Brüder der
Deutschen <Loge> Eleusinia

Meister v. Stuhl Tussaint

Erster Bruder Vorsteher Krieger

Zweiter Bruder Vorsteher Nausch

Bruder Sekretair Heym

Bruder Redner Schweighäuser

Bruder Aumonier Uthoff

Bruder Ceremonienmeister Rouliet [Roulet?]

Bruder Ulrich

⁴⁵⁹ Список 1 представляет продолжение той же записи, что в Приложении V. 1.

Bruder Wolfram
 Bruder Laurent
 Bruder Ragotzi
 Bruder Kuhle
 Bruder

2⁴⁶⁰.

Verzeichniss der Brüder und Mitglieder der gerecht- und
 vollkommenen Tochter-Loge Eleusina in Moskau

Nº	Nahmen	Stand	Aufenthalt	Grad	Bedienung
1	Br. Toussaint	Kauffmann	Moscau	4	Meister vom Stuhl
2	" Krüger	Kauffmann	Moscau	4	Erster Vorsteher
3	" Nausch	Kauffmann	Moscau	4	Zweiter Vorsteher
4	" Görcke	Bildhauer	Moscau	3	Secretär
5	" Horn	Lehrer	Moscau	3	Redner
6	" Jentzsch	Bildhauer	Moscau	3	Almosensam<m>ler
7	" Fresinet	Lehrer	Moscau	3	Ceremonien M<ei>st<e>r
8	" Uhthoff	Buchhändler	Moscau	4	
9	" Steinhäuser	Kauffmann	Moscau	4	
10	" v. Willers	Capitän	abwesend	4	in Strassburg
11	" Sundblad	Stabs-chirurgus	Moscau	4	
12	" Wo<l>fram	Mechanicus	abwesend	3	
13	" Ulrich	Kunstdrechsler	abwesend	3	
14	" Kuld	Vergolder	abwesend	3	in St. Petersburg
15	" Rack	Ober-Gärtner	Moscau	3	
16	" Lutjens	Musickus	Moscau	3	
17	" Engelhard	Cand. Juris	abwesend	3	

⁴⁶⁰ Список 2 писан рукою Туссена. [См.: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 378.

18	" Schultz	Lehrer	abwesend	3	in Charckow
19	" Nevian	Chirurgus	Moscau	3	
20	" Heisner	Kauffmann	Moscau	3	
21	" Butter	Apotecker	Moscau	3	
22	" Dopff	Apotecker	abwesend	3	in Hamburg
23	" Clauda	Mahler	Moscau	3	
24	" Bökenhagen	Graveur	Moscau	3	
25	" Zeidler	Capell-M<ei>st<e>r	Moscau	3	
26	" Mahler	Graveur	Moscau	3	
27	" Henckel	Apotecker	Moscau	3	
28	" Gräve	Cornet	Moscau	1	
29	" Traupel	Chirursjes [sic!]	Moscau	1	
30	" Feigel	Kupferstecher	abwesend	1	
31	" Gruelman	Apotecker	abwesend	1	in St. Petersburg
32	" Bause	Professor	abwesend	4	in Göttingen
33	" Brandt	Kauffmann	Moscau	2	
34	" Kerlis	Kauffmann	Moscau	1	
35	" Ruperti	Schneider	Moscau	1	
36	" Querndt	Apotecker	Moscau	1	
37	" Spornleder	Gold-arbeiter	Moscau	1	
38	" Grünberg	Kauffmann	Moscau	1	
39	" Amlangk	Gürtler	Moscau	3	Dienender Bruder

Moscau den 20-ten April 1784.

J. Toussaint

Meister vom Stuhl der gerecht- und vollkommenen Loge **Eleusina** ⁴⁶¹.

⁴⁶¹ Обращает на себя внимание низкий социальный состав двух дочерей-лож, основанных 10 февраля 1782, в первые же дни по возвращении И. Е. Шварца из-за границы. В русской ложе Сфинкса из общего числа 25 членов встречаем смотрителя над университетскими стипендиатами, часовщика, сенатского писца, сенатского подканцеляриста и трех студентов. В немецкой ложе Елевсины, при общем числе 39 членов, указаны: механик (12), токарь (13), позолотчик (14), старший садовник (15), портной (35), золотых дел мастер (37), медник (39), три лекаря (11, 19, 29), пять аптекарей (21, 22, 27, 31, 36), два музыканта (16, 25), два

Приложение VII

Опись обстановки ложи Орфея⁴⁶²

Опись вещам находящимся в <ложе> Орфея
в ученической и товарищеской.

А именно

1-е. Жертвенник с полощадкою, на нем одежда голубая атласная, обложенная мишурным красным голуном; подушка под Библиею белая тафтяная, обложена вокруг залатою бахрамою; подушка голубая атласная з золотым голуном, на ней угол налажон ис такова же голуну; под Библиею цыркуль и угол медный; молоток мастера стула и два надзирательския деревянные.

гравера (24, 30) [также и № 26, итого *три* гравера. — *Ред.*], два скульптора (4, 6) [прочие: 1—3, 9, 20, 33, 34, 38. Купец. 5, 7, 18. Учитель. 8. Книготорговец. 10. Капитан. 17. Кандидат права. 23. Художник. 28. Корнет. 32. Профессор. — *Ред.*]. Естественно, что в большинстве это были натурализовавшиеся в Москве немцы, ибо русские ремесленники находились обычно в помещичьих усадьбах и в громадном числе случаев состояли в крепостной зависимости, исключавшей возможность быть принятым в масонство.

Подобно вышеуказанным, и в некоторых других ложах встречаются люди очень скромного социального положения, например в Астрее — шестнадцать землемеров, русских; в многолюдной ложе Пеликана — два столяра, стекольщик, два ювелира, оценщик при ломбарде, машинный мастер, три парикмахера, два портных, хлебник, медник, скорняк, токарный мастер, мастер музыкальных инструментов, браунтмейстер, машинный и фонтанный мастер, два эконома, два канцеляриста, шляпник, переплетчик, кожевник, восемь аптекарей и несколько лекарей разных рангов. Дальнейшее опубликование протоколов и списков лож XVIII и XIX веков могло бы выявить в этой малоисследованной области много любопытного и неожиданного.

⁴⁶² Печатается по подлиннику, писанному писарскою рукою [НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 373. — *Ред.*]. Подписи собственноручно. Несколько вставок рукою И. А. Поздеева.

2-е. Подле же <р>твен <н>ика два столика с написанными на них с трех сторон геороглифическими фигурами золотом, на оных по одной подушке голубыя атласныя з золотой бахрамой.

3-е. Балдахин тафтяной голубой обложен мишурным красным голуном.

4. Два треугольныя столика покрыты голубой краской.

5. Три болших светила деревянныя вызолоченныя.

6. Кавер ученической степени.

7. Половинной против тово ковер товарищеской степени.

8. Петиугольная звезда деревянная с короной вызолочена з девятью медными подсвешниками.

9. Сундук с тремя замками.

10. Сундук с перегородкою казначейской.

Медныя на голубых лентах:

11. Угол для мастера стула.

12. Перпендикуляр для перваго надзирателя.

13. Отвес для втораго надзирателя.

14. Чиновныя знаки для секретаря, ритора, казначея, обрядоначалника и дву <х> собирателей милостыни; медныя ж и на голубых лентах.

15. Два жезла деревянныя с медными подкопия <ми>.

16. Четыре стула. отданы Николаю Григорьевичу [Петелину] на подержанье.

17. Два чехла холстинныя на стулья и одна рубашка.

19 <sic!>. Две чернильницы с печосницами оловянныя.

20. Старой ученической ковер.

21. Два стола для столовой ложки.

22. Мишурина белава позументу пять аршин с половиною.

23. Голубой тафты два аршина.

24. Белой тафты два аршина.

25. Шендалов шесть.

Книг:

Утреннева света 9 томов⁴⁶³.

Ежемесячнава сочинения семь книжек; из оных две части продолжения утреннева света, а протчия февраль, март, апрель, июнь, июль м<еся>-цы ежемесячнава сочинения⁴⁶⁴.

Денег пять рублей в пакете запечатанные.

Мастер стула И. Поздеев.

Секретарь Семен Тимирязев.

Приложение VIII

Письмо Е. Е. Гине к П. Г. Беляеву⁴⁶⁵

[1786?]

Кн. Р<епнин> введен в <Орде>н и приедит в Петербург; то ему сказано, чтоб он с тобою познакомился (не возгордись! ты меня предостерег, теперь я тебя). Он гораздо далее тебя в знаниях; но практической путь совсем нечто другое; то он не будет тебя спрашивать о степени, а ежели бы случилось, то скажи «во внутреннем», словом коротко; и старайся безпрестанно сам и практическим исполнением и с ним советовав вперть ему. Ты

⁴⁶³ Полный комплект издававшегося Н. И. Новиковым «ежемесячного издания» «Утренний свет» (9 частей, 1777–1780). — Ред.

⁴⁶⁴ «Московское ежемесячное издание» (1781). Всего было издано 12 номеров, в трех частях (январь–апрель, май–август, сентябрь–декабрь). Странное указание только на два номера как на продолжение «Утреннего света» объясняется тем, что фраза «служащее продолжением Утреннего света» была помещена на титуле лишь первого номера каждой части. — Ред.

⁴⁶⁵ Печатается по копии в сборнике писем Е. Е. Гюне, писанном рукою А. О. Поздеева. [См.: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 498. Л. 14–15. — Ред.]

найдешь его совсем другого как был; как скоро захочет в умственность с тобою вглубиться, то скажи: я стараюсь все забыть, и ни о чем более не помышлять, как о повиновении И. Х., который есть путь, истинна и живот; и на сем только держитесь, хоть бы иногда то ему и больно стало, не смотри на то, а топором руби! — ибо не я, а начальством тебе велено сие исполнять. — Секретарь его П<анкратьев> мой друг, весьма доброй и способной человек, сколько я мог, чрез меня худшаго приготовлялся и еще готовится, дабы его приняв в <Орде> н сильнее пошел. То по скорости отъезда не мог я согласиться, чтобы он может не соблазнился проситься о введении, и отложил далее. Но если он покажется тебе прилежным, да и глубже с ним говори, ибо он далеко готовлен, только что церемония не совершена, а уже вкусил сладость работы, так что с помощью Спасителя пойдет, то вам вверяю его принять в нашу <ложу> Орфея, которая у вас откроется; и да благословит Спаситель наш сам всех сочленов оной! — ибо отменное его благословение действует на отраслях Орфейских, что сами современем увидите. В прочем молитва о ниспослании премудрости да будет основанием твоим. Работай, трудись и знай, что для того нам таланты дают, чтобы сочеловекам оные сообщать и знать, что все не наше, а Христово!

Приложение IX

*Письмо И. А. Поздеева ложе Орфея*⁴⁶⁶

В почтеннейшую <ложу> Орфея

На Востоке Санкт Петербурха.

Почтенные и любезнейшие братья чиновники и члены почтеннейшей сей <ложи>.

⁴⁶⁶ Печатается по собственноручному подлиннику. [См.: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 378. Л. 22–23. — Ред.]

Провождая приветственное и дружеское письмо сие с Высокопочтенным Великим Мастером сея <ложи>, за долг поставляю вам повторить, дабы вы, почтенные и любезнейшие братья, по всей вашей возможности тщились к работам <Ордена>, оказывая все ваше искреннее и с любовью соединенное повиновение Высокопочтенному вашему Мастеру, любезнейшему нашему брату Петру Гавриловичу Беляеву, которой во всем до указания вам прямого <орденского> пути довольно наставлен. Изъявляя притом желание мое: чтоб вы, любезнейшие мои братия, не упущали никаких средств в исправлении вашей нравственности, и тем приготовляли себя к той великой цели, для которой всемогущий миров строитель благоволил избрать вас из толиких мил<л>ионов людей, и поставил вас на путь к таковому обделыванию себя самих, что уже и едино столь возвышенное нравов ваших очищение ясно являет: к какой великой цели истинные свободные каменщики назначены; на что с прилежанием воззрев, устремляйтесь, любезнейшие братия, к познанию себя самих и к восподнятию в вас силы мыслящей, из той клейкой и грубой земляности, в которой весь мир утопает, возсылайте прошения ваши друг о друге ко всевышнему миров строителю и, вспоможествуя друг другу с любовью, шествуйте по пути, которой единым ищущим мудрости видится возможным и сладким, хотя усыпан многими терниями для тех особливо, кои робость или лень отводит от деятельного исполнения семи ученических должностей.

Да благоволит вас премудрейший миров строитель и да покроет вас всеильною ево десницею и да озарит вас светом, которой сладостен для ищущаго некончаемаго блага. А себя я вашей дружбе, искренности и любви братской поручая, есмь и буду вам

почтенные и любезнейшие братья
покорным и усердным братом

Иосиф Поздеев.

Москва декабря 24. дня 1787 года.

Приложение X

Сводный список членов ложи Орфея

- Мастер стула.* 7.XI.1784 — 26.XII.1785 Иосиф Алексеевич Поздеев, шотландский мастер и основатель ложи (постоянно в отсутствии).
Петр Гаврилович Беляев.
- Наместный мастер.* Александр Михайлович Лунин.
7.XI.1784—9.X.1785 Карл Иванович Дрешерн, мастер.
- 1-й надзиратель.* 7.XI.1784—9.X.1785 Петр Гаврилович Беляев, мастер.
5.XII.1785 — Карл Иванович Дрешерн.
- 2-й надзиратель.* 7.XI.1784 — Богдан Иванович Геско, мастер.
5.XII.1785 — Петр Гаврилович Беляев.
- Секретарь.* 1784 Семен Федорович Тимирязев.
7.XI.1784—2.VIII.1785 Карл Егорович Гине; принят в мастера незадолго до 1 апреля 1783.
9.X.1785 —
- Казначей.* 7.XI.1784 — Иван Андреевич Фенин, товарищ;
12 мая 1785 предложен в мастера.
- Обрядоначальник.* 7.XI.1784 — Яков Федорович Ганичев, товарищ;
12 мая 1785 предложен в мастера.
- Служащий брат.* 7.XI.1784 — солдат Михей Васильевич Ершов,
27 лет.
- Отсутствующие члены.* 7.XI.1784.
Александр Михайлович Лунин — в Полоцке.
Егор Егорович Гине — в Москве.

(вероятно, остались в Кашире:)

Николай Григорьевич Петелин, мастер.

Семен Федорович Тимирязев, мастер.

Андрей Богданович А(О)ладын, мастер.

Авксентий Абросимович Горихвостов, мастер.

Степан Данилович Микулин, мастер.

Егор Федорович Григорьев, товарищ.

Иосиф Михайлович Щербинский, ученик.

Посетители.

Христофор Ермолаевич Беллингсгаузен	} 20.XII.1784 из ложки св. Алек-
Карл Федорович Шнебель	

[Петр Петрович] Татищев 6.I.1785.

Члены вновь принятые.

Иван Николаевич Лукин 28 ноября 1784 в ученики

22 мая 1785 в товарищи.

Христофор Ермолаевич Беллингсгаузен 20 декабря 1784 в товарищи
(член ложки св. Александра).

Вильгельм Егорович Гине 6 января 1785 в ученики.

Яков Ермолаевич Палтусов 6 января 1785 в ученики.

Юрий Андреевич Зверев 27 ноября 1784 в ложе Сфинкса в ученики

12 апреля 1785 присоединен к Орфею

22 мая 1785 в товарищи.

Александр Андреевич Вейс 3 мая 1785 в ученики.

Петр Назарьевич Окунев 12 мая 1785 в ученики.

Максим Григорьевич Бинкен 22 мая 1785 в ученики.

Егор Иванович Шиллер 2 августа 1785 в ученики.

Григорий Григорьевич Энгельгардт 9 октября 1785 в ученики.

⁴⁶⁷ Пыпин—Вернадский № 49.

Приложение XI

*Письмо И. А. Поздеева ложе Северной Звезды*⁴⁶⁸

От 5. марта 1784. года

В почтеннейшую <ложу>

Северной Звезды

Высокопочтеннейшему Мастеру Стула и всем почтенным и любезнейшим братьям оной <ложи>.

Сего марта 3. получил я наипечальнейшее известие от Высокодостойнейшего нашего старшего шотланского обер мейстера и любезнейшего брата Петра Андреевича Татищева что: Высокопочтеннейший и любезнейший наш брат и друг Иван Григорьевич Шварц, один из благодетельствовавших наипаче Российскому вольно камендическому Братству, сего февраля 17. дня взят из сего многоболезненного и темного мира.

Да не будет сие вам, любезнейшия братия, ниже каким либо и мысленным соблазном или причиною в охлаждении в работах высокого ордена; хотя сторонним и мало еще утвержденным некоторым нашим собратиям и может послужить к некоторому соблазну, по их малому еще разумению, якобы все масонство в России основывалось на одном любезнейшем нашем брате Шварце, а без него оно уже и разорится и престанет. Я вас всех любезнейших братиев предупреждаю, дабы вы в мыслях ваших и умственных заключениях соделывали свое настоящее понятие о священном нашем ордене, ибо хотя потеря наша и велика в рассуждении такового отменного духа, потрудившагося о Благе Российского братства; но орден всегда цел,

⁴⁶⁸ Печатается по собственноручному подлиннику. В конце помета: «В <ложе> Северной Звезды получено 1784 года апреля 4. дня. Секретарь А. Бизюкин». [НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 373. Л. 30–32; сокращенные списки: Там же. Ед. хр. 1632. С. 502–506; Позд. III. Л. 117–118. — Ред.]

если один член выбывает, то другой уже готов на его место. В бытность мою еще в Москве получено из высокого ордена, кому должно заступить место сего любезнейшего нашего брата, и хотя он теперь не с нами, но Великой Секретарь, которого должность он правил, тот уже с нами и вакансии нет, ибо при его жизни еще уже и был назначен, и потому рекомендую вам сохранить токмо в себе почтение и благодарность к сему достойнейшему брату, ибо за многое и вы уже ему должны и впредь должны будете, если с ревностию будет продолжать внутренней путь строителей сомоновых.

Признаюсь вам: я, ведая данную ему свыше способность, и особливо великия сведения в работах наших, кои ему открыты были в вояже его для Российского братства в Германии в четвертом годе, не могу без крайняго прискорбия вспомнить, что мы в сие недавное время столь трудолюбиваго, добродушнаго, и бескорыстнаго брата лишились. Но зная орден и попечение всегдашнее о тех, кои искренно к нему привержены, остается благословлять Провидение, устрояющее все по премудрому его промыслу, точно к единственному и успешнейшему нашему благу, и потому должно умолять Всемогущаго: взирая на примерное отшествие из сего мира сего любезнейшаго нашего брата, дабы как его успокоил в селениях его праведных, так и нас сподобил с таковым присудствием бодрого, мудраго и надежнаго духа, прейти из сего обманчиваго света.

Я влагаю здесь письмо о том ко мне от начальствующаго над Российским братством. А по предписанию его, если Богу угодно, буду стараться в другой мой приезд держать с вами печальную о сем высокочестнейшем нашем брате <ложу>.

Может быть смерть сего достойнейшаго нашего брата подаст причину многим вольнодумцам, соблажняясь более обнаруживать слова их и рассеивать, якобы не должно упряжняться в работах наших и углубляться в них, ибо они почитают это безумством. Но благодарение Всевышнему! Как невеждам везде есть камень преткновения, так и сынам мудрости по благодати

Господней на всяком месте и во всяком случае озарение света, которой во тьме светится и тьма его не объемлет.

Вспоминайте, любезнейшие братья, чаще, что Всевышний бесконечно благ и любит беспредельно вас, и потому, естли вы хотя помалу будете идти путем Иизраилевым и по бесконечности к нерадению, сродным всем человекам, не совратитесь с него, то не оставит он вас без путеводителя видимого, пока вы обрящете Невидимого, и тогда пойдете во свете яко чада вышняго Сиона. Но се! даруется ищущим, яко небесная слава, так как и временная, военная, робким да ленивым не дается. Я мысленно вас, Высокопочтенной Мастер Стула и любезнейший брат, и всех вас, почтенные и любезнейшие братия, объемяю и есмь и буду с моим искренним усердием и совершенною привязанностию вам,

Почтенным и любезнейшим

братиям,

Покорным братом и усерднейшим слугою

Иосиф Поздеев.

Приложение XII

Сводный список членов ложи Северной Звезды

Мастер стула. Кирилл Степанович Рындин IV.1783— 21.VI.1784 (с 21.VI.1784 в отсутствии в Архангельске).
Даниил Андреевич Петров ⁴⁶⁹ 21.VI.1784—16.II.1785.

⁴⁶⁹ В 1781 уездный стряпчий Вологодской нижней расправы; 1782 стряпчий во 2-м департаменте Вологодской верхней расправы; 1783—1790 ассессор Вологодской казенной палаты; 1794—1796 советник Вологодской уголовной палаты (*Месяцословы*). С сентября 1783 — 1-й надзиратель, а с 21 июня 1784 по 16 февраля 1785 — мастер стула ложи Северной Звезды.

- Владимир Иванович Остолопов 16.II.1785—
- 1-й надзиратель. Д. А. Петров IV.1783—21.VI.1784.
В. И. Остолопов 21.VI.1784—16.II.1785.
- 2-й надзиратель. В. И. Остолопов. IV.1783—21.VI.1784.
Филипп Иванович Рубио ⁴⁷⁰ 21.VI.1784—
- Обрядоначальник. Ф. И. Рубио 15.IX.1783—
- Секретарь. Алексей Гаврилович Бизюкин ⁴⁷¹ 15.IX.1783—
- Казначей. Князь Федор Васильевич Урусов ⁴⁷² 15.IX.1783—
- Ритор. Василий Ферапонтович Рудометов 15.IX.1783 —
в отсутствии в Москве; вернулся в Вологду ранее
27 апреля 1784.
- Член. Алексей Сергеевич Волоцкой ⁴⁷³ I.1784 присоединен (?).

⁴⁷⁰ Римско-католической религии. В 1781—1783 коллежский регистратор, стряпчий во 2-м департаменте Вологодской верхней расправы. С 15 сентября 1783 состоял в должности обрядоначальника ложи Северной Звезды, а с 21 июня 1784 — 2-м надзирателем.

⁴⁷¹ В 1783 прапорщик. Согласно списку членов ложи Северной Звезды — второклассный землемер Вологодской межевой конторы, а по данным *Месяцослова* (1783. С. 369) — расправный судья Вологодской нижней расправы. [Надо иметь в виду, что в «Месяцослове» приведены данные на 8 декабря 1782. — Ред.] В «Месяцословах» на 1784—1786 не упоминается, а на 1787—1791 показан ассессором в винной и соляной экспедиции Вологодской казенной палаты. С сентября 1783 — секретарь ложи Северной Звезды. 18 июня 1818 присоединен членом к ложе Нептуна в Москве.

⁴⁷² В 1781—1784 (1785?) надворный советник, советник Вологодской уголовной палаты. С 15 сентября 1783 — казначей ложи Северной Звезды.

⁴⁷³ В XIX веке директор училищ Вологодской губ.; см. о нем: *Васильчиков II*, по указателю. Член ложи Астреи в Москве; в списке 25 ноября 1783 значится в степени ученика, с чином артиллерии сержанта. В начале 1784 уехал в Вологду, причем П. А. Татищев снабдил его рекомендательным письмом от 4 января 1784, удостоверяя его принадлежность к ложе Астреи, в 1-й степени. В 1817 был

Приложение XIII

*Третний отчет ложи Утренней Звезды в Дерпте*⁴⁷⁴

Высокопросвещеннейший древний <шотландский> главный мастер!
Высокодостойнейший депутат великий мастер!

Высокодостойные надзиратели и все великие чиновники просвещен-
ные матери <шотландской ложи> трех знамен в Москве!

Достопочтенные и любезные братья!

Наступивший новый год напоминает нам о наших приятнейших дол-
жностях, а наипаче о должности благодарности к великому мира строите-
лю, за щедрое его покровительство, которым он посреди всех возмущений,
как нашу просвещенную мать <шотландскую ложу>, так и дщерь ея
<ложу> спас и сохранил; напоминает также об искреннейших желаниях,
да вечный источник благодати и света благоволит и впредь свои благосло-
вания на вас, а посредственно и на нас изливать.

Присем просвещенной нашей матери <шотландской ложе> покор-
нейшую свидетельствуем благодарность, за братское наставление высоко-
достойному брату, Полковнику Поздееву, как Репрезентанту наша < ложи>.
Мы сие почитаем за знак продолжающагося еще дружескаго руковод-
ства и попечения наша достопочтенейшая матери <шотландской ложи>,
и от сего чувствуем ободрение к новой ревности в каменщических наших

одним из основателей возобновленной ложи Северной Звезды в Вологде (Пы-
пин—Вернадский № 154; Пыпин. С. 418). Сохранились два письма
А. С. Волоцкого к Сергею Степановичу Ланскому (НИОР РГБ. Ф. 147.
К. 88. М. 1965. Ед. хр. 25).

⁴⁷⁴ Печатается по копии, писанной неизвестной рукой. Подлинник был
на немецком языке; русский перевод очень плох. [См.: НИОР РГБ. Ф. 14.
Ед. хр. 378. Л. 18—18об. — Ред.]

работах. Как мы по письму высокопочтенного брата Гине недавно <ложу> опять открыли, и внешняя наша работа опять начали, то ответственность на письмо просвещенн<ья> нашей матери <шотландской ложи> так долго умедлили с тем намерением, дабы и третное наше при сем сообщить могли сведение, состоящее в следующем:

По сообщенном нам повелении от просвещенн<ой> нашей матери <шотландской ложи>, наша чрез долгое время была закрыта, и в продолжении сего времени у нас ничего достопамятного не происходило, кроме того, что мы двух весьма достойных иностранных братьев, а именно, брата корнета Пропста, и брата порутчика Корнелия, по предшествовавших надежных доказательствах, и по усильному их желанию причислили к нашей <ложе> как членов третия степени, и в разсуждении сего надлежащим снабдили их свидетельством, которое может быть они просвещенн<ой> нашей матери <шотландской ложе> или уже объявили, или вскоре объявить имеют. Наконец в октябре месяце, по сообщенному нам от высокодостойного брата Гине наставлению, опять <ложу> нашу, при всевозможной скромности и осторожности, открыли, и с тех пор были уже четыре собрания, в которых приняли двух надежных в ученическую степень, а именно: брата студента Равена и состоящего при ямбур<г>ском карабинерном полку корнета Стромберга. Впрочем теперь царствует у нас, слава Богу, спокойствие и согласие, кроме того, что давно уже отлучившиеся от нас четыре брата в недра наша < ложи> еще не возвратились, и брат Трейер уже объяснился, что он желает от нас исключен быть, чего для и имени его в списке братьев, при сем третном сведении сообщаемом, не употребляем.

Наконец препоручаем себя благосклонному наставлению просвещ<ен>ных> нашей матери <шотландской ложи>, под благословенным влиянием нашего достославного великого мастера, и притом уверяем о искреннейшей нашей любви и повиновении.

Дано в < ложе> Восточныя Звезды в Дорпате чрез 3×3. 17²² 86.
XII

Фридрих Готлоб Пропст

депутат мастер

Отто Фридрих Густав барон Розен

первый надзиратель

Фридрих Давид Ленц

секретарь

Андрей Дмиголд Фронау

казначей

Карл Густав Фриш

первый милост<ыне>собиратель

Лоренц Эверс

второй надзиратель

Дидрих барон Бруйнинк

ритор

Иоганн Павел Маиор

обрядоначальник

Лудвиг Лоссарт

второй милост<ыне>собиратель

Приложение XIV

*Список членов ложи Утренней Звезды в Дерпте*⁴⁷⁵Verzeichniss derer Mitglieder bey der Freymaurer-Loge zum Morgenstern
in Dorpat den 23 December 1786

	Vor und zu Nahmen	Character	Amt und Grad	Aufenthalt
1	Johann Gottlieb Graf v. Munnich	Etaats Rath und Ober Consistorii Praesident	Meister vom Stuhl	auf dem Gut Lunia
2	Friedrich Gott- lob Probst	Titulaer Rath und Oecon<omiae> Kammerir	Deputirter Meister	in Dorpat
3	Otto Friedrich Gustav Bar. v. Rosen	Kreys Richter	Erster Vorste- her	" "
4	Lorentz Evers	Magister und Rector der Schule	Zweiter Vor- steher	" "

⁴⁷⁵ Печатается по подлиннику; собственноручна только подпись. [См.: НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 378. Л. 20—21об. — Ред.] Быть может, в № 10 надо читать Cossart, в № 16 — Ellisther?

	Vor und zu Nahmen	Character	Amt und Grad	Aufenthalt
5	Fridrich David Lenz	Oberst Pastor	Secretair	" "
6	Didrich Baron v. Bruining	Polnischer Kammerherr	Redner	auf dem Gut Wrangelshoff
7	Andreas Rein- hold Fronau ⁴⁷⁶	Staabs Chyrurgus	Schatzmeister	in Dorpat
8	Johann Paul Major	Kaufmann	Ceremonien Meister	" "
9	Carl Gustav Frisch	Collegien Assessor und Postmeister	Erster Aumo- nier	" "
10	Ludvig Cassart ⁴⁷⁷	Kreys Doctor	Zweyter Au- monier	" "
11	Alexius v. Boet- tiger	Kreys Marschal im Wendenschen Kreyse	Meister	auf dem Gut Fehsen
12	Ludwig Wilhelm Graf v. Man- teuffel	Etaats und Criminal Rath		in Riga
13	Johann Carl Graf v. Sievers	Russisch Kayserl<icher>		in Dorpat
14	Christian Fried- rich Petersen	Obriste Kreys Notair		" "
15	Obrist- l<ieutenant> Alexander v. Essen	Obristl<ieutenant> bey der Cavallerie		auf dem Gut Treppenhoff
16	Reinhold Johann Graf v. Stackel- berg	Pol<nischer> Kammerherr		auf dem Gut Ellistfer

⁴⁷⁶ Ср. в Приложении XIII явно ошибочное прочтение переводчиком имени Reinhold: Дмиголд. — *Ред.*

⁴⁷⁷ Принятый русским переводчиком неизвестного нам в оригинале письма (см. Приложение XIII) вариант «Лоссарт» (явно ошибочный в первой согласной) говорит в пользу гласной «о»: Cossart. — *Ред.*

	Vor und zu Nahmen	Character	Amt und Grad	Aufenthalt
17	Johann Casimir Volckmer	Königl<icher> Pol- <nischer> Hofrath und Artzt	Meister	in Dorpat
18	Benjamin Gottfr<ied> Haentschel	Protocollist beym Adels-Vormun- dsch<afts-> Amt		" "
19	Peter Graf v. Sievers	Russisch Kayserl<icher> Major		in Narva
20	Johann Martin Schuing	Secretaire		in Dorpat
21	Eberhard Graf v. Manteuffel	Artillerie Lieut<enant>		auf Reisen
22	Heinrich Adolf Erleben	Pastor zu Camby		auf Camby
23	Hans George Baron v. Uxkull	Kammer Juncker		auf Uxkuls Ruhe
24	Gerhard Christli- eb Chr. Rudorff	Rathsherr		in Dorpat
25	Heinrich August Probst	Lieutenant		in Russland
26	George Cornelius	Lieutenant		" "
27	Wilhelm Magnus v. Schulmann	Kreys Hauptmann	Gesellen	in Werro
28	Tobias Buschund	Kreys Anwald		in Dorpat
29	Joachim Tobias Berger	Kaufmann		" "
30	George Gottfried Marpurg	Pastor		zu Neuhaus- en
31	Carl Fridrich Guthard	Revisor		auf der Insel Oesel
32	Otto Wilhelm v. Essen	Russisch Kayserl<icher> Major		bey der Armee
33	August Albrecht Diedrich Nose	Radts Secretair		in Pernau

Vor und zu Nahmen	Character	Amt und Grad	Aufenthalt
34 George Philip Ludwig	Hofmeister bey den H. v. Loewenstern	Gesellen	auf Reisen
35 Friedr<ich> August Bohm	Kreys Commissair		in Werro
36 Alexander v. Taube	Russisch Kayserl<icher> Major		in Courland
37 Carl Adam Sohn	Gorodnitschei		in Habsal
38 George Philip Volckmer	Kreys Doctor	Lehrlinge	in Arens- bourg
39 Gottlieb Wil- helm Weile	Fürstl<icher> Darmstädtscher Lieutenant		in Moscau
40 Johann Gottlieb Krause	Kunst Gärtner		in Curland
41 George Johann Kries	Wachtmeister bey Plesc<aue> Cara- b<iner> Reg<iment>		in Russland
42 Johann Fried- r<ich> Jacobsen	Chyrurgus		auf Laesholm
43 Georg Frid- r<ich> Calvaer	Post-Controleur		in Dorpat
44 Christian Gott- lieb Kymmel	Kaufmann		" "
45 Johann Gott- fr<ied> Barend	Cand. Theologiae		auf dem Gut Uddorn
46 Johann Anton Friedrich Rawen	Studiosus	Meister	auf dem Gut Lugden
47 Carl Ernst v. Stromberg	Cornet bey Jamburg<er> Car<a- biner> Reg<iment>		in Dorpat
48 Carl Friedrich Bathe	Kaufmann		in Dorpat und decken seit 14 Jahr<en> die Loge
49 Peter Heinrich Rosencrantz	Kaufmann	Geselle	
50 Daniel Herr- mann Bahr	Kaufmann	Geselle	

Vor und zu Nahmen	Character	Amt und Grad	Aufenthalt
51 George Fridrich Hempel	Oeconom	Meister	} Dienende Br<üder> in Dorpat
52 Johann Muller	Friseur	Geselle	
53 Anton Schneider	Kammer Diener	Lehrling	
54 Johann Heinr<ich> Rosenplenter	Post Commissair	Geselle	
55 George Bernh<ard> Baumann	Arrendator ⁴⁷⁸	Lehrling	
			auf Reisen in Wollmar
			im Re- valschen

Friedrich David Lenz

Secretär

⁴⁷⁸ Перевод столбца «Занятие»: 1. Статский советник, президент обер-консистории. 2. Титулярный советник, экономии каммерир. 3. Окружной судья. 4. Магистр и ректор школы. 5. Обер-пастор. 6. Польский камергер. 7. Штабс-хирург. 8. Купец. 9. Коллежский асессор и почтмейстер. 10. Окружной врач. 11. Окружной маршал Венденского округа. 12. Статский и криминальный советник. 13. Полковник русской службы. 14. Окружной нотариус. 15. Подполковник русской службы. 16. Польский камергер. 17. Польский надворный советник и врач. 18. Протоколист дворянской опеки. 19. Майор русской службы. 20. Секретарь. 21. Лейтенант артиллерии. 22. Пастор в Камби. 23. Камер-юнкер. 24. Ратсгер (член магистрата). 25—26. Лейтенант. 27. Окружной глава. 28. Окружной адвокат. 29. Купец. 30. Пастор. 31. Ревизор. 32. Майор русской службы. 33. Секретарь магистрата. 34. Гофмейстер при дворе Лёвенштерна. 35. Окружной комиссар. 36. Майор русской службы. 37. Городничий. 38. Окружной врач. 39. Лейтенант герцогства Дармштадтского. 40. Художник-садовник. 41. Вахмистр псковского карабинерного полка. 42. Хирург. 43. Почтовый контролер. 44. Купец. 45. Кандидат теологии. 46. Студент. 47. Корнет ямбургского карабинерного полка. 48—50. Купец. 51. Эконом. 52. Парикмахер. 53. Камердинер. 54. Почтовый комиссар. 55. Арендатор (нем.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Алф. дек.** — Алфавит декабристов / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925. (Центрархив. Восстание декабристов: Материалы. Т. VIII). {См. также: Декабристы: Биографический справочник / Изд. подготовлено С. В. Мироненко. М., 1988.}
- Арх. Тург.** — Архив братьев Тургеневых. Вып. 1–6. СПб., 1911–1921.
- Барсков** — Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915.
- Беляев** — Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805–1850. СПб., 1882. {Новое изд. — Красноярск, 1990.}
- БЗ** — Библиографические записки.
- Брикнер** — Брикнер А. Г. История Екатерины II. СПб., 1885.
- Васильчиков II** — Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. II. СПб., 1880.
- Венгеров** — Источники словаря русских писателей / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 1–4. СПб.; Пг., 1900–1917.
- Вернадский** — Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.

- Вернадский³** — Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II / 3-е изд.; под ред. М. В. Рейзина, А. И. Серкова. СПб., 2000.
- ГАПО** — Государственный архив Пермской области.
- ГАРФ** — Государственный архив Российской Федерации, Москва.
- Геннади** — Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 год. Т. 1–3. Берлин; М., 1876–1908.
- Державин** — Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 1–9. СПб., 1864–1883.
- Долгоруков** — Долгоруков П. В. Российская родословная книга. Ч. I–IV. СПб., 1854–1857.
- Евгений** — Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Изд. 2-е. Ч. 1–2. М., 1845.
- Ешевский** — Ешевский С. В. Сочинения по русской истории / С портретом автора и биографией его, составленной К. Н. Бестужевым-Рюминым. М., 1900.
- ЖМНП** — Журнал Министерства народного просвещения.
- Л. Б.** — Ленинская библиотека.
- ЛН** — Литературное наследство.
- Лонгинов** — Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартилисты. М., 1867. {Новое изд. — СПб., 2000.}
- Лубяновский** — Воспоминания Фёдора Петровича Лубяновского. 1777–1834. М., 1872.
- Лунин** — Лунин А. М. Записка своим обстоятельствам и примечаниям для себя и детей моих // НИОР РГБ. М. 919.
- Месяцослов** — Месяцослов с росписью чиновных особ. СПб., 1765–.

- МН** — Вел. кн. Николай Михайлович. Московский некрополь. Т. 1—3. СПб., 1907—1908.
- НИОР РГБ** — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.
- ОПИ ГИМ** — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.
- Орлов-Давыдов** — Орлов-Давыдов В. П., гр. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Т. I—II. СПб., 1878.
- Отчет П. Б.** — Отчет Императорской Публичной библиотеки.
- Отчет Р. М.** — Отчет Румянцевского Музея.
- П. Б.** — Публичная библиотека.
- П. Д.** — Пушкинский Дом.
- Пекарский** — Пекарский П. П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. (Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. VII. № 4).
- Переписка** — машинопись неизданной книги // НИОР РГБ.
- Н. И. Новикова** Ф. 218.
- Письма Новикова** — Письма Н. И. Новикова / Под ред. А. И. Серкова, М. В. Рейзина. СПб., 1994.
- Попов** — Попов Д. И. Материалы для жизнеописания пяти благочестивых мужей в России // НИОР РГБ. Ф. 237. Ед. хр. 38.
- Пыпин** — Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века / Ред. и примеч. Г. В. Вернадского. Пг., 1916. {Новое изд. — М., 1997.}
- Пыпин—** — Хронологический указатель русских лож от первого введения масонства до запрещения его. 1731—1822. [Сост. в 1873 Пыпиным, переработан Вернадским] // Пыпин. С. 498—557.
- Вернадский**
- РА** — Русский Архив.

- РБС** — Русский биографический словарь / Изд. императорским Русским Историческим Обществом. СПб.; М., 1896—1918. {Издание осталось незаконченным; всего вышло 25 томов. Переиздано: М., 1992—2000, в т. ч. 5 неопубликованных ранее томов.}
- РВ** — Русский Вестник.
- РГАДА** — Российский государственный архив древних актов, Москва.
- Розанов** — Розанов М. Н. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц. Его жизнь и произведения. М., 1901.
- РО РНБ** — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург.
- РС** — Русская Старина.
- Руммель—Голубцов** — Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1—2. СПб., 1886—1887.
- Сб. РИО II** — Сборник Русского Исторического Общества. Т. 2. СПб., 1868.
- Смирдин** — Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная. Ч. 1—4. СПб., 1828.
- Соколовская** — Соколовская Т. О. О масонстве в прежнем русском флоте. СПб., 1907. (Отд. оттиск из журн.: Море. 1907. № 8. С. 216—253).
- Сопиков** — Сопиков В. С. Опыт российской библиографии / Ред., примеч., доп. и указ. В. Н. Рогожина. Ч. 1—5. СПб., 1904—1906; Указатель. СПб., 1908.
- Тихонравов** — Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. III. Ч. 1. М., 1898.
- ЧОИДР** — Чтения в Обществе истории и древностей российских.
- АНФ²** — Allgemeines Handbuch der Freimaurerei. Zweite, völlig umgearbeitete Auflage. Bd. I—III / Hrsg.

- von Hermann Schletzer und Mor. Zille; Bd. IV / Hrsg. von Otto Henne — Am Rhyn. Leipzig, 1863–1867, 1879.
- AHF³** — Allgemeines Handbuch der Freimaurerei. Dritte, völlig umgearbeitete und mit den neuen wissenschaftlichen Forschungen in Einklang gebrachte Auflage / Hrsg. vom Verein deutscher Freimaurer. Bd. I–II. Leipzig, 1901–1902.
- Astrée** — Tableau general de la Grande Loge Astrée à l'Or.: de St. Petersbourg et des ... Loges de so dépendance, pour l'an maçonnique 5817–18 [5818–19, 5820–21]. St. Petersbourg, [1817–1821].
- Friedrichs** — Friedrichs, Ernst. Geschichte der einstigen Maurerei in Russland nach dem Quellenmaterial der Grossen Landesloge in Berlin sowie der Petersburger und Moskauer Bibliotheken. Berlin, 1904.
- Grass** — Grass K. K. Die russischen Sekten. Bd. 1–2. S. I., 1907.
- Ladrague** — Bibliothèque Ouvaroff: Catalogue spécimen; Sciences secrètes / Red. par A. Ladrague. Moscou, 1870. {Репринтные изд. — 1980; 2003.}
- Matter** — Matter J. Saint-Martin, le philosophe inconnu: sa vie et ses écrits, son maître Martínez et leurs groupes d'après des documents inédits. Paris, 1862.
- Recke–Napiersky** — Recke G. F. von, Napiersky K. E. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Bd. III. Mitau, 1831.
- Wolfstieg** — Wolfstieg, August. Bibliographie der freimaurerischen Literatur / Hrsg. im Auftrage des Vereins deutscher Freimaurer. Band I, II, Register. Burg b. M., 1911–1913; Erster Ergänzungsband / Von Bernhard Beyer. Leipzig, 1926. {Репринтные изд. — 1964; 1992.}

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Знаком «*» обозначены несомненные масоны

- Абрамович Д. И. 113, 114
Аввакум Петрович, протопоп 80,
157, 159, 160, 166
Агриппа Неттесгеймский (Agrippa
von Nettesheym) Г.-К. 45, 46,
124
Адарюков В. Я. 131, 133
Адольф А. В. 9, 18, 75
Азадовский К. М. 20
Азадовский М. К. 173, 175
*Аладын (Оладын) А. Б. 218, 375
Александр I 56, 78, 116, 151, 282,
284, 286, 290, 294
Алексеев Д. В. 39
*Алексеев И. А. 310—312, 359
Алексеев М. П. 82
Ангел Силезский (Angelus Sile-
sius), собств. Шеффлер (Scheff-
ler) И. 45, 50, 104
Андреев Л. Н. 183
Анисимов Ю. П. 45
*Аничков А. Ф. 272, 275
Антокольская Н. Г. 152, 153
Антокольский П. Г. 153
*Антонович П. Д. 363, 366
Анучин Д. Н. 135, 137, 144, 146
Анучин М. Н. 135, 146
Ардт (Arndt) И. 297
Арнольд (Arnold) Г. 52, 102, 104,
105, 108, 110
*Арсеньев В. С. 28, 51, 54, 65, 68,
69, 76, 78, 97, 98, 209
*Арсеньев И. В. о. 76
Арсеньев Ю. В. 59
Арсеньева Н. В., урожд. Камы-
нина 123
Арсеньевы 50—52, 56, 60, 76, 118,
194, 219
*Артемов В. В. 52, 54
Архаров Н. П. 283
Астров П. И. 11, 76, 177
Афанасьев А. Н. 114, 116
Ахрамович В. Ф. 24, 39, 42, 75,
180

- Багинский 287
- *Багмевский П. Л. 310, 312, 360
- *Баженов В. И. 53
- *Баженов Н. Н. 19
- *Бакунин П. А. 28, 55
- Бакунина Т. А., в замуж. Осоргина 70
- Балашова О. П. 199
- *Баратаев М. П. 213
- Баратынский Е. А. 183
- *Бардовский Я. И. 123
- Барсков И. Л. 95, 98, 118, 123
- Барсков П. Л. 118, 123, 125, 133, 136, 139, 146, 147
- Барсков Я. Л. 5, 9, 10, 49, 51–53, 56, 69, 75, 77, 79–190, 192–194, 209, 233, 234, 244–246, 254, 255, 260, 268, 296, 297, 302, 304, 307, 316, 323, 338, 341, 387
- Барскова А. Л. 123
- Барскова М. Л. 123
- Барскова О. Я. 134, 136, 174
- Бартнев П. И. 87, 116, 268
- Бартнев С. П. 52, 115, 116
- *Бартнев Ю. Н. 55
- Барятинские 57, 58
- Барятинский А. И. кн. 276
- *Батеньков Г. С. 55
- Батюшков П. Н. 15, 76
- *Баузе (Bause) Ф. Г. 360, 368
- *Безант (Besant) А. 15, 21
- Безбородко А. А. гр. 294
- Белицын Н. В. 117, 135
- *Беллингсгаузен Х. Е. 375
- Белый Андрей, собств. Бугаев Б. Н. 6, 9–12, 14–16, 18–20, 22–32, 34–36, 38–43, 46–49, 75, 76, 171, 172, 174, 176–179, 181–184
- Беляев А. П. 298–300
- *Беляев П. Г. 217–220, 224, 232, 278, 298–300, 371, 373, 374, 387
- Беляев П. П. 299
- Беляева Ш. А., урожд. Верениус 298
- Бёме (Böhme) Я. 44–46, 102, 104, 110, 166
- *Бенедиктов М. 364, 366
- Бердяев Н. А. 28, 30, 76, 122
- Берков П. Н. 82
- Бестужев-Рюмин К. Н. 388
- Бетховен Л. ван 184
- *Бибииков А. И. 296
- *Бибииков В. А. 54
- *Бизюкин А. Г. 227, 228, 376, 379
- *Биндгейм И.-Я. 119
- *Бинкен М. Г. 375
- *Бишофсвердер (Bischofswerder) И. Р. 107, 110, 307
- *Блаватская Е. П., урожд. Ган 68
- Блок А. А. 12, 15, 18, 22–24, 26, 28, 31, 34, 40, 178, 181, 183
- Блок Л. Д., урожд. Менделеева 12, 19, 40
- Бобринский А. Г. гр. 316
- Боброва А. И. 68, 76
- Богданов В. А. о. 76

- Боголюбов В. А. 164, 169
 Богомолов Н. А. 21, 26, 31
 Боленко К. Г. 281
 *Болотов А. П. 55
 Болотов А. Т. 8, 168, 290
 *Болотов П. А. 55
 Болтин И. Н. 166
 Бонч-Бруевич В. Д. 70, 72, 163
 *Боровиковский В. Л. 61
 Бороздин А. К. 285
 Братенши А. М., в замуж. Мет-
 нер 40
 Браун Е. Г. 10, 75
 Брикнер А. Г. 258, 387
 *Бруйнинг (Bruining) Д. бар. фон
 382, 383
 *Брюллов К. П. 64
 Брюсов В. Я. 18—20, 75, 183
 *Брянцев А. М. 362, 365
 Бугаева К. Н., урожд. Алексеева,
 в первом браке Васильева 172,
 174, 176, 178, 182
 Буксгевден Р. 287
 Букишпан Я. М. 122
 Булгаков В. Ф. 57, 75
 Булгаков М. А. 72
 Булгаков С. Н. о. 76
 Булгаков Я. И. 310, 312
 Буриньон (Bourignon) А. 45
 *Буров П. В. 363, 365
 Бурцев А. Е. 100, 102, 105
 Бычков А. Ф. 148, 160
 Вагнер А. А. 313
 Валентинов Н., собств. Воль-
 ский Н. В. 19
 Василий Валентин (Basilus Valen-
 tinus) 45, 101, 107
 Васильчиков А. А. 298, 302, 314,
 315, 379, 387
 Ватагин В. А. 9
 *Вахрушев А. А. 168
 *Вегелин И. Ф. 91, 193, 199, 207,
 208, 210, 211, 250, 252, 253, 263,
 278, 324—344, 358
 Вейгель (Weigel) В. 107
 Вейкард (Weikard) Е. А. 303,
 304
 *Вейс А. А. 375
 *Вёльнер (Wöllner) И. Х. 101, 109,
 150, 167, 202, 254, 307
 *Вельяминов П. Л. 211, 266—269,
 271, 272, 301, 358, 362, 365
 Вельяминов-Зернов В. Ф. 269—
 271
 Венгеров С. А. 252, 293, 313, 387
 Вернадский Г. В. 9, 49, 52, 70, 77,
 81, 82, 105, 110, 113, 199, 201, 213,
 216, 219, 221, 231, 233, 238—
 241, 260, 276, 303, 312, 313, 315,
 320, 375, 379, 387—389
 Верховский Ю. Н. 172, 174
 *Ветгер И. И. 365
 Виганд И. И. 193
 Видал Комнен (Vidal Comnene) Ф.
 102, 103, 105

- *Виельгорский М. Ю. гр. 78, 94,
123, 321
Викентьев В. М. 39, 40
*Виллерс (Willers) Т. фон 205, 356,
360, 367
Виноградов А. К. 37, 60
Виппер Р. Ю. 118, 122
*Витберг А. Л. (К.) 53, 143, 154
Витте С. Ю. 118, 122
Витязев П., собств. Седенко Ф. И.
118, 121
Владимир Мономах 7
Воган (Vaughan) Т. 124
Войнов В. 214
Волгин В. П. 139, 141
*Волоцкий А. С. 222, 321, 379, 380
Волоцкий М. А. 222
*Волошин (Кириенко-Волошин)
М. А. 21
Вольпе Ц. С. 171, 174, 176, 178,
179, 182
*Вольтер (Voltaire, Аруэ Ф. М.)
167
*Вольфрам (Wolfram) И.-Т. 205,
356, 367
*Вольфштиг (Wolfstieg) А. 84, 85,
107, 123, 132, 239, 243, 342, 391
*Воронцов А. И. гр. 360
Воронцов-Дашков гр. 58
Вяземские кн. 141
*Гаврилов М. Г. 362, 365
*Гагарин Г. П. кн. 197, 315
*Гагарин И. С. кн. 319
*Гамалея С. И. 49, 52, 53, 61, 65, 78,
131, 184, 186, 187, 273, 275, 287,
308
*Гандиль (Gandil) 211, 359
*Ганичев Я. Ф. 374
*Гейль (Heil) И. 346, 347, 364, 366
*Гейм (Heim, Heym) И.-А. (Г.)
фон 205, 207, 249—252, 326,
336, 346, 347, 355, 357, 366
Гейниц 256
Гельвих А. 275
Гельмонт (Helmont) Я.-Б. ван 45
Геннади Г. Н. 252, 266, 388
Георгиевский Г. П. 89—93, 96, 105,
110, 151
Гераклит Эфесский 44
Геродот 176
Герцен А. И. 175
Гершензон М. О. 75
*Геско Б. И. 374
Гессен И. В. 122
Гессен С. И. 24
*Гёте (Goethe) И. В. фон 41, 47
Гизетти А. А. 121
*Гиммен (Humpfen) И. В. Б. фон
243, 244, 254, 255
*Гиппиус Э. Н. 40
Гихтель (Gichtel) И.-Г. 45
Глаголь Сергей (Голоушев С. С.)
180
Глиэр М. Р. 39
Глиэр Р. М. 39

- *Глюк (Gluck) Кр.-В. кавалер фон
270, 271
Гоголь Н. В. 175, 183, 184
*Голенищев-Кутузов И. Н. 73
*Голенищев-Кутузов М. И., светл.
кн. 99, 234—236
*Голенищев-Кутузов П. И. 53, 234
*Голиков И. И. 363
*Голицын А. Б. кн. 316, 317
*Голицын А. Н. кн. 55
*Голланд (Holland) 307
*Голубенский С. Ф. 363, 365
*Голубинский Ф. А. 55
*Голубовский И. В. 363, 365
Голубцов В. В. 275, 300, 390
Гомер 101
Гончаров И. А. 183
*Горихвостов А. А. 375
Городецкий С. М. 40
Готье Ю. В. 66, 84, 85, 90—92, 95,
100, 105, 110, 118
Грановский Т. Н. 175
Грачева О. А. 6
*Грегориус (Gregorius) И.-В. 362, 365
Григоров Б. П. 15, 38
Григоров С. П. 39
Григорова Н. А., урожд. Бурыш-
кина 39
*Григорьев Е. Ф. 375
Грищенко А. В. 57
Грот Я. К. 267, 269, 388
Губерт-Поспелова В. В., урожд.
Помельцова 63
*Губерти (Huberti) 209, 358
Гусев Н. Н. 57
Гюйон де ла Мотт (Guyon de la
Mothe) Ж.-М. 57
*Гюне (Гине, Hühne, Huene) В. Е.
бар. фон 277, 375
*Гюне Е. Е. (Hühne) бар. фон 197,
208, 211—213, 217—220, 232,
264, 277—284, 286—288, 305,
306, 310, 312, 333, 334, 344, 345,
357, 358, 371, 374, 380, 381
Гюне И. Е. (Hühne) бар. фон 279
*Гюне К. Е. (Hühne) бар. фон 217,
220, 277, 374
Давидович И. И. 291
*Дебольцов И. Н. 363, 364, 366
Дельвиг А. А. 75
Державин Г. Р. 166, 232, 266—
269, 271, 292
Десницкий В. А. 82, 143, 145, 154,
159, 160
Дешарт (Шор) О. А. 25
Дмитриев И. И. 266
*Дмитриев М. А. 281, 286
*Дмитриев-Мамонов М. А. гр. 61
Долгоруков А. В. кн. 55
*Долгоруков Г. А. кн. 220
Долгоруков И. М. кн. 177, 181
*Долгоруков П. В. кн. 314, 388
Достоевский Ф. М. 183, 187
*Дрешерн К. И. 374
Дрюбин Г. Р. 50

- *Дубовицкий А. П. 55, 62
 Дубровин Н. Ф. 287
 Дузетан (Douzetemps) 46
 Дурылин С. Н. 44, 114
 *Дьяков И. А. 232
 *Дьяков Н. А. 232, 362, 365
 *Дьяков П. А. 232
 *Дьяков С. А. 232
 Дьяковы 233
 *дю Грали (du Grailly de Foix)
 209, 358
 дю Прель К. 13
- Евгений (Болховитинов) 266, 388
 Ежов И. С. 134–136, 138, 142, 144
 Екатерина II 49, 60, 77, 81, 82, 85,
 86, 91, 151, 161, 163, 165–167,
 184, 187, 234, 288, 293, 296, 307,
 309, 311, 316, 334, 345, 387, 388
 *Елагин И. П. 49, 55, 239, 303, 304
 Елагин Н. А. 42
 *Енгальчев К. М. кн. 361
 Еренацус К. Ф. 93, 111
 Ермолинский С. А. 72
 *Ершов М. В. 219, 374
 Ешевский С. В. 110, 112, 194–197,
 199, 200, 206, 216, 219, 241, 251,
 268, 315, 388
- Жижка** М. В. 136, 171, 173–175
 Жихарев С. П. 269–272
 Журавская Л. Б. 6
- Заболоцкий** Н. А. 72
 *Завадовский П. В. 267
 Загряжский В. И. 232
 Зайцев П. Н. 176, 181
 Залеман К. Г. 109, 111
 *Засекин А. Н. кн. 251
 *Зверев Ю. А. 375
 Зданевич Б. И. 62
 *Зенкбейль (Senkbeil) Фр. 212, 359
 Зернова А. С. 60, 74
 *Зиберт (Siebert) И.-Д. 209, 359
 Зильберштейн И. С. 163
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 25, 40
 Золотарев Я. 55
 Зомбарт (Sombart) В. 149, 153
 *Зотов Г. П. 320, 321
- Иван Грозный** 122
 Иванов А. А. 64
 Иванов Вяч. И. 18, 20, 21, 23–25,
 28, 31, 32, 34, 40, 43, 44, 75, 76, 183
 *Иванов Н. И. 363, 365
 Иванов-Разумник Р. В. 164, 169
 Игнатьев П. Н. 109, 112
 Илиодор (С. Труфанов) 47
 *Ильин А. Я. 54
 Ильин И. А. 47, 48
 *Инзов И. Н. 310, 312, 313
 Иоанн Падуанский (Giovanni Padovani) 107
 Иоаким Флорский (Giacchino da Fiore) 45
 Ионов (Бернштейн) И. И. 116, 119

- Истрин В. И. 259
- *Казначеев П. М. 51, 76
Казначеевы 50, 65
- *Калиостро (Cagliostro), собств.
Бальзамо (Balsamo) Дж. 316
Каллист Катафигиот 45
Каменев (Розенфельд) Л. Б. 177,
181, 182
Каменева Т. Н. 6
- *Камынин В. Д. 123
Кананов П. Х. 9
- *Кандауров Л. Д. 19
Кант (Kant) И. 328, 339
- *Карамзин Н. М. 7, 119, 124
Карелин А. А. 51, 63, 75, 76
Карелина Е. Ф., урожд. Вериги 76
Карнеги (Carnegie) А. 149, 153
- *Карнеев Е. В. 310, 313
- *Карнеев Э. Я. 313
Карнеевы 55
Касаткин 115
Катков М. Н. 187
- *Кауфман (Kauffman) И.-Я. 210,
263, 359
Кацпржак Е. И., урожд. Гребен-
щикова 60, 68, 69, 72, 74, 186
Кебет 107
Кезельман Е. Н., урожд. Алексе-
ева 24
Келембет (Kelembet) К. П. 363,
365
Кеплер (Kepler) И. 45
- *Кёппен (Körpen) К.-Ф. фон 243
Керар (Quérad) Ж.-М. 103, 230,
231
Кизеветтер А. А. 80, 82, 153
Кизеветтер К. 13
Кийз Р. 24
Киреева Е. Л. 65
Киреевский П. В. 42
Кирхвегер (Kirchweger) А.-И. 46,
101, 102
Киселёв А. С. 76
Киселёв Д. И. 7
Киселёв Иван Александрович 7
Киселёв Иван Алексеевич 7
Киселёв Н. 14
Киселёв Н. С. 7
Киселёв П. С. 7, 8
Киселёв С. Д. 7
Киселёва А. И., урожд. Витвер 8,
125, 129
Киселёва Е. Н., урожд. Ушакова 7
Киселёва М. В., урожд. Бегичева
76
Киселёва Т., урожд. Повалишина 14
Киселёва Х. Л., Китти (Кристи-
на), урожд. Вестрем, в первом
браке Кристенсен 16, 68, 135—
138, 140, 142, 145, 147, 148, 152,
155, 159, 163, 174, 177
Киселёвы 59
Клевенский М. М. 74
- *Клоккенберг (Klockenberg) Г.-Э.
210, 360

- Клосс (Kloss) Г. Б. 231
- *Ключарев Ф. П. 119, 127, 132
- Ключевский Б. В. 125, 129
- *Ключевский В. О. 10, 79, 81, 125, 129, 186, 187
- Кобеко Д. Ф. 88, 90
- Кобяков П. Н. 269–271
- *Ковалевский М. М. 21
- *Коваленский (Ковалинский) М. И. 55, 97, 98
- *Ковальков А. И. 55
- Кожебаткин А. М. 24, 42, 50
- Кожевников А. П. 267
- Кожина А. Г. 271
- Козицкий Г. В. 119
- Козловская А. Л. кн., урожд. Карабанова 314
- Козловский А. Н. кн. 314
- *Козловский А. М. кн. 212, 315, 359
- *Козловский Н. М. кн. 311, 314–316
- Кознов М. П. 64
- *Колокольников В. Я. 272
- Колумб (Columbus) Х. 183
- Колупаевы 149
- Кольцов (Фридлянд) М. Е. 163
- Коменский (Comenius) Я. А. 96
- Кони А. Ф. 81
- *Корнелиус (Cornelius) Г. 381, 384
- Корсаковы 58
- *Коссарт (Cossart) Л. 382, 383
- *Костровский Г. Ф. 363, 365
- *Котляревский Н. А. 81, 82, 119, 133, 134
- *Краевич Н. А. 49, 54
- Крахт К. Ф. 13, 24
- Крюденер (Krüdener) В.-Ю., урожд. фон Фитингоф 55, 286, 287
- Кузмин М. А. 28
- Кукушкина Е. Д. 363
- *Куль (Kuhl, Kuhle) 205, 357, 367
- Кунрат (Khunrath) Г. 8, 45, 96–98
- Купченко В. П. 20, 21
- *Куракин А. Б. кн. 309
- *Курбатов П. А. 54
- Кусиков (Кусилян) А. М. 179, 181
- *Кутузов А. М. 92–94, 99, 109, 112, 113, 307
- *Лабзин А. Ф. 46, 53, 56, 61, 81, 94, 117, 119, 120, 130, 132, 138, 147, 154, 159, 160, 189, 286, 300
- *Лабзина А. Е., урожд. Яковлева 61, 113
- Лабзины 53
- Лавров А. В. 9, 11, 12, 23, 26, 43, 47, 174
- Лавров П. Л. 118, 121
- Лазарев В. Н. 73
- *Ламб И. В. 322
- *Ланской С. С. гр. 78, 118, 119, 127, 320, 380
- Лаппо-Данилевский А. С. 49
- Ласси Б. П. 313

- Лёвенштерн (Loewenstern v.) 385, 386
- *Левицкий Д. Г. 53, 61
- *Лёвшин В. А. 52
- Леман Б. А. 45
- Лемке М. К. 81
- *Ленивцев А. А. 313
- Ленин (Ульянов) В. И. 122, 182, 189
- *Ленц (Lenz) И.-Х. 266
- *Ленц Ф.-Д. 233, 265, 323, 382, 383
- Ленц Х.-Д. 261, 262, 265, 323, 359
- *Ленц Я.-М.-Р. 61, 195, 209–211, 253, 261–265, 323, 324, 358, 359, 390
- Леонтьев К. Н. 187, 189
- Лермонтов М. Ю. 13, 75, 113, 114, 183
- *Лествиц (Lestwitz) К. Р. 307
- Лид (Leade) Дж. 45
- Литке П. И. 310
- *Лихачев А. Л. 272, 273, 275, 276
- Лихачев Н. П. 275
- *Лихонин П. С. 321
- Лобанов-Ростовский Д. И. кн. 310
- Лодыгин И. Н. 271
- Локс К. Г. 45
- Ломброзо Ч. 98
- Лонгинов М. Н. 61, 77, 102, 105, 140, 164, 169, 175, 193, 194, 197–199, 248, 260, 279, 303, 305–309, 311, 321, 388
- Лопатин В. С. 163
- *Лопухин И. В. 53, 54, 81, 92, 94, 108, 130, 203, 231, 243, 297, 299, 301, 302, 306, 308, 309, 312, 315, 317, 321
- *Лоран (Laurent) Б. 205, 356, 367
- Лотарева Д. Д. 58
- Лоу (Law) У. 45
- *Лохвицкий К. А. 55, 62
- Лубяновский Ф. П. 54, 283–285, 303, 310, 311, 313, 316–318, 388
- *Лукин И. Н. 375
- *Лунин А. М. 53, 217, 218, 222, 225, 291–297, 360, 374, 388
- Лунин И. М. 291
- Лунин М. К. 291
- *Лунин М. С. 292
- *Лунин Н. А. 292
- Лунин Н. М. 291
- Лунин Н. С. 292
- Лунин П. М. 291
- Лунин С. М. 291, 292
- Лунина А. И., урожд. Неплюева 291
- Лунина В. Н., урожд. Щепотьева 291, 295, 297
- Лунина Ф. Н., урожд. Муравьева 292
- Лунины 291
- Львов Н. А. 266–268, 271, 310
- Лямина Е. Э. 281
- *Магницкий М. Л. 167
- *Маиор (Major) И.-П. 382, 383

- Майдель Р. фон 11, 39
 Майков П. М. 312
 *Максимович Л. М. 362, 365
 Малафеев Н. М. 179
 Малинин В. Н. 160
 *Малиновский А. Ф. 136, 137
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 80
 Мария Федоровна, имп. 294, 295, 316
 *Маркелов П. Д. 51–53, 62, 113
 Маркушевич А. И. 6
 Мартынова-Понятовская Н. Г. 249
 Масанов И. Ф. 67, 75
 *Маслов А. И. 98, 217, 225, 226, 298
 *Маслов С. А. 55
 *Масловский (Мстиславский) С. Д. 302
 Масон И. (Мейсон Дж., Mason J.) 224
 Маттер (Matter) М. 304, 316, 318, 391
 Мейлах Б. С. 82
 Мельгунов С. П. 111, 112, 200
 Мережковские 12, 18, 23
 *Мережковский Д. С. 40, 178
 Мерлин Я. Д. 310
 *Месмер (Mesmer) Ф.-А. 316
 Метерлинк (Maeterlinck) М. 44
 Метнер К. П. 76
 Метнер Н. К. 11, 29, 40, 76
 Метнер Э. К. 9, 11, 23–26, 29, 31–34, 40–43, 47, 48, 75, 76
 Мещеряков Н. Л. 188, 189
 *Микулин С. Д. 375
 Милоков П. Н. 164, 166, 169
 Милютин Д. А. 8
 Минцлова А. Р. 20–23, 25–35, 40, 48, 75
 Мироненко С. В. 299
 Мичатек Н. 286
 Модзалевский Б. Л. 56, 62, 69, 81, 113, 117, 119, 127, 130, 131, 160, 214, 286, 316, 322, 387
 Морган (Morgan) И. П. 149
 Морозова М. К. 38, 41, 176
 Морозовы 149
 *Мудров М. Я. 53, 286
 Муни, собств. Киссин С. В. 179
 Мурзанов Н. А. 322
 *Мусин-Пушкин А. И. гр. 136
 Наполеон I Бонапарт (Napoleon Bonaparte) 220
 *Нартов А. А. 293
 *Невзоров М. И. 53, 114, 116, 216
 Невский В. И. (Кривобоков Ф. И.) 69, 70, 136, 138–140, 142, 147–149, 152, 154, 161, 162, 164, 165, 169, 174, 186
 Недергоф К. Х. 99
 Недович Д. С. 45
 Незеленов А. И. 138, 141
 Нейман (Neumann) К. 16
 *Неклюдов М. В. 211, 358, 360
 Некрасов Н. А. 183

- *Немирович-Данченко В. И. 80
 Нефедьев Г. В. 11, 12
 Нешумова Т. Ф. 281
 Никитин А. Л. 63
 Никитин Л. А. 63, 76
 *Николаи (Nicolai) К. Ф. 331, 342
 Николай Кавасила 45
 Николай Михайлович, вел. кн. 389
 *Николев А. А. 155
 Нилендер В. О. 24, 30, 39, 44, 45, 76
 Ницше Ф. 14, 97, 180
 Новиков Е. С. 160
 *Новиков Н. И. 46, 50, 53, 61, 62, 65, 68, 69, 71, 77, 78, 81, 89, 91, 94, 99, 102, 116—120, 123, 124, 126—131, 133—136, 138, 141, 143, 146, 147, 149—151, 153—162, 164—170, 178, 185—189, 193, 195, 197—199, 206, 207, 214, 216, 221, 222, 229, 232, 241, 243, 245, 247, 248, 253, 254, 257, 275, 279, 282, 286, 295, 296, 299, 301, 303, 305—309, 311, 312, 321, 332—334, 343—345, 371, 388, 389
 Новикова В. Н. 131
 Новосильцов П. И. 312
 *Норов А. С. 91, 94
 Носков П. 296
 Обатнин Г. В. 21
 Одоевский В. Ф. кн. 55
 *Окунев П. Н. 375
 Оленин А. Н. 271
 Оленин Л. А. 179
 *Олсуфьев М. М. 245
 Орлов А. В. гр. 256, 257, 259
 Орлов А. С. 142, 145
 Орлов В. Г. гр. 256—259, 389
 Орлова Е. И. гр., урожд. Шта-
 кельберг 259
 Орлов-Давыдов В. П. гр. 256—
 259, 389
 Орловы гр. 257
 Остафьев Д. М. 100—102, 105, 107,
 110
 *Остолопов В. И. 218, 221, 223, 226,
 228, 318—322, 354, 379
 Остроухов И. С. 176
 Павел I 167, 169, 283, 284, 303, 307
 *Павлов-Сильванский Н. П. 117,
 120
 Палама Г. 46
 *Палтусов Я. Е. 375
 Панаев В. И. 276
 *Панаев И. И. 49, 272, 275—277
 Панаев И. И. внук 276
 Панаев П. И. 275, 277
 Панаевы 276
 *Панин Н. И. гр. 169
 Панин Н. П. гр. 257, 258
 *Панин П. И. гр. 169
 Панины гр. 82, 167, 169
 *Панкратьев (Панкратов) П. П.
 212, 310, 316, 359, 372
 Параделов М. Я. 140

- Парацельс (Paracelsus), Хоэнхайм (Hohenheim) А.-Ф.-Ф.-Б. фон 45, 46
- Пашуканис В. В. 13, 44, 47, 49, 50, 57, 59, 75
- Пекарский П. П. 109, 111, 199, 237, 244, 282, 306, 307, 309, 389
- *Пенсемайль (Pincemaille) Э. 199, 229–232, 360
- *Перов Н. Н. 365
- *Персиц Х. И. 17, 62
- *Петелин Н. Г. 218, 301, 360, 370, 374
- *Петерс 196
- Петр I 91, 363
- *Петров Д. А. 223, 378, 379
- Петровский А. С. 11, 24, 26, 29, 31, 32, 34, 37, 39, 42, 44, 48, 57, 59, 75, 171, 174, 176, 179, 180, 182
- Петровский М. А. 75
- Печерин В. С. 55
- Печковский А. П. 44
- Пико делла Мирандола (Pico della Mirandola) Дж. 45
- Пиксанов Н. К. 56, 116, 129, 130, 140, 145, 151
- Платон (Лёвшин), митр. 150, 317
- Платонов О. А. 19
- Платонов С. Ф. 82
- *Плещеев С. И. 119, 308, 309
- Плотин 45
- *Плуменек 46, 132, 134
- Плутарх 45
- Победоносцев К. П. 187
- *Поздеев А. О. 127, 130, 217, 220, 222, 287, 371
- *Поздеев И. А. 46, 53, 61, 69, 71, 77, 78, 116, 127, 189, 195, 215–228, 234, 269, 278, 279, 282, 289, 290, 296–302, 306, 308, 312, 314, 315, 318–321, 354, 358, 360, 369, 371–374, 376, 378, 380
- Поздеева Е. М. 215
- Покровский М. Н. 118, 122
- Полевой А. Л. 179
- *Полик (Polick) А. Ф. 83–85, 87, 88
- Полторацкий Д. М. 268
- Полуденская Е. А., урожд. Лунина 292
- Полуденский М. П. 291, 292, 295
- Полуденский П. С. 292
- Попов А. Н. 199
- *Попов Д. И. 50, 51, 54, 61, 98, 113, 119, 132, 280, 281, 287, 304, 314, 389
- Попова О. И. 162, 163, 168
- Пордедж (Pordage) Д. 45, 46
- Потёмкин Г. А. кн. 82, 93, 99, 111, 112, 161, 163, 167, 187, 295, 303
- Потёмкин П. С. гр. 295
- *Походяшин Г. М. 149, 272, 273, 275–277
- Пощо А. М. 179
- Преображенский В. П. 82
- Пресняков А. Е. 82

- Прибытков В. И. 12, 76
 *Пробст (Probst) Г.-А. 381, 384
 *Пробст (Probst) Ф.-Г. 382
 *Протопопов Н. С. 155
 Пугачев Е. И. 166, 292, 295
 *Пушкин А. С. 7, 183
 Пшеницкая Н. В. 15, 76
 *Пыпин А. Н. 49, 56, 62, 77, 81,
 82, 85, 86, 89, 92, 115, 116, 143,
 164, 169, 197, 199, 216, 221, 229,
 231, 233, 238—241, 245, 246,
 253, 254, 276, 286, 303, 304,
 308, 313, 317, 320, 375, 379,
 389
 Пыхачев И. Ф. 273
 Пыхачев М. И. 273
 Пяттоева И. Т. 74
 *Равен (Rawen) И.-А.-Ф. 381, 385
 *Рагоцкий 205, 356, 367
 *Радимонов И. 210, 360
 *Радищев А. Н. 82, 117, 120, 129,
 130, 134—138, 141, 146—148, 158,
 166, 174, 186, 187, 189
 Раевский В. И. 57
 Разуваевы 149
 Разумовские гр. 387
 *Разумовский А. К. гр. 250, 298,
 302, 314, 315
 Разумовский К. А. гр. 298
 Распутин (Новых) Г. Е. 47
 Ратенау (Ratenau) В. 149
 Рахманов П. А. 270, 271
 Рачинская П. А., урожд. Мамон-
 това 76
 Рачинская Т. А., урожд. Мамон-
 това 76
 Рачинские 174
 Рачинский А. К. 76
 Рачинский Г. А. 24, 75, 76, 95, 97,
 172, 180
 Рейзин М. В. 78, 388, 389
 *Рейхель (Reichel) И. К. бар. 108
 *Репнин Н. В. кн. 49, 142, 220,
 279—283, 286, 302—314, 316—
 318, 359, 360, 371
 Ретцель (Retzel) Г.-Ф. 46
 *Ржевский А. А. 268, 304
 *Ржевский В. М. 53
 Римский-Корсаков А. Н. 154, 155
 *Римский-Корсаков А. П. 54, 78,
 154, 155, 321
 Римский-Корсаков Н. А. 154, 155
 Рогожин В. Н. 102, 390
 *Рогожин Е. Г. 54
 Розанов И. Н. 168, 169
 Розанов М. Н. 10, 169, 261, 264,
 323, 390
 *Розен (Rosen) О. Ф. Г. бар. 382
 *Розенштраух И. А. 91, 324
 *Ройс (Reuss) Т. 21
 Рокфеллер (Rockfeller) Дж. Д.
 149
 *Рубио Ф. И. 379
 *Рудометов В. Ф. 320, 321, 379
 *Руле (Roulé) 204, 248, 355, 366

- Руммель В. В. 275, 300, 390
 Румянцов Н. П. гр. 90, 91
 *Рунич Д. П. 53, 56, 132, 138, 147, 159, 160
 *Русановский П. И. 365
 Руска (Ruska) Ю. 184
 Руссо Ж.-Ж. 187, 295
 *Рындин К. С. 218, 221, 223, 224, 226, 322, 323, 378
 *Рындин П. К. 323
 Рэйсбрук (Ruysbroeck) Я. ван 44
 *Рюккерт (Ruckert) Д. 204
 Рябушинские 149
 Сабашников М. В. 135
 Сабашникова М. В., в замуж. Волошина 21, 25, 28, 30, 39, 40, 44, 48
 Садовской Б. А. 24
 Салимбене (Salimbene) 173, 175
 Салтыков-Щедрин М. Е. 81, 82
 Самойлов А. Н. гр. 312
 Сапов В. 24
 *Сафонов Н. Л. 119, 124, 132
 *Сафонов П. Л. 55
 Сведенборг Э. 44, 49
 Свентольдй Кисель 7
 Свенцицкий В. П. 180
 Селиванов К. И. 285
 Семека А. В. 200
 Семенников В. П. 117, 120, 129, 130, 140, 147, 148, 168, 169
 Сендивогий (Sendivogius) М. 46
 *Сен-Мартен (Saint-Martin) Л.-К. 45, 46, 304, 316, 317, 321
 Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra) М. де 178
 Сергиевский И. В. 168, 169
 Серков А. И. 65, 78, 134, 191, 388, 389
 Сиверс А. А. 131, 133
 Сидоров Н. П. 200
 Сизов В. И. 177
 Сизов И. И. 177
 Сизов М. И. 10, 11, 13, 24, 26, 29, 31, 34, 39, 42, 44, 63, 75, 96, 98, 176
 Сизов Н. И. 11, 24, 75
 Сизова М. И., в замуж. Викентьева, затем Терер 11, 39, 40
 Сизова О. П. 39
 *Симанский Л. А. 54
 Симон К. Р. 9
 Симони П. К. 249
 Смирдин А. Ф. 252, 266, 390
 Смирнов М. П. 9
 Соковнин Н. М. 240
 *Соколов С. И. о. 98
 *Соколов И. П. 363, 365
 Соколовская Т. О. 115, 116, 235, 240, 246, 390
 Сокольская К. П. 6
 Сократ 183
 Соловьев В. С. 50, 97, 183
 Соловьев С. М. 11, 12, 24, 75, 97, 98, 179
 Сопиков В. С. 102, 105, 252, 266, 390

- Софокл 45, 183
- *Сперанский М. М. 142
- Сперанский М. Н. 135, 137
- *Спешницкий (Spieschniski) С. И. 364, 366
- Спиридонов А. А. 152
- *Средбольский (Сребдольский, Сердобольский) С. С. 320, 321
- Срезневский В. И. 126, 130
- Сталин (Джугашвили) И. В. 73
- *Стариков П. С. 211, 272, 274, 275, 277, 358
- Старикова М. А. 273, 274
- Степанов В. П. 271, 288
- Степанов М. П. 52, 56
- Степанов Н. Л. 82
- *Степанов Р. С. 52, 53
- Степун Ф. А. 24, 122
- Стиннес (Stinnes) Х. 149
- Страхов И. В. 322
- *Стромберг (Штромберг, Stromberg) К.-Э. фон 381, 385
- *Суворов А. В. кн. 296
- *Сумароков А. П. 166
- Сыроечковский Б. Е. 135, 137
- Тарасов Е. И. 113
- Тарасов Н. Г. 9
- Татаринова Е. Ф., урожд. Буксгевден 286, 287
- *Татищев П. А. 196–199, 202, 205–207, 210, 211, 214, 221, 222, 225–229, 241, 244, 248, 329, 339, 340, 346, 348–353, 355, 357, 360, 376, 379
- *Татищев П. П. 206, 250, 278, 279, 350, 353, 355, 358, 361, 375
- Татищев С. С. 278
- Татищева А. Е., урожд. фон Гюне 278, 279, 334, 345
- Татищевы 278
- Таулер (Tauler) И. 45, 46
- *Теден (Theden) И.-Х.-А. 206
- Тёльде (Thölde) И. 107
- *Тепляков В. Г. 55
- *Тернавский П. Г. 363, 365
- *Тиман (Thieman) фон Беренд К. Ф. 112, 311, 316–318
- *Тимирязев А. С. 300
- Тимирязев К. А. 300
- *Тимирязев С. Ф. 218, 300, 371, 374, 375
- Тимирязева Т. С., урожд. Полтева 300
- *Тимонович Ф. Л. 364, 366
- *Титов П. Я. 53
- *Тифен (Tifaine) 230
- Тихонравов Н. С. 36, 37, 88, 89, 91, 92, 95, 102, 105, 119, 126, 130, 231, 360, 390
- Тоде (Thode) Г. 16
- Толстой Л. Н. гр. 57, 63, 166, 171, 174, 183, 189, 216
- Толстой М. В. гр. 55
- Топорков А. К. 179
- Тори (Thory) К.-А. 231

- *Травулинский А. Я. 364, 366
Трапезников Т. Г. 39
*Трейер 381
*Трепольский В. Ф. 364, 366
Трескин Н. А. 75
Трескин Н. Н. 9
Третьяков П. М. 64
Тритгейм (Thritheimius) И. 45
*Триттельвиц И.-Д. 197, 201, 209, 347, 358
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 81
Трощинский Д. П. 310
Трубецкая В. А. кн., урожд. кн. Черкасская 245, 265
Трубецкие кн. 167, 245, 252, 338
*Трубецкой А. Н. кн. 245
*Трубецкой А. П. кн. 246
*Трубецкой В. Н. кн. 245
*Трубецкой Д. С. кн. 246
Трубецкой И. Ю. кн. 245
*Трубецкой Н. И. кн. 246
*Трубецкой Н. Н. кн. 77, 92, 93, 127, 130, 196—198, 207, 244, 245, 252, 260, 265, 279, 304—306, 308, 313, 324, 329, 330, 336, 339, 341
Трубецкой Н. Ю. кн. 245
Трубецкой П. Н. кн. 325, 328, 336, 339
*Трубецкой П. П. кн. 247
*Трубецкой П. С. кн. 246
*Трубецкой С. Н. кн. 245, 246
*Трубецкой С. П. кн. 246
*Трубецкой Ю. Н. кн. 245, 313
Трутовский В. К. 338
Тукалевский В. Н. 164, 166, 169
*Тургенев Ал. И. 175, 258, 259
Тургенев Андр. И. 258
*Тургенев И. П. 113, 151, 203, 258, 277, 282, 308, 317
Тургенев И. С. 183
*Тургенев Н. И. 113, 259
Тургенева А. А., в замуж. Бугаева 28, 39, 40, 179, 181
Тургенева Н. А., в замуж. Поццо 179
Тургенева Т. А., в замуж. Соловьева 179
Тургеневы 113, 151, 155, 387
*Туссен (Toussaint) И. 198, 199, 201, 203—205, 214, 247, 248, 250, 346, 347, 355, 366—368
Тютчев Ф. И. 183
Уваров А. С. гр. 103, 238, 391
Уварова Е. С., урожд. Лунина 292
Удару Ж. 163
*Ульрих (Ulrich) X. 205, 356, 366
Уманский К. А. 163
*Урусов Ф. В. кн. 379
*Утгоф (Uthoff) Б.-Г.-В. 201, 204, 248, 356
*Утгоф (Uthoff) И.-Г.-Л. 204, 249, 356
Утгофы 248, 249, 366, 367
Ушаковы 59

- *Фавр (Favre) 204, 248, 356
 Фёдоров С. И. 58
 *Фенин И. А. 374
 *Фердинанд, герцог Брауншвейг-
 ский и Люнебургский 196, 202,
 206, 207, 229, 243, 247, 303
 Фиктульд (Fictuld) Г. 102, 105, 184
 Философов Д. В. 40
 Филострат Флавий 45
 Филофей старец 160
 *Финдель И. Г. 230
 *Фиркс (Firks) Э.-И. фон 230
 Фитингоф (Vietinghoff) О.-Г. фон
 бар. 286
 *Фитингоф О.-Э. фон бар. 265
 Флейшман Л. С. 24
 Флоренский П. А. 47, 52, 56, 58,
 76
 Флориан (Florian) Ж.-П. 266
 *Флорин (Florin) И.-К. 212, 359
 Флудд (Фладд, Fludd) Р. 45, 107
 Фомин А. А. 126, 129, 151
 Фонвизин Д. И. 82, 166
 Фосслер (Vobler) К. 16
 Франк С. Л. 122
 Франкенберг (Franckenberg) А.
 фон 46, 100, 102—107
 Франциск Ассизский 35, 44
 *Фрёлих П. 208—210, 251, 357
 *Френкель И. И. (Fr(a)enkel J. C.)
 209, 211, 260, 357, 358
 *Фриде (Friede) фон 205, 356
 Фридрих (Friedrich) Я. 24
 *Фриш (Frisch) К.-Г. 382, 383
 *Фролов И. М. 300
 *Фронау (Fronau) А.-Р. 382, 383
 Фрумкина Н. А. 24
 Фурсенко В. В. 231
 Хвостов В. М. 176
 Хвостова А. П., урожд. Херас-
 кова 55
 *Херасков М. М. 325, 329, 336, 339
 Херсонская Е. П. 174, 175
 *Хётчинсон (Хатчинсон, Гучинсон;
 Hutchinson) 46
 Хмельницкий Н. И. 270
 Холодова Е. В. 58
 *Храповицкий А. В. 310
 Христофорова К. П. 13, 15
 *Хрущов Л. А. 359
 Цветаев И. В. 64
 Цербальд (Zerbald) Г. 25
 Циммерман (Zimmermann) И.-Г.
 фон 303, 304
 *Циннендорф (Zinnendorf), собств.
 Элленберг И.-В. фон 233
 Цявловская Т. Г., урожд. Зенгер
 153
 Цявловский М. А. 153
 *Чаадаев П. Я. 175
 *Чеботарев Х. А. 53, 130, 197, 199,
 205, 214, 256, 286, 346, 357, 358,
 361, 362, 365, 366

- *Черкасский А. А. кн. 265
 *Чертков А. Д. 115, 295, 311
 Чертков В. Г. 57, 75, 76
 Черткова А. К., урожд. Дитерихс 76
 Чехов А. П. 63, 82, 183
 Чистяков П. А. 12, 17, 28, 51, 62, 68, 75, 76
 Чичерины 58
 *Чуди (de Tschoudy) Т.-Г. бар. 229, 230
 *Чулков В. В. 84, 85, 361
- Шагинян М. С.** 24, 48
Шварсалон В. К. 25
 *Шварц И. Е. (Schwarz J. G.) 49, 53, 78, 111, 192, 193, 195, 198, 206—208, 210, 214, 222, 226, 227, 231, 248, 250, 252, 253, 255, 259, 264, 324—354, 357, 361, 368, 376
 *Шварц И. И. (Schwarz J. Ch.) 195, 210, 211, 253—259, 358
 *Шварц (Schwartz) И.-Ф. 255
 Шварц Н. И. 211, 334, 345
 *Шварц С. 259
 Шекспир У. 183
 Шеленговский И. И. 218
 Шереметевы кн. 59, 141
 Шешковский С. И. 198
 Шибанов П. П. 59
 *Шиллер Е. И. 375
 Шилов А. И. 284
 *Шишков А. С. 46
- Шкурин В. Г. 316
 *Шлейф (Schleiff) Г.-Г. 209, 358
 Шнеганс (Schneegans) Г. 16
 *Шнейдер (Schneider) Я. 211, 232, 358
 *Шнекель К. Ф. 375
 Шпенглер (Spengler) О. 118, 122
 Шпет Г. Г. 24, 118, 121, 160
 *Шрёдер (Schröder) Г.-Я. бар. 78, 84, 93, 99, 106, 108, 111, 192, 193, 208—211, 213, 229, 233, 234, 244, 253—255, 257, 260, 264, 277, 279, 305—309, 311, 357, 358, 360
 *Шрёдер Ф.-Л. 192
 *Шрепфер (Schrepfer) И.-Г. 107, 110, 330, 341
 *Штайнер (Штейнер, Steiner) Р. 14, 16, 21, 22, 26, 28, 39—42, 44, 46, 47, 76
 *Штарк (Starck) И.-А. фон 46, 94, 203, 331, 342
 Штейнберг А. З. 121
 *Штейнхейзер (Steinhäuser) 324, 355, 367
 Штрайх С. Я. 271
 Шульгин А. 276, 277
- *Щеголев П. Е. 117, 120
 Щелкунов М. И. 60
 Щелоков И. 313
 *Щепотьев А. Н. 297, 315
 *Щербатов М. М. 82, 166
 *Щербинский И. М. 375

- Шукин П. И. 272
 *Щуров С. П. 64—66, 68, 69, 75,
 76, 219
- *Эверс (Evers) Л. 382
 Эйгнер 293
 Эйдельман Н. Я. 163
 Эйхенбаум Б. М. 271
 Эккартсгаузен (Eckartshausen) К.
 45, 46
 Экхарт (Eckhart) И. 44
 *Эли (Ely) С. С. 46, 108
 Эллис (Кобылинский Л. Л.) 11,
 13—15, 24, 25, 30, 38—40, 46—
 48, 75
 Энгель Ф. И. 310
 *Энгельгардт (Engelhardt) Г. Г. 204,
 356, 367, 375
 Эрн В. Ф. 180
 Эртель М. А. 179
 Эсхил 45
- *Югель (Jugel) 101
 Юнг (Jung) К. Г. 48
 Юнггрен (Ljunggren) М. 9
 Юнг-Штилинг (Jung-Stilling)
 И.-Г. 45, 46, 54, 55
- Языков Н. М. 173, 175
 Яковенко Б. В. 24
 Ярцев А. А. 151—153
- Andreae J. V. 244
 *Amlangk 368
 Atkinson R. 318
- *Bahr D. H. 385
 Barbier A.-A. 103
 *Barend J. G. 385
 *Bathe C. F. 385
 *Baumann G. B. 386
 Beckmann J. 141
 *Berger J. T. 384
 *Beyer B. 391
 *Bibow 355
 *Boettiger A. von 383
 *Bohm F. A. 385
 *Bökenhagen 368
 *Böttfeyer 233
 *Brandt 368
 Brunet J.-Ch. 103, 105
 *Buschund T. 384
 *Butter 368
- *Calvaer G. Fr. 385
 Cave W. 318
 *Clauda 368
 Colberg E. D. 104, 106, 108, 110
- *Dopff 368
 *Durop (Durup?) 204, 356
 Dutoit-Mambrini J.-Ph. 313
- *Erxleben H. A. 384
 *Essen A. von 383

- *Essen O. W. von 384
 Favrat L. 101
 Fedjuschin V. B. 39
 *Feigel 368
 Ferguson J. 101, 105, 124
 *Flint J. 355
 Florin I. 359
 *Fresinet 367
 *Friedrichs E. 200, 245, 391
 Gilly C. 98
 Goedeke K. 102, 105
 *Görcke 367
 Grass K. K. 284, 285, 287, 391
 *Gräve 368
 *Gruelman 368
 *Grünberg 368
 *Guthard C. Fr. 384
 Gütschow C. von 261
 *Haentschel B. G. 384
 *Heisner 368
 *Helbig 358
 *Hemmann J. A. 243
 *Hempel G. Fr. 386
 *Henckel 368
 Hoffmann von Fallersleben A. H.
 102
 *Horn 367
 *Jacobsen J. Fr. 385
 *Jentzsch 367
 Kayser Ch. G. 93, 94
 Keller L. 76
 *Kerlis 368
 Koffmane G. 102
 Kopp H. 101
 *Krause J. G. 385
 *Krieger (Krüger?) 366
 *Kries G. J. 385
 *Krüger 355, 356, 367
 *Kuld 367
 *Kymmel Chr. G. 385
 Ladrague A. 103, 104, 105, 391
 Langenheim G. N. von 93, 94, 96
 *Le Forestier R. 152, 153, 159
 *Lehmann D. 357
 Lenz W. 191
 *Ludwig G. Ph. 385
 *Lutjens 367
 Maack F. 101, 103
 *Mahler 368
 *Manteuffel E. Graf von 384
 *Manteuffel L. W. Graf von 383
 Marcard H. M. 304
 *Marchand Fr. W. 203, 360
 *Marpurg G. G. 384
 *Muller J. 386
 *Munnich J. G. Graf von 382
 Napiersky K. E. 191, 323, 391
 *Nausch C. G. 355, 366, 367
 *Nevian 368

- *Nose A. A. D. 384
- *Petersen Ch. Fr. 383
- *Pinci 357
- *Pirch 360
 - Poljakov F. B. 11
- *Querndt 368
- *Rack 367
 - Recke G. F. von 191, 323, 391
- *Rosencrantz P. H. 385
- *Rosenplenter J. H. 386
- *Rudorff G. Chr. Chr. 384
- *Ruperti 368
- *Salkow 356
 - Schleiff G. H. 358
- *Schletzer H. 391
- *Schneider A. 386
 - Schöne Ch. G. 243
- *Schtschokotow A. 363
- *Schuing J. M. 384
- *Schulmann W. M. von 384
- *Schultz 356, 368
- Schwan C. F. 203
- *Schweighäuser (Steinhäuser?) 366
 - Senkbeil G. 359
 - Siebert J. D. 359
- *Sievers J. C. Graf von 383
- *Sievers P. Graf von 384
- *Sohn C. A. 385
- *Spornleder 368
- *Stackelberg R. J. Graf von 383
- *Sundblatt (Sundblatt) 358, 367
- *Taubе A. von 385
- *Traupel 368
- *Uxkull H. G. Baron von 384
- Vertot, abbé de 204
- *Volckmer G. Ph. 385
- *Volckmer J. C. 384
- *Weile G. W. 385
 - Willich H. 11
- *Zeidler 368
 - Zille M. 391

УКАЗАТЕЛЬ МАСОНСКИХ МАСТЕРСКИХ

Квадратные скобки указывают на то, что сведения о существовании организации недостоверны. Двойной латинско-арабский номер в скобках отсылает к списку масонских мастерских в книге: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 19–22 (перечень), 943–1222 (ропись).

Александра Златого Льва, в СПб. (XIX/47) 55

Александра к Тройственному Благословлению, в М. (XIX/28) 251, 300

Александра св., в СПб. (XVIII/99) 375

Аполлона, в СПб. (XVIII/74) 245

Астреи, в М. (XVIII/42) 239, 321, 369, 379

Астрей, Великая Ложа, в СПб. (XIX/48) 246, 247, 251, 300, 391

Благотворительности к Пеликану, в СПб. (XVIII/77) 201, 239, 253, 259, 266, 369

Великая Ложа Франции 230

Великий приорат, в Берлине 306

Вифлеем, в СПб. (XIX/52) 54

Восходящего Солнца, в Казани (XVIII/26) 275, 276

Гармонии, в М. (XVIII/46) 241, 242

Гарпократа, в СПб. (XVIII/78) 245

Гермес, в М. (XIX/31) 55

Горуса, в СПб. (XVIII/80) 276

Директория VIII провинции, в М. (XVIII/44) 222, 223, 225, 251, 268, 296

Директория для теоретической степени, в М. 207, 319

- Дружбы (zur Freundschaft), в М. (XVIII/49) 240
- Елевсины, в М. (XVIII/66) 60, 205, 213, 214, 249, 250, 346, 347, 349, 352, 356, 360, 366–368
- Елизавета к Добродетели, в СПб. (XIX/56) 55
- Златого Венца, в Симбирске (XVIII/125) 240
- Золотого Ключа, в Перми (XVIII/72) 276
- Ищущих Манны, в М. (XIX/33) 55
- Капитул VIII провинции, в М. (XVIII/45) 245
- Капитул благотворительных рыцарей, в М. (XIX/29) 251
- Коловион к Сокровенной Мудрости, в М. (XX/25) 65
- Коронованного Знамени, капитул, в М. 196, 197
- Латоны, в М. (XVIII/88) 77, 143, 197, 207, 349, 352
- Латоны, капитул, в М. (XVIII/88) 196, 197
- [Люцифер, в М.] (XX/29) 19, 20
- Малого Света (zur kleinen Welt), в Риге (XVIII/120) 239, 240
- Мекленбургская провинциальная л. (Provinzialloge von Mecklenbourg), в Ростке 87
- Меча (zum Schwert), в Риге (XVIII/121) 239, 264, 265
- Немезиды, в СПб. (XVIII/92) 240
- Нептуна к Надежде, в Кронштадте (XVIII/32) 240, 246
- Нептуна, в М. (XIX/35) 55, 292, 301, 302, 316, 379
- Овидия, в Кишиневе (XIX/23) 313
- Озириса к Пламенеющей Звезде, в Каменец-Подольске (XIX/21) 247
- Озириса, в М. (XVIII/93) 60, 77, 197, 207, 245, 246, 272, 275, 315, 349, 352
- Орфея, при Рязанском полку (XVIII/123) 60, 197, 200, 211, 213, 215–220, 226, 277, 296, 299–301, 357, 369, 372, 374, 375
- [Персея, в М.] 213–215, 349, 352
- Поллукса, в Дерпте (XVIII/20) 233
- Префектурный капитул Директории VIII провинции, в СПб. (XVIII/95) 268
- Префектурный капитул Директории VIII провинции, в Риге 251
- Провинциальная л. вильгельмсбадской системы, в М. 213, 222

- Провинциальная л. шведской системы, в М. 315
- Северной Звезды, в Вологде (XVIII/15) 60, 212, 213, 215, 218, 221—228, 296, 301, 318, 321, 322, 376, 378, 379
- Северной Звезды, в Вологде (XIX/14) 379
- Северных Друзей, в СПб. (XIX/69) 323
- Семён Гамалея к Кубическому Камню, в М. (XX/24) 65
- Скромности (zur Verschwiegenheit), в СПб. (XVIII/90) 239
- Соединенных Славян, в Киеве (XIX/22) 246, 247
- Сфинкса, в М. (XVIII/59) 60, 197, 205, 213, 214, 346, 347, 349, 352, 357, 361—366, 368, 375
- Теоретического градуса лл. в разных городах 49, 51, 60, 239, 282, 320, 321
- Трех Глобусов (zu den drei Weltkugeln), в Берлине 196, 204, 211, 229, 286, 342, 347—349, 351, 352, 360
- Трех Добродетелей, в СПб. (XIX/72) 246
- Трех Звезд (zu den drei Sternen), в Ростове 83, 87
- Трех Знамен (zu den drei Fahnen), в М. (XVIII/62) 5, 54, 60, 68, 69, 71, 76, 148, 191, 193—215, 217, 226, 228, 229, 232—236, 247—252, 255, 257, 260, 261, 268, 272, 277, 278, 296, 301, 311, 312, 316, 324, 327, 330—335, 337, 341—349, 351, 352, 355—361, 364
- Трех Мечей (zu den drei Degen), в М. (XVIII/49) 240
- Умирающего Сфинкса, в СПб. (XIX/76) 54, 154, 159, 160, 300
- Урании, в СПб. (XVIII/105) 238
- Утренней Звезды (zum Morgenstern), в Дерпте (XVIII/21) 60, 213, 233, 234, 380—386
- Феникса, шотландская л., в М. (XIX/38) 55, 301
- Феникса, капитул, в СПб. (XVIII/107, XIX/77) 55, 115, 116
- Цереры, в М. (XVIII/64) 211, 213, 232, 358
- Чистосердечия, в Харькове (XVIII/131) 213, 232
- Шотландская л., в М. (XVIII/65) 315
- Amis réunis (Соединенные Друзья) 317

- Berg Thabor (Гора Фавор), в М.
(XIX/32) 251
- Constantia (Констанция), в М.
(XVIII/52) 213, 229, 231, 360
- Drei Schlüsseln, zu den (Трех Ключей), в Регенсбурге 234
- Ernst zum rothen Adler (Эрнст к Красному Орлу), в Митаве
(XVIII/36) 356
- Eugenia zum gekrönten Löwen (Евгения к Коронованному Льву), в Данциге 357
- Glückseligkeit, zur (Блаженства), в Магдебурге 204
- Goldnen Apfel, zum (Золотого Яблока), в Дрездене 239
- Goldnen Kugel, zur (Золотого Шара), в Гамбурге 313
- Grosse Landesloge, в Берлине 233, 238, 391
- Jonathan zu den drei Säulen (Ионафан к Трем Колоннам), в Брауншвейге 250, 357
- Saint Jean de la Candeur (св. Иоанна Чистосердечия), в Меце 229, 230
- Saint Étienne (св. Этьена), в Меце 230
- Zorobabel til Nordstjernen (Зоровель к Северной Звезде), в Копенгагене 211, 356, 359

ZUSAMMENFASSUNG

N. P. Kisseljow. Aus der Geschichte des russischen Rosenkreuzertums.
Erstveröffentlichung, herausgegeben von M. V. Reisin und A. I. Serkoff.
(Band 5 der Reihe «Russisches Freimaurertum:
Materialien und Untersuchungen»)

Nikolai Kisseljow (1884–1965) stammt väterlicherseits aus dem alten russischen Adel. Seine Mutter, geborene Adele Witwer, eine Schweizerin mit ausgeprägtem Interesse für europäische Mystik, die mit ihrem Sohn zusammen das «Amphitheatrum» von Khunrath ins Russische übersetzt hat, soll ihn geistig beeinflusst zu haben.

Kisseljow ist durch seine Schriften zur Geschichte des Buchdrucks und zur Verslehre bekannt. Sein Hauptinteresse galt aber der russischen Freimaureregeschichte, mit der er sich sein Leben lang befaßte. Seine Forschungen zu diesem Thema sind jedoch zu seinen Lebzeiten aus Zensurgründen unveröffentlicht geblieben und sind bis heute unbekannt.

Den Kernpunkt des Buches bildet die Erstveröffentlichung des Kisseljowschen Artikels über die Loge zu den drei Fahnen, die 1770–1780 in Moskau wirkte.

Auf bisher unbekannten Dokumenten fußend berichtigt der Autor die herrschende Auffassung der russischen Freimaureregeschichte grundsätzlich. Einleuchtend zeigt er das Vorhandensein einer zweiten, von Nikolai Novikoff unabhängigen Richtung im russischen Rosenkreuzertum, welche mit Persönlichkeiten wie Baron von Schröder, Georg von Hüene, Joseph Posdejew in Zusammenhang gebracht wird.

Im umfangreichen Anhang findet der Leser kurze Biographien von mehreren angesehenen Freimaurern, so wie die Erstveröffentlichung von Memoiren, Briefen, Verzeichnissen der Logenmitglieder.

Neben der eigentlichen Forschung Kisseljows enthält das Buch in der Einleitung eine Darstellung des Lebens und Wirkens dieses bedeutenden Forschers. Hier werden manche Tatsachen aus dem geistigen Leben vom Anfang des 20. Jahrhunderts erörtert und präzisiert; es wird auf die Tätigkeit von Anna Minzloff ein neues Licht geworfen und neue Informationen über den Moskauer Verlag «Musagetes» an den Tag gebracht.

Als Beilage wird der Briefwechsel zwischen Kisseljow und dem Petersburger Historiker J. L. Barskow publiziert. Das Leitmotiv bildet das Thema der historischen Forschungen (hauptsächlich Freimaurereigengeschichte) der beiden Gelehrten. Zu dem spiegelt sich darin die Mentalität und Lebensauffassung der russischen Kulturelite von 1920–1930.

SOMMAIRE

Nicolas Kisséliov. De l'histoire de l'Ordre de la Rose-Croix russe.

Première édition. Rédacteurs M. V. Reisine et A. I. Serkov

(Série: «La franc-maçonnerie russe. Documents et recherches». № 5)

Pour la première fois ce livre présente Nicolas Kisséliov (1884—1965), célèbre historien du livre et auteur des travaux sur la poésie, comme investigateur de la franc-maçonnerie russe. Pour des raisons de censure ses oeuvres traitant du sujet auquel il consacra un demi-siècle ne furent pas publiées de son vivant.

Son article inédit sur la loge des Trois drapeaux (zu den drei Fahnen), en activité à Moscou dans les années 1770—1780, est mis à la base du livre. Grâce aux documents ignorés jusqu'alors, Nicolas Kisséliov apporta des correctifs essentiels à la version traditionnelle de l'histoire de la franc-maçonnerie russe de l'époque et prouva clairement la présence dans l'Ordre de la Rose-Croix d'un courant indépendant de Nicolas Novikoff mais lié avec les noms du baron von Schröder, de Georg von Hüene et de Joseph Pozdév. L'appendice et les suppléments du livre contiennent des données biographiques de plusieurs maçons connus, des extraits des mémoires et des sources épistolaires ainsi que des listes des membres des loges.

En plus de l'étude faite par Nicolas Kisséliov lui-même, il y a un grand article sur sa vie où se précise notamment l'histoire des aspirations spirituelles du début du XX siècle (activité d'Anna R. Minzloff, éditions «Musagète» et autres). La correspondance de Nicolas Kisséliov avec

l'historien Yakov Barskov, publiée dans le livre, reflète non seulement leur recherche sur l'histoire de la franc-maçonnerie russe mais aussi témoigne vivement de la vision du monde propre aux intellectuels russes des années 1920-30.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
«ВАМ, МОЙ ДРУГ, ВСЁ ЭТО ПОНЯТНО С ПОЛУСЛОВА...» Из переписки Н. П. Киселёва с Я. Л. Барсковым (1913—1937)	79
МАТЕРЬ-ЛОЖА ТРЕХ ЗНАМЕН В МОСКВЕ И ЗАВИСЕВШИЕ ОТ НЕЕ ЛОЖИ (1779—1786)	191
ПРИМЕЧАНИЯ	238
1.	238
2. Протоколы собраний и списки членов	238
3. Freymäurer-Bibliothek	241
4. Трубецкие-масоны	245
5. Исаак Туссен	247
6. Братья Утгофы	248
7. Иван Андреевич Гейм	249
8. Петр Фрёлих	251
9. Иоганн-Филипп Вегелин	252
10. Иван Иванович Шварц	253
11. Иван Иванович Френкель	260
12. Якоб-Михаэль-Рейнгольд Ленц	261

13. Петр Лукич Вельяминов	266
14. Петр Савельевич Стариков	272
15. Егор Егорович Гюне	277
16. Корпус писем И. А. Поздеева	289
17. Александр Михайлович Лунин	291
18. Петр Гаврилович Беляев	298
19. Семен Федорович Тимирязев	300
20. Николай Григорьевич Петелин	301
21. Репнин и его круг	302
22. Владимир Иванович Остолопов	318
23. Кирилл Степанович Рындин	322
24. Фридрих-Давид Ленц	323

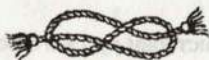
ПРИЛОЖЕНИЯ 324

I. Письмо И. Ф. Вегелина неизвестному	324
II. Протокол о учреждении лож Сфинкса и Елевсины ...	346
III. Записи речей И. Е. Шварца в протоколах ложи Трех Знамен	347
IV. Сводный список членов матери-ложи Трех Знамен...	355
V. Списки членов ложи Сфинкса в Москве	361
VI. Списки членов ложи Елевсины в Москве	366
VII. Опись обстановки ложи Орфея	369
VIII. Письмо Е. Е. Гине к П. Г. Беляеву	371
IX. Письмо И. А. Поздеева ложе Орфея	372
X. Сводный список членов ложи Орфея	374
XI. Письмо И. А. Поздеева ложе Северной Звезды	376
XII. Сводный список членов ложи Северной Звезды	378
XIII. Третний отчет ложи Утренней Звезды в Дерпте	380
XIV. Список членов ложи Утренней Звезды в Дерпте	382
Список сокращений	387
Указатель имен	392
Указатель масонских мастерских	413

Киселёв Николай Петрович
Из истории русского розенкрейцерства

Составление, подготовка текста и комментарии
М. В. Рейзина, А. И. Серкова

Художественное	М. Ю. Заборовской
оформление	
Вёрстка	И. В. Смирновой
Резюме	Е. В. Козловская
	Е. А. Легенькова

На стр. 190 помещен фрагмент гравюры из книги
Генриха Кунрата «Амфитеатр вечной премудрости»
(Ганау, 1609).

РУССКОЕ МАСОНСТВО МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Серия основана в 1997 году.
Под общей редакцией А. И. Серкова

ВЫШЛИ В СВЕТ:

1. Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Издание 3-е, исправленное и расширенное. — 2001 г., 576 стр.
2. А. И. Серков. История русского масонства. 1845—1945. — 1997 г., 480 стр.
3. А. И. Серков. История русского масонства после Второй мировой войны. — 1999 г., 448 стр.
4. А. И. Серков. История русского масонства XIX века. — 2000 г., 400 стр.
5. Н. П. Киселёв. Из истории русского розенкрейцерства. — 2005 г., 424 стр.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

6. В. С. Арсеньев. Воспоминания и дневник.
7. С. И. Гамалея. Речи и письма. Материалы к биографии.

Издательство имени Н. И. Новикова
190121, Санкт-Петербург, а/я 213
novikoff_verlag@mail.ru

Подписано в печать 02.07.2004 г. Гарнитура Академическая.
Формат 60х84¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 837.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38, корп. 2.

150p

05-29146

2005183815